

Annotation

Сборник знакомит читателя с образцами корейской высокой прозы от ранних произведений XI—XII веков до поздних сочинений XVIII века, написанных в самых разных жанрах: фантастические истории, изящные эссе, эмоциональные высокохудожественные описания реальных людей и событий. Впервые на русском языке публикуются сочинения дневникового жанра, широко распространенного в других странах Дальнего Востока.

- [История цветов](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [КИМ ИРЁН.](#)
 -
 - [Нохыль Пудык и Тальталь Пакпак — двое святых с южного склона гор Пэквольсан — Гор светлой луны](#)
 - [Храм чудесного беркута](#)
 - [Ёнхве бежит от славы](#)
 - [Поян и грушевое дерево](#)
 - [Явление бодхисаттвы Кваным наставнику Вонхё](#)
 - [Совершенномудрая матушка Сондо радостно сопричастствует деяниям Будды](#)
 - [Князь Солнце](#)
 - [ИЗ «ВОСТОЧНОГО ИЗБОРНИКА»](#)
 -
 - [ЛИ ИННО](#)
 - [Долина журавлей. Гора Чирисан](#)
 - [ЛИМ ЧХУН](#)
 - [История Деньги](#)
 - [ЛИ КОК](#)
 - [Бамбучинка](#)
 - [ОТШЕЛЬНИК СОКСИГЁНАМ \(«ОБИТЕЛЬ ПОКОЙ БУДДЫ»\)](#)
 - [Служка Посошок](#)
 - [ЛИ КЮБО.](#)
 -
 - [Записки по дням и лунам о странствии по югу](#)

- [Наставляю своего пса Пан-о](#)
- [Заклинание от мышей \(с предисловием\)](#)
- [Зеркало](#)
- [Как я привел в порядок маленький сад вблизи своего жилища](#)
- [Семеро мудрых](#)
- [Но Кыкчхон](#)
- [О лихоимстве](#)
- [Треснул горшок](#)
- [Наказ отца](#)
- [На корабле](#)
- [Дух Чон Чисана](#)
- [Все некстати](#)
- [ИЗ СОБРАНИЙ ПХЭСОЛЬ](#)
 -
 - [СО КОЧЖОН](#)
 - [Мудрое решение](#)
 - [Могила кошки и змеи](#)
 - [Забеременела от монахини](#)
 - [Три недостатка](#)
 - [Попался на хитрость](#)
 - [СОН ХЁН](#)
 - [Пхун Сансу считает по-своему](#)
 - [Глупый зять](#)
 - [Два брата](#)
 - [Хитрец из Чхончжу](#)
 - [Переполох из-за голубя](#)
 - [Провели слепца](#)
 - [Попал в рай](#)
 - [В храме Мёнтхонса](#)
 - [Спутался с собственной женой](#)
 - [Оплошал](#)
 - [Служки дурачат монахов](#)
 - [Большой Вонсим](#)
 - [Только юбка и спасла](#)
 - [Милосердный](#)
 - [Праведник](#)
 - [Монашка](#)
 - [Монах перерождается в змея](#)
 - [Монах-петух](#)

- [Проделки Юн Тхона](#)
- [Проказы Хана](#)
- [Братья Чхве](#)
- [Шутник Ён Тхэ](#)
- [Ли Пансиль](#)
- [Женился на кисэн](#)
- [Чем кормить сокола?](#)
- [Тщеславный Син](#)
- [Чудак](#)
- [Советник Сон](#)
- [Бережливый Чи](#)
- [Три женоненавистника](#)
- [Недотепа](#)
- [Сбылось предсказание](#)
- [Жизнь и смерть Пак Ичхана](#)
- [Тиран](#)
- [Упрямец Син](#)
- [Со Тальсон и дочь Хона](#)
- [Чо Унхыль притворяется](#)
- [Неисправимый распутник](#)
- [Красавчик Ким](#)
- [Дурной почерк](#)
- [Князь забавляется](#)
- [Диалог](#)
- [Великий князь](#)
- [Помог стать ваном](#)
- [Возлюбленная вана](#)
- [Мудрый тесть](#)
- [Пара Чонов](#)
- [Ее ответ](#)
- [Любовь и гибель Ана](#)
- [Угнали лошадей](#)
- [Порочная Оудон](#)
- [Повезло](#)
- [Обзавелся любовницей](#)
- [Погубила брезгливость](#)
- [Грубый Син](#)
- [Кисэн возмущается](#)
- [Юн поучает дочерей](#)

- [Мнимый тигр страшнее настоящего](#)
- [Верность женщины](#)
- [Чхве Севон шутит](#)
- [Сопровождаю послов](#)
- [Ученик нерадивый](#)
- [Лекарь-бедняк](#)
- [Встретился с ваном](#)
- [Пувонгун](#)
- [Брат бодхисаттвы](#)
- [Граничит ли Корея с Японией?](#)
- [Два министра](#)
- [Преподобный отец](#)
- [Отравились грибами](#)
- [Изгнал тигров](#)
- [Железный Чхве Ён](#)
- [Смерть Чон Мончжу](#)
- [Раскаяние](#)
- [Отважный Ха Кёндык](#)
- [Домик здоровья](#)
- [Гадальщик морочит геоманта](#)
- [О СУККВОН](#)
 - [Бессердечный кабан](#)
 - [Ким Сисып ругает стихи](#)
 - [Круглый дурак](#)
- [КИМ АННО](#)
 - [Студент Чхэ и незнакомка](#)
 - [Спас девушку](#)
- [ЧХА ЧХОННО](#)
 - [Две жены Юнсона](#)
 - [Девичья честь](#)
- [КИМ СИСЫП.](#)
 -
 - [Заглянул за ограду](#)
- [ЛИМ ЧЕ](#)
 -
 - [Приключение ученого мужа во сне](#)
 - [История цветов](#)
 - [Мышь под судом](#)
- [КВОН ПХИЛЬ](#)

- - [История Чжоу Гуя](#)
- [ПАК ЧИВОН](#)
 -
 - [ИЗ «КИТАЙСКОГО ДНЕВНИКА»](#)
 - [Переправа](#)
 - [Отповедь тигра](#)
 - [Истории, рассказанные вечером в Юйся](#)
 - [ИЗ СОБРАНИЯ «НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ ИЗ ХРАНИЛИЩА БЛИСТАЮЩИХ ЯШМ»](#)
 - [Беседа трех нищих](#)
 - [Воспоминания о насмешнике Мин Юсине](#)
 - [Рассказ о добродетельном золотаре](#)
 - [История с дворянином](#)
- [КОММЕНТАРИЙ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)

- [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
-

История цветов

КОРЕЙСКАЯ
КЛАССИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Перевод с ханмуна

Ленинград
«Художественная литература»
Ленинградское отделение
1991

Предисловие

«История цветов»... Название сборника не просто подсказано одним из произведений, включенных в его состав. Можно сказать, что оно в какой-то мере символично. Здесь представлен в образцах путь развития корейской классической прозы от ее ранних памятников до произведений конца XVIII века — вот почему «история», а «цветы» — это сами сочинения, не похожие друг на друга, каждое со своим «ароматом» и «сезоном цветения».

Действительно, в книге собраны произведения разных жанров прозы, которые создавались многими авторами на протяжении более чем шести веков, но все эти памятники имеют и одну общую черту: они написаны на ханмуне — корейском варианте китайского литературного языка вэньяня. Китайскую иероглифическую письменность и язык корейцы заимствовали в начале нашей эры и сразу же предприняли попытку приспособить иероглифы для записи родной речи. Такое использование иероглифов практиковалось до XV века, когда в 1446 году была создана своя оригинальная письменность. Но и вплоть до XX века ханмун продолжал оставаться языком официальных документов, исторических и философских сочинений, а также многих произведений поэзии и прозы. Поэтому корейская литература была двуязычной.

С двуязычием в средневековой Корее связано и своеобразное понимание ценности сочинения: произведения, написанные на корейском языке, считались более низкими, чем те, что создавались на китайском.

Итак, в сборнике представлена проза «высокого ранга», предназначенная в средневековой Корее читателю, «грамотному по-китайски», то есть образованному сословию.

Литературные вкусы в Корее складывались, в значительной мере, под влиянием китайской словесности. Образованный кореец был хорошо начитан в китайской классической литературе, без таких знаний немислимо было сдать государственные экзамены и сделать карьеру чиновника, поэтому он легко ориентировался в ней и получал эстетическое удовольствие, узнавая в тексте то или иное название, эпизод, имя. Вот почему в корейской прозе и поэзии мы находим китайскую систему жанров, а также своеобразный язык, изобилующий цитатами из сочинений китайских авторов и намеками на события и поступки героев этих произведений.

Заимствование языка и письменности дали возможность Корее приобщиться к китайской культуре и прежде всего — к религиозно-этическим системам конфуцианства, даосизма и буддизма, которые оказали огромное влияние на формирование и развитие корейской литературы.

Конфуцианство пришло в Корею в первых веках нашей эры, в период становления корейской государственности. Рассматривая человека как члена коллектива, конфуцианство сформулировало правила социального поведения, создало идеал образцовой личности, гармонически сочетающей в себе нравственность и культуру, а также представления об устройстве общества на справедливых и гуманных началах.

Даосское учение, напротив, осуждает цивилизацию и связанные с нею социальные институты. Оно отвергает идею долга, служения — общественного назначения человека и призывает обратиться к природе, которая, в противоположность обществу, всегда естественна, неизменна и гармонична.

Буддизм рассматривает жизнь как страдание и учит не стремиться к суетному существованию, материальным ценностям, а встать на путь просветления, чтобы уйти за пределы моря мучений, которым человек подвержен в земной жизни.

Первые буддийские проповедники пришли в Корею из Китая в IV веке, а через сто лет эта религия уже распространилась по всему полуострову.

Проповедь избавления от страстей не помешала корейским буддистам активно участвовать в жизни общества. Так, монах часто был центральной фигурой в ритуалах, связанных с плодородием, многие монахи занимали государственные должности, служили советниками у государя и принимали участие в посольских миссиях. Они имели свою «табель о рангах» и для получения очередного «чина» должны были сдать экзамены.

Особое распространение получает учение буддийской секты сон (китайская «чань» и японская «дзэн»). Это учение проникло в Корею из Китая в конце VIII века, быстро завоевало популярность и стало ведущей буддийской школой. Корейские монастыри школы сон также входили в систему государственных учреждений, а монахи должны были сдавать экзамены и, подобно мирянам, делать карьеру, получая должности и титулы.

Успех распространения буддизма в Корее можно объяснить, в частности, и особым свойством этой религии, которая легко приспособлялась к местным условиям. Буддизм всегда умел не только

мирно сосуществовать с народными верованиями, но и стремился слиться с ними, истолковать их по-своему. Иллюстрацией такого переплетения буддийских представлений с корейским мифом могут служить легенды из «Событий времен Трех государств», которыми начинается сборник.

«События времен Трех государств» — исторический труд одного из видных деятелей корейского чань-буддизма Ким Ирёна (1206—1289), который занимал самый высокий пост «государственного наставника». В этом памятнике собраны предания, связанные с образованием на Корейском полуострове ранних государств, правлением первых государей, а также легенды о буддийских наставниках.

Легенды рассказывают о пути буддийского подвижника к просветлению и основываются они на корейском мифе о смерти, а затем рождении солнца. Корейское солнце «умирает» в горе или земле, «рождает» его персонаж, связанный с водой. Буддийские легенды сохранили число участников мифа: герой — само солнце, гора (или земля) и водяное существо. Персонажи распределены по тем же ролям, что и герои мифа, они даже сохранили мифологические признаки, лишь сменили свои имена. Так, в легендах герой вначале живет в горах или приходит на пашню. Светлая сущность будды, которая в нем заложена, еще не проявилась, она мертва, скрыта в горах или земле. Например, в легенде «Двое святых с горы Пэквольсан — Нохыль Пудык и Тальталь Пакпак» герой укрывается в горах, в «каменных покоях», а в «Ёнхве бежит от славы» смерть появляется в человеческом облике: это — старик пахарь, которого встречает в горах буддийский подвижник. Старик пашет, готовит землю к посеву — похоронам семени, которое затем должно дать всходы — вновь ожить. «Мертвое семя» — это и есть сам пока еще не познавший истину монах-отшельник. В легенде «Явление бодхисаттвы Кваным наставнику Вонхё» смерть появляется в виде женщины-жницы, которая отказывается дать герою колос. Колос в мифах народов мира всегда связан с жизнью, а срезание колосьев означает смерть, и поэтому отказ дать колос — это лишение жизни. Женщина-жница к тому же появляется в белом платье, а белый цвет в древней Корее был связан со смертью. Так легенда, описывая состояние омраченности героя, опирается на мифологические образы смерти.

Просветленность у героя, как правило, наступает после встречи с «водяным» персонажем. Это дракон — Хозяин моря или «женщина у воды». Монах Поян из легенды «Поян и грушевое дерево» сначала попадает в подводный дворец Дракона Западного моря (так корейцы называют Желтое море) и лишь после этого прославляется у себя на

родине. Ёнхве постиг истину — появился в новом качестве после встречи со старухой у реки. «Женщина у воды» в легендах часто носит имя бодхисаттвы Кваным — так корейцы называли Авалокитешвару — популярное в Корее божество буддийского пантеона, которое помогает избавиться от страданий. Недаром ее называют Тысячерукой Печальницей. В легендах «Двое святых с горы Пэквольсан...» и «Явление бодхисаттвы Кваным наставнику Вонхё» именно Авалокитешвара-Кваным, одаривающая водой для питья и омовения, приводит героев к просветлению. Бодхисаттва «рождает» познавшего истину. Она — мать, а просветленный герой — рожденный ею младенец, и в легенде это подчеркивается рассказом о Кваным, которая в келье у монаха рождает ребенка.

Сами герои легенд, познав истину, появляются, подобно солнцу, в золотом сиянии. Так, Поян выходит из морских владений дракона в золотом плаще, а Пудык, омывшись в золотой воде бодхисаттвы Авалокитешвары, сам стал солнечно-золотым.

Стараниями буддистов персонажи корейских мифов подчас превращались в активных сторонников буддийской веры. Это случилось, например, с почитаемым в древней Корее божеством земли, «матушкой-хозяйкой Востока», которая в легенде «Совершенномудрая матушка Сондо радостно сопричастствует деяниям Будды» выступает как покровительница буддизма и даже приобретает черты бодхисаттвы, помогающей людям вступить на путь истины.

Преобразился под влиянием буддизма и широко распространенный среди народов мира миф о поединке Бога Грозы со Змеем. С элементами этого мифа мы встречаемся в легенде «Поян и грушевое дерево», однако дракон здесь не вредит людям, а, наоборот, одаривает их водой. Посланец Неба (Бог Грозы) хочет за это покарать его молнией, но буддийский монах спасает дракона. Смещение оценок связано не только с буддийским влиянием (заповедь буддистов — не убивать живое), но и с функциями дракона в странах Дальнего Востока, где он почитается как хозяин воды и податель дождя, обеспечивающий плодородие земли.

Предание о князе Солнце также связано с мифом. Князь, прежде чем вступить в должность первого министра, отправляется под видом бродячего монаха в провинцию на запад, а на западе, по представлениям древних корейцев, находится страна смерти. Проведя ночь с женой правителя западной области, он возвращается в столицу и получает пост первого министра. Поведение героя ритуально. Он разыгрывает мифологический сценарий умирания (бродит на западе), преодоления

смерти в акте зачатия (ночь с женой западного правителя) и затем рождения в новом качестве (возвращение в столицу и получение высокого поста). Князь не случайно зовется Солнцем, его имя — ключ к пониманию внутреннего смысла предания, в основе которого миф о смерти, а затем рождении солнца. Солнце почиталось в древности как божество, от которого зависело плодородие, урожай и жизнь. Люди постоянно заботились о сохранении его жизненных сил. Поэтому идея торжества рожденного солнца, которое преодолевало смерть, была центральным моментом мифологического действия, она и лежит в основе ранних сюжетных историй — буддийских легенд и преданий.

Буддисты, создавая легенды на основе местного фольклора, включали их в свои сочинения и, таким образом, выступали в роли хранителей древней корейской фольклорной традиции. История Ким Ирёна описывает все события как действительно происходившие, а герои легенд — буддийские монахи — были реальными людьми, которые прославились на попроще распространения буддийской веры.

Совсем иной характер имеет проза светских авторов — современников Ким Ирёна. Эти писатели положили начало развитию в Корее изящной словесности. Их произведения — миниатюры, одни из них посвящаются описанию природы, другие рассказывают о придуманных героях и событиях. И в тех, и в других прозаическое описание часто иллюстрируется стихами.

Образец «документальной миниатюры» — «Долина журавлей. Гора Чирисан» Ли Инно (1152—1220), написанная по мотивам хорошо известного на Дальнем Востоке произведения китайского поэта Тао Юаньмина (365—427) «Персиковый источник». В этой миниатюре Ли Инно, неудовлетворенный современным миром бедствий и смут, вслед за китайским поэтом ищет некую обетованную землю, где жизнь людей гармонична и спокойна.

Сам Ли Инно отказался от государственной службы, в его поэзии и прозе преобладают мотивы воспевания природы и вольной жизни среди гор и рек. В истории корейской литературы он прославился как один из лидеров поэтического направления «бамбуковых рощ» и создатель группы поэтов-отшельников «Семеро мудрых из страны, что к востоку от моря».

К ранней изящной прозе относятся и аллегории, которые появились в XII веке. Это «История Деньги» Лим Чхуна (даты жизни неизвестны) — поэта, друга Ли Инно; «Бамбучинка» Ли Кока (1298—1351), ученого-историка и поэта; «Служка Посошок», написанная буддийским монахом, прозаиком и поэтом по прозвищу Соксигёнам — Обитель Покой будды

(даты его жизни и мирское имя неизвестны). Действующим лицом в аллегории мог быть любой предмет окружающего мира, а сама аллегория представляет собой произведение, составленное по правилам исторической биографии, которая посвящалась людям того или иного конфуцианского социально-этического типа (например, преданный подданный, верная жена, почтительный сын). Историческая биография рассказывала о деяниях общественного человека.

Герои аллегории, напротив, описываются с позиций осуждения социальной жизни. В аллегории «Служка Посошок», например, противопоставлены два персонажа: отшельник, живущий в горной хижине вдали от мира, и социально образцовый Посошок, вся жизнь которого посвящена служению людям. Посошок перечисляет свои заслуги, называет целый ряд образцовых поступков — намеки на известные в истории подвиги преданных подданных. Его назначение — самозабвенная служба, без которой его существование бессмысленно. Отшельник же — человек вне коллектива, вне службы. Он значим как самостоятельная независимая личность.

Суетности Посошка, противоестественности и вредоносности Деньги противопоставлены те, кто не стремится к службе и бежит от общества, — например, Бамбучинка. Таким образом, в этих произведениях образцовым героем оказывается не тот, кто отдает себя людям, а удалившийся от мира индивидуалист. Неприятие социальной деятельности, отказ от службы можно расценивать как знак осуждения современных порядков в государстве.

Даосские и буддийские мироощущения в известной мере свойственны и творчеству Ли Кюбо (1169—1241), одного из наиболее крупных поэтов и прозаиков Кореи. Ли Кюбо не уходил в монахи и не стал даосским отшельником. Напротив, он сделал блестящую карьеру и к концу своей жизни занимал самую высокую должность на государственной службе — пост первого министра. Писатель всегда был деятельным участником событий, испробовал многие пути — от бегства к природе в группе поэтов «Семеро мудрых...» до службы чиновника в столице и провинции, — он пережил и взлеты, и падения. Ли Кюбо оставил множество стихов и сочинений в прозе — произведений серьезных, философских и шуточных, развлекательных. В сборник включена его проза разных жанров — дневник и несколько миниатюр.

В миниатюрах Ли Кюбо размышляет обо всем, с чем сталкивается в повседневной жизни. При этом любой предмет или даже незначительное событие привлекают его внимание и дают повод для написания маленького

эссе. Вещи и события не делятся для него на значительные и незначительные, поскольку всякое явление жизни есть малая частица мироздания, связанная с ним и воплощающая его в себе, как часть — целое.

Вот он с серьезным видом дает наставления своей собаке, как вести себя с людьми разного общественного положения, чтобы не попасть впросак, или пишет заклинание против мышей, как будто речь идет о вредоносных демонах, которых принято задабривать жертвами и молитвами. В одном случае увиденное и услышанное дает ему тему для серьезного размышления о взаимоотношениях людей, о важности внутренней сущности предметов, в других — он иронизирует над теми, кто в каждом пустяке видит знаки грядущих событий. Здесь и бытовая зарисовка, и веселый анекдот про уважаемую личность — всесильного министра и знаменитого историка Ким Пусика.

Вместе с миниатюрами в сборник включены «Записки по дням и лунам о странствии по югу» — одно из самых ранних произведений дневниковой литературы. День за днем автор записывает все, что с ним произошло во время путешествия — необычные случаи и повседневные заботы путника, описывает поразившие его пейзажи и делится своими мыслями. Реалистичность и живость изложения делают дневник совершенно не похожим на другие произведения того времени. Сам Ли Кюбо весьма своеобразно представляет свое сочинение читателю, он называет его «кое-как записанное на клочках бумаги и отдельных листках». И написал он это не ради каких-то высоких целей, а для того, чтобы развлечь самого себя на старости лет. Такого рода замечания появились вовсе не как случайная прихоть автора, они — знак причастности «Записок...» к своеобразной прозе, которую называли «пустыми, бесполезными писаниями», «несерьезными развлекательными» сочинениями. Авторы, образованные чиновники, занимались подобным творчеством на досуге, для собственного удовольствия или вообще удалившись от дел в смутное время. Эту прозу и называли п х э с о л ь, что значит «пустые речения».

Пхэсоль всегда существовали только в виде сборников разнообразных материалов — от информативных заметок и описаний до сюжетных историй. Корейцы не отделяли названиями один рассказ от другого. В нашем сборнике их озаглавил переводчик, который включил сюда сочинения разных авторов. Это, например, избранное из «Гроздьев рассказов Ёнчже» (Ёнчже — псевдоним Сон Хёна; 1439—1504), «Смешанных записок в духе пхэгван» О Сукквона (даты жизни

неизвестны) или «Рассказов Ёнчхона, написанных в уединении» (Ёнчхон — псевдоним Ким Анно; 1481—1553).

В средневековом обществе к пхэсоль относились как к литературе «второго сорта», считали, что эта проза не описывает действительные события, не содержит примеров образцового поведения и не учит «гуманности и справедливости». Сами авторы часто подчеркивали, что писали свои сочинения без всякой цели, а, например, просто потому, что шел дождь и некуда было себя деть от скуки. Поэтому собрания пхэсоль иногда так и называли — «записки от скуки». Однако в такие «записки от скуки» включались и серьезные сведения — по истории, литературе, этнографии. При этом сами авторы в предисловиях к своим сборникам часто замечали, что собирали и записывали все это для того, чтобы сберечь от забвения.

Что касается расположения материалов, то в сборниках пхэсоль записывается подряд все, что «видят глаза и слышат уши», здесь нет разницы между серьезным и пустяком, пристойным и непристойным. И если речь шла о людях, то, как правило, описывали случаи из частной жизни, мелочи быта.

Надо сказать, что одной из главных отличительных особенностей этой прозы была абсолютная свобода в выборе темы и предмета описания. Поэтому в рассказах мы встречаем критику властей и насмешку в адрес членов королевской семьи, героями могут быть реальные люди, совершившие мужественные поступки, и распутные монахи и вдовы, мудрецы и глупцы. В пхэсоль можно поведать об удивительном и забавном, представить в смешном виде известную личность и поведать горестную историю загубленной судьбы. Словом, трудно отыскать в корейской литературе другой жанр, где автор чувствовал бы себя столь раскованным в выборе темы и героя. Быть может, пхэсоль и следует понимать как литературу весьма «личностную», которая говорит о праве человека думать и писать свободно.

Среди авторов пхэсоль были видные деятели культуры, государственные чиновники, занимавшие высокие посты. Это, например, Со Кочжон (1420—1488) и Сон Хён, О Сукквон и Чха Чхонно (1556—1615). Как же сочетались в их мировоззрении конфуцианские представления о высоком назначении словесности и даосская естественность в выборе и изложении материала? В душе человека того времени свободно уживались два отношения к миру, потому что каждый из этих взглядов имел свою сферу приложения: на государственной службе кореец был конфуцианцем, а когда оставался наедине с собой и природой,

он обращался к даосизму или буддизму. Поэтому в годы смут, которые так часто потрясали корейское государство, литература давала вспышку даосско-буддийских настроений.

Такие настроения характерны для произведений Ким Сисыпа (1435—1493) — одного из ведущих поэтов и прозаиков XV века. Судьбу писателя определил дворцовый переворот 1456 года, когда престол захватил великий князь Суян, известный как государь Сечжо. Приход к власти Сечжо сопровождался жестокой расправой с политическими противниками, среди которых были известные писатели и ученые. Многие чиновники, несогласные с действиями узурпатора, были изгнаны, либо сами отказались от службы. Среди них был и Ким Сисып, который покинул столицу и, приняв монашество, отправился бродить по стране. В горах Кымо, расположенных на юге, возле древней столицы Кёнчжу, он пишет свои повествования, объединенные в сборнике под названием «Новые рассказы с горы Кымо».

«Новые рассказы...» проникнуты буддийской идеей временности земных радостей и тщетности стремлений человека к счастью. Герои Ким Сисыпа во сне попадают в сказочный мир, а вернувшись к обыденной жизни, не могут к ней приспособиться и становятся отшельниками либо умирают. Повествование «Заглянул за ограду», которое включено в настоящий сборник, рассказывает о любви юноши и девушки, но, как всегда у Ким Сисыпа, люди не могут быть счастливы в жестоком мире, поэтому любовь героев кончается их гибелью.

«Новые рассказы...» — первый в корейской литературе сборник сюжетных повествований, в которых действуют идеальные герои — изящный юноша, поэт, ценитель красоты, и прекрасная дева с утонченными манерами, владеющая искусством стихосложения и игры на музыкальных инструментах.

Корейская литература XV—XVI веков пристально вглядывается в человека, в его внутренний мир, индивидуальную судьбу. Она замечает, что люди не похожи друг на друга характерами и поведением, — так появляются серии новелл о жадных, глупых, развратных и хитрых. Люди в мире не только выполняют свой долг, но и любят. Часто случается так, что, сталкиваясь с лицемерием и корыстью, любовь приводит к беде — новеллы из собраний пхэсоль рассказывают о таких случаях. В короткой новелле можно поведать лишь об одном эпизоде, в ней не покажешь, как складываются судьбы разных людей, почему одни оказываются удачливыми, а других ждет гибель. Ким Сисып первым в корейской литературе расширил повествовательные возможности традиционных

жанров и написал о судьбе любящей пары.

Вслед за сборником Ким Сисыпа появляется целый ряд произведений — повестей, в которых обсуждались проблемы, связанные с частной жизнью людей, и ролью человека в этом постоянно меняющемся мире.

Ведущее место принадлежит здесь, пожалуй, Лим Че (1549—1587). Поэт и прозаик, он не стал служить и провел жизнь в странствиях по стране. В памяти корейского народа сохранился его образ — веселого балагура, участника забавного приключения, всегда поступающего не так, «как принято». Такое поведение Лим Че связано с даосским мировоззрением, осуждающим моральные нормы и любую регламентацию вообще. Взгляды на государство и личность писатель реализовал в своих произведениях.

В самой ранней коротенькой повести Лим Че «Приключения ученого мужа во сне», как и в произведениях Ким Сисыпа, главные события происходят во сне, но посвящены они конкретной политической ситуации в Корее — захвату власти князем Суяном, который убил юного государя Танчжона, сослал и казнил многих ученых. Герой повести, юноша Вон, во сне оказывается в мире, населенном душами несправедливо обиженных на земле, среди которых государь Танчжон и шесть знаменитых ученых, казненных Суяном. Гуманность и справедливость государя, мудрость подданных оказались плохой защитой от коварства и насилия. Если даже самые достойные люди не могут спасти от гибели царствующую особу и самих себя, значит, человек, включенный в сферу общественных отношений, постоянно подвержен неожиданным и часто трагическим поворотам судьбы — такова мысль Лим Че.

Проблема взаимоотношений человека и общества гораздо острее звучит в аллегорической повести «История цветов» — одном из самых значительных памятников корейской литературы. Лим Че обсуждает в ней два больших философских вопроса: чему учит история и какой путь избрать личности? Для ответа на эти вопросы автор взял форму исторического сочинения, использовал корейскую и китайскую литературные традиции, создав при этом оригинальное приведение.

Лим Че рассказывает о возникновении и гибели цветочного царства, распределив время его существования по четырем династиям. Как и принято в традиционной истории, здесь ведется бесстрастное летописное повествование, в котором как бы объективно записываются все события, происходившие в государстве. Но это повествование постоянно прерывается эмоциональными высказываниями «историка», который дает

личную оценку поступкам людей и всему происходящему.

Действующие лица этой истории — цветы, насекомые, птицы, но живут они по законам человеческого общества и рассказывается о них как о людях. В произведении, таким образом, прослеживаются два плана. Один — план природы, цветов; другой — план людей. Автор стремится связать оба плана. В суждениях «историка» персонажи и события прямо сопоставляются с героями китайской истории. В летописном повествовании автор использует систему намеков, литературных и исторических аллюзий, каламбурное переосмысление имен и названий. Цветы наделены человеческими именами, чинами, титулами, им приписываются человеческие поступки и часто — поступки исторических лиц, о них рассказываются исторические анекдоты.

Индивидуальное мастерство автора выросло на почве корейских культурных представлений — например, особого понимания времени, когда жизнь коллектива соотносится с циклом развития природы. Поэтому в «Истории цветов» цветение и увядание того или иного цветка изображены как расцвет и гибель династии. Так, царем-основателем первой династии была Слива, которая цветет ранней весной. Гибнет государство цветов осенью под натиском подданных Золотой Осени и Повелителя Ветров.

Обсуждая вопрос, чему учит история, Лим Че приходит к выводу весьма пессимистическому: царства, их государи и подданные уходят в прошлое, а события их правления — не более чем сон о Нанькэ. Этот даосский образ из новеллы китайского писателя Ли Гунцзо (VIII—IX вв.) говорит о суетности и бессмысленности всякой деятельности на общественном поприще, ибо чины, слава и богатство преходящи.

В конце произведения, в общем эпилоге, Лим Че заключает, что цветы лучше людей, а мир природы гораздо совершеннее человеческого общества. Писатель призывает человека не «усердствовать, чтобы преуспеть на службе», а сохранить свою цельность и вернуться к природе — «совершенному образцу». Такой путь, по мнению Лим Че, и должна избрать личность.

Конечно, описывая бесконечные свары цветов-придворных, а также государей, занятых развлечениями, а не правлением, рассказывая о делах, которые ослабляли государство и способствовали его гибели, Лим Че имел в виду не только историю, но и современные ему события. В частности, бесконечную борьбу придворных группировок, которая мешала разумно управлять страной, делая ее неспособной противостоять внешним врагам. Подтекст легко прочитывался современниками, и, может быть, поэтому

Лим Че не получил должности чиновника, хотя и сдал экзамены.

Критика современности в произведениях Лим Че не всегда выражалась косвенными намеками. Прямое осуждение властей, обирающих народ, высказано им в аллегории «Мышь под судом». С давних пор всем на Дальнем Востоке известно, кого называют мышами. Образ большой мыши-чиновника, пожирающей плоды крестьянского труда, пришел из «Книги песен» — древнего памятника поэтического творчества китайского народа. «Книга песен» входила в число сочинений конфуцианского канона, и ее обязан был знать каждый образованный человек. Поэтому всем было ясно, кого имел в виду Лим Че в повести о жадной мыши, уничтожившей весь запас риса в амбаре да еще и оговорившей добропорядочных зверей.

«Мышь под судом» рассказывает о судебном разбирательстве. Перед читателем проходит вереница зверей и птиц, большинство которых связано с персонажами и событиями, описанными в китайской классической литературе. В Корее названия этих животных стали символизировать определенные ситуации и даже типы личности. Так, журавль всегда сопровождает мудреца-отшельника, и в литературе он стал знаком благородного, независимого человека. Иволга — это весна, цветение, красивый пейзаж и любовное свидание. Появление баснословного животного единорога ассоциируется с правлением идеального царя и благодеянием народа. Всех этих животных в повести допрашивают как соучастников преступления. Они говорят о себе в высоком стиле, цитируют китайские сочинения, ссылаются на подвиги славных предков. Мышь умышленно искажает их речи, делает этих персонажей обыденными, заурядными, заодно снижая и высокие понятия, которыми они оперируют. Таким образом, развенчиваются и высмеиваются традиционные представления.

Мышь вполне можно назвать плутовским героем. Она изворотлива и хитра, а ее остроумные ответы явно выигрывают рядом с грубой неповоротливостью речей Духа — хранителя кладовой, который выступает в роли судьи. Конечно, плутовство не спасло Мышь от наказания, и весь ее род был отдан на съедение зверям. Лим Че не одобряет разбойный нрав Мыши, но, пожалуй, не случайно в самом конце повести благородные животные осуждают толпу мстительных зверей, терзавших мертвое тело преступницы. А может быть, писателю в какой-то мере была по душе героиня, которая вела себя вольно, пренебрегая правилами и не считаясь с авторитетами?

Аллегории Лим Че, конечно, не возникли на пустом месте, они

опираются на всю предшествующую корейскую литературную традицию. Так, о вредоносных мышках еще в XIII веке написал шуточное эссе поэт Ли Кюбо, а образ цветочного царства появился еще в IX веке в «Обете цветочного царя», написанного придворным сановником Соль Чхоном как иносказательное увещание подданного, осуждающего поведение государя.

Образом жизни и взглядами на государственную службу близок Лим Че и его младший современник Квон Пхиль (1569—1612), который прославился как поэт и прозаик. За насмешки и критику в адрес могущественных сановников двора Квон Пхиль был сначала выслан на север страны, а потом казнен. Несогласие с идеей общественного назначения человека он высказал созданием образов героев — людей подчеркнуто антиобщественного характера, нищих, пьяниц, не озабоченных мыслями о долге.

О персонаже другого типа — активном деятеле на служебном поприще — рассказывается в его повести «История Чжоу Гуя». Здесь описывается любовь девушки низкого сословия — певички — и юноши, который стремится сделать карьеру чиновника. Успех на государственной службе и любовь оказываются несовместимыми, и герои гибнут. Трагическая судьба персонажей повести — это осуждение того мира, где личные привязанности должны быть принесены в жертву государственной деятельности.

Лим Че и Квон Пхиль, как и многие их предшественники, критиковали современные нравы и показывали, что человек, вовлеченный в сферу общественных отношений между людьми, обретает лишь страдания. Лучший выход, считали они, — отказаться от социальной жизни вообще.

В XVII веке рядом с теми, кто призывал к уходу от несовершенного мира, появились активные сторонники преобразований. Это были деятели движения «Сирхак» («За реальные науки»). Они критиковали традиционную систему образования, построенную на изучении гуманитарных наук, и политику изоляции страны, не позволявшую корейскому государству встать рядом с развитыми странами. Сторонники этого движения пропагандировали практические знания, способные, по их мнению, поднять экономику страны, они обсуждали и проблему ценности личности, независимо от положения в обществе, ратовали за проведение реформ.

Свои взгляды сирхакисты развивали не только в ученых трактатах, но и в художественных произведениях. Они писали стихи, критические и лирические, где любовались родной природой и осуждали бесполезную ученость, рабское следование китайским литературным образцам.

Самым известным поэтом и прозаиком был Пак Чивон (1737—1805), который примыкал к наиболее радикальной группе «Северное учение». Писатель родился в семье столичного чиновника и готовился сдать экзамены, поступить на государственную службу, но критика порядков, обличение тех, кто стоит у власти, вызвали неудовольствие двора, и Пак Чивону пришлось скрываться в провинции. Взлеты и падения — таков обычный путь человека, избравшего служебную деятельность. После десяти с лишним лет изгнания он вновь возвращается в столицу и в 1780 году отправляется в Китай в составе посольства. Результатом этой поездки был «Китайский дневник» — его самое знаменитое произведение.

В дневник прежде всего включены подневные записи. Это — реальные картины быта путешественников в связи с погодой, неразберихой и волокитой местных чиновников, комические ситуации, в которых нередко оказываются путники. В занимательных рассказах, полных юмора, Пак Чивон знакомит корейского читателя с чужой землей, нравами маньчжур и китайцев. Писатель дает очерки достопримечательностей, включает истории реальных лиц и вымышленных персонажей.

Пак Чивон писал свои сочинения не просто для развлечения. Среди описаний забавных случаев он вставляет серьезные рассуждения по истории Кореи, специально для соотечественников подробно разбирает преимущества китайского производства кирпича, строительства домов и крепостей. В ненавязчивой форме писатель пропагандирует патриотические идеи сторонников движения «Сирхак». Например, критикуя политику подчинения Китаю, он стремится на исторических примерах показать возможности своего народа, который в прошлом создал могущественное и независимое государство. Кроме того, как и все сирхакисты, Пак Чивон смотрит на Китай глазами «практичного человека», который прежде всего интересуется реальной выгодой и материальной пользой.

В сборник включен перевод первой части дневника, связанной с самым началом путешествия, когда посольство только вступило на территорию Китая.

Китай с середины XVII века находился под властью маньчжур, которые установили там свою династию Цин (1644—1911). Корейское правительство признало вассальную зависимость от маньчжурской империи и обязалось ежегодно отправлять в Пекин посольскую миссию с данью. Но это были официальные обязательства, в то время как народ и многие аристократы относились к маньчжурам презрительно — называли варварами, смеялись над их обычаями и не признавали объявленные ими

девизы, которыми, по китайскому обычаю, называли годы своего правления маньчжурские императоры. Корейцы демонстрировали преданность поверженной, но «истинно китайской» династии Мин (1368—1644).

С прямого заявления о неприятии маньчжурской власти и начинается свой дневник Пак Чивон, антиманьчжурскими настроениями пронизано и все произведение. Здесь рассказывается о борьбе корейцев и китайцев с маньчжурами — «варварами»; маньчжурские чиновники на пограничной заставе изображены как жулики и хапуги, их ученые — вульгарны. Безусловно, дневник Пак Чивона звучал в свое время как политически злободневное произведение.

Кроме подневных записей в «Китайский дневник» включены истории, которые рассказывают друг другу путники. Одни истории входят в подневные записи, как, например, рассказ о китайце Кан Шицзюэ, сражавшемся с маньчжурами, а потом бежавшем в Корею. Другие выделены и имеют собственное название, например, «Отповедь Тигра» или цикл рассказов «Истории, рассказанные вечером в Юйся». Некоторые герои этих историй напоминают персонажей из сборников пхэсоль (обманщик-чиновник, благородный человек, выкупивший девушку из «веселого дома», или беспутный внук богатого торговца). Другие рассказы цикла по содержанию близки коротким аллегориям сборника «Неофициальные биографии из Хранилища блистающих яшм» — второго произведения Пак Чивона. Эти аллегории напоминают сочинения XII—XIII века — такие, как, например, «История Деньги» или «Бамбучинка». Герои аллегорий Пак Чивона — животные, люди не у дел — те, кто не обременен обязательствами перед обществом и ведет свободный образ жизни.

Писатель выдвигает здесь идеал «естественного» человека и «простой жизни», противопоставляя его «миру фальши». Под «фальшивым» понимается современное автору общество. Так, принадлежать к высшему сословию, оказывается, все равно что стать разбойником, сказано в аллегории «История с дворянином». Образование, которое основывается на знании текстов и умении их толковать, никому не приносит пользы: герои «Историй, рассказанных вечером в Юйся» (ученый-книжник Хо), «Воспоминаний о насмешнике Мин Юсине», «Истории с дворянином» до глубокой старости занимались изучением классических сочинений, но это не помогло им чего-либо добиться, они так и остались жить в нищете.

В современном мире господствуют ханжество и жестокость, и писатель в аллегории «Отповедь Тигра» показывает общество через

восприятие дикого зверя, в представлении которого отношения между людьми и достижения цивилизации выглядят нелепо. Люди, по мнению автора, создали для себя искусственный мир и сами в нем страдают.

«Естественное», с точки зрения Пак Чивона, — это прежде всего природа и ее обитатели — животные, поэтому в качестве «носителя истины» выступает тигр. «Естествен» и человек, которому чужды стремления прославиться, обогатиться, сделать карьеру. У Пак Чивона это люди низких социальных категорий, а также обнищавшие представители высшего сословия. Так, дядька Ом нетребователен к еде и одежде, довольствуется двумя чашками риса в день и ходит в лохмотьях. Он занимается самой грязной и презираемой работой, потому что все ценное в мире людей (обильная еда, хорошее платье и высокое положение) для него — «естественного человека» — не имеет значения («Рассказ о добродетельном золотаре»).

С точки зрения «обычных людей», противоестественно поведение Хо и Мина — героев «Историй, рассказанных вечером в Юйся» и «Воспоминаний о насмешнике Мин Юсине». Хо, например, раздает все деньги беднякам, отказывается от высокого поста на государственной службе, а Мин, вместо того чтобы сдать экзамен и поступить на службу, тратит свой талант только на развлечение слушателей.

Образцом отношений между людьми для Пак Чивона является общество, которое создал Хо на необитаемом острове. Здесь нет «книжников», так как в обычном мире люди стремятся получить образование только для того, чтобы властвовать над ближними; здесь нет денег, так как деньги нужны только для роскоши, а человек не должен стремиться к излишествах. Все жители острова занимаются земледелием и пользуются только плодами своего труда.

«Естественное» поведение героев Пак Чивона весьма напоминает поведение даоса, отвергающего пороки и достижения цивилизации. Недаром писатель часто сравнивает своих персонажей с совершенными мудрецами древности, которые удалились от мирской суеты. Любимым чтением Мина оказываются сочинения Лао-цзы — первого философа даосизма, а персонажи «Историй, рассказанных вечером в Юйся» презирают всемогущих чиновников и не боятся высказать им все, что о них думают.

Провозглашая идеал «естественного» человека, Пак Чивон не выступает сторонником даосского отшельничества. Он осуждает несовершенное общество, думает, как его улучшить, и даже предлагает некоторые рецепты. Главный из них — ликвидировать ортодоксальную

ученость, носители которой живут за счет чужого труда, а также ввести обязательность полезной деятельности для всех. Эти идеи пришли в сочинения Пак Чивона из трудов философов древнего Китая Мо-цзы и Шан Яна (IV в. до н. э.). Таким образом, в аллегориях, написанных Пак Чивоном еще в молодые годы, критика несовершенного общества и поиски положительных идеалов происходят в рамках традиционной дальневосточной культуры.

Часть произведений, вошедших в сборник, уже публиковалась на русском языке. В 1961 году появился перевод аллегории Лим Че «Мышь под судом». Затем в разные годы издания переводов корейской прозы включали новеллы из собраний пхэсоль, ранние аллегии и «Историю цветов» Лим Че.

Настоящее издание антологии корейской классической прозы, которое предпринимается впервые, объединяет произведения разных эпох и жанров. Наряду с уже известными антология знакомит с новыми переводами. Это — буддийские легенды из сочинения Ким Ирёна «События времен Трех государств», повесть Квон Пхилиа и раннее произведение Лим Че «Приключения ученого мужа во сне». Русский читатель еще не был знаком с прозой Ли Кюбо, «Китайским дневником» и аллегориями Пак Чивона. В новом переводе дана повесть Ким Сисыпа «Заглянул за ограду».

История корейской традиционной прозы на ханмуне представлена здесь в образцах. В сборник можно было включить только самую малую часть того, что создавалось веками, поэтому в антологии мы видим лишь ведущих авторов и самые характерные жанры. Однако мы уверены, что современного читателя, несомненно, увлечет все своеобразие литературы старой Кореи: и мудрость философа, размышлявшего над проблемами бытия и места человека в мире, и юмор, и перипетии любви молодых людей.

А. Троцевич

**КИМ ИРЁН.
ИЗ «СОБЫТИЙ ВРЕМЕН ТРЕХ
ГОСУДАРСТВ»**

Нохыль Пудык и Тальталь Пакпак — двое святых с южного склона гор Пэквольсан — Гор светлой луны

В «Записях о том, как двое святых с гор Пэквольсан — Гор светлой луны постигли Учение Будды» сказано:

Горы Пэквольсан находятся в Силла, на севере уезда Кусагун. (Он еще в старину назывался Кульчагун, а ныне именуется Ыйагун.) Вершины их причудливо-прекрасны, а сами они тянутся, что вдоль, что поперек, на сотни ли. Воистину, они — оплот государства. Вот что о них с самой древности рассказывают наши старцы.

В былые времена один танский император вырыл у себя пруд. Накануне каждого полнолуния этот пруд так и заливало лунным светом. В середине же воздвигли гору с вершиной, очертаниями напоминающей льва-шицзы, и ее отражение в воде среди цветов, подсвеченных луной, было отчетливо видно. Император повелел живописцу изобразить все это на картине и отрядил чиновника отыскать в Поднебесной похожее место. Посланник прибыл в Силла и выяснил, что в этих местах есть скала, похожая на огромного льва-шицзы. Тысячах в двух шагов к юго-западу от гор Пэквольсан высилась гора Трехглавая. (Ее, вообще-то, называют Цветок-гора, но у нее, как говорится, при одном теле — три головы, потому ее именуют еще и Трехглавой.) Очень она напоминала ту, что на картине. Посланник не был полностью уверен, что нашел именно то, что нужно, однако туфли свои к вершине Шицзы-скалы привязал. Возвратившись же, доложил все, как есть, императору. А тем временем отражение туфель также стало появляться в пруду. Император подивился и велел назвать горы, где находится Шицзы-скала, горами Пэквольсан — Горами светлой луны. (Накануне полнолуния там появлялось отражение светлой луны, потому так их и назвали.) После этого отражение туфель в пруду пропало.

Тысячах в трех шагов к юго-востоку от тех гор находилась деревня Сончхон — Деревня на реке Бессмертных. А в ней жили два незаурядных человека. Одного звали Нохыль Пудык (еще пишут: Пудын), имя его отца было Вольчхан, имя матери — Мисын. Другого звали Тальталь Пакпак.

Имя его отца было Субом, мать же звали Помма. (В отечественных жизнеописаниях сказано, что то была деревня Чхисанчхон — Деревня у Фазаньей горы, но это неверно. Имена же обоих — местные слова. Нарекая их так, имели в виду, что эти двое, рожденные в разных семьях, оба разумом взмывали ввысь, в поступках же проявляли стойкость.) Обликом и манерами они отличались от обычных людей, оба таили замыслы, выходящие за границы обычного. И при этом были добрыми друзьями.

Когда тому и другому исполнилось по двадцать лет, они перебрались в деревушку Попчок, что находилась к северо-востоку от их жилья, за горным хребтом, сбрили волосы и стали монахами. Вскорости они прослышали, что в деревне Сындочхон, расположенной в долине, к юго-западу от деревни у Фазаньей горы, есть старый храм и можно туда переселиться. И они вместе ушли и стали жить каждый сам по себе в деревеньках Тэбульчон, что означает Большое поле Будды, и Собульчон, то есть Малое поле Будды. Пудык остановился в обители Хвечжин или, как ее еще называют, храме Янса. (Ныне в долине Хвечжин сохранилось основание старого храма. Это он самый и есть.) Пакпак же поселился в храме Юригванса. (Ныне на горе Исан сохранилось основание храма, так это тот самый храм.)

Каждый из них взял с собой жену и детей и стал жить своим домом. Они вели хозяйство и общались, навещая друг друга. И в то же время, достигая внутренней сосредоточенности и обращаясь мысленно к земле Сукхавати, они даже на время не оставляли своих помыслов, выходящих за пределы обычного. Наблюдая за быстротечностью дел в мире и осознав бренность собственного тела, завели они однажды между собой разговор и решили оставить суетный мир и укрыться в одной горной долине. Той же ночью они увидели во сне, как с запада простерся свет от белого волоска, что растет между бровей Будды^[1], и из него протянулась вниз золотого цвета рука и погладила их обоих по голове. Пробудившись, они рассказали друг другу свои сны, и оказалось, что видели одно и то же.

Потрясенные, они окончательно ушли от мира^[2] в долину Мундыккок, что находится в горах Пэквольсан (ныне ее называют долиной Намсудон). Учитель Пакпак обосновался на Шицзы-скале, на северном перевале. Он построил домишко из досок и поселился в нем. Потом его стали называть «дощатой обителью». Учитель Пудык обосновался у воды, у подножья Шицзы-скалы, на восточном перевале. Он также соорудил себе лачужку и стал в ней жить. Ее называли «обителью у скалы». (В отечественных жизнеописаниях говорится, что Пудык поселился в Юридон — Хрустальной долине, на северном перевале, и что ныне его

жилище называют «дощатой обителью», а Пакпак — в «обители у скалы», в долине Попчхондон, к югу от скалы. Здесь все наоборот. Нетрудно проверить и убедиться, что в отечественных жизнеописаниях допущена ошибка.) Так каждый из них в своей обители и жил. Пудык почитал Майтрейю, Пакпак молился Амитабе.

Не прошло и трех лет, как в восьмой день четвертой луны года к и ю, на третьем году эры Цзин-лун^[3], то есть на восьмой год после того, как государь Сондок-ван взойшел на престол, случилось следующее. Когда солнце стало клониться к западу, появилась некая женщина лет двадцати, наружностью и манерами изящная. От ее одежд исходил аромат орхидей и мускуса. Она как-то вдруг объявилась у северной обители и, прося о ночлеге, обратилась к отшельнику со стихами:

Припозднилась в дороге — на горы спустилась мгла.
Далеко до ближайших селений на исходе ушедшего дня.
Прошу разрешить мне остаться в обители на ночлег.
Проявите, учитель, милость и не гневайтесь на меня^[1].

Пакпак ответил ей:

— Храма храню чистоту, считаю это своим долгом. Не тебе к нему приближаться. Ступай и не оскверняй это место.

С тем закрыл ворота и удалился. (В «Записях» же сказано так: «Я отошел от мирских страстей, и нечего меня искушать!»)

Красавица пошла к южной обители и обратилась с той же просьбой. Пудык в ответ спросил ее:

— Откуда ты идешь, нарушая запрет хождения по ночам?

Красавица ответила:

— Будучи в спокойствии единым с великой пустотой, какое отношение имеешь к тому, приходишь ты или уходишь? Услышав о глубине и основательности замыслов Учителя, добродетельном поведении и высокой твердости, захотела помочь ему превратиться в будду.

И она произнесла стихи:

Вечереет — извилисты тропы в горах:
Оказалась вдали от людского жилья.
В бамбуке и соснах сгущается мрак,
Непривычно мне это журчанье ручья.

Не заблудшая путница просит ночлег,
Брод хочу указать в суете бытия.
Лишь моим наставленьям поверьте. Учитель,
Не пытая, кто и откуда я!

Выслушав, Учитель удивился:

— Эта земля не должна оскверняться женщиной. Однако следование поступкам обычных людей — также один из путей бодхисаттв. К тому же ночью темно в пустынной долине. Как же можно пренебречь человеком?

Он ее встретил с поклоном и уложил спать в лачуге. В ночи усердно совершенствуя свое чистое сердце, при слабом огоньке светильника, что освещает стенку лишь до половины, он долго-долго читал нараспев. А на исходе ночи красавица окликнула его:

— К несчастью, мне как раз пришло время родить. Прошу, Учитель, расстелите циновки.

Пудык, сострадая ей, не стал противиться. Он зажег огонь и начал хлопоты. Красавица тут же родила и попросила обмыть ее. Пудык испытывал то стыд, то робость. Однако все пересилило захлестнувшее его чувство жалости. Он приготовил глиняный чан, посадил в него красавицу, а затем вскипятил воду и обмыл ее. Вдруг вода в чане стала источать аромат и благоуханное тепло и превратилась в жидкое золото. Пудыка потрясло увиденное. Красавица же предложила:

— Вам, Учитель, тоже следует вымыться здесь.

Пудык послушался, скрепя сердце, и в этот миг его сознание сделалось светлым, дух — чистым, а кожа стала золотой. Посмотрел, а сбоку появилось сиденье в форме лотоса. Красавица заставила Пудыка сесть на него и произнесла:

— Я — бодхисаттва Авалокитешвара. Пришла помочь Учителю перевоплотиться в просветленного.

И с тем пропала из виду.

А Пакпак тем временем решил: «Наверное, Пудык нынче ночью заповеди получил. Схожу-ка я поприветствую его».

И явился. И обнаружил, что Пудык восседает на лotosовом сиденье, приняв облик Майтрейи, и источает сияние. Тело его блестит, и сиденье под ним — из золота. Пакпак невольно с трепетом поклонился в приветствии и спросил:

— Как ты этого достиг?

Пудык рассказал все, как было. Пакпак вздохнул:

— Видимо, много у меня преград. Выпало мне счастье повстречаться с буддой — и то не впрок. Ты же, человек больших добродетелей, стал подлинно милосердным и прежде меня достиг цели. Молю, не забудь нашу прежнюю дружбу, сделай так, чтобы мы опять были вместе!

На это Пудык ответил:

— В чане есть еще немного жидкости, ее хватит, чтобы омыться.

Пакпак омылся и, так же как и его друг, превратился, но в будду Амитабу. И они двое чинно расположились друг против друга.

Жители деревни, расположенной у подножья горы, слышали об этом и, обгоняя друг друга, поспешили поклониться им, ахая от изумления:

— Какое диво! Какое диво!

И тогда двое святых растолковали им Учение Будды, после чего отбыли, стоя во весь рост на облаке.

А на четырнадцатом году правления под девизом Тянь-бао, в год ы л ь м и, государь Силла Кёндок-ван вступил на престол и услышал о свершившемся чуде. В год ч о н ь ю он отрядил людей построить большой храм. Назвали тот храм Пэквольсан нам са — Храм, что к югу от Гор светлой луны. На втором году правления под девизом Гуан-дэ, в год к а п ч и н, в пятнадцатый день седьмой луны завершили его строительство. Затем высекли изображение Майтрейи и поместили в Золотом зале, надпись же гласила: «Зал Майтрейи, в которого воплотились при жизни». Высекли также и изображение Амитабы и поместили в зале, где толкуют сутры. А поскольку оставшейся в чане жидкости было мало и омылся Пакпак не целиком, то и изображение Амитабы покрыли пестрыми пятнами. Надпись же гласила: «Зал Амитабы, в которого воплотились при жизни».

В сутре «Хуаяньцзин» сказано: «Майя, будучи необыкновенных добродетелей и мудрости, на удивление одиннадцати землям родила Будду, словно изменив врата, из которых появляется на свет человек». Вот и в наше время разрешение от бремени святой госпожи являет собой сокровенный промысел. Ведь если вдуматься в слова, сказанные ею, — они имеют высший смысл, вложенный в них святой, которая, снисходя к непосвященным, мягко подлаживалась к ним в разговоре. О, если бы святая госпожа не разумела тех заклинаний-дхарани, словам которых следуют обычные люди, разве все могло бы так обернуться?! Ведь в последней строке ее первого стиха подразумевается:

Если при свежем ветре, очистившем даль и высь,
Одно расстелено ложе — молю тебя, не гневись! *[\[2\]](#)

Так именно она не выразилась, но потому лишь, что не пожелала уподобиться в своей речи вульгарной толпе.

В славословии говорится:

Близ скалы, в бирюзовых брызгах, настойчиво в дверь стучит.
«Кто еще там решился проникнуть в даль заоблачную в ночи?
Тут поблизости — южный скит, отправляйся-ка лучше туда,
Перестань осквернять мой двор, изумрудный мох не топчи!» —

это о северной обители сказано.

Долина темна: где дорога? Все окутано дымкой ночной.
У окна из бамбука циновка для красавицы молодой.
Всю ночь текут бусины четок в руках одна за другой.
Ему боязно: как бы их шумом не нарушить гости покой, —

это о южной обители сказано.

Потеряла дорогу средь сосен — деревья со всех сторон.
На ночлег попросилась к монаху — испытание выдержал он.
После трех омовений в корыте — забрезжила в небе заря.
Разрешилась двойней и на запад отправилась прямиком, —

а это сказано о святой госпоже.

Перевод М. Никитиной.

Храм чудесного беркута

В древней храмовой записи сказано: «В царстве Силла, в правление тридцать первого государя Синмун-вана, на втором году царствования под девизом «Вечная чистота»[\[4\]](#), в год к е м и — воды и овцы (в тексте сказано: «в начальном году», но это ошибка), первый министр Чхунвон совершал омовение в источнике с горячей водой в местности под названием Чансангук (волость Тоннэ. Это место еще называют Нэсагук). Возвращаясь в столицу, он остановился отдохнуть на лугу Тончжи, что у почтовой станции Кульчжон. Вдруг видит, какой-то человек выпустил беркута, чтобы поймать фазана. Фазан полетел мимо горы Кымак и бесследно исчез, доносился только колокольчик беркута, который его разыскивал. Беркут долетел до колодца, что возле уездной управы Кульчжон, в северной ее части, и сел на дерево, а фазан оказался в колодце. Вода в нем окрасилась кровью. Фазан, защищая двух цыплят, раскрыл оба крыла, беркут же не решался схватить, будто жалел его. Князь, увидев это, преисполнился сострадания и растрогался. Он погадал на этой земле и сказал, что здесь нужно построить храм. Возвратившись в столицу, он доложил об этом государю. Тогда уездную управу перенесли в другое место, а здесь построили храм, назвав его Храмом чудесного беркута.

Перевод А. Троцевич.

Ёнхве бежит от славы

Знаменитый монах Ёнхве жил в уединении в горах Ёнчхвисан. Он постоянно читал Лotosовую сутру и постигал путь Вишвабхадры, а во дворе у него в пруду росли лотосы, которые не вяли все четыре времени года. Государь Вонсон, прослышав о столь удивительном явлении, пожелал призвать монаха и сделать его государственным наставником. Учитель Ёнхве, узнав об этом, тотчас же оставил свою обитель и бежал, чтобы укрыться среди скал в горах Сорён. Здесь пахал землю какой-то старик.

— Куда это вы идете? — спросил он.

— Мне сказали, будто в стране нынче много беззакония и потому меня хотят опутать высокой должностью, вот я и решил бежать, — ответил учитель.

Старик, выслушав его, проговорил:

— Давайте уж здесь с вами и потолкуем, зачем же утруждать себя и забираться в такую даль? Правда, вы, учитель, сказали, будто вам противно продавать свое имя!

Ёнхве счел, что с ним обошлись бесцеремонно, не стал разговаривать и пошел дальше. На берегу реки он встретил старуху.

— Куда изволит идти учитель? — спросила она.

Он ответил, как и старику.

— А прежде не повстречался ли вам кто-нибудь?

Ёнхве ответил ей:

— Там был какой-то старик, но он говорил со мной так бесцеремонно, что мне стало неприятно, и вот я пришел сюда.

— Отчего же вы не стали его слушать? Ведь это был сам великий святой Манджушри!

Ёнхве поразился и тотчас вернулся обратно к старику, поклонился ему и раскаялся:

— Почему я не стал слушать учителя? Теперь я к вам вернулся, а что за старуха была на берегу реки?

— Это — Сарасвати, богиня красноречия! — проговорил старик и тут же исчез.

Ёнхве вернулся в свою обитель. Тут появился посланец государя и пригласил его в столицу, вручив государево повеление. Ёнхве тотчас принял его. Зная теперь, как поступить, ответил согласием и отправился во

дворец. Государь пожаловал ему чин государственного наставника.

То место, где старик пробудил его, наставник назвал Горой Манджушри, а берег, где встретил женщину, — Скалой Первоначала.

Перевод А. Троцевич.

Поян и грушевое дерево

Учитель Поян, получив знание буддийского закона в Великом государстве, возвращался на родину. По дороге, в Западном море, дракон пригласил его во дворец почитать сутры. Он пожаловал учителю плащ из золотого шелка и отдал своего сына Имока в услужение. А еще сказал:

— Теперь в Трех государствах настали смутные времена, нет государя, который бы почитал буддийский закон. Когда ты с моим сыном вернешься в свое царство, пойди в Сорочью долину, построй там храм и поселись в нем. Тогда тебя не тронут разбойники. Пройдет несколько лет, и непременно появится мудрый государь, он окажет покровительство буддийскому закону и наведет порядок в Трех государствах.

Они простились, и наставник, вернувшись на родину, пришел в то место, о котором говорил ему дракон. Там вдруг появился перед ним какой-то старый монах, назвавшийся Вонгваном. Он вручил ему ларец и исчез.

Поян, задумав восстановить разрушенный храм, взошел на северную гору и увидел в поле пятиярусную желтую ступу, но когда он спустился, чтобы рассмотреть ее поближе, ступа исчезла без следа. Поян снова поднялся, и на этот раз увидел стаю сорок, что-то клевавших на земле. Тогда он догадался, что это и есть та самая Сорочья долина, о которой говорил дракон моря. Поян принялся осматривать место и обнаружил множество старых кирпичей. Учитель собрал их, стал складывать, и получилась ступа, а лишних кирпичей не осталось ни одного. Так Поян узнал, что в прежние времена здесь был храм. Тогда он отстроил храм заново и, поселившись там, назвал его Храмом в Сорочьей долине.

Прошли годы, и государь Тхэчжо объединил Три государства. Услышав, что учитель Поян построил храм, он отвел для него пятьсот кель земли в пяти долинах, а на четвертом году правления под девизом «Чистоты и процветания», в год ч о н ъ ю — огня и птицы, — храму была пожалована доска с надписью: «Храм созерцания у заоблачных врат». Так государь почтил чудесную природу плаща.

Сын дракона Имок жил в маленьком пруду возле храма и втайне благоволил приобщиться буддийскому учению. Однажды случилась вдруг большая засуха, на полях все погорело. Тогда Поян умолил Имока вызвать дождь, который и напоил в изобилии всю округу. Небесный государь решил наказать дракона за ослушание, но Имок тут же сказал об этом

наставнику, и тот спрятал его под лежанкой. Тотчас во двор храма вошел небесный посланник и велел Имоку выйти, но Поян указал ему на грушевое дерево, что росло во дворе. Посланник тут же поразил его молнией, а сам поднялся в небо. Груша засохла и сломалась, но дракон погладил ее и сразу оживил.

Перевод А. Троцевич.

Явление бодхисаттвы Кваным наставнику Вонхё

В давние времена, когда учитель Ыйсан еще в первый раз возвратился из китайского государства, он услышал, будто в пещере на берегу моря пребывает сама Великая Печальница. Эту гору называли Наксан по имени той горы в западных, индийских, землях — Паталака, что значит «Маленький белый цветок». На этой горе пребывал истинный бодхисаттва в белом платье. Вот из-за этого наша гора и получила такое название.

Учитель постился семь дней, а потом поплыл по рассветной воде прямо на своей циновке. В пещеру его провели слуги из дворца дракона. Ыйсан выполнил там все ритуалы и тут прямо по воздуху к нему приплыли хрустальные четки. Ыйсан их принял, а дракон Восточного моря поднес ему жемчужину, исполняющую желания. Учитель взял ее и после снова постился семь дней. Только тогда он увидел истинный облик бодхисаттвы.

— На вершине горы на алтаре выросли два бамбука, — сказала ему бодхисаттва, — хорошо бы здесь построить храм!

Учитель внял ей, вышел из пещеры и увидел, что в самом деле прямо из земли вырос бамбук. Тогда он построил золотой зал и установил в нем статую бодхисаттвы, которую сам и вылепил. Ее круглый лик и весь прекрасный облик были так величавы, будто она рождена самим Небом. А этот бамбук исчез без следа. Вот так и узнали, что в этой пещере пребывает истинная бодхисаттва. Из-за нее храм получил название Наксан. Две жемчужины, полученные учителем, хранились в самом храме, но они исчезли.

После Ыйсана сюда пришел наставник Вонхё, чтобы просить дозволения лицезреть лик бодхисаттвы. Когда он проходил южные земли, на рисовом поле ему повстречалась женщина в белом платье, которая жала рис. Наставник в шутку стал просить у нее колос, но женщина также шутливо ответила ему, что рис не уродился. Тогда он пошел дальше и заметил под мостом какую-то женщину, которая стирала тряпку, запачканную месячными. Наставник попросил у нее попить, а женщина взяла и подала ему грязной воды. Вонхё отказался ее пить, тогда она зачерпнула воды из реки, и он ее выпил. В это время на сосне, что росла посреди поля, раздался голос птицы широкорота:

— Монах отказался от чистых сливок! — проговорила она и исчезла, а под сосной оказалась соломенная туфля. Подвижник пришел в храм и там, под основанием статуи Кваным, он увидел другую соломенную туфлю.

Тогда он понял, что встреченная им женщина и была сама Кваным. С тех пор люди прозвали эту сосну Сосной Кваным. Вонхё захотел войти в священную пещеру, чтобы снова увидеть бодхисаттву, но из-за бури не смог попасть туда и удалился.

Перевод А. Троцевич.

Совершенномудрая матушка Сондо радостно сопричастствует деяниям Будды

В правление государя Чинпхёна некая монахиня по имени Чихе — Мудрая — совершила много добрых деяний. Жила она в монастыре Ахынса, и вот решила привести в порядок ритуальный зал Будды, но средств у нее не хватало. Как-то однажды явилась ей во сне какая-то женщина, необыкновенная красавица, с жемчугом и перьями зимородка в волосах.

— Я божественная матушка с горы Сондо, — заговорила красавица, — рада, что ты хочешь поправить ритуальный зал Будды, и вот в помощь тебе хочу подарить десять кынов золота. Возьми его под основанием моей статуи, укрась трех будд, а на стенах нарисуй пятьдесят трех будд, толпу совершенномудрых, которые пошли за Шакьямуни, божеств неба и духов-покровителей пяти гор. Отныне заведи обычай каждую весну и осень в десятый день последней луны собирать достойных мужчин и женщин и устраивать молитвенное собрание с толкованием буддийского закона для всех живых тварей.

Чихе, удивленная, проснулась и, взяв с собой людей, отправилась в святилище божественной матушки. Там под основанием статуи откопали сто шестьдесят лянов золота. Монахиня исполнила все, что велела матушка. Следы ее деяния сохранились до наших дней, но буддийская вера теперь захирела.

Эта божественная матушка была дочерью китайского императора, звали ее Сасо. Обучившись искусству волшебства, она отправилась в Хэдон — «Страну, что к востоку от моря» — и долго не возвращалась обратно. Тогда император послал ей письмо, привязав его к лапке коршуна. А в письме было сказано: «Иди следом за коршуном и там, где он сядет, устрой себе жилище». Получив письмо, Сасо отпустила коршуна. Он полетел и опустился на эту гору. Матушка пошла за ним следом и, поселившись здесь, стала божеством земли. Поэтому гору и называли Соёнсан — «Коршун с запада». Божественная матушка долго жила на этой горе и охраняла страну. Таких удивительных историй случалось много.

С тех пор как было создано царство, божественной матушке стали постоянно посвящать одно из трех жертвоприношений, а среди почитаемых гор и рек ее горе поклонялись первой.

Пятьдесят четвертый государь Кёнмён любил охоту с соколом.

Однажды, поднявшись на гору Сондо, он отпустил птицу и потерял ее. Тогда государь Кёнмён обратился с молитвой к божественной матушке:

— Отдашь сокола, пожалуй тебе титул!

Сокол тут же прилетел и сел на столик, поэтому государь пожаловал матушке титул «Великой государыни».

Рассказывают про нее и другую историю, будто пришла она в Чинхан и родила совершенномудрого сына, который стал основателем Восточного царства. Оба совершенномудрых: государь — основатель Хёккосе и его сестра Арён — ее дети. Химера Куродракон, белая лошадь и белая курица — все ее превращения. Вот почему в нашей стране есть названия Керён — «Куродракон», Керим — «Куриный лес» и Пэкма — «Белая лошадь», поэтому и курица связана с западом.

А еще она велела небесным феям ткать шелк, потом выкрасила его в темно-красный цвет и сшила утреннее платье, чтобы поднести его своему супругу. Так люди царства с самого начала узнали о ее чудесах.

Кроме того, Ким Пусик в своих «Исторических записках» рассказывает о том, как он в годы правления под девизом Чжэн-хэ отправился послом в Китай и посетил там кумирню Юшэньгуань. Там в зале стояла фигура женского божества. Ученый Ван Фу, который жил при этой кумирне, спросил у него:

— Знает ли достопочтенный, что это божество вашего царства?

А потом пояснил:

— Когда-то в древности дочь китайского императора переплыла море и прибыла в Чинхан. Она родила сына, который основал царство в Стране, что к востоку от моря, а сама женщина стала божеством земли и поселилась на горе Сондосан. Это ее статуя.

Когда посланник Сунского государства Ван Сян приезжал в нашу страну, он принес божественной матушке Востока жертвы. В тексте его поминальной молитвы есть такие слова: «Родила мудреца, который основал царство».

И вот нынче она дала золото, чтобы почтить Будду. Для всех живущих зажгла благоуханный огонь и построила мост к спасению. Сама познала искусство долгой жизни, а осталась с теми, кто пребывает в темноте. Как же это получилось? В славословии говорится:

На горе Соёнсан много долгих дней
Довелось чародейке жить.
Позвала она в гости небесных фей,
Чтоб из радуги платье сшить.

Жизнь, что так безмерно длинна,
Разве жизнью мы назовем?
К Золотому бессмертному шла она,
Чтобы сделаться божеством *.

Перевод А. Троцевич.

Князь Солнце

Однажды государь Мунму призвал своего младшего брата князя Солнце:

— Хочу тебя сделать первым министром, чтоб ты управлял всеми чиновниками и умиротворял все четыре моря.

Князь на это ответил:

— Прежде чем государь сделает меня первым министром, мне надо сперва тайно побродить по стране и узнать, как трудится и проводит свой досуг народ, занятый на казенных работах, легкими, тяжелыми ли налогами его облагают, честны или нечестны чиновники. Лишь после этого я смогу вступить в должность.

Государь согласился с ним, и тогда князь надел черные одежды, взял в руки пипха и под видом отшельника вышел из столицы. Он обошел волости Асилла, Усу, Пуквон и пришел в Мучжин. Когда он проходил через одно селение, местный чиновник Ангиль, сообразив, что это не простой человек, пригласил его в свой дом и от души предложил ему довольство и покой. Когда настала ночь, Ангиль призвал трех своих жен и сказал им:

— Та из вас, что нынче услужит нашему гостю, состарится со мной вместе.

Две жены на это ответили:

— Как же можно спать с чужим? Уж лучше мы с вами не будем жить!

Но одна из жен сказала:

— Если господин согласится прожить всю жизнь вместе со мной, я поступлю так, как вы прикажете, — и так и сделала.

На другой день отшельник собрался в путь.

— Я из столицы. Мой дом стоит между двумя храмами — Хваннён и Хвансон, а звать меня Сияющий. Если вам случится побывать в столице, буду рад принять вас в своем доме, — сказал он на прощанье и ушел.

Князь Солнце пришел в столицу и стал первым министром.

По установленному в государстве порядку в столицу должны были являться провинциальные чиновники — от каждой области по одному человеку. Как раз настал черед ехать в столицу Ангилью. Здесь он спросил про дом Сияющего, что находится между двумя храмами, но никто такого не знал. Ангиль долго стоял у дороги, а тут как раз шел мимо какой-то старик. Услышав, о чем тот спрашивает, он остановился, подумал, а потом

сказал:

— Дом между двумя храмами — это, должно быть, дворец, а Сияющий — наверняка князь Солнце. Должно быть, вы познакомились с ним, когда он втайне странствовал по провинциям.

Ангиль рассказал, как было дело. Тогда старик посоветовал ему:

— Вы идите к воротам Квичжон — западным воротам дворца, подождите, пока не выйдет дворцовая прислуга, и скажите ей о себе.

Ангиль так и сделал.

— Пришел Ангиль из Учжина, — велел доложить он.

Князь, услышав это имя, вышел, взял его за руку и ввел во дворец. Там он позвал свою супругу и устроил пир. Угощение было подано, как говорится, «пятидесяти разных вкусов».

Государь отвел земли под горой Сонбусан под священное поле. Народу было запрещено собирать там сучья, и люди даже близко подойти не осмеливались. В столице и в провинции все отнеслись к этому с должным почтением. Поле у горы было размером в тридцать му, а семян там высевали три мешка. Если на этом поле хлеба хорошо родились, то и во всей волости был урожай, а если на нем случался недород, то и повсюду так же.

Перевод А. Троцевич.

ИЗ «ВОСТОЧНОГО ИЗБОРНИКА»

ЛИ ИННО

Долина журавлей. Гора Чирисан

Чирисан иначе называют Турюсан. С севера, с самой горы Пэктусан и до уезда Тэбангун, протянулись причудливые горные вершины и живописные ущелья. Эти горы тянутся с севера на юг на тысячи ли. Если захотите их обойти, понадобится больше месяца. С десятков волостей прилепилось к ним.

С древних времен считают, будто в Чирисане есть место, которое называется Долина журавлей. Говорят, что если пройти несколько ли по узкой обрывистой тропинке, внезапно откроется плодородная долина, которую можно распахать и засеять. Здесь обитают журавли. Давным-давно тут, видимо, селились люди, которым докучал мир. Говорят, что и до сих пор в колючих зарослях остались развалины жилищ и оград.

Однажды мы с министром Цоем, моим родственником, задумали навсегда покинуть этот мир и разыскать Долину журавлей. Ведь если захватить с собой пару телят в большом бамбуковом коробе, в долине спокойно можно прожить, порвав всякую связь с миром!

Мы покинули храм Хваомса и, придя в уезд Хвагэхён, остановились в храме Синхынса. Это были дивные места! Горные пики, соперничая друг с другом, стремились ввысь; в ущельях журчали прозрачные ручьи; дома, соединенные бамбуковыми плетнями, выглядывали из цветущих зарослей. Как все это было не похоже на привычный мир! Но Долину журавлей отыскать нам так и не удалось. И тогда я высек на скале такие стихи:

Над грядой Турюсана
Облака на закате нависли.
Сотни скал и ущелий
Не уступят Гуйцзи красотою.
К Журавлиной долине,
Взявши посох, ищу я дорогу,
В дальней чаще безлюдье,
Только слышно — кричат обезьяны.

Еле видимы башни
Трех священных вершин в отдаленье,

Затерялись под мхами
Разных надписей древние знаки.
Хоть спросил я сначала,
Как найти мне источник блаженных,
Все же сбился с дороги
Средь ручьев, лепестками покрытых^[3].

Вчера в своем кабинете я, листая сборник Отшельника, жившего у Пяти Ив, вновь прочел «Персиковый источник». В нем говорится о том, как в циньское время людям опостылел мир с его смутами, они разыскали укромное место и поселились в нем. Они жили там, где высятся горы, уступ на уступе, а воды текут струя за струей и куда не могут добраться дровосеки.

Много лет спустя случилось так, что в годы Великого начала при династии Цзинь одному рыбаку посчастливилось попасть в это место, но он забыл дорогу туда и не смог ее отыскать.

Последующие поколения изображали эти места на картинах и воспевали в стихах, называя Миром святых. Это, наверное, и есть та земля, где обитают бессмертные.

Прочтя «Персиковый источник» Отшельника, жившего у Пяти Ив, и не придавая значения подробностям, можно сказать, что нет большой разницы между тем местом и Долиной журавлей в горах Чирисан. Почему же такие люди, как Лю Цзы-цзи, все же ищут туда дорогу?

Перевод М. Никитиной и А. Троцевич.

ЛИМ ЧХУН

История Деньги

Величали Деньгу Кунфан — «Квадратная дырка», а прозывали Связкой. В давние времена его предок жил уединенно в пещере горы Шоуяншань, никогда никому не показывался и не служил людям. Впервые мало-помалу стали извлекать его на свет во времена Хуан-ди, но по природе он был тверд и еще не очищен в печи — не искусен в делах своего века. Тогда государь призвал кузнеца, дабы тот на него взглянул. Кузнец долго к нему присматривался, наконец сказал:

— По своей сути он — руда из глухой горной стороны, и невозможно пускать его в ход таким, как есть, пока он еще словно сырая глина. Но дайте ему порезвиться в плавильном котле да под молотом — там, где вы, государь, творите и изменяете вещи, а потом соскоблите с него грязь да очистите до блеска — вот тогда проявятся его природные свойства. Когда высокомудрый правитель использует людей на службе, он оценивает их по достоинству и хотел бы, чтобы вы, государь, не сочли его просто куском негодной меди.

Вот почему предок Деньги и прославился в мире. Затем, правда в смутные времена, он удалился, скрылся, как говорится, на реках и озерах, и тогда-то завел себе дом. Отец Деньги, Монета, будучи канцлером при династии Чжоу, ведал налогами страны. Сам же Деньга был круглый снаружи, квадратный внутри, ловко подлаживался к потребностям времени и принаравливался к переменам.

При династии Хань он служил великим глашатаем, а когда Пи, правитель владения У, слишком возомнил о себе, повел себя как император и самоуправно стал лить монету, Деньга принялся действовать вместе с ним во имя прибыли.

Во времена У-ди страна была разорена. Правительственные сокровищницы и амбары опустели. Обеспокоенный государь предложил Деньге высокий пост, пожаловал ему титул Князя — обогатителя народа. Тот угнезвился при дворе вместе со своим приспешником Куном — «Дыркой», который в то время был в должности помощника, управляющего солью и железом. Дырка величал Деньгу старшим братом, а по имени не называл.

Деньга от природы обладал алчной и грязной душой, не имел ни

углов, ни принципов — катился окольными путями. Когда он стал управлять казною, излюбленным его приемом сделалось уравнивание легких и тяжелых монет. Деньга считал, что польза для государства не обязательно состоит в возвращении древних порядков, но большею частью коренится в способах формовки и литья. Потому-то он и состязался с простолюдинами из-за пустячной выгоды: то подымал, то снижал цены, презирал хлебные злаки и ценил средства обмена. Деньга побуждал народ бросить главное занятие — земледелие и гнаться за второстепенным — торговлей. Все это подтачивало основы сельского хозяйства.

Встревоженные советники государя то и дело подавали ему доклады, высказывали опасения устно, но государь не внимал.

Деньга же, умело оказывая услуги знатым семьям, стал вхож в их дома. Злоупотребляя властью, он продавал титулы. Повышения и увольнения чиновников — все было в его руках! Даже многие министры оказались у него в услужении.

Деньга копил богатства, его деловые бумаги громоздились целыми горами, так что невозможно было их сосчитать. Когда Деньга сближался с кем-нибудь, он не интересовался, достойный ли это человек, водил дружбу даже с теми, кто торговал на рынке и у колодцев, кто без зазрения совести наживал богатство. Деньга, что называется, вращался на рынке. Ему случалось даже, вместе с испорченными юнцами из деревень и селений, играть в азартные игры. Он весьма охотно раздавал любые обещания, отчего современники говорили о нем: «Одно лишь слово Деньги весомо, будто сто цзиней золота!»

Когда на престол вступил Юань-ди, Гун Юй подал императору доклад: «С давних пор ведает Деньга многочисленными делами, но важности земледелия не понимает. Он только и знает, что умножать прибыли от казенных монополий, а сие подтачивает государство и вредит народу. И частные лица, и казна — все впало в крайнюю нужду. Взятничество ведет к беспорядкам и путанице, а власть имущие открыто потворствуют этому. Важные посты занимают мелкие людишки, и оттого развелись смутьяны. Все это предвещает великие перемены. Прошу Вас уволить Деньгу с должности, дабы это послужило назиданием алчным и низким».

В то время среди стоявших у власти были и такие, кто выдвинулся благодаря знанию комментария Гуляна к «Веснам и Осеням». Они-то и вознамерились использовать средства, предназначенные для войска, чтобы ввести новую пограничную политику. Ненавидя Деньгу, они поддержали совет Гун Юя, и тогда император внял его докладу. Деньга был разжалован

и отстранен. Своим приверженцам, которые жили у него на хлебах, он заявил:

— Я на краткий миг повстречался с императором, который один, подобно мастеру, формуящему глину на гончарном круге, изменил обычаи своего народа. Мне хотелось с его помощью сделать достаточными государственные средства и обильными богатства простолюдинов. Ныне из-за крошечной провинности меня оклеветали и удалили от дел, но ведь сам я ничего не добавил, не убавил к своему выдвижению и применению на службе. К счастью, мне оставили жизнь, которая не прервалась, подобно тонкой нити. Однако, поистине, как из пустого меха не нацедишь вина, так и отвергнутый сановник должен молчать. Я удаляюсь на покой. Следы мои исчезнут, словно на пруду, затянутом ряской. Ну а я — на реках Янцзыцзян и Хуайшуй — предамся, иным занятиям: закину леску в ручей Жоэ, буду удить рыбу и скупать вино. Вместе с торговцами миньской земли и морскими купцами поплыву я в лодке, груженной вином! Только так и стоит завершить свою жизнь! Разве соглашусь я променять все это даже на жалованье в тысячу чжунов зерна и на еду сановника, высокий чин, позволяющий приносить жертвенную пищу в пяти треножниках? Однако думаю, что мои приемы управления через долгое время возродятся!

И верно! При династии Цзинь некий Хэ Цяо, прослышав о нравах, оставшихся в наследство от Деньги, обрадовался им и скопил несметное состояние — в сотни миллионов! Тогда любовь к ним обратилась у него в страсть, по какой причине Лу Бао и написал трактат, в котором порицал это и призывал к исправлению порядков, заведенных Хэ Цяо.

Жуань Сюаньцзы, имея широкую натуру, не находил удовольствия в заурядных людях. Он стакнулся с последователями Деньги и, опираясь на посох, отправлялся на прогулку, заходил в кабак, и пил там вино.

Уста Ван Ифу никогда не произносили имени Деньги, он называл его просто «эта дрянь». Вот так пренебрегали им честные и прямые люди.

Когда возвысилась династия Тан, Лю Янь назначен был ведать счетом расходов. И поскольку средств не хватало, он просил восстановить методы управления, введенные Деньгой, для удовлетворения нужд государства. Рассказ об этом помещен в «Трактате о пище и деньгах».

Сам Деньга к тому времени давно уже скончался, ученики его расселились в разных местах. Но тут все пустились разыскивать их, а когда находили, возвышали их и вновь начали использовать на службе. Поэтому приемы, введенные Деньгой, были в большом ходу в годы Кай-юань и Тянь-бао. Самому же Деньге императорским эдиктом пожаловали титул Придворного подателя советов и помощника малого казначея.

В правление Шэнь-цзуна династии «Огненная Сун» Ван Аньши, став у власти, привлек на службу Люй Хуйцина; вместе они помогали государю в правлении и учредили плату за зеленые всходы. В Поднебесной тогда начались беспорядки и наступила великая нужда. Су Ши в докладах императору обстоятельно обсудил этот изъян их нововведений и хотел было полностью устранить его, но случилось обратное: он сам попал в западню, после чего был разжалован и изгнан. После этого честные ученые при дворе уже не смели говорить правду.

Но вот на должность первого министра вступил Сыма Гуан. Он подал доклад государю об отмене законов Ван Аньши. По его рекомендации вновь взяли на службу Су Ши. Тогда только последователи Деньги стали понемногу хиреть, уменьшаться в числе и уж более не имели успеха. Сын же Деньги, Кругляк, осуждался людьми своего века за легковесность, а после, когда он стал главным смотрителем вод и парков, обнаружилось, что он наживался в обход законов, и его казнили смертью.

Историк говорит:

«Можно ли назвать верноподданным того, кто, будучи на службе у государя, таит в себе двоедушие ради сугубой выгоды? Деньга сосредоточил все свои духовные силы на том, как обходиться с законом и с правителем. Благодаря дружбе с государем, которого он держал за руку, настойчиво внушая ему свои мысли, он получал от него безмерные милости. Он должен был бы умножать его выгоду, устранять грозящий ему вред и тем отблагодарить за милостивое отношение. А он вместо этого помог Пи присвоить государеву власть и сплотил вокруг себя зловерных сторонников. Да, Деньга не был тем верноподданным, что не заводит связей за пределами царства! Когда же Деньга скончался, его последыши снова вошли в силу и при «Огненной Сун» их стали принимать на службу. Они льстиво примыкали к власти имущим, а честных людей, напротив, ловили в западню. Никому не ведомо, как обернется дело, выгодой или невыгодой, но если бы некогда император Юань-ди последовал совету Гун Юя и однажды утром казнил всех приспешников Деньги, можно было бы все же отвести грядущие беды. Но он перестал ограничивать и проверять прибыли — и вот пороки разрослись и в последующие века. Как можно, чтобы тот, кто предупреждал об этом заранее, однажды пострадал бы от недоверия к своим словам?»

Перевод А. Троцевич.

ЛИ КОК

Бамбучинка

Госпожа была из рода Бамбуков, а звали ее Опора. Она — дочь того самого Огромного Бамбука с берегов реки Вэйшуй, который служил удилищем Цзян-тайгуну, а весь их род произошел от Молодого Бамбука. Предок ее отличался тонким слухом и мог служить дудочкой, поэтому Хуан-ди повелел выкопать его и назначил ведать музыкой{5}. Чудесная свирель Юя, звучавшая во времена благоденствия, — его потомок.

Еще в давние времена Молодой Бамбук перебрался с севера, с гор Куньлунь, на восток. Во времена государя Фу-си он вместе с кожей ведал писаниями{6} и имел в них большие заслуги. Потомки продолжили его дело и стали историками. Но вот начались Циньские бедствия, когда по замыслу Ли Сы сжигали книги и закапывали в землю конфуцианцев. Род Молодого Бамбука совсем захирел.

А тут еще во времена Хань некто Бумага из дома Цай Луня в совершенстве овладел письмом и приворожил к себе Кисть. В те годы он водил дружбу с господином Бамбуком, но еще тогда этот Бумага слыл гулякою и клеветником. Ему не по нраву пришлись стойкость и прямота Бамбука. Втихомолку подослал он Червя, тот сгубил Бамбук, а Бумага завладел его должностью.

В правлении династии Чжоу росли те самые потомки Бамбука, среди которых жил Удилище, вместе с тайгуном удивший рыбу на берегу реки Вэйшуй. Удилище частенько говаривал своему другу:

— Я слышал, что у большого крючка нет зацепки. А вообще-то, какой лучше брать крючок, прямой или кривой, — все зависит от важности дела. Прямым можно выудить царство, а кривым — всего лишь поймать рыбу!

Тайгун послушался его совета: впоследствии он стал наставником Вэнь-вана и был пожалован владением Ци. Тайгун не забыл мудреца Удилище и дал ему в кормление берега реки Вэйшуй. Вот почему эти Бамбуки родом с вэйшуйских берегов. Ныне потомство Удилища разрослось, прямо как заросли Тонких Бамбуков. Из них одни перебрались в Янчжоу и стали Мелким и Крупным Бамбуком, другие отправились во владения варваров ху и получили должности бамбуковых навесов.

Бамбуки имели способности к военной и гражданской службе. Поэтому их приглашали на церемонии и музицирование, они служили

плетеными корзинами и жертвенными сосудами, пели свирелями и даже прославились как стрелы и рыболовная снасть. Ясно видно, что и про их мелкие дела писали в книгах.

Из всей семьи только Бамбук Гань по природе был непрактичным, замкнутым и не хотел учиться. Он жил в уединении и нигде не служил, хотя уже вырастил такого сына, как Огромный Бамбук. У Огромного Бамбука был только один брат, звали его Крупный Бамбук, и прославился он так же, как старший брат.

Огромный Бамбук обладал прямым характером и внутренней чистотой. Он водил дружбу с Ван Цзыю, который про него как-то сказал: «И дня мне не прожить без друга моего!» С тех пор его так и звали — «Мой друг». Вот ведь как получается! Цзыю сам был прямым человеком и друзей себе выбирал прямых — умел распознать человека.

Огромный Бамбук женился на дочери Желтой Лилии и родил дочь. Это и есть Бамбучинка. С детства она славилась чистотой. Жил по соседству с ней некто Лилейник. Он сочинил нескромные стишки и преподнес ей. Госпожа разгневалась: «Мужчины и женщины, конечно, не похожи друг на друга, но честь — она вроде стебля и дорога всем одинаково. Сломаешь ее хоть раз, попробуй снова приподняться к свету!»

Пришлось Лилейнику со стыдом удалиться. Разве завлекать женщину — все равно что тащить бычка на веревочке? Как можно быть таким невоздержанным!

Когда Бамбучинка подросла, к ней, соблюдая этикет, посватался Сосна.

— Князь Сосна — человек благородный, — сказали ее родители. — У князя изящные манеры, он подходит нашей семье.

И потому ее выдали за него замуж.

Госпожа день ото дня становилась все тверже нравом и разумней. Она умела все понять и могла разрешить все сомнения — словно рассекала острым лезвием. В тяжелые времена ей всегда служили образцом стойкость достославной Сливы Мэй, к которой питала она доверие, и безмолвие Сливы Ли, сказавшей некогда, что знающий не говорит. Собственный предок не был для нее примером, а уж о непреклонной гордости старика Мандарина или о мудреце Абрикосе, что вслушивался в наставления Конфуция, и говорить нечего! Туманными утрами и лунными вечерами она распевала стихи с Ветром и перешептывалась с Дождем. Не опишешь кистью ее влажный, прохладный стан! Я, недостойный любитель увлекательных историй, словно Вэнь Юйкэ и Су Цзычжань, искусно воспевшие бамбук, попытался описать ее облик, дабы сохранился он для

потомков как драгоценность.

Господин Сосна был восемнадцатью годами старше супруги. На склоне жизни он, подражая бессмертным, отправился на гору Гучэншань{7}, но превратился там в камень и не вернулся. Госпожа в одиночестве коротала дни, пела и защищалась от Ветра. Сердце ее тосковало, и, не в силах совладать с собой, она полюбила вино. В истории не сохранились все вехи ее жизни, но известно, что в тринадцатый день пятой луны — «день бамбукового хмеля» — Бамбучинка переселилась в цветочный горшок и непрерывно пила вино. От вина заболела сухоткой и утратила былую внешность. Бамбучинка ослабела и уж не могла более стоять без поддержки, но и на склоне лет она все еще была крепка в добродетелях. Односельчане расхваливали ее, а некто Бамбук — правитель трех областей и однофамилец госпожи — составил ее жизнеописание. Ей был дарован титул «верной супруги».

Историк по этому поводу говорит:

«Предки госпожи Бамбучинки имели большие заслуги, все их потомки обладали незаурядными талантами. По всему свету славились их высокие достоинства — под стать мудрости госпожи! Ах, ведь она сочеталась браком с благородным человеком, снискала признание людей, но, увы, скончалась, не оставив потомства! Не зря говорят, что пути Неба непостижимы!»

Перевод А. Троцевич.

ОТШЕЛЬНИК СОКСИГЁНАМ («ОБИТЕЛЬ ПОКОЙ БУДДЫ»)

Служка Посошок

Однажды в начале зимы, на заре, «Покой будды» сидел в обители. Прислонившись к стене, он задремал. Вдруг слышит со двора голос:

— Прибыл новый служка Посошок!

«Покой будды» удивился и вышел взглянуть на него. Служка был высок, худ, с темным, блестящим лицом. Он высоко держал красный рог, словно защищался от нападения, а темные глаза его сверкали, будто от гнева. Подошел он, семеня ногами, и стал поодаль. «Покой будды» было испугался, но тот быстро проговорил:

— Я пришел к вам с просьбой.

— Почему вас зовут Посошком? — спросил его «Покой будды». — Откуда вы и зачем пришли? Я вас не знаю, почему же вы назвались служкой Посошком? Что все это значит?

Он еще не кончил говорить, а уж Посошок вприпрыжку, словно воробей, проскакал вперед и с важным видом повел неторопливую речь:

— Жил когда-то в глубокой древности совершенномудрый с головой быка, и звали его Фу-си. Он был моим отцом. А ту, что с телом змеи, звали Нюй-ва. Она была моей матерью. Меня родили и бросили в лесу, даже кормить не стали. Я страдал от инея и града, совсем зачах и чуть было не умер, но ветер и дождь пощадили меня, и я остался в живых. Долго переносил я холод и зной, а когда наконец возмужал, оказался нужен человеку. Чередой сменялись поколения, и вот пришло время правления династии Цзинь. Я стал подданным семейства Фаней. И тут я показал, что умею быть преданным и благодарным тому, кто почитает меня достойным мужем, а не отребьем: я покрыл свое тело лаком, неузнаваемо изменился, чтобы заколоть злейшего врага, который погубил моего хозяина. А когда пришло время правления династии Тан, я стал буддийским монахом и пошел в ученики к старцу Чжао. Сообразительный и неутомимый в познаниях, я получил прозвище Твердый Ключ. А потом отправился как-то в Динтао и на дороге повстречал Посоха — Дин-саньлана. Он воззрился на меня и сказал: «Посмотришь на тебя, вверху ты поперечный, внизу — вертикальный. Не связать ли тебе свою фамилию с моей?» Вот потому-то я

и ношу его фамилию, и с тех пор так ее и не переменял. Я всегда готов услужить, и все пользуются мною. Но хоть я и низок по званию и усерден, недостойные не смеют прибегать к моей помощи, поэтому столь мало тех, кому я прислуживаю. Вот и до недавнего времени я никак не мог встретить достойного человека, и у меня не было пристанища. Бродил, неприкаянный, между морем и небом, и даже глиняный идол надо мной смеялся^[8]. Но вчера Небо сжалилось над моими несчастьями и дало наказ: «Повелеваю тебе стать служкой в обители на горе Хуашань! Ступай туда, служи наставнику и ухаживай за ним с почтением!» Выслушав повеление, я от радости, как говорится, прискакал на одной ноге. Жажду, чтобы вы, почтенный, приняли меня!

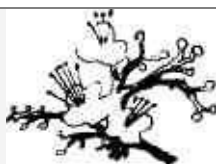
Отшельник «Покой будды» ответил ему на это:

— Вот, оказывается, какой вы! Взойдите, пожалуйста, на сиденье, ведь вы потомок совершенномудрых! Рог ваш не сокрушал мужественных, а глаза не опускались перед храбрыми. Лаком покрыли свое тело, чтобы отомстить врагу, — понимаете, кто благодетель, а кто недруг. Как вы доверчивы! Как справедливы! Сразу смекаете, что спросить и как ответить, недаром прозвали вас Твердым Ключом — о мудрый! Красноречивый! Поддерживаете того, кому служите, — как вы человеколюбивы! Как блюдете приличия! Выбираете, кому пойти в услужение, — о прямой! Разумный! Вы соединяете в себе самые прекрасные качества! Живете долго — не умираете и не стареете. Если вы и не совершенномудрый, то уж наверняка бессмертный дух! Разве можно не взирать на вас с надеждой? Я и помыслить не смел о таком, как вы. Даже другом вашим стать не решусь, а уж куда мне до наставника! Знаете, в области Хуаду есть еще гора Хуашань. Вот уж два года, как там поселился старый монах, зовут его вроде бы Отшельник. Горы-то по названию одинаковы, а люди, живущие на них, разных достоинств. Должно быть, и Небо повелело вам отправиться не ко мне, а туда. Вот вы и ступайте-ка лучше на ту гору!

И с этими словами он, выпроваживая Посошка, затянул песню:

Есть еще одна гора,
что зовется Хуашань.
Там пустынник имярек
доживает долгий век.
Указует путь моя
к вам почтительная длань:
Ведь совсем не пара вам
я, ничтожный человек^[4].

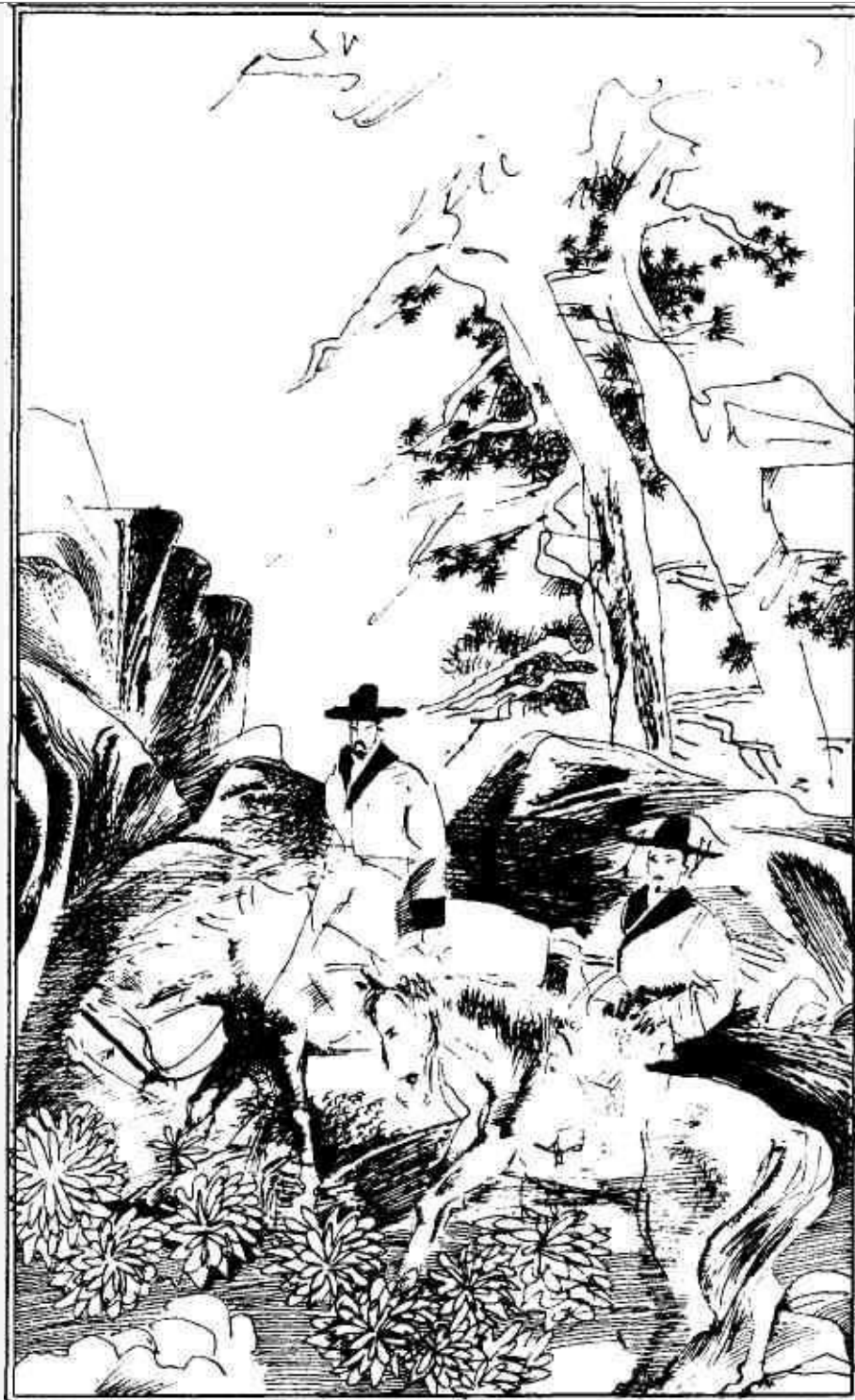
Перевод А. Троцевич.

ЛИ КЮБО.

ИЗ «СОЧИНЕНИЙ МИНИСТРА ЛИ»

Записки по дням и лунам о странствии по югу

Как-то мне захотелось побродить по свету. Где бы ни ступала нога моего коня, я, встречаясь с тем, что поражало слух и изумляло зрение, описывал это либо в стихах, либо в прозе для того, чтобы потом во всем разобраться. Для чего я это делал?

Допустим, придет время и я стану таким старым, что ноги мои ослабнут и сгорбится спина. И вот, когда я перестану выходить за пределы своей комнаты, а кругозор мой сузится до размеров циновки, я возьму мною самым составленный сборник и взгляну на заметки о путешествии, которое я совершил в расцвете сил верхом на коне и пешком. События прошлых дней предстанут передо мной, будто они произошли только вчера, тогда я смогу взгрустнуть о том, что было когда-то столь приятным.

В собрании моих стихов есть несколько произведений, связанных с местами, что расположены к югу от реки. Когда читаешь эти стихи сейчас, некогда совершенное путешествие всплывает перед глазами как наяву.

Пять лет тому назад я был назначен на службу в Чончжу, и за два года исходил там все места, чем-либо знаменитые, а их было немало. И всякий раз, когда я встречался с прекрасным пейзажем, мелодия стиха тут же вырывалась из моих уст, но ее перебивали официальная переписка и судопроизводство, которые я вынужден был вести. Приходилось ограничиваться лишь одной строфой или строкой, и таких стихотворений, которые я не смог закончить, набралось много. Вот почему завершенных стихотворений, написанных в это время, — не более шестидесяти.

Конечно, можно описать природу многих областей и красоты, ожидающие нас в горах и вблизи рек, но в спешке воспеть их невозможно. И вот кое-как наспех записанное на клочках бумаги и отдельных листках я назвал дневником, включил туда местные слова и простонародную речь.

В год к ё н с и н зимой я приехал на почтовую станцию и остановился там отдохнуть. Когда я кончил писать дневник и стал его просматривать, он показался мне таким необозримым, что я не смог его читать. Вот что я натворил! Усмехнувшись, я взял и сжег все, кроме одной-двух вещей, пригодных для чтения, привел их в порядок и записал так:

Итак, Чончжу. Некогда эта местность называлась Вансан, а в древности здесь было государство Пэкче.

Людей здесь живет много, и дома тесно прижались друг к другу. Люди

чтут обычаи древнего государства, поэтому народ не тупой и не грубый. Все, даже мелкие чиновники, одеты, как ученые, и шляпы носят такие же, как ученые, и поведение их, насколько я мог заметить, соответствует этикету.

Местная гора Чунчжасан густо поросла лесом. Она самая высокая в провинции. А так называемая гора Вансан — всего лишь невысокая сопка. Удивительно, что именно она дала название всей провинции.

В тысяче шагов от главного города провинции находится храм Кёнбокса. В храме есть зал, который называется Пирэпанчжан — «Прилетевшая келья». Я слышал о нем давно, но был занят делами и не мог его посетить. Однажды у меня выдалось свободное от службы время, я проходил мимо храма и осмотрел его. Пирэпанчжан — это зал, куда в древности прилетел буддийский наставник Подок с горы Паннёнсан.

Второе имя Подока — Чибоп. Некогда он жил в храме Ёнбокса на горе Паннёнсан, что в государстве Когурё. Однажды он внезапно сказал своим ученикам: «В Когурё чтят лишь даосизм и не уважают закон Будды. Этому государству долго не простоять. Как найти место, где можно было бы получить приют и избежать треволнений?»

Ученик по имени Мёндок промолвил: «Гора Кодальсан в Чончжу — вот земля, где сумеете прожить спокойно и без волнений».

На втором году правления под девизом Цянь-фэн, в год ч о н м ё, в третий день третьей луны ученик отворил дверь, вышел и видит: зал, в котором пребывал наставник Подок, уже перелетел на гору Кодальсан, которая от горы Паннёнсан находится чуть ли не за тысячу ли. Тогда Мёндок сказал: «Хотя эта гора и замечательна, но вода в местном источнике иссякла. Если уж мне дали знать о том, что сюда надо переместить Учителя, то надо было бы еще и сообщить о необходимости перенести источник с прежней горы».

Я привожу здесь лишь краткие сведения о Подоке, поскольку Чхве Чхивон уже составил подробное жизнеописание этого наставника.

Одиннадцатая луна, день «кисá». Я начал обход зависимых от нашего государства областей. Марён и Чинан — это древние уезды, расположенные в горных долинах. Их население первобытно и дико. Лица у этих людей как у макаков. Они пьют из чаш и блюд, из них же едят протухшее сырое мясо. Их нравы напоминают обычаи южных и северных инородцев. Когда они бранятся и препираются, то становятся похожими на потревоженных оленей: вот-вот бросятся врассыпную.

Дальше я шел, петляя, по горам, пока не добрался до крутых уступов, которые поднимались прямо в облака. По этим уступам я достиг горы

Косан. Горная гряда с отвесно вздымающейся вершиной простиралась на десять тысяч киль. Дорога здесь была очень узкой. Спешившись, я пошел вслед за конем. Косан по сравнению с другими горами считается довольно высокой.

После горы Косан я достиг Еяна, а из Еяна добрался до горы Нансан. И весь этот путь я преодолел с одним лишь ночлегом.

На другой день, собираясь отправиться в область Кыммагун, я отыскал так называемый камень-подпорку и осмотрел его. В народе говорят, будто это камень, который подпирает в древности совершенномудрый. Действительно, судя по удивительным следам на нем, это нечто необыкновенное.

На следующий день я приехал в Исон. Жилища стояли заброшенные, изгороди — в зарослях полыни, постоянные дворы и те были крыты соломой. Из прибывших чиновников там было всего четверо-пятеро уставших с дороги. Когда я увидел все это, меня охватила печаль, которая измучила душу.

Двенадцатая луна. Я получил приказ двора проверить, как идет рубка леса в Пёнсане, где находится государственный склад древесины для строительства дворцов и жилищ.

Не бывало года, чтобы в Пёнсане не рубили леса. Однако деревья такие огромные, что за ними могли укрыться воны, с вершинами, которые касались неба, никогда не исчезали, потому что за рубкой леса постоянно следили. Меня так и прозвали «посланником по рубке леса». По дороге я забавы ради сочинил стихотворение:

Воин рожден, чтоб рубить и колоть,
Славу стяжать и почетом гордиться;
Я же рожден, чтоб рубить и колоть
Лес на дрова и в позоре влачиться^[5].

Мое занятие можно было бы уподобить работе носильщика или дровосека, поэтому я так и написал.

Первый месяц года, день «имчжин». Я впервые приехал в Пёнсан. Громоздящиеся здесь одна над другой вершины, многоярусные скалы то устремляются ввысь, то низвергаются, то изгибаются, то выпрямляются, и не понять, на сколько ли протянулась эта горная гряда от «головы» до «хвоста», от ее «пятки» до «локтей».

Рядом простерлось море, а в море — острова Кунсандо, Видо и Кудо.

Добраться до них можно в любое время утром и вечером. Жители приморья говорят: «Если попутный ветер дует прямо, как стремительно летящая стрела, не успеешь оглянуться, как доедешь до Китая».

В горах много каштанов, и местные жители каждый год запасают их впрок, чтобы прокормиться. В нескольких ли ходьбы есть небольшая, в несколько сот шагов, роща красивого бамбука. Его стволы стоят прямо-прямо, словно конопля; они идут на сооружение изгородей. За бамбуковой рощей начинается пологий спуск. Отсюда идет ровная дорога к уезду Поан. Во время утреннего и вечернего приливов эту ровную дорогу вдруг затопляет, и она превращается в море. Поэтому передвигаться по ней можно только в промежутке между отливом и началом прилива.

Когда я пустился в путь, прилив только начинался и до нас — путников — оставалось еще шагов пятьдесят. Я быстро подстегнул коня, чтобы опередить приливную волну. Остальные, двинувшиеся было за мной, оторопев, быстро остановились, а я этого не заметил и все настегивал коня. Внезапно с грохотом стремительно накатился прилив. Он настигал нас с такой неудержимой силой, словно сюда мчалась огромная армия, за день покрывавшая путь вдвое больше обычного. Мощь и грандиозность приливной волны кого угодно могла бы испугать. В страхе я понесся прочь и едва-едва сумел спастись, взобравшись на гору. Но и здесь волне удалось настичь меня и замочить брюхо моего коня.

Ярко-зеленые горные вершины то скрывались, то появлялись, то выплывали, то вновь исчезали в лазурных волнах. Небо хмурилось, временами прояснялось, словно вечер сменялся утром, и каждое мгновение рождалась новая картина. Облака алели, переливались всеми цветами, отливали зеленью в вышине. Все казалось ненастоящим, будто рисунки на ширме с множеством створок.

Обратив вверх взор, я глядел на эти картины и восхищался, сожалея лишь о том, что нет со мной двух-трех человек, с которыми, поравняв коней, я мог бы обменяться стихами. Обилие видов взволновало душу, и она целиком оказалась во власти чувств.

Вначале, еще в пору юности, я и не думал сочинять стихи, не чувствовал, что они будут слагаться легко, как бы сами собой. Однажды я проезжал мимо Чусапхо. Над горным хребтом взошла ясная луна, ее яркий свет отражался на песчаной отмели. Мои мысли были необыкновенно светлы и возвышенны. Отпустив поводья, не торопя коня, я смотрел вдаль на лазурное море и что-то напевал тихим голосом нескончаемо долго. Погонщик был немало удивлен этому моему пению. Так я сложил свое первое стихотворение.

Високосный год, двенадцатая луна, день «чонми». Я вновь получил приказ из дворца. Мне надлежало проверить судебные дела в нескольких уездах. Сперва я направился в уезд Чиннёхён.

В этих местах очень высокие горы. Я углубился в них и постепенно очутился в их самой сокровенной глубине — словно перенесся в иную страну, попал в иные пределы. И без того невеселые мысли мало-помалу стали совсем мрачными.

Солнце перевалило за полдень, когда я вошел на уездный постоянный двор. Из начальства на месте никого не было. Миновала вторая ночная стража, когда примчались правитель уезда и служащий канцелярии. Они так запыхались, словно пробежали восемь тысяч шагов. Моего коня привязали к столбу у ворот и предупредили людей, чтобы не давали ему сена и зерна, иначе загнанный конь мог пасть.

Я, притворившись, что сплю, слушал их. Убедившись, что эти двое искренне заботятся обо мне, я волей-неволей согласился выпить с ними вина. Нашлись и певички, играющие на пипха. Слушать их было довольно приятно. В других уездах я не пил, а тут понемногу напился допьяна. Слушая музыку, я думал: разве ездить вдалеке от родных мест не все равно что странствовать по чужой стране? Соприкосновение с этими далекими местами так легко может растрогать!

Из уезда Чиннёхён я добрался до области Намвон. Намвон — это древнее государство Тэбангук. За постоянным двором высилась башня Чунну — «Бамбуковая». Я был свободен от дел и смог насладиться открывающимся оттуда видом. Переночевав, я отправился дальше.

Весна, третья луна года к ё н с и н. Я вновь пустился в путь. На этот раз — по воде, чтобы проверить состояние судов.

Не было такого уголка в Сучхоне, Сахо, Одыне, Ёмси, где бы я не побывал. Задержавшись в Мангёне, Импхи, Окку всего на несколько дней, я выехал в Чанса.

По дороге туда мне встретилась одна скала, на которой стояла статуя Мирык, высеченная из этих же скальных пород. На расстоянии примерно тысячи шагов от нее была еще одна громадная скала, полая внутри. Проникнув внутрь, я обнаружил, что постепенно эта пещера начинала расширяться, пока вдруг не распахивалась прямо в небо. Зал, созданный самой природой, был величественен и прекрасен. Установленные здесь статуи буддийских божеств выглядели торжественными и распространяли вокруг сияние. Это и был храм Тосольса.

Быстро стемнело. Настегивая плеткой коня, я мчался во весь опор. Остановился на ночлег в храме Сонунса.

В Чанса я приехал ясным днем. Отсюда добрался до Мусона. Нет нужды описывать все небольшие разоренные уезды на этом пути.

Дальше я отправился по реке, расспрашивая о судах, чтобы произвести их учет. Прежде, встретив источник или озеро, я обычно не мог не зачерпнуть из них воды и не напиться, а потом и вволю не накупаться. Это не только была моя любимая забава, просто очень влекло к реке и морю, которых мне до этого не доводилось видеть.

Теперь же море все время было рядом. Повсюду перед глазами виднелась вода, а в ушах стоял немолчный шум, и я почувствовал усталость и отвращение к этой стихии. Отчего Небо внезапно превысило норму, послав изобилие пищи человеку, который давно ее не видел? Словно изголодавшемуся неожиданно позволили наесться досыта, да так, что даже лакомство стало у него вызывать отвращение.

Двадцатый день восьмой луны этого же года. В этот день запрещалось упоминать имя нашего первого государя{9}. Днем раньше я отправился в храм Сорэса на горе Пёнсан. На стене храма были начертаны древние стихи, принадлежавшие отшельнику Чахёну. Я также написал в ответ два стихотворения.

На следующий день вместе с правителем уезда Пурён господином Ли и свитой из шести-семи человек я добрался до жилища Вонхё. К нему вела деревянная лестница в несколько десятков ступеней. Мы поднимались по ней шаг за шагом, с дрожью в ногах. Ступени лестницы, ведущей со двора в зал, и окно кельи высились над верхушками лесных деревьев. Мы были наслышаны о том, что не раз тигры и барсы пытались прокрасться к жилищу, но не могли взобраться так высоко.

Рядом с домом находилась буддийская обитель, в ней останавливались на ночлег. В народе ее называли «местом, где некогда обитал постигший истину Сапхо». Вслед за Вонхё, который явился сюда, чтобы жить в уединении, прибыл и Сапхо прислуживать ему. Он захотел заварить чай и преподнести его Вонхё. Тот расстроился, что поблизости нет родниковой воды, чтобы его приготовить. Тогда Сапхо подошел к скале, и из трещины вдруг забила фонтаном вкусная, сладкая, как молоко, вода. Отведав ее, Сапхо заварил в чашках чай.

Жилище Вонхё было размером всего лишь в восемь чхоков. В нем жил старый буддийский наставник. Брови с проседью, рваное монашеское одеяние — он выглядел глубоким старцем.

Посреди комнаты стояла ширма, разделявшая внутренние и внешние покои. Во внутренних покоях имелось изображение Будды и «истинный облик» Вонхё, во внешних — бутыл, пара сандалий, фарфоровая чайная

посуда да столик с сутрами. Ни кухонной утвари, ни прислуги в доме не было. Лишь в храме Сорэса Вонхё раз в день получал постную пищу.

Сопровождающий меня молодой чиновник с робостью поведал мне: «Наставника когда-то встречали в Чончжу. В местах, которые он посетил, были люди, которые, пользуясь силой, творили бесчинства, народ страдал, но после того, как наставник там побывал, эти разбойники исчезли неизвестно куда. И вот сегодня наконец я увидел этого наставника». Я вздохнул: «Вообще-то, простые люди считали, что дар Вонхё проявляется постоянно. Он может оставаться на одном месте, никуда не ходить и все равно воздействовать своей личностью на других. Обычно у тех, кто из злых побуждений пугал людей, его дар непременно обнаруживал качества, отличающие их от других людей. Потому-то зло он обращал в добро, и попавшие было на край гибели обязательно становились людьми выдающимися. Однажды некий полководец выехал поохотиться и повстречал второго патриарха школы Ньютоу. Так он исправил свои ошибки и стал творить добро — воин превратился в праведника. Знаменитый буддийский монах Мёндок из Хэдона некогда занимался ловлей орлов, а потом стал ближайшим учеником постигшего истину наставника Подока. Из этих примеров можно заключить, что такие наставники заставляли людей порывать со своими старыми привычками и изменять свое поведение. Их участие приводило к удивительным поступкам, поразительным, но не сверхъестественным».

А еще я спросил о так называемой «недосягаемой келье» и, отыскав, осмотрел ее. Она была устроена на круче, что в десятки тысяч раз выше, чем скала с кельей Вонхё. Туда вела деревянная лестница высотой примерно в сто чхоков, прислоненная прямо к отвесной скале. С трех сторон ее окружали пропасти, глубину которых невозможно было измерить. В эту келью можно было попасть, лишь спускаясь ступенька за ступенькой спиной к обрыву. Один неосторожный шаг — и уже можно не спастись.

Был обычный день, когда я поднялся на высоту одной террасы или башни, не превышающей кия с чаном, а голова моя уже закружилась и в глазах потемнело так, что я не смог глянуть вниз. Мои ноги все сильнее дрожали от страха, но я все же добрался до места, к которому так стремился, и от радости захлопал в ладоши. Не успел я еще попасть в келью, как голова снова закружилась от высоты, но я с давних пор так много слышал об этом знаменитом месте, что теперь почел за счастье прийти сюда специально. Если бы я не осмотрел эту келью и не смог поклониться изображению известного буддийского наставника Чинпхё, то

потом непременно пожалел бы об этом. И вот медленно, цепляясь за ползучие растения, я стал спускаться спиной к обрыву. Ноги с трудом коснулись ступеньки. Мне казалось, что я вот-вот упаду.

Наконец я вошел в келью. Ударом о камень высек огонь и воскурил ароматы перед «истинным обликом» наставника. Имя его — Чинпхё. Он родом из селения Тэчжон уезда Пёкколь. В двенадцать лет Чинпхё взобрался на скалу «Недосягаемая» на горе Хёнгесан, чтобы с тех пор там поселиться. Гора, на которую я карабкался, и была горой Хёнгесан. Здесь он сел в позе медитации, чтобы увидеть бодхисаттву Милосердия и бодхисаттву Кшитигарбху. Шли дни, но они не являлись, и тогда он бросился в пропасть. Два отрока в зеленых одеждах, подхватив его на руки, сказали: «Наставник еще слаб в учении, поэтому не узрел двух святых». И тогда Чинпхё, собрав все свои силы, погрузился в созерцание еще на трижды по семь дней. И тогда над деревом перед скалой воплотились бодхисаттва Милосердия и бодхисаттва Кшитигарбха, которые вручили ему заповеди. Бодхисаттва Милосердия собственноручно передал сутру Чжаньчацзин в двух свитках, присоединив к этому сто девяносто девять дощечек с записями, дабы они указали путь всем живущим.

Келья Чинпхё была прикована к скале железными цепями и потому не покосилась от времени. В народе говорят, будто ее построил дракон моря.

Когда мы собрались уже в обратный путь, правитель уезда распорядился устроить пирушку на одной из вершин. «Это Манхэдэ — Терраса, откуда смотрят на море, — сказал он. — Я хотел бы вознаградить господина и заранее послал людей приготовить все для пирушки, теперь вот ожидаю их. Прошу вас, отдохните немного».

Я поднялся и стал смотреть вдаль. Меня окружало море. До горы Хёнгесан было не более ста шагов. Каждый раз, выпивая чашу вина, я сочинял стихотворение. Десять тысяч видов, открывшихся моему взору, будто привораживали. Исчезли все суетные мирские мысли. Я будто парил, словно мои грубые кости сбросили старую кожу и отрасли крылья. Мне казалось, что в этом своем полете я вышел за пределы человеческого пространства. Подняв голову, я смотрел вдаль, словно собираясь поманить к себе рукой бессмертных.

Все сидевшие, а их было человек десять, захмелели. Но так как это был день, когда запрещалось упоминать имя нашего первого государя, никто не играл и не пел.

Невозможно описать все те места, где я побывал. Если считать столицу стволом дерева, а четыре стороны света — его ветвями, то места, где я бродил, — лишь частичка южного пути, только веточки на ветвях. К

тому же мои записки — это немного, что уцелело от забвения и уничтожения. Достойны ли они того, чтобы их читали в будущем? Сперва я хранил их, ожидая, когда у меня найдется время объединить в одно целое все, что я записал о моих странствиях на восток и запад, на юг и север, но потом решил сделать отдельное сочинение, подумав, что на склоне лет оно поможет мне забыть все горести. Не вправе ли я был так поступить?

Записал в третью луну года с и н ь ю.

Перевод Л. Ждановой.

Наставляю своего пса Пан-о

Кистью из твоей шерсти создают письма, о внук Пань-ху! Ты сметлив и мудр, о потомок пса по имени Черный Дракон!

Лапы твои при ходьбе издают звук, словно колокольчики, а морда твоя будто лакированная. Костью ты крепок, мускулами — силен.

Твоя искренность в беззаветной преданности хозяину достойна любви. Твоя же служба по охране ворот заслуживает заботы о тебе. Вот почему, воздавая хвалу твоей храбрости, ценя твои помыслы, я держу тебя в доме, дорожу тобой и кормлю тебя.

Хотя и животное низкого ранга, ты тот, кто опирается на духа Большой Медведицы [{10}](#). Обладаешь такой душой да еще и умом, кто из животных сравнится с тобой?

Хозяин наставляет — ты должен наострить уши. Будешь постоянно лаять — люди не станут бояться тебя. Будешь кусать без разбору — не оберешься беды.

Не лай на тех, кто высоко носит шапку чиновника и убор князя, на тех, кто приветливо-почтительно тащит за оглобли и две боковины разукрашенную колесницу, на тех, кто носит на поясе меч «лэйцзюй» и яшму «бирюзовую, словно вода», а также на конных вестовых, криками «цянцян» и «ланлан» оповещающих о приближении знатной особы и требующих освободить дорогу на запруженных улицах.

Так как императорский указ не терпит промедления и от совершенномудрого, пекущегося о своих подданных, неожиданно может быть получен приказ, даже ночью не лай на дворцового мальчика-слугу, спешно посланного с тем, чтобы твоему хозяину явиться к «небесным ступеням».

Не лай на тех, кто совершает учителю подношение в качестве вознаграждения, состоящее из блюда с горькой овощей и фруктов и блюда с вяленным мясом, приправленным имбирем и корицей, треножника с солониной, чаши со сваренным на пару рисом и чайника с молодым вином.

Не лай на тех, а таких множество, кто одет в платье с широкими рукавами, кто несет под мышкой обернутые в шелк книги и желает вместе с хозяином высказываться без обиняков, прямо задавать вопросы там, где все запутанно и трудно дознаваемо.

Слушай же теперь, на кого можно лаять и кого можно кусать.

Поторопись лаять, поторопись кусать, не мешкая, тех, кто

высматривает сильные и слабые места и делает это, не ведая сомнений, кто сверлит стену, чтобы подсматривать за происходящим в доме, кто помышляет завладеть золотом и присвоить секиру.

Лай на тех, кто внешне мягок, словно жир, а внутри злобен, на тех, кто принимает у людей правду за ложь, таит злобу и скрывает нападки, на тех, кто привык говорить гладко, обходя углы.

Кусай старого шамана и бесстыжую шаманку, если те постучат в дверь и попросят, чтоб их приняли. Это на них таращат глаза и косятся на их танцы с превращениями, влекущие за собой явление духов и тем самым вводящие в заблуждение и морочащие.

Лай, и как можно скорей, на лукавых духов и коварных чудищ, ищущих лазейки и дурачащих, дождавшись темноты.

Кусай и по возможности умерщвляй залегшего барсука и большую крысу, проделавших в стене дырку, укрывшихся в отхожем месте и косо посматривающих вокруг.

Если в мешке есть мясо, не воруй его. Если в жертвеннике есть соус, не лижи его. Не поднимайся в зал, не рой землю, не открывай ворота, не имей привычки спать.

Если произведешь на свет щенка, пусть он непременно будет с коротким щипцом и непременно злым, с грудью, как у леопарда, и с хвостом, как у безрогого дракона. Именно такой щенок подойдет внуку хозяина.

И вот, если будешь послушен и с почтением станешь внимать моим словам, уважу тебя угощением. И, если спустя тысячу лет твой хозяин обретет бессмертие, он и тебя напоит целебными травами и поведет за собой на Небо.

Кто там говорит: «Это не так»? С почтением внимай же, с почтением, и не пренебрегай моими словами!

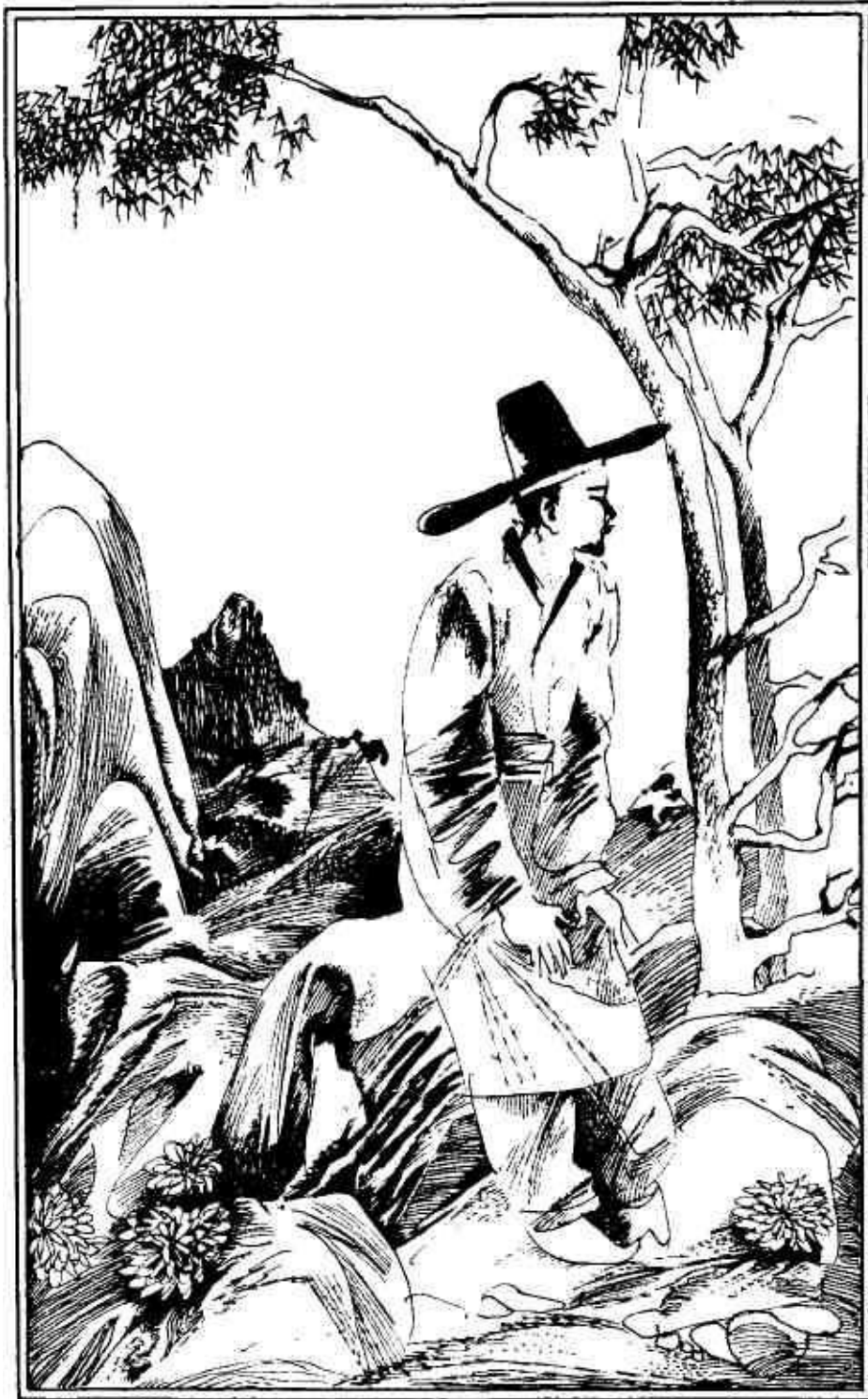
Перевод Л. Ждановой.

Заклинание от мышей (с предисловием)

В нашем доме никогда не держали кошек, поэтому там стали бесчинствовать мыши. Страдая от этого, написал заклинание от них.

В одном жилище престарелые родители почитались как хозяева дома. Все их поддерживали и помогали им. Каждый имел свои обязанности. За приготовление пищи отвечала рабыня Чоккак — Красные Ступни. Скот пас раб Коннюн — Куньлунь.

Каждый из шести домашних животных нес свою службу. Конь заменял труд человека. Погрузив на него поклажу, его знай себе погоняли. Вол перевозил тяжести либо возделывал целинные земли. Петух кукареканьем возвещал рассвет, а пес лаем охранял ворота. Тем самым все были заняты и помогали хозяину дома.

А спросите у мышей: «Какие у вас обязанности? Почему вы тоже считаете себя домашними животными?»

И откуда вы беретесь и множитесь? Лезете из дыр и занимаетесь воровством. Только и рыщете, где бы что стянуть. Все так и говорят про вас: «Разбойники».

Являетесь со стороны, и неизвестно где поселяетесь в доме, постоянно нанося ущерб семье хозяина. Все время проделываете дыры в дверях его жилища, протискиваетесь боком, боком же и вылезаете обратно.

В темноте неистово вытаптываете своими лапами зерно из колосьев, всю ночь шуршите «шу-шу». Когда все крепко заснут, тут вы самочинствуете. Открыто безобразничаете и среди бела дня, шмыгаете из покоев на кухню, из открытого во двор зала — обратно в комнаты.

Все обычно преподносят жертвы Будде. Все жертвуют живых тварей духам. Вы же самочинно все пробуете на вкус первыми. Нет у вас ни духов, ни Будды.

Благодаря вашей способности точить стенки, легко проникаете в ящики и коробки. Из-за вашего же обыкновения попадать в дымоход дым скапливается в каждом углу дома.

Кормитесь тем, что воруете, и делаете это для того, чтобы заниматься чревоугодием. Но для чего вы грызете одежду? Ведь из клочков ткани платья не сошьешь. Для чего откусываете волокна пряжи, если вам все равно не соткать шелк?

Кто господствует над вами, так это кошка. Но я не держал ее как домашнее животное, потому что по своей природе милосерден и не терплю жестокостей. Короче, вам не понять моей добродетели. Но если вы будете лезть напролом и сопротивляться, объявляю вам, что вас ждет кара. Поскорее же убирайтесь из моего дома, а не то выпущу на вас злую кошку и та в один прекрасный день учинит кровавую расправу над всем вашим родом. И тогда морда кошки вымажется вашим жиром, а брюхо ее погребет ваше мясо. И даже если захотите вновь ожить, воли Неба на то не будет. Поскорее же уходите, уходите поскорей». Да исполнится мое пожелание немедленно!

Перевод Л. Ждановой.

Зеркало

Было у одного отшельника зеркало. Пыль покрыла его густым-прегустым слоем, словно облако, заслонившее луну. Однако отшельник с утра до вечера гляделся в него, как бы прихорашиваясь.

Однажды это увидел гость отшельника и заметил:

«Зеркало — предмет, при помощи которого удается увидеть свой облик. Если бы это было не так, настоящий муж не держал бы его в чистоте. У вас же зеркало как бы подернуто мглой, вроде как закрыто туманом. Раз вы не можете увидеть себя, значит, у вас нет того, что держат в чистоте. Однако вы все же без конца смотрите как бы на свое отражение. Почему это?»

Отшельник отвечал:

«Когда зеркало ясно, то те, кто красив, с любовью относятся к нему, те же, кто безобразен, питают к нему отвращение. Но красивых мало, а безобразных много. Если из последних хотя бы один увидит себя в зеркале, непременно его сломает. Лучше уж пусть оно будет тусклым. Тусклое, оно скорее испортится снаружи, чем утратит свою чистоту внутри. Если же из десяти тысяч людей встретится один красивый, он протрет зеркало. Сделать это никогда не будет поздно.

Увы! В древности зеркало содержали в чистоте. Мое же зеркало следует держать тусклым. Что вы находите в этом удивительного?»

Гость ничего не ответил на это.

Перевод Л. Ждановой.

Как я привел в порядок маленький сад вблизи своего жилища

Вблизи моего жилища, расположенного к востоку от столицы, есть верхний и нижний сад. Верхний сад тянется вдоль на тридцать шагов и на столько же поперек, а нижний едва наберет с десятков шагов. Шагами измеряли поля в древности.

Каждое лето, в пятую — шестую луну, в саду мощно разрасталась густая трава. Она доходила чуть ли не до пояса, и скосить ее было невозможно.

В доме жили три низкорослых раба и пять тощих отроков. Вид такого запустения вызвал у них стыд, и одной тупой мотыгой, сменяя друг друга, они начали полоть. Сделают три-четыре шага — и остановятся.

Прошло десять дней. И вот, пока они наводили порядок в другом месте, на прежнем, уже прополотом, трава не только выросла, но и успела заполнить все вокруг.

Прошло еще десять дней. И снова там, где они до этого боролись с буйной порослью, поднялась и густо разрослась трава.

Так они и не смогли довести начатую работу до конца. Я перестал наблюдать за ними, и рабы поленились напрячь все силы. В конце концов я отпустил их без лишних упреков.

Тогда я решил сам привести в порядок маленький нижний сад. Для этого сада сил моих было достаточно. Я напрочь отказался от помощи нерадивых рабов и принялся за дело. Очистил сад от сухостоя, выполол густую траву, потом засыпал низины и срыл возвышения — сделал сад ровным, как шахматная доска.

Когда все работы были закончены, я надел платье из волокон пуэрарии, шляпу из кисеи и стал медленно прогуливаться по саду. Временами я шел полежать на бамбуковой подстилке и каменном изголовье. Тень от рощицы рассеивалась по земле, налетал свежий ветерок, дети дергали меня за подол, я гладил их по головкам и не мог нарадоваться.

Так я коротал время. Это место, где мне столь привольно жилось, оказалось настоящим райским уголком.

Увы! Сад в тридцать шагов был мне не по силам, и я принялся за участок земли в десять шагов, но и то едва-едва с ним управился. Это ли не моя заслуга?

Представим себе теперь, что я попал ко двору государя. Увидев снова «сорную траву» на службе, разве я не сумел бы навести порядок?

Некогда Чэнь Чжунцзюй не хотел подметать и одну комнату, потому что его помыслы простирались далеко за пределы дома. Если рассуждать, как он, то можно ли в полной мере раскрыть мысль о воспитании в себе великого мужа?

Подумав так, я усмехнулся и собственноручно написал эти записки. Написав, просмотрел их и после этого частенько стал громко смеяться. И снова смех счел за радость.

Записал в год к а б и н.

Перевод Л. Ждановой.

Семеро мудрых

В прошлом эти семеро мудрых были искусными литераторами. Себя они, похоже, полагали непревзойденными талантами, и потому назвались так, имея, верно, в виду знаменитых цзиньских мудрецов из Бамбуковой рощи. Собираясь вместе, они пили вино и сочиняли стихи, а потом занимались их разбором. Вели себя так, словно в этом мире нет никого, кроме них. Люди же, наоборот, посмеивались над ними. Так что со временем они отказались от этой затеи.

В ту пору мне как раз исполнилось девятнадцать лет. Моим наставником в литературе был О Токчжон, который частенько брал меня с собой в эту компанию. Как-то случилось, что он уехал по делам в Кёнчжу, а я как раз пришел к нему навеститься. Меня встретил Ли Чхонгён: «Если ты к Токчжону, — сказал он, — так он еще не возвращался. Зато теперь у нас есть свободное местечко, не соизволишь ли?..» Я ответил: «А разве быть одним из мудрых — это должность или звание, чтобы на них объявлялась вакансия? Мне доводилось слышать, что у Цзи Кана были преемники и последователи, а вот слышать насчет вакансий не приходилось...» При этих словах все громко рассмеялись и предложили сочинить какое-нибудь стихотворение, соответствующее моменту. Я не заставил себя упрашивать и тут же продекламировал:

Средь зарослей бамбука —
 уютный закуток:
Чудесное местечко
 для семерых кутил.
Вот только сожалею,
 что не могу взять в толк:
Кто косточки от сливы
 со сливой проглотил?[{11}](#)

Они ужасно рассердились на это, а я, не обращая на них внимания, взял и выпил все вино, а потом повернулся и ушел.

После этого случая, приключившегося со мной в молодости, все почему-то абсолютно уверены, что я самый что ни на есть отъявленный грубиян.

Перевод С. Сухачева.

Но Кыкчхон

(Эта история попалась мне в «Мёнчжон силлок»; правда, приводимые там сведения очень скупы, так что я решился добавить кое-что от себя.)

Кто такой этот Но Кыкчхон, толком неизвестно. Должность у него была самая незначительная. А сам он был до крайности беден, так что вынужден был даже продать свой дом в столице. Но покупатель нашелся не сразу, а тут пришлось ему ехать по делам в провинцию. Пока он был в отъезде, жена продала дом некоему чиновнику по имени Хён Токсу за двенадцать кынов серебром. Кыкчхон вернулся в столицу и, разузнав у жены что и как, счел, что она продала дом слишком дорого. Взяв три кына, он отправился к Токсу и сказал: «Когда в свое время я покупал этот дом, то заплатил за него девять кынов. С тех пор прошло несколько лет. Моя семья пользовалась им, но мы даже ремонта не делали. Так что получить с вас лишние три кына было бы просто нечестно. Покорнейше прошу принять их обратно». Но Токсу тоже был благородным человеком и отвечал: «Почему вы изволите полагать, что честность является исключительно вашим достоинством? Разве я не такой же, как вы? Я купил этот дом, деньги уплачены, так что я не могу позволить себе принять от вас сумму, о которой идет речь». На это Кыкчхон ответил: «Я в своей жизни никогда не поступался принципами справедливости. Разве можно купить вещь, а потом продавать ее дороже? Это только позорить себя. Если вы не согласны со мной, то прошу вас получить обратно всю сумму, а мне вернуть дом». Но Токсу наотрез отказался брать деньги и предложил: «Раз уж мне вас не переубедить, то, коль скоро вы настаиваете, я мог бы принять эти деньги на буддийский храм».

Все, кому довелось узнать об этом деле, не смогли удержаться от грустного вздоха: «Ах, разве можно представить себе такое благородство в нынешнем продажном мире? Разве найдутся теперь такие мужи?»

Увы, больше ничего не известно ни о самом Но Кыкчхоне, ни о его семье! Пришлось мне довольствоваться только пересказом этого случая.

Перевод С. Сухачева.

О лихоимстве

Довелось как-то мне через реку переправляться. У перевоза, смотрю, две одинаковые лодки, разницы нет никакой, различья нет никакого. Сели и ждем, как вижу, на второй вдруг подняли весла, гребок — и вперед понеслись, стремительно, словно птица... Вот уже на том берегу проворно вяжут канаты. А мы на мелкой волне все также стоим, качаясь; гребцы никуда не спешат. Удивленный, спросил, в чем дело. И слышу: два пассажира — как видно, народ бывалый — толкуют промеж собою: «Видать, поднесли по чарке команде всей для веселья — то-то гребут, стараясь...» Не смог удержаться от вздоха: «Увы, даже если в этом, таком пустяковом, деле, и то лихоимство правит, то что говорить, к примеру, тогда о чиновной карьере?» И вспомнив, что сам я беден, смутившись, подумал грустно о том, что мои заслуги доселе не оценили... И мыслям таким предавшись, набросал эти несколько строчек.

Перевод С. Сухачева.

Треснул горшок

Вот в жизнеописании Ду Му написано, что перед его кончиной треснул горшок для варки пищи, и Ду Му якобы сказал, что это дурное предзнаменование. Я думаю, что Ду Му не мог сказать такого, опровергая приписываемые ему слова. Такие речи более подобают лукавым шаманам или невежественным историкам. Если же Ду Му в самом деле сказал, что треснувший горшок — дурное предзнаменование, то эти слова не достойны истинного конфуцианца. А сунские историки поместили в историческую книгу такую несуразицу.

В одной исторической книге сказано: «Если утром закукарекает курица, то в доме непременно случится несчастье». Вообще, конечно, курица ведь не кричит по-петушиному. А поскольку ей, мол, не свойственно обычно кукарекать, то если это случится — семью ждет несчастье. Разумеется, странно, когда фазан садится на треножник и кричит «гоу!», а мыши начинают танцевать в главных воротах государева дворца. Потому-то мудрец Кун-цзы и сохранил в книге эти записи, не сократил их.

А горшок треснул либо потому, что был слишком сильный огонь, либо в нем выкипела вся вода. В этом нет ничего сверхъестественного, и кончина Ду Му просто случайно совпала с тем, что треснул горшок. Нельзя считать, что эти два факта связаны между собой.

Я могу судить и по собственному опыту. Осенью прошлого года, в девятой луне, у меня в доме во время приготовления пищи тоже треснул горшок. Мне нисколько не показалось это удивительным. А в этом году горшок снова, издав звук, похожий на мычание вола, раскололся надвое. Домашние тут же прочертили линию для того, мол, чтобы отгородиться от беды. Женщины, работавшие на кухне, побледнев от испуга, примчались ко мне и доложили о случившемся. Я же только посмеялся над их страхами. Но тут как раз явилась шаманка.

— Треснувший горшок, — сказала она, — означает, что с хозяином дома случится несчастье — он умрет. Если не совершить большого заклинания и не освободиться от наваждения, то, боюсь, беды не миновать!

Моя жена хотела тут же последовать совету шаманки, но я удержал ее:

— Жизнь и смерть человеческая предопределены судьбой. Человек умирает только тогда, когда наступает срок смерти. И смерти не должны предшествовать никакие сверхъестественные предзнаменования. Какой же

смысл молиться об избавлении от несчастья? Какое ко мне имеет отношение треснувший горшок?

И вот я действительно до сих пор не умер. Предположим, что Ду Му не имел никаких заслуг, а потому и умер, едва треснул кухонный котел. Но я-то за какие такие добродетели до сих пор избегаю смерти? Ведь у меня в доме лопнули уже целых два горшка! Разве это не хороший пример опровержения суеверий?

Пожалуй, потомки еще поверят рассказу о знамении перед кончиной Ду Му, помещенному в его жизнеописании, подумал я. А потому и решил внести ясность.

Перевод Д. Елисеева.

Наказ отца

Когда начинаешь какое-нибудь дело, оно порой кажется не очень-то и важным, а в конце концов оказывается вполне стоящим. Это можно бы сказать и о прививке фруктовых деревьев.

Еще при жизни моего батюшки говорили, будто некий высоченного роста человек по фамилии Чон хорошо прививает фруктовые деревья. Батюшка решил испытать его. На заднем участке у нас было два захудалых грушевых дерева. И вот верзила Чон сказал, что у этих деревьев нужно отпилить корни и тогда они, мол, станут лучшими в мире грушами. Он отпилил корни и, срезав несколько ветвей от хороших грушевых деревьев, прикрепил их на срезах корней, присыпал измельченной землей. Тогда это казалось пустой затеей. А когда появились побеги и распустились листья, оставалось только удивляться. Летом же листья разрослись совсем густо, а осенью созрели плоды. Вот тогда-то и пришлось поверить, что Чон прав, тогда-то и рассеялись сомнения — не обман ли это?

После того как батюшка покинул этот мир, незаметно прошли девять лет. Я гляжу на деревья, ем плоды. На меня находит печаль, горло перехватывает, я плачу и, обняв дерево, не могу от него оторваться. Если люди древности из-за Шао Бо и Сюань-цзы говорили: «Не срубайте же эту рябину!», «Берегите эти красивые деревья!», то тем более нельзя небрежно относиться к вещам отца, которые он передал сыну. Разве не разрывается от печали по отцу душа сына, когда ему остаются эти деревья? Единственный правильный путь — хорошо за ними ухаживать и, право же, есть их плоды, только стоя на коленях! И, думается, разве то, что батюшка оставил мне эти деревья, не есть прямой наказ — ложное отбрасывать, следовать истинному? Я храню этот наказ в душе, очень хотел бы предостеречь и других людей от его забвения.

Перевод Д. Елисеева.

На корабле

Когда я должен был отправиться в ссылку на остров Видо́, друзья, жившие в уезде Поанхён, устроили мне большие проводы. И я так напился, что был еще очень пьян, поднимаясь утром на корабль. В полночь, когда корабль прошел уже половину пути, до меня донеслись крики матросов: «Тонем! Тонем!» Я испугался, вскочил на ноги и, наполнив чашу вином, стал молить Небо о спасении. При этом я плакал в голос. Не прошло много времени, как ветер стих, волны улеглись.

Вскоре мы достигли башни Капкундэ. Тут уж было совсем недалеко до острова Видо. И вот моряки стали говорить, показывая на меня друг другу: «Этот старец пользуется благоволением Неба. Почитать его надо!»

Когда в полночь моряки
не могли бороться с ветром,
Я, мгновенно протрезвев,
сотворил моление Небу.

Одинокий и несчастный,
только горестно я плакал.
И мольбам моим вняла,
стихла грозная стихия!

Перевод Д. Елисеева.

Дух Чон Чисана

Министр Ким Пусик и ученый Чон Чисан оба были литераторами и прославились. Однако между ними возникли разногласия, отношения были нехорошими. И, как говорят в народе, с ними случилось вот что. Чисан сочинил двустишие:

В храме кончилось моление.
Небо ясно, как стекло!

А Пусику это стихотворение так понравилось, что он потребовал у Чисана согласия считать его своим. Однако Чисан отказал ему в этом. Впоследствии Пусик убил Чисана, и Чисан от незаслуженной обиды стал злым духом.

Однажды в весеннюю пору Пусик сложил стихотворение и прочел его вслух:

Цвет ивы — будто
тысяча нитей зеленых.
Ну а персика цвет —
десять тысяч пятен красных!

Вдруг с воздуха спустился дух Чон Чисана и, ударив Пусика по щеке, закричал:

— Ну кто будет считать тысячу нитей и десять тысяч пятен?! А почему бы не сказать просто:

Ветви ивы —
зеленые нити.
Пятна красные —
персик в цвету?!

И Пусик в душе еще больше возненавидел Чисана. Однажды Пусик зашел в уборную какого-то храма. Дух Чон Чисана тут же вошел за ним, крепко ухватил за мошонку и спросил:

— Вина ты вроде бы не пил. Отчего же рожа у тебя такая красная?

— На холме деревья с красными листьями, — неспешно ответил Пусик, — их цвет и отражается на моем лице.

— А чего это у тебя кожаный мешок-то такой рыхлый? — еще крепче сдавил мошонку Пусика дух Чон Чисана.

— А у твоего батьки ядра были чугунные, что ли? — даже и в лице не переменялся Пусик.

Тогда дух Чон Чисана изо всех сил стал дергать его, и Ким Пусик в конце концов умер тут же, в уборной.

Перевод Д. Елисеева.

Все некстати

Вечно, даже в мелочах,
 человеку нет удачи.
Все некстати, все не так,
 и душа его страдает.

Когда молод ты и беден,
 когда терпишь ты невзгоды,
Так тебя же и жена
 ведь не очень уважает.

А вот к старости придешь
 и богатства поднакопишь —
Роем юные кисэн
 вкруг тебя кружиться станут.

Ты сидишь под крышей дома —
 ярко солнышко сияет,
А пойдика прогуляться —
 хлынет дождик проливной.

Только досыта наешься —
 появляется вдруг мясо.
В горле выскочит болячка —
 уж вина подносят чарку.

Лишь жемчужину продашь
 на базаре по дешевке,
Как на жемчуг этот самый
 враз и цены поднялись.

Излечился ты от хвори
 и уж помощь не нужна —
Ну конечно, у соседей
 в доме лекарь объявился.

Если даже в мелочах
 не случается удачи,
То легко ль на журавле
 нам отправиться в Янчжоу?!

Так-то вот и все не совпадает с нашими желаниями. В малом — вместо здоровья недомогание, горе вместо радости. В большом — не мир, а война для государства, не спокойствие, а смута. В моем немудреном стишке хотя и говорится о вещах незначительных, однако мысль, выраженная в нем, поистине велика. Вот в мире передается, например, такое стихотворение:

ЧЕТЫРЕ РАДОСТИ

После засухи большой —
 дождь обильный.
Встреча с другом дорогим
 на чужбине.
Свечи красные в ночи
 новобрачных.
В списке имя отыскал —
 выдержал экзамен!

Однако после дождя ведь снова может наступить засуха, встреча на чужбине с другом может опять обернуться разлукой. А разве можно быть уверенным, что супружеская жизнь будет счастливой? А разве выдержанный экзамен не может стать началом забот и тревог? Во всем этом много такого, что не совпадает с нашими желаниями, и мало того, что совпадает. Остается лишь вздохнуть с сожалением.

Перевод Д. Елисеева.

ИЗ СОБРАНИЙ ПХЭСОЛЬ

Перевод Д. Елисеева.

СО КОЧЖОН

Мудрое решение

Это случилось, когда Хам Учхи был еще губернатором провинции Чолладо. Два брата из одной именитой семьи делили наследство. И вот заспорили они, кому взять большой горшок, кому — маленький. Отправились в управу. Хам Учхи, узнав, в чем дело, очень разгневался, велел служителю принести горшки.

— Живо разбить оба горшка, — приказал он, — а черепки поделить между братьями поровну!

Пришлось братьям смириться с таким решением. Тем дело и кончилось.

Могила кошки и змеи

Был один буддийский монах, который ходил по деревням и просил милостыню. Как-то подошел он к деревенскому дому в уезде Чончжу. Подал голос, что, мол, замерз и есть хочет, но никто из-за ворот не откликнулся. Прошло немало времени, прежде чем до него донесся женский плач. Он еще долго бродил вокруг дома и ждал. Наконец вышла старая вдова.

— Я, муж с женой да еще три женщины жили все вместе в этом доме, — сказала она монаху. — И вот сегодня днем во время обеда муж и жена в одночасье погибли. В доме все идет кувырком. Не знаю, что и делать. Умоляю вас, учитель, войдите в мое положение, помогите мне!

Монах вошел в дом и видит: в комнате лежат на полу старик, молодая женщина, кошка и змея. Все мертвые! Монах спросил, как это произошло.

— У женщины внезапно заболел и распух палец, — рассказала вдова. — Потом вдруг распухли ноги, живот сделался как большой глиняный кувшин, и она сразу умерла. А было так: кошка поймала змею, отгрызла ей хвост, но змея была еще жива и укусила женщину. Хозяин в сердцах хотел убить кошку. Кошка с испуга вскочила на полку. Хозяин полез за ней, а кошка спрыгнула вниз и поранила ему горло. Он еще успел ударить кошку ножом и убил ее. Сам скончался тоже. — Тут старуха заплакала еще горше.

— Эти четверо, — изрек монах, — в трех своих перерождениях

совершили какие-то грехи. Если не позаботиться об их дальнейшей участи, могут произойти большие несчастья!

Он сжег тела мужчины и женщины. Затем взял кошку и змею и закопал их вместе. Люди называют это место Могилей кошки и змеи.

Забеременела от монахини

Был один слуга, внешностью поразительно похожий на женщину. Сызмальства носил он женскую одежду, а когда ему перевалило за сорок, был принят на службу в семью важного чиновника. Работал он с большим усердием, и хозяин всегда ставил его в пример.

Ван Сечжо, прослышав об этом слуге, как-то заметил, что положение у него было довольно двусмысленное.

— А что думает об этом министр? — помолчав, спросил он министра Кочжона.

— Ваш верный слуга, — ответил Со Кочжон, — немного читал «Провинциальные записки». Вот что там сказано.

В междуречье Янцзы и Хуайхэ жила некая буддийская монахиня, которая хорошо вышивала. Как-то из одной состоятельной семьи к ней послали девушку обучаться этому искусству. И вот неожиданно-негаданно стало известно, что девушка беременна. Когда отец принялся бранить ее, она сказала:

— Днем мы вместе с монахиней работали, ночью вместе спали. У меня и сомнения не было, что она такая же женщина, как я, пока не дошло вот до этого!

Семья подала жалобу начальнику уезда, и тот велел публично осмотреть монахиню. И оказалось, что у нее нет ни мужского, ни женского естества. Уездный начальник хотел было отпустить ее, но случившаяся тут некая старая вдова сказала:

— Между прочим, есть такой способ: соленой водой смачивается то место, где бывает мужское естество. Потом это место должна облизать желтая собачка, и тогда мужское естество появится!

Начальник уезда проверил — в самом деле получилось.

— По закону Неба, — рассудил он, — должны быть инь и ян, у людей — мужчина и женщина. А эта монахиня не мужчина и не женщина. Значит, закон нарушен!

Он приказал казнить монахиню, и люди между Янцзы и Хуайхэ все

остались очень довольны этим.

Три недостатка

Пхоын, князь Чон Мунчхун, был человеком порядочным, строгих правил. Никто ни в чем не мог упрекнуть его. И все же некто сказал ему однажды:

— Говорят, князь, что у вас есть три недостатка. Знаете ли вы об этом?

— Какие же? — спросил Пхоын.

— Вот, говорят, что если вам случается участвовать в пирушке с друзьями, то вы приходите на нее первым, пьете больше всех и уходите последним.

— Верно, такое бывало... Но тогда я был молод, жил в провинции, и если случалось раздобыть кувшинчик вина, то хотелось хоть разок как следует повеселиться в кругу родных и друзей. А теперь я богат и знатен, всегда у меня полно гостей, и вино не иссякает в кувшинах. Зачем же мне себя ограничивать?

— Говорят еще, что вы любите женщин. Не так ли?

— Любовь человеку дана от природы. Об этом говорил еще Конфуций. Известно, что и сам он не отказывался от наслаждений!

— А вот слышал я, что вы вымениваете китайские вещи. И не без выгоды!

— Я старый бедный человек, — ответил князь, слегка переменившись в лице при этих словах. — Сыновей и дочерей у меня много, а для свадебных церемоний нужны китайские вещи. Ведь не могу же я изменить обычай! Да и так уж повелось с древности, что люди обмениваются вещами, которые есть у одного и нет у другого. Разве я делаю что-нибудь недостойное?

Его собеседник рассмеялся и сказал, что все это было только шуткой.

Попался на хитрость

Хо Сон, князь Конган, характером был тверд. Будучи министром, в делах государственных он проявлял добросовестность. Не выносил мошенничества и в частных делах. Хо Сон не любил, когда к нему обращались с личными просьбами, и, если поступало чье-нибудь прошение, он непременно решал как раз наоборот.

Некоего столичного чиновника переводили в провинцию. Он просил,

чтобы его послали куда-нибудь на юг, а попал на самую окраину провинции Пхёнандо{12}. Один ученый просил теплое местечко гражданского чиновника в столице, а его нарочно услали учителем в провинцию.

Монах Ильун из обители Хындокса, очень хитрый и ловкий, замыслил перебраться в храм Тансокса. Не выказывая, однако, своего истинного намерения, он попросил князя Хо:

— Слышал я, будто очень уж хороши окрестности обители Ёнмёнса, что в Содо. Побывать там хоть разок — мечта всей моей жизни. Вот уж будет обидно, если назначат меня в храм Тансокса. Почтительно надеюсь, что вы уважите мою просьбу!

И через несколько дней вышло распоряжение: монаху Ильуну отправиться в храм Тансокса.

— Этот старый упрямец попался-таки на мою хитрость! — расхохотался Ильун.

СОН ХЁН

Пхун Сансу считает по-своему

Некто Пхун Сансу из государевой фамилии был настолько глуп, что не мог отличить бобов от ячменя. В доме у него держали гусей и уток. Так он даже не умел их толком сосчитать: считал по парам.

Однажды слуга зарезал утку и съел ее. Пхун Сансу сосчитал птиц по парам, и осталась одна лишняя.

— Ах, негодяй! — злобно закричал он, колотя слугу. — Ты украл мою утку! Сейчас же верни мне ее!

На другой день слуга съел еще одну утку, и когда Пхун Сансу сосчитал уток по парам, все было в порядке.

— Только палка и помогла, — очень довольный, воскликнул он. — Вчера побил этого мошенника, а сегодня он и вернул утку!

Глупый зять

В старину один сонби обзавелся зятем. Зять этот был настолько глуп, что, как говорится, не мог отличить бобов от ячменя. На третий день после свадьбы, когда молодые сидели за столом, зять, указывая на манту, вдруг спросил:

— Это что такое?

— Молчи, молчи! — закрыла ему рот молодая.

Зять разломил манту, увидел в нем кедровые орехи и опять спросил:

— А это что?

— Не говори, не говори! — снова цыкнула на него молодая.

И вот, когда молодожен возвратился к себе домой и родители спросили у него, что он ел в доме жены, он ответил:

— Съел одно молчи, в котором было три не говори.

Родня жены была очень расстроена глупостью зятя. Никто не знал, что делать. Тогда тесть купил большой дубовый ларь на пятьдесят малъ риса и решил: если зять знает, что это такое, то он не прогонит его. Всю ночь жена учила молодого, как надо отвечать. Наутро тесть позвал зятя и показал ему дубовый ларь. Постучав по ларю палочкой, зять сказал:

— В этот дубовый ларь войдет, пожалуй, полсотни малъ риса!

Тесть очень обрадовался, купил еще деревянную бадейку и опять

показал зятю.

— В эту дубовую бадейку войдет, пожалуй, полсотни маль риса! — постучав по бадейке палочкой, снова сказал зять.

У тестя разболелся живот. Зять спросил, где болит. Когда тесть, выставив живот, показал ему, он постучал по животу палочкой и сказал:

— В этот дубовый живот войдет, пожалуй, полсотни маль риса!

Два брата

Давным-давно жили-были два брата. Старший уродился очень глупым, а младший умом был не обижен.

В день поминовения решили братья совершить жертвоприношение душе покойного батюшки. Однако дом их был очень беден, ничего-то у них не было. И вот накануне ночью старший брат тайком отправился к дому соседа, проделал дыру в ограде, и братья проникли в чужой двор. А тут как раз хозяин-старик вышел приглядеть за домом. Братья в испуге упали ничком под лестницей. Старец же именно в этом месте вдруг стал мочиться.

— Эй, слышь! — громко сказал старший брат младшему. — Теплый дождь пошел. Льет прямо мне на спину. Как же быть?!

Тут-то хозяин и сцапал братьев.

— Ну как же мне наказать вас? — спросил он.

— Мне хотелось бы, — сказал младший брат, — чтобы связали меня гнилой веревкой да побии конопляными стеблями.

— Ну а мне желательно, — произнес старший, — чтобы скрутили меня жесткой веревкой из волокон пуэрарии да отлупили палкой!

Как братья пожелали, так старик и наказал их. Потом спросил:

— А почему вы воровать-то отправились?

— Да вот хотели по батюшке поминки справить, — ответил младший брат, — но по бедности своей не можем.

Старик сжалился над братьями и позволил им взять столько красной фасоли, сколько каждый из них унести сможет. Младший брат тут же набил фасолью целый мешок, взвалил его на спину и понес домой. Старший же собрал несколько фасолин, крепко обвязал мешок соломенной веревкой, с криком «Раз-два взяли!» поднял его и потащил вслед за младшим братом.

На другой день младший брат стал варить фасоль, а старшего попросил пойти пригласить монаха, чтобы тот совершил

жертвоприношение.

— А что такое «монах»? — спросил старший брат.

— Пойдете в горы, — отвечал младший, — увидите одетого в черное. Его и пригласите.

Старший брат отправился в горы, увидел на верхушке дерева черную ворону и почтительно к ней обратился:

— Святой отец! Святой отец! Соизвольте прийти к нам совершить жертвоприношение!

Ворона же только каркнула и улетела. Вот возвращается старший брат домой и говорит младшему:

— Я пригласил монаха, а он каркнул и улетел!

— Так то ж была ворона, а не монах, — говорит младший брат. — Идите снова. Увидите кого в желтой одежде, того и пригласите.

Ну, приходит старший брат опять в горы, видит на дереве желтую птичку, к ней и обращается:

— Святой отец! Святой отец! Придите к нам, пожалуйста, совершите жертвоприношение!

А птичка лишь пропела что-то и улетела.

— Пригласил монаха, одетого в желтое, — сказал, воротясь, старший брат младшему, — а он чирикнул что-то и улетел тоже.

— Да то же был не монах, а иволга! — говорит младший брат. — Придется мне самому пойти позвать монаха. А вы тут, старший братец, присмотрите пока за фасолью. Если она будет уходить из котла, то отбавьте в какую-нибудь посудину!

Ушел младший брат, а старший, когда фасоль закипела и стала уходить, взял да и вывалил ее всю в яму, пробитую стекавшей с крыши дождевой водой. Приводит младший брат монаха и видит: котел, в котором варилась фасоль, совсем пуст!

Хитрец из Чхончжу

В старину трое людей — один из Чхончжу, второй из Чуллимхо, третий из Тонгёнгни — купили на всех одну лошадь. Человек из Чхончжу — самый смысленый — первым выбрал себе седловину, второй решил, что ему будет принадлежать голова, а третий взял круп лошади.

— Тому, кто купил седловину, — заявил человек из Чхончжу, — следует ездить верхом!

С этими словами он сел на лошадь, и с тех пор всегда ездил на ней

только он один. Второй же человек лишь водил лошадь под уздцы да кормил ее сеном, а третьему оставалось одно — ходить позади лошади и убирать за ней навоз.

Однако вскоре эти двое не смогли больше терпеть такую несправедливость и, сговорившись, заявили:

— Отныне и впредь верхом будет ездить тот, кто побывал выше всех и дальше всех!

— Я когда-то бывал на небе! — быстро сказал первый.

— А я, — поспешил второй, — тоже был на небе, только еще повыше тебя!

— Послушай-ка, — спросил у него человек из Чхончжу, — в тот раз, когда ты был на небе, не держался ли ты за нечто длинное, свисающее вниз?

— Ага, было такое дело, — ответил тот.

— Ну так то, за что ты держался, — усмехнулся человек из Чхончжу, — были как раз мои ноги. И выходит, что ты находился ниже меня!

А эти двое даже и возразить ему не могли. Так они и остались прислужниками человека из Чхончжу.

Переполох из-за голубя

В старину некий столичный житель отправился в провинцию. Он имел при себе голубя. По дороге человек этот зашел в один дом, переночевал там, а на рассвете двинулся дальше. О том, что у путника есть голубь, в той семье, где он ночевал, не знали. Придя в свою деревню, горожанин выпустил голубя, и тот полетел обратно в город. По пути голубь немного покружил над домом, где провел ночь со своим хозяином.

В доме же том голубей никогда не видели. Люди удивились очень и обратились к монаху-наставнику:

— Что же это за птица за такая? Ни воробей, ни горлица. А верещит, что твой бубенчик. Облетела трижды вокруг дома и исчезла. Может, это какое доброе предзнаменование?

— Да что вы! — вскричал ученый монах. — Непременно большая беда случится! Ну да я приду к вам и совершу моление, чтобы отвести зло!

На другой день наставник явился в тот дом и сказал:

— Что скажу я, то вы и делайте. Только все делайте точно так, как я буду говорить. Иначе большой беды не избежать. Слушайте хорошенько,

что я буду говорить, да так и делайте. — И наставник выкрикнул: — Выставляем жертвенный рис!

— Выставляем жертвенный рис!! — прокричала вся семья.

— Выставляем жертвенный холст! — закричал наставник.

— Выставляем жертвенный холст!! — заорали домашние.

— Да зачем вы-то кричите?! — возмутился наставник.

— Да зачем вы-то кричите?! — истошно завопила семья.

Наставник, очень разгневанный, опрометью бросился вон из дома и при этом здорово треснулся головой о дверную притолоку. Все тут же помчались за ним и наперебой стали стучаться о притолоку. Стучались даже дети, подставив лесенку! Наставник выскочил за ворота, а там как раз была куча воловьего навоза. Поскользнувшись, он ляпнулся лицом прямо в навоз. Вся семья выбежала вслед за ним, все поскальзывались и друг за другом падали ниц в кучу. В превеликом страхе наставник заполз под тыквенную ботву. Все тотчас же кинулись в ботву, горой навалились с ним рядом.

— Батюшка! Матушка! — плача, кричали не успевшие спрятаться дети. — А нам-то куда бежать?!

— Не можете спрятаться под тыквенную ботву, — завопили в ответ родители, — так бегите на южный холм. Там залезайте под плети пуэрарии!!

Провели слепца

Был в столице один слепец, который подружился с неким молодым человеком. Однажды пришел к нему этот юноша и говорит:

— Встретил на улице молодую хорошенькую женщину и договорился с ней о любовном свидании. Мне, право, очень неловко просить вас, хозяин... Не позволите ли нам воспользоваться комнатой в вашем доме?

Слепец дал свое согласие, а юноша без помех вошел с его женой в отведенную ему комнату, где они и принялись в свое удовольствие заниматься любовью. Слепец же, боясь, что жена узнает о его проделке, то и дело подходил к двери, громко шептал:

— Как вы долго! Как долго! Уходите побыстрее! Скорей уходите!

— Если бы он вошел, — тихонько говорит жена слепца юноше, — да еще мог увидеть меня. Вот уж был бы скандал. Нас жестоко наказали бы!

Вскоре жена слепца вышла из комнаты, недовольно ему сказала:

— Вижу, здесь в комнате побывал какой-то незваный гость! — Она

сделала вид, что очень сердится.

— Да послушай ты меня, — оправдывался слепец. — Это ж приходил навестить меня наш сосед — студент Син!

Попал в рай

В старину жил один слепец в Кэсоне. Был он от природы очень глуп и прямо-таки обожал все необыкновенное. С кем ни встретится, непременно спросит — не слышно ли в мире чего-нибудь этакое. И однажды какой-то парень, которому он порядком надоед, ответил ему:

— А как же! Вчера в восточной части города на тысячу киль земля провалилась. Внизу ясно видны люди, слышно даже, как поют петухи и женщины белье катают. Я сейчас как раз оттуда!

— Если только ты говоришь правду, — обрадовался слепец, — то это поистине удивительно. Я ничего не вижу, но мне так хотелось бы подойти к краю той трещины да хоть послушать звуки, которые доносятся оттуда. А после — и умереть не жалко!

Целый день таскал парень слепца по городу и наконец привел на задний двор его же собственного дома.

— Вот здесь оно и есть, — сказал он слепцу.

Слепец прислушался: в самом деле, поют петухи, вальки стучат.

— Ой как интересно! — захлопал он в ладоши.

Тут парень сильно толкнул его, и он кубарем покатился по земле. А когда подбежали слуги слепца и спросили, что случилось, он почтительно поклонился им и ответил:

— Я пришел к вам в рай!

Но, вдруг услышав хохот своей жены, удивленно спросил:

— А ты-то когда успела сюда явиться?!

В храме Мёнтхонса

Есть в Сеуле храм Мёнтхонса. В первый и пятнадцатый день каждой луны здесь обычно собираются слепцы. Они читают молитвы, желают долгой жизни государю, считая эти занятия весьма важным делом. Богатые и знатные чинно сидят внутри храма, те же, что попроще, охраняют ворота. Слепцы сторожат ворота очень строго и никого в храм не пропускают.

Некоему шутнику-сонби все же удалось однажды незаметно проскользнуть в храм. Решив подшутить над слепцами, он взобрался на

поперечную балку храма и, когда слепцам нужно было звонить, подтянул шнур колокола к себе. Звонарь долго искал шнур, но не нашел. Тогда, шаря руками, принялись искать все слепцы. Сонби опустил шнур на прежнее место, и они сразу нашли его. Но как только собирался звонить звонарь, шнур исчезал. Так повторялось раза три-четыре.

— Да кто это поднимает шнур?! — не выдержали слепцы. Они сели в кружок и стали гадать.

— Может быть, шнур поднимают летучие мыши, что висят на стенах? — сказал один. Слепцы встали, ощупали все четыре стены, но ничего не нашли.

— А не устроился ли на ночь петух на верхней перекладине? — сказал другой. — Не он ли балуется со шнуром?

Слепцы схватили длинные палки, стали изо всех сил колотить по перекладине, и сонби, которому здорово досталось, упал вниз. Слепцы тут же на него навалились, крепко связали и так сильно избили, что он еле-еле выбрался из храма на четвереньках.

На другой день, прихватив с собой веревку, сонби снова пробрался в храм и спрятался в уборной. И как раз справить нужду в уборную зашел сам староста слепцов. Только это он устроился, как сонби, ловко захлестнув петлей все его мужское достояние, что есть силы потянул веревку.

— Спасите! Спасите человека! — истошным голосом завопил староста.

— Это козни злого духа! — в испуге загалдели сбежавшиеся на крик старосты слепцы. Тут одни стали звать на помощь соседних жителей, а другие, колотя в барабаны, принялись бормотать заклинания.

Спутался с собственной женой

Некогда один слепец попросил своего соседа сосватать ему какую-нибудь красавицу. И вот как-то сосед говорит ему:

— Тут недалеко живет одна женщина. Не тощая и не толстая, ну писаная красавица! Я передал ей твои слова, и она согласна. Только она запросила много подарков.

— Да пусть я разорюсь, — вскричал слепец, — но для нее ничего не пожалею!

Когда жены его не было дома, он открыл сундуки, набрал кучу всякого добра, дал соседу и просил договориться с той женщиной о дне

встречи. В назначенный день слепец принарядился и отправился на свидание. А жена его, стороной проведав об этом, чисто умытая и напудренная, явилась в условленное место раньше своего супруга. Пришел ничего не подозревавший слепец. Они по всем правилам поклонились друг другу, как бы совершая брачную церемонию, и в ту же ночь счастливый слепец лег спать с новой возлюбленной.

— В жизни не было у меня такой радостной ночи, — не в силах одолеть любовного томления и поглаживая женщину по спине, воскликнул слепец. — Ведь если сравнить тебя и мою жену с кушаньем, то ты — медвежья ладонь и зародыш барса, а она — лишь постная похлебка из лебеды да жидкая каша!

На рассвете его жена первая прибежала домой. Она закуталась в одеяло и сделала вид, что дремлет.

— Где же это ты ночевал? — спросила она слепца, когда тот явился.

— Да был я в гостях у одного министра, читал молитвы. День выдался холодный, и у меня вдруг живот схватило. Пришлось выпить немного подогретого вина.

— Ах ты скотина! — закричала жена. — Не оттого ли у тебя заболело брюхо, что ты обожрался медвежатиной, барсовыми зародышами, похлебкой из лебеды да жидкой кашей?!

А слепцу и сказать было нечего. Он понял, что жена его перехитрила.

Оплошал

В Чонпха жили два юноши — Сим и Лю. Оба были из знатных семей и каждый день в праздности пили вино с красивыми женщинами. Однажды решили они с несколькими близкими друзьями развлечься у Сима. Кисэн Чёп Ёнхва, любовница Сима, хорошо пела и танцевала, а слепец Ким Поксам — лучший в наше время игрок на каягyme — тоже пел свои песни и был в большом ударе. Гости, сидя тесным кружком, подносили друг другу чаши. Царило всеобщее согласие и веселье. Уже глубокой ночью кто-то предложил:

— Пусть каждый расскажет какую-нибудь забавную историю из своей жизни, и мы посмеемся!

Все дружно согласились. Веселые истории следовали одна за другой, гости хохотали, не переставая. Но вот настал черед Ким Поксама.

— Я, пожалуй, тоже расскажу об одном случае из моей жизни, — начал он в наступившей тишине. — Недавно был я приглашен в дом

богатого янбана. В увеселении участвовали многие известные кисэн, и среди них была Симбан — самая лучшая танцовщица. После порядочной выпивки все гости — каждый со своей девушкой — разошлись по отдельным комнатам. Так вот: со мной спала сама Симбан!

— В самом деле, очень интересно, — смутившись донельзя,

воскликнул Сим. — Но давайте-ка лучше поговорим о чем-нибудь другом!

— Да что за охота без конца рассказывать, — тоже смутились гости. — Уж лучше скоротаем ночь под музыку да песни!

Но кисэн петь отказались, а у гостей пропало настроение, и они стали расходиться. Едва выйдя за ворота, Лю сказал Ким Поксаму:

— Какую ты, однако, сболтнул глупость. Ведь Симбан была среди гостей. К тому же она теперь любовница хозяина. Как ужасно быть слепым!

— Да что ты, — густо покраснел слепец. — С каким лицом я теперь покажусь ему?! Впрочем, ведь сейчас все зовут ее Чёп Ёнхва, а детского имени Симбан, наверно, никто и не знает, — пытался утешить он себя.

Однако все-все узнали о промахе слепого и с удовольствием рассказывали друг другу эту забавную историю.

Служки дурачат монахов

Издревле обманывали служки монахов. Некий служка сказал однажды монаху:

— Сорока утащила серебряную ложку. Она сидит у себя в гнезде, вон на том дереве перед воротами!

Монах поверил ему и влез на дерево.

— Ау! Наставник! — расхохотался служка. — И зачем это вы влезли на такое высокое дерево? Уж не хотите ли полакомиться птенцами сороки?!

Монах так сконфузился, что, слезая с дерева, исцарапал себе все тело о его колючки. Он очень разозлился и жестоко прибил обманщика служку.

А то еще однажды ночью повесил служка над дверью монаха большой котел да как завопит:

— Горит! Горит!

Перепуганный монах выскочил из кельи, ударился головой об котел и повалился наземь. Через некоторое время он поднялся и видит: никакого пожара нет. Монах стал злобно ругаться, а служка как ни в чем не бывало говорит:

— Там в горах вспыхнуло пламя, вот я и закричал!

— Впредь, — наставительно сказал монах, — ты кричи только тогда, когда огонь загорится близко!

А другой служка тоже разыграл одного монаха.

— По соседству с моим домом, — сказал он ему, — живет молодая и

красивая вдова. Как встретит меня, всегда спрашивает: «Неужто твой наставник один съедает всю монастырскую хурму?» — «Да что вы, говорю, он всегда делится с другими!» А она: «Попросил бы для меня немного. Хочется попробовать!»

— Ну, так нарви малость да отнеси ей, — разрешил монах.

Служка оборвал в саду всю хурму, отнес ее своим родителям и, воротившись, сообщил:

— Вдова ела хурму да нахваливала. Только она опять у меня спросила: «А белые жертвенные хлебцы, что приносят в Яшмовый зал храма, твой учитель сам, что ли, все съедает?» — «Конечно, нет, говорю, он всегда и другим дает!» — «Я бы от них тоже не отказалась, попроси-ка для меня!»

— Ну, раз просит, — сказал монах, — возьми да снеси!

Служка собрал все хлебцы и снова отнес к себе домой.

— Вдова с аппетитом поела, — доложил он монаху, — осталась очень довольна. И, между прочим, она у меня спросила: «Разве не должна я за все это отблагодарить твоего наставника?» Ну, я, конечно, ответил, что вы были бы не прочь встретиться с нею. Вдова охотно согласилась. «Только, говорит, дома у меня много родственников и слуг — наставнику нельзя прийти ко мне. Лучше, мол, я улучу момент да сама приду в монастырь!» И я договорился с ней о дне встречи.

Монах даже запрыгал от радости. В условленный день он послал служку за вдовой. А служка зашел к одной женщине и говорит:

— У моего наставника живот сильно разболелся. Лекарь велел достать женский шелковый башмачок, погреть над огнем и потереть им живот. Сразу, говорит, боль пройдет. Вот я и пришел к вам с просьбой.

Женщина сразу же дала ему свой башмак, служка воротился в монастырь, спрятался и стал подглядывать. Монах чисто вымел келью и заботливо приготовил постель. А затем до ушей служки донеслось радостное бормотание: «Я сяду здесь, она сядет вон там. Я угощу ее, она поест. Ну а уж потом я возьму ее за руку, увлеку в келью, и предадимся мы с ней любви!» Тут служка подскочил к нему, швырнул наземь шелковый башмачок.

— Все пропало! — закричал он. — Вдова стояла вот здесь, все видела и слышала. Она очень рассердилась и сказала: «Ты обманул меня. Он же сумасшедший!» И с тем убежала. Я хотел было удержать ее, но мне достался только вот этот башмачок!

Монах поник головой и в отчаянии воскликнул:

— А ну-ка стукни меня по губам!

Служка что есть силы хватил монаха мокчимом и выбил ему все зубы!

А один монах уговорил некую вдову выйти за него замуж. И вот, перед первой брачной ночью негодник служка сболтнул ему:

— Говорят, если растолочь незрелые бобы, развести в воде и выпить, то от этого прибавляется мужская сила!

Монах поверил, тщательно приготовил снадобье, выпил его и отправился ко вдове. Но еще в дороге у него вдруг так сильно забурчало в животе, что он еле терпел и с трудом добрался до ее дома. Здесь монах сел на пол и боялся даже пошевелиться.

Пришла вдова и спросила, почему это он сидит, как истукан. Монах ничего не ответил. А когда она слегка толкнула монаха, безудержный понос пробрал его, и комната наполнилась ужасной вонью. Тут вдова схватила палку и выгнала монаха вон из дома.

И вот среди ночи побрел он один, не зная дороги. Вдруг впереди что-то засветилось. Решив, что это ручей, монах разделся и вошел. Оказалось — цветы гречихи! Вскоре раздосадованный монах опять увидел перед собой что-то светлое. «Уж теперь-то я не обманусь!» — подумал он. Пошел вперед, не раздеваясь, но на этот раз то действительно была речка, и он плюхнулся в воду!

Насквозь мокрый, он решил перейти речку по мосту. На берегу несколько женщин промывали рис. Монах, проходя мимо и думая о своих злоключениях, то и дело восклицал: «Ай, горько! Ай, горько!» Не зная, в чем дело, женщины подбежали к нему.

— Люди промывают рис для вина, — закричали они, — а он говорит — горько. Этого еще не хватало!

Они избили монаха и изодрали на нем всю одежду. Солнце поднялось уж высоко. Монах был до смерти голоден и стал жевать коноплю. Вдруг послышались крики: «Дорогу! Дорогу!» — и показались всадники. То ехал сам правитель уезда. Монах быстро спрятался под мост, но тут же надумал выменять у правителя немного риса на коноплю.

Как только всадники въехали на мост, монах выскочил наверх и склонился перед конем правителя. Но правитель сильно разгневался, приказал избить его и ускакал. А монах без чувств скатился под мост. Тут-то его и заметили стражники, как раз в эту пору совершавшие обход.

— Под мостом валяется труп какого-то монаха, — удивились они. — Давайте-ка испробуем на нем свое оружие!

Они подняли копья и принялись поочередно колоть ими монаха. А монах так перепугался, что и вздохнуть не смел. Вдруг один стражник

сказал, обнажая нож:

— Говорят, из мужского корня буддийского монаха получается отличное лекарство. Отрежу-ка я его, да и пойдем дальше!

Тут уж монах вскочил на ноги и с громкими воплями обратился в бегство.

Только после захода солнца добрался он до своего монастыря. Ворота были уже закрыты. Сколько ни кричал истощенным голосом монах, служба не отпирал.

— Наш наставник ушел к своей жене! — наконец крикнул он. — Ты что, негодяй, орешь среди ночи?!

Тогда монах решил проползти во двор монастыря через собачий лаз.

— Вечно чья-то собака шляется по ночам и слизывает масло перед изображением Будды, — нарочно громко сказал служба. — Вот и опять прибежала!

Он схватил дубинку и больно избил монаха.

Про того, кто попадает в переделку, теперь и говорят: «Он как тот монах, что переходил речку!»

Большой Вонсим

В начале правящей ныне династии{13} жил один буддийский монах по прозвищу Большой Вонсим. Был он так высок ростом, что, когда шел по дороге, намного возвышался над головами прохожих, а рукой мог свободно достать до стропил высокой веранды. По характеру своему Вонсим был человеком легким, корыстные помыслы были ему неведомы. Постоянного жилища он не имел, но никогда не уходил в другие края. Ночевал Вонсим привалясь где-нибудь к забору, а на заре покидал это место. Если же он заболел, то ложился прямо на улице, и горожане наперебой снабжали его едой. Даже из домов князей и министров приносили ему вино и пищу.

Когда случались в стране бедствия — наводнения или засухи, — Вонсим собирал своих учеников, истово творил молитвы. И бывало, что молитвы его помогали. Получая тысячу монет, он не выражал радости. Утратив все, что у него было, — не чувствовал себя несчастным. Если люди дарили ему одежду — будь то мужскую или женскую, — он набрасывал ее на себя и носил. Если же случалось, что просили одежду у него, — он все с себя снимал и отдавал, не раздумывая. Была у него одежда — прикрывал он ею свое тело. Не было совсем — сплетал платье

из травы и не стыдился носить его. А доставались ему великолепные парчовые одеяния, он не гордился ими. Не знал Вонсим предела, получая от людей, не ведал границ и в отдаче им. Не выражал Вонсим никакого почтения при встрече с министром, как и не считал для себя зазорным поболтать с невежественной женщиной. Если видел он брошенный труп, то непременно взваливал его себе на спину, относил в сторонку и хоронил.

Однажды увидел Вонсим валявшийся в овраге труп. Горестно над ним поплавав, он поднял труп на спину. Три дня носил Вонсим покойника на плечах и схоронил его только после того, как вместе со своими учениками сотворил заупокойное моление Будде.

Обратился как-то Вонсим к своим ученикам с такими словами:

— Хочу вот тело свое предать огню и переродиться!

Ученики собрали дров, сложили из них помост. Вонсим влез на помост, чинно уселся. Однако когда к нему стали подбираться красные языки пламени, он не смог вынести жара. Прячась за дымом, Вонсим тайком слез с костра, сбежал и вернулся в храм раньше своих учеников.

А ученики его, полагая, что наставника их нет уже в живых, горько его оплакивали. Вот возвратились они в храм и вдруг видят: в помещении для созерцания величественно восседает сам Вонсим!

— Как же так?! — низко кланяясь, удивились они.

— А побывал я в стране Западных Небес [{14}](#), — отвечал Вонсим. — Бренной плоти моей не стало, но бессмертный дух Будды не исчез во мне. Он будет жить во веки веков!

И вдруг, захлопав в ладоши, громко расхохотался.

Только юбка и спасла

Некий буддийский наставник отлучился куда-то из дома. И как только он ушел, жена его приняла у себя в комнате соседа. И вот, как раз когда они весело болтали и забавлялись, неожиданно вернулся муж. Женщина растерялась было, но тут же схватила свою юбку, игриво закрыла ею глаза наставника.

— Куда это вы изволили ходить, муженек? — притворно радуясь, спросила женщина.

— Да был вот на похоронах первого министра! — в тон ей весело ответил муж, решив, что жена с ним заигрывает.

Тут женщина замотала юбкой всю голову монаха и легла с ним. Ну а сосед, конечно, благополучно скрылся.

Милосердный

Был монах, которого звали Чаби — Милосердный. По натуре он был человеком честным, не ведал лицемерия и даже высоких чиновников называл просто по имени. Если ему что-нибудь давали, то — как бы ни ценна была вещь — он не отказывался и брал. Если люди просили что-либо у него — отдавал все без остатка. Одет был этот монах в лохмотья, носил помятую шляпу. Кормился он тем, что ходил в столице из дома в дом. Если ему давали поесть — он ел, не давали — оставался голодным. Он не различал — хорошая то была еда или плохая, не говорил — мало ее или много. Если он говорил о какой-нибудь вещи, то непременно к ее названию добавлял слово «уважаемый». Скажем, о камне он говорил — «уважаемый камень», о дереве — «уважаемое дерево». Так же он говорил и обо всех прочих вещах.

Некий сонби, увидя этого монаха, который куда-то очень торопился, спросил, куда это он идет.

— Надо бы успеть зайти в жилище госпожи монахини, — ответил монах, — да еще забежать в домик госпожи вороны!

Это означало, что он ищет место для ночлега. Все люди, которые слышали ответ монаха, рассмеялись.

На щеках Милосердного были шрамы, и кто-то спросил — откуда они.

— Отправился это я однажды в горы раздобыть дровец, — рассказал монах. — И вдруг вижу: сцепились в яростной схватке уважаемый тигр с уважаемым медведем. Я подошел к ним и спрашиваю, зачем это они так грызутся. Вы же ведь можете убить друг друга, говорю я им. Ну, уважаемый тигр меня послушался и мирно удалился. А вот уважаемый медведь слов моих слушать не захотел, набросился на меня и вцепился в лицо зубами. Благо, случился тут один монах. Еле спас меня от смерти!

Как-то сидел я в одном месте с несколькими министрами. Пришел и Милосердный. Один из сановников спросил его:

— Вот вы, монаше, бродите в горах, вместо того чтобы заниматься нравственным совершенствованием. Почему вы, опустившись до нашего бренного мира, чините мосты, колодцы, дороги и вообще занимаетесь пустяковыми вещами? Зачем бродите вы повсюду, ведете жизнь, полную лишений?

— Еще в юности, — отвечал монах, — мой уважаемый наставник сказал: «Если ты уйдешь в горы и в течение десяти лет будешь нравственно совершенствоваться, то только тогда встанешь на путь

истинный». Поэтому я провел в горах Кымгансан пять лет, предавался еще в течение пяти лет аскезе в горах Одэсан и совершенствовался в учении. Однако никакой пользы от этого не было. Мой уважаемый наставник еще сказал: «Если прочтешь сто раз и заучишь наизусть Лотосовую сутру, достигнешь нравственного совершенства». Я прочел сто раз сутру и выучил ее, но проку никакого нет. А ведь разве не могу и я, скромный монашек, быть полезным своей стране? Починяя мосты, колодцы, дороги, разве не совершаю я благих дел для народа?!

И все люди одобряли деяния этого монаха.

Праведник

Буддийский монах Синсу родился и вырос в моем родном селении в Пхачжу. Жил он в травяной хижине на южном берегу реки Наксу. Характер этот монах имел легкий, очень любил шутку. Стоило ему слово сказать, как люди покатывались со смеху. К тому же он не имел пристрастия к вещам, склонности к накоплению имущества. Все, что у него было, в том числе и поля, поделил он между племянниками и никогда не брался за соху или мотыгу, чтобы возделывать землю. В летние месяцы питался монах обычно рисом. Был он уже пожилым человеком, лицо его напоминало маску. Когда он тряс головой и вращал глазами, подражая шестнадцати арханам, его лицо совершенно преображалось. И если он замечал, что это производит на людей впечатление, старался еще больше. Встречаясь с каким-нибудь чиновником, с которым был совершенно незнаком, монах с первого же раза обходился с ним, как со старинным приятелем, обращался на «ты».

У некоего Ына была молодая жена, и Синсу сошелся с нею. Ын же был очень беден, ждал от монаха покровительства и пришел к нему вместе со своей женой. Монах же хорошо относился не только к его жене, но и к самому Ыну, подарил ему много разной одежды и еды. Вот и стали эти трое людей ночевать под одним одеялом. Мужчины не испытывали ни ревности, ни отвращения друг к другу. Когда жена Ына родила сначала девочку, а потом и мальчика, монах как-то сказал:

— Это твои дети, Ын.

— Да нет же, — возразил Ын, — твои, монаше!

Монах пребывал в храме, а Ын выращивал овощи и заготавливал дрова. Когда монах ходил на базар, покупки за ним таскал Ын. Так он и стал слугой монаха. Прожили они вместе несколько лет, и жена Ына умерла. А

монах и Ын по-прежнему продолжали жить вместе. Относились они друг к другу так, как если бы были старшим и младшим братьями. А потом умер и Ын. Монах опечалился, похоронил его.

А надо сказать, монах этот очень любил выпить. Тысячи чарок и сотни кувшинов вина всасывал он в себя, словно кит воду! Если люди, желая разыграть монаха, под видом вина подносили ему какую-нибудь жидкость — будь то грязная вода или даже воловья моча, — он тут же единым духом выпивал ее.

— Ох! — только кричал он. — Это вино слишком горькое!

А поесть он тоже очень любил. Будь то засохший вареный рис или черствые лепешки — ни от чего он не отказывался, мгновенно съедал все без остатка. Даже при большом скоплении народа он открыто поглощал и мясо, и рыбу^[15]. Как-то люди над ним посмеялись.

— Так ведь не я же убил этих животных, — оправдывался монах. — Это уже не живое. Так, прах. Разве я причиняю кому-нибудь вред, что ем мясо?!

В год к ё н ь и н я был в трауре и жил в то время в Пхачжу. Тогда я часто встречал этого монаха. Ему было уже за семьдесят, однако выглядел он очень бодро. Если у него спрашивали, почему он сближается с женщинами и ест мясо, монах отвечал:

— Нынешние люди безрассудно пекутся только о своей выгоде, стараются ограбить друг друга, таят в сердце зло и не могут избавиться от угрызений совести. Это относится и к знатым семьям, да и к нам, монахам. Ударит в нос запах жареного мяса — и течет слюна. Увидишь хорошенькую женщину — и испытываешь к ней вожделение. Такой же и я. Почувствую запах пищи — ем. Увижу женщину — беру ее. Это так же, как большая вода не может не размыть землю. А к вещам я равнодушен, тяги к ним у меня нет совершенно. И если в следующем перерождении не сподоблюсь стать буддой, то уж арханом-то стану наверняка! Вот люди трясутся над своим имуществом, непременно норовят накопить его как можно больше. А умрет такой человек, и все добро достанется другим. Так лучше уж при жизни как следует насладиться едой да выпивкой! Все мы дети своих родителей и должны почтительно ухаживать за ними в старости — утром и вечером подносить им и белые хлебцы, и мед, и вино, и мясо. А если после смерти родителей дети, оплакивая их перед гробом, выставляют сушеное мясо, сушеные фрукты и опивки вина — так кто же все это есть-пить будет? А не станешь сам почтительно заботиться о своих родителях и при их жизни, и после их смерти, так и о тебе не будут заботиться твои дети!

Когда этот монах, названивая в колокольчик и читая сутры, вызывал души усопших перед столом с жертвенной едой, он восклицал:

— О праведник, праведник! Вот и ушел ты в иной мир, в чистые земли. При жизни ты хотя и грешил, но после смерти поистине сподобился, стал праведником!

При этом монах изображал великую скорбь по умершему и рыдал во весь голос. Но после того, как бы радуясь, что грешник попал в рай, начинал вдруг хлопать в ладоши и громко хохотать. Затем, ни слова не говоря и даже не попрощавшись с хозяевами, он хватал свою суму, наполненную едой, и убегал.

Монашка

Генерал Хон еще в пору своей безвестности как-то в дороге попал под дождь. Он поспешил укрыться в небольшой пещере, где неожиданно обнаружил хижину. Заглянув в хижину, Хон увидел монашку, лет семнадцати-восемнадцати. Девушка была необыкновенно хороша собой, она спокойно сидела в одиночестве.

— Чего это ты здесь делаешь одна? — удивленно спросил Хон.

— А я не одна, — ответила монашка, — мы здесь втроем живем. Только сейчас две другие монахини спустились в деревню — еды попросить.

Хон сказал девушке, что она ему очень понравилась и что в такую-то луну, в такой-то день, он вернется сюда, возьмет ее к себе в дом.

Та монашка ему поверила, с нетерпением стала ждать назначенного срока. Но вот время встречи настало и прошло, а Хон за ней не явился. Девушка была так потрясена, что заболела и вскоре умерла. Впоследствии Хон был назначен командующим войсками южных провинций и оказался в тех же местах.

И вот однажды в постель Хона заползло какое-то маленькое животное, очень похожее на ящерицу. Хон приказал служителю выбросить животное, а тот взял да и убил его. На другой день в комнату вползла небольшая змейка. Служитель и ее убил. Но наавтра эта змейка приползла снова и вдруг, к изумлению Хона, превратилась в монашку! Хон-то, конечно, сразу догадался, что это нечистая сила. Однако он совсем не испугался: ведь он имел власть и с ним было большое войско. Решив истребить нечисть, Хон приказал умертвить монашку.

Однако с тех пор не было дня, чтобы змейка не приползала в казармы.

При этом она с каждым днем вырастала, пока наконец не превратилась в огромную змею! Хон приказал воинам, вооружившись мечами, окружить со всех сторон военный лагерь и не впускать эту змею. Но змея прорывала окружение и все-таки заползала в лагерь. Воины изо всех сил рубили ее мечами, но змее ничего не делалось. А когда воины соорудили огневой вал вокруг всего лагеря, они увидели: змея проползает и сквозь пламя!

И тогда Хон приказал сделать ящик, в котором он прятался на ночь. Змея же свободно ползала по всем комнатам. И днем, во время инспекторских поездок по границе, Хона носили в этом ящике в окружении воинов.

Однако Хон все более падал духом, страдание было написано на его лице. В конце концов он совсем занемог и умер.

Монах перерождается в змея

Еще когда мой тесть кон Ан{16} был правителем уезда Лимчхон, случилось вот что.

В храме Пугванса пребывал тогда некий тэсонса. И вот повадился он ходить в управу да просить, чтобы правитель его выслушал. Наконец тесть согласился принять тэсонса, и тот рассказал:

— Был у нас в обители один монах, который спутался с некой деревенской девушкой и тайком навещал ее. Недавно монах умер и в перерождении стал змеем. Однако по-прежнему продолжает бывать у этой девушки. Является он днем, сразу же заползает в большой глиняный кувшин, а как только настанет ночь, забирается девушке под рубаху, обвивается вокруг ее талии, голову кладет на грудь. А в щели на хвосте змея имеется такой вырост из плоти, ну в точности, как у мужчины. И вот, этот самый змей как ни в чем не бывало соединяется с девушкой!

— Когда змей заползет в кувшин, — выслушав тэсонса, повелел тесть, — пусть девушка быстренько схватит кувшин и принесет его сюда!

Девушка принесла кувшин в управу, а тесть громко выкрикнул имя монаха. Змей высунул голову из кувшина.

— Ах негодяй! — с бранью заорал на него тесть. — Даже и став змеем, ты продолжаешь путаться с женщиной. Да может разве так вести себя порядочный монах?!

Змей от стыда и страха втянул голову в кувшин. Тогда тесть тайком приказал людям сколотить небольшой деревянный ящик, а девушке — заманить в этот ящик змея.

— Господин государев правитель, — сказала девушка змею, — изволил пожаловать вам, муженек, чудесный новенький ящичек, в котором вы прекрасно можете устроиться. В него и входить можно быстро, и быстро выходить. Идите-ка сюда! — Она сняла свой фартук, застелила им внутренность ящика.

Змей выполз из кувшина, устроился на своей новой лежанке. Тут по приказу тестя несколько крепких служителей быстро накрыли ящик доской и приколотили эту доску гвоздями. Как ни бесновался, извиваясь в ящике, змей, как ни старался выбраться наружу, сделать этого он не смог. А правитель велел еще написать на ящике имя этого монаха и нести ящик за ним. Несколько десятков учеников монаха, колотя в барабаны и железные плоски и напевая сутры, с горестными воплями следовали за процессией. На берегу реки ящик со змеем бросили в воду, и он уплыл.

А девушка ну вот нисколечко не была опечалена этим!

Монах-петух

Некий монах и росточку был маленького, и личико у него было крохотное. При этом он еще слегка прихрамывал на одну ногу. Жил он в столице и каждый день обходил кругом весь город. И не было ни одного богатого дома, ни одной знатной семьи, куда бы он не наведывался.

И всегда-то этот монах взмахивал и хлопал руками, изображая хлопающих крыльями петухов и кур. А ртом он умел издавать такие звуки, что так и казалось — либо кукарекает петух, либо два петуха дерутся, либо квохчет снесшая яйцо курица. Не было ни одного звука или манеры поведения петухов и кур, которых он не мог бы точно изобразить. Иногда, услышав пение петуха, монах этот, по-петушину востраиваясь всем телом, напевал:

Пускай в лохмотья я одет
и денег нету ни гроша,
А все же мил мне этот свет,
своя лачуга хороша.

Но вот примчатся слуги ада
по душу грешную мою,
Какая мне от них ограда,
что я тогда-то запою?!

Или напевал такое:

Кваным и Чесок, Кваным и Чесок!
Услышьте-ка вы и мой голосок!
Вот время недолгое минет,
И плоть моя со свету сгинет.
А душу спасли бы от ада,
Вот это была бы отрада!

Подобных песенок много у него было, они напоминали песни крестьян. Дети ходили за этим монахом огромными толпами.

— Я человек простой, — говаривал он, — но даже и трое князей не могут предводительствовать таким множеством людей!

Доход его составлял один-два сока зерна в день. Тем он и кормился, и одевался. А тогдашние люди прозвали его Монах-петух.

Прodelки Юн Тхона

Ученый конфуцианец Юн Тхон прекрасно умел рассказывать, был большим шутником и обожал дурачить людей, потешаться над ними. Дом его находился в Ённамe.

Объезжая с инспекцией различные округа и области, прибыл он как-то в один уезд. Поселившись в управе, находился Юн Тхон однажды в комнате с кисэн, которая развлекала его. И вот заметил он, что некий чиновник то и дело ходит взад-вперед и посматривает на девушку. Юн Тхон сразу смекнул, в каких они отношениях.

В полночь он притворился спящим и захрапел. Кисэн, полагая, что он действительно крепко спит, встала и смело вышла из комнаты. Юн Тхон встал тоже, тайком последовал за ней. А чиновник тот был уже под окном, взял девушку за руку, и они пошли вместе.

— Свет луны прозрачен, как вода, — сказала кисэн. — Никто из дома нас не увидит, и мы можем потанцевать без помех.

Эти двое встали лицом друг к другу и принялись плавно танцевать. Юн Тхон заметил, что на веранде спит какой-то чиновник. Рядом лежала его шляпа. Юн Тхон взял шляпу, надел ее себе на голову, подошел к танцующей парочке и стал танцевать тоже.

— Мы тут с приятностью развлекаемся, — сказал чиновник, — а ты-то кто такой сюда явился?!

— Да я гость вашего начальника, — ответил Юн Тхон. — Гляжу, так здорово двое танцуют, что зависть меня взяла. Вот и решил повеселиться вместе с вами!

Тут чиновник узнал инспектора Юн Тхона, очень испугался, стал умолять простить его.

— Какую должность занимаешь в управе? — спросил Юн Тхон.

— Я служу по Приказу строительных работ и промыслов. Веду учет поступающих шкур и кож.

— Сколько сейчас шкур на складе?

— Семь оленьих кож, да несколько десятков лисьих и рысьих шкур.

— Так вот, — сказал Юн Тхон. — Завтра я увижусь с твоим начальником, буду просить у него шкуры и кожи. Ты же, не утаивая их числа, выложишь все, что имеется на складе. А не сделаешь этого, я непременно сообщу, что ты путаешься с кисэн!

— Конечно, конечно, я сделаю, как вы изволите приказывать, — почтительно согласился чиновник и ушел.

На другой день Юн Тхон сидел с начальником уезда в приемном зале.

— Вот хотел пошить себе сапоги, — сказал Юн Тхон, — да кожи оленьей нет. Хотел халат на меху сшить, но и шкур у меня нет — ни лисьих, ни рысьих. Пожалуй-ка мне несколько кож да шкурок!

— Да откуда вы знаете, что у нас есть кожи и шкуры? — удивился начальник уезда. — Есть-то есть, но ведь очень мало! — Он приказал тому чиновнику показать кожи и шкуры Юн Тхону.

А Юн Тхон все кожи и шкуры забрал и с тем отбыл.

А то еще прибыл Юн Тхон в один уезд и остановился на постоялом дворе. И вот увидел он, что под окнами ходит взад-вперед какая-то кисэн в белой одежде — девушка красоты необыкновенной. Юн Тхон спросил о ней, и ему сказали, что эта кисэн соблюдает траур по матери. Тогда Юн Тхон взял свиток бумаги, один конец сунул в платяной короб, а другой спустил за окно. Потом окно притворил, сел и стал подглядывать за кисэн. И когда она проходила мимо, нарочно громко сказал:

— Все уезды объехал, но хороших вещей так и не раздобыл. Достался мне только вот этот короб с бумагой. Лошаденка-то у меня хилая, а груз тяжел. Как же я его довезу до дома?

А слуги Юн Тхона, догадавшись о том, что он затеял, стали нарочно говорить как бы между собой:

— Приглянулась эта кисэн нашему господину. Непременно сделает ей какой-нибудь подарок. Наверно, оставит эту бумагу!

А та кисэн была как раз в трауре по матери, бумага ей была очень

нужна. Услышав эти слова, она очень захотела получить ее. Поэтому той же ночью девушка вошла в комнату к Юн Тхону и ни за что не хотела уходить. А Юн Тхон ведь обманул ее, никакой бумаги у него не было.

— Ко мне ночью вошла женщина, которая носит траур! — закричал он на весь дом.

И кисэн стало так стыдно, что она опрометью выбежала на улицу.

А вот тоже отправился как-то Юн Тхон со своим дядей в столицу. Лошадь дяди была черная, с белой отметиной на лбу. А лошадь Юн Тхона — вся черная. На ночь дядя привязывал лошадь племянника к столбу, а свою тайком пускал пастись. Юн Тхон же, проведав об этом, стал на ночь наклеивать на лоб своей лошади белую бумагу, а на белое пятно дядиной лошади — черную. И в сумерках стало трудно различить — которая же чья лошадь.

С тех пор дядя стал привязывать к столбу свою лошадь, а лошадь племянника выпускал пастись. Мало-помалу лошадь дяди тощала и стала уже плохо ходить под седлом. Тут только дядя и понял, что племянник его перехитрил.

Юн Тхон не имел своего дома и был очень озабочен этим. Но вот познакомился и подружился он с одним буддийским монахом.

— Надумал я построить буддийский храм, — сказал он однажды монаху, — и мы с вами, святой отец, будем избавлены от дурной кармы!

— Да ты, не иначе, в предыдущем рождении был бодхисаттвой! — в восторге закричал монах. — Потому только тебя и осенило дать такой обет!

— В Кериме, — продолжал Юн Тхон, — еще сохранился фундамент древнего храма. Вот на нем я и возведу новый. А места там поистине замечательные — у подножия высоких гор струятся прозрачные потоки!

Не мешкая, составил Юн Тхон квонмун, передал его монаху. Монах же всей душой отдался сбору средств на строительство храма. Помогал ему и Юн Тхон. Когда денег было собрано достаточно, Юн Тхон закупил необходимый инструмент и строительный лес, начал на старом фундаменте возводить здание. Только вот строение у него получилось что-то не похожее на буддийский храм: слишком уж много было там комнат с теплыми дымоходами. Совсем как в жилом доме! Да еще целина перед воротами была вскопана и устроен огород, засеянный овощами! Правда, все стены были расписаны лучшей красной охрой, было и изображение Будды, перед которым лежали циновки для проповедников и молящихся. Когда храм был совсем готов, Юн Тхон сказал монаху:

— Я хотел бы прийти поклониться Будде вместе с женой и всем

семейством.

И монах разрешил ему это. Тогда Юн Тхон с женой привели в храм всех своих детей и слуг, и некоторое время они пребывали там. Потом Юн Тхон, сказавшись больным, прожил в храме несколько дней. А затем постепенно перевез сюда все свое имущество и окончательно поселился в этом здании. Когда прибыл монах, он не мог даже войти в помещение. И тогда он подал жалобу на Юн Тхона в управу. Однако в управе дело это долго откладывалось, решения по нему принято не было. Так дом этот и достался в конце концов Юн Тхону.

В семье Юн Тхона никто никогда не болел, а сам он скончался в возрасте восьмидесяти лет.

Проказы Хана

Корёский министр Хан Чонъю в юности был завзятым безобразником. Он тогда сколотил шайку в несколько десятков человек из таких же шалопаев, как он сам. Излюбленным занятием этой шайки было совершать набеги на богатые дома, где как раз пел и плясал, бесновался шаман. Разогнав людей, эти мазурики выпивали в доме все вино, до отвала наедались и, громко хлопая в ладоши, начинали горланить песню «Тополевый цвет». Люди того времени так и прозвали эту шайку — «Тополевый цвет».

Однажды Чонъю вымазал себе обе руки черным лаком и ночью тайком пробрался в дом, где за пологом лежал в гробу умерший.

— Муженек, муженек! — плакала вдова. — Скажи, куда же ты ушел?

— Да здесь я, здесь! — слабеньким голоском ответил Чонъю, высунув из-за полога черные руки.

Женщина в ужасе стремглав выбежала из дома, а Чонъю забрал все фрукты, разложенные на жертвенном столе, и скрылся.

И подобных проделок много за ним было. Но потом-то блестящими делами в Государственном совете он, конечно, прославил свое имя. А на склоне лет Хан Чонъю ушел на покой, поселился в глухой провинции.

В верховьях реки Ханган есть остров Чочжадо. Некогда Чонъю сочинил там такое стихотворение:

Дождь прошел
совсем небольшой.
А вокруг тишина,
тишина и покой.

Озера воды
 просторно легли
Под небом вокруг
 на десятки ли.

В этой дальней
 пустой глуши
Буйно травы растут,
 цветут камыши.

И слышится звуков
 дальний полет —
Это же флейта
 где-то поет.

Вот и бросил дела,
 и ушел на покой.
Сам похлебку варю
 я над вольной рекой.

На заре вечерком
 приготовлю уду
И один на косу
 порыбачить иду!

И еще он сочинил такое стихотворение:

Я в платье простом,
 повязан тугон.
По дамбе иду
 над тихим прудом.

Ивы так густо
 растут в стороне.
Ветер дует, лицо
 освежает он мне.

А когда вечером
возвращаюсь домой,
Уже горы вдали
лежат под луной.

Белых лилий в пруду
сильный запах стоит.
Даже посох сухой
аромат их хранит!

Братья Чхве

Ученый конфуцианец Чхве Севон любил пошутить и порядочным был краснобаем.

Как-то приобрел он охотничьего сокола. Однако сокол этот не желал ловить фазанов, а предпочитал утром и вечером пожирать соседских кур. И вот, отъевшись на курином мясе, этот мошенник взмыл однажды под облака и улетел.

— Эй, соседи! — радостно закричал Севон. — Смотрите, смотрите! Смылся наконец-то этот куриный душегуб!

Был у Чхве Севона младший брат Юн, тоже шутник и остролов. Юн страдал сахарной болезнью, постоянно пил настой китайского лимонника, отчего у него выпали все зубы. Юн, однако, отнюдь не пал духом. Уже в старости захотел он получить в управление одну область.

— Да у тебя же зубов нет, — сказал ему сосед-приятель, — как же ты управлять-то будешь?!

— Орехи грызть я, конечно, не могу, — отвечал Юн. — А управлять... Что ж, ведь и двор вана правит не зубами!

Все люди одобрительно расхохотались.

Шутник Ён Тхэ

Ён Тхэ был мелким чиновником при династии Корё. Он любил шутку и умел смешить людей, как бродячие актеры квандэ.

Однажды зимой поймал он змею на берегу Ёнёна. Наболтал монаху из соседнего монастыря, что это, мол, детеныш дракона, и тот взял змею на воспитание. Через несколько дней Ён Тхэ разделся догола, пестро

разрисовал свое тело под чешую дракона и явился к этому монаху.

— Не пугайтесь, святой отец, — сказал он, постучавшись в окно, — я дракон Ёнёна. Узнал я, что дитя мое вы очень любите и бережете. Очень вам благодарен. Скоро снова приду и приглашу вас в свой подводный дворец!

Сказал он так и скрылся. В назначенный день, разодетый во все новое, ожидал монах дракона. Пришел Ён Тхэ, посадил монаха себе на спину и принес на берег Ёнёна.

— Теперь вы за меня не держитесь, — сказал он монаху, — закройте глаза, и мы тотчас окажемся в моем дворце!

Монах крепко зажмурился, разжал руки. А Ён Тхэ просто сбросил его в воду и ушел. Промокший насквозь, весь в ссадинах, монах с трудом выполз на берег. Еле добрался он до монастыря и, укутавшись одеялом, уснул. Назавтра Ён Тхэ пришел к нему.

— Что это с вами стряслось? — спросил он.

— Злой дух Ёнёна, старый сумасброд, жестоко подшутил надо мной! — мрачно ответил монах.

А однажды Ён Тхэ привелось участвовать в охоте вана. Как всегда, разыгрывал он веселые шутки. И вот ван Чхунхэ приказал для потехи бросить его в реку. Ён Тхэ с трудом выбрался на берег.

— Где был, что видел? — рассмеявшись, спросил ван.

— А был я под водой, — бодро ответил Ён Тхэ, — встретил Цюй Юаня!

— Ну и что же он тебе сказал?

— «Мой государь был человеком невежественным, — сказал Цюй Юань, — из-за него мне пришлось утопиться. Но почему в реке оказался ты? Ведь твой-то государь — просвещенный!»

Вану очень понравился ответ Ён Тхэ, и он подарил ему серебряную чашу. Увидя это, один из воинов взял да и сам плюхнулся в воду. Ван приказал вытащить его за волосы и спросил, зачем он прыгнул в реку. Воин ответил, что он тоже навестил Цюй Юаня.

— А что же он тебе-то сказал? — поинтересовался ван.

— «Что скажешь?» — спросил меня Цюй Юань. «А вы что скажете?» — ответил я ему.

Дружный хохот свиты вана потряс окрестности.

Полководец периода Корё Ли Пансиль смолоду не имел себе равных в ловкости и отваге.

Однажды, когда он объезжал провинцию Сохэдо, перед ним на дороге появился некий мужчина. Ростом тот человек был огромен, имел при себе лук и стрелы. Он тут же загородил дорогу коню Ли Пансиля и сказал:

— Куда изволите следовать, господин? Рад буду сопровождать вас! — И он пошел рядом с конем Пансиля.

А Пансиль, хотя и понял сразу, что перед ним разбойник, несколько не испугался. Так проследовали они вместе ли десять и вот заметили сидевших на поле пару голубей.

— Господин может попасть в этих птиц? — спросил разбойник.

Пансиль молча поднял лук и одной стрелой поразил обоих голубей. Смеркалось. Они остановились в одном трактире, где совсем не было постояльцев. Пансиль снял с себя лук и колчан со стрелами, отложил их в сторонку.

— Пойду коня посмотрю, — сказал он через некоторое время разбойнику, — а ты пока побудь здесь.

И Пансиль вышел, оставив в комнате свое оружие. Потом Пансиль зашел в уборную, что была во дворе, присел. А разбойник схватил лук и стрелы, выскочил во двор и, изо всех сил натянув тетиву, выстрелил в Пансиля. Пансиль же преспокойно поймал летящую стрелу рукой и воткнул ее в стенку уборной! Раз десять стрелял разбойник в Пансиля, а тот все ловил стрелы и втыкал их в стенки. И вот стрелы в колчане все кончились. Разбойник, потрясенный ловкостью и бесстрашием Пансиля, упал перед ним на колени, в раскаянии умолял пощадить его.

Во дворе неподалеку рос дуб высотой в несколько чанов. Пансиль подпрыгнул, ухватился одной рукой за сук и пригнул его. Затем другой рукой крепко привязал к суку волосы разбойника, ножом быстро надрезал кожу вокруг его головы и отпустил сук, который с силой взметнулся вверх, сорвав с головы разбойника все волосы. А тело его рухнуло на землю. Пансиль же ушел, даже головы не повернув в сторону разбойника.

Много позже, уже когда Пансиль состарился и был в больших чинах, случилось ему проезжать через ту же местность. На ночлег остановился он в одном крестьянском доме. Дом был большой и выглядел очень богато. Встречать Пансиля, опираясь на палку, вышел почтенный старец. Он выставил хорошее угощение — были поданы отличные вина и закуски. Когда они уже порядочно подвыпили, старик хозяин, роняя слезы, рассказал:

— В молодости, понадеявшись на свою лихость, занялся я разбоем.

Убивал и грабил людей несчетно. Но однажды нарвался я на одного молодца беспримерной отваги. Хотел прикончить его, как и прочих, а в результате сам пострадал жестоко, чуть было не умер. С тех пор я глубоко раскаялся, людей не гублю, не граблю их. Все силы отдаю земледелию.

Хозяин снял шляпу и показал голову. Она была совершенно голой — ни единого волоска!

...Была у Ли Пансиля младшая сестра. Так она тоже славилась ловкостью и смелостью. Еще в детстве брат и сестра любили, бывало, воткнуть в стену тоненькую жердочку и по очереди проходить по ней. Когда по жердочке проходил Пансиль, она все же качалась немного. Когда же по ней прошла его сестра, жердочка даже не шелохнулась!

Однажды сестра Ли Пансиля ехала с малым ребенком на выдохшейся лошади, и ей нужно было переправиться через реку. Перевозчики, желая побыстрее отделаться, грубо подхватили женщину под мышки и потащили на перевозную лодку. Сестра Пансиля страшно разозлилась, вырвалась у них из рук, схватила тяжелое весло и принялась как попало лупить перевозчиков. И похожа она была при этом на бесстрашного сокола!

Женился на кисэн

В свое время, когда Ким Самун был направлен посланцем вана в Ённам и прибыл в Кёнчжу, местные власти предоставили ему для развлечения одну кисэн. И Самун отправился вместе с нею в храм Пульгакса. Однако девушка была совсем юной и не имела еще дела с мужчинами. Она изо всех сил сопротивлялась Самуну, среди ночи куда-то от него сбежала и пропала. «Уж не попалась ли она в когти дикому зверю?!» — беспокоились люди. Однако назавтра девушку разыскали. Оказывается, ночью, босая, добежала она аж до Никчжу!

Очень, огорченный такой неудачей, Самун прибыл в Мильян. Здесь встретился он с пхёнса Ким Лионом, пожаловался на свою беду.

— Да чего там переживать! — в утешение сказал ему пхёнса. — Среди моих уездных кисэн есть женщины незаурядные. Я и сам не раз принимал их. Некоторые очень красивы и в любовных делах искусны. Я как правитель которую-нибудь непременно тебе сосватаю!

И вот однажды пуса устроил грандиозный банкет в башне Ённамну. Все кисэн были в полном сборе. И была среди них примечательная девушка, хотя не очень-то и красивая. Самун спросил о ней.

— Да это ж и есть та самая кисэн, которую я тебе прочу! —

воскликнул пхёнса.

А Самун и глаз не отводил от нее, всей душой потянулся он к этой девушке. Столы ломились от изысканных яств, но Самуну все казалось невкусным. Хозяин и слуги подносили ему вино, выступал и он с ответными тостами. И тут пхёнса велел этой самой кисэн поднести бокал Самуну. Самун радостно принял бокал, заговорил с девушкой, и похоже было, что страсть целиком им завладела. Этой же ночью они легли спать вместе на террасе Манходэ — «Вид на озеро».

С той поры Самун и кисэн страстно полюбили друг друга, не расставались и на короткое время. Даже средь бела дня запирали они дверь, опускали шторы и, обнявшись под одеялом, не вставали с постели. Хозяин, желая услужить им, приносил еду, но они и с ним не хотели видеться. Так провел Самун со своей кисэн много дней подряд.

Как-то пхёнса, решив обуздать эту безумную страсть, вошел в комнату Самуна. И все, что он увидел, так это были только два тела, которые сплелись в тесном объятии.

— Я тобой недоволен! — сказал пхёнса.

После этого Самун вроде бы образумился, поклялся даже, что оставит девушку. Но, хотя он и отправился дальше инспектировать одну за другой округи, сердце его оставалось с ней.

Однажды возвращался он с правителем уезда Ё Кимуном из Кимхэ в Мильян. Кони их шли рядом — узда в узду. Самун нервничал. Завидя верстовой столб, он непременно посылал слугу узнать, сколько ли осталось до Мильяна, сменял лошадей, нахлестывал их плетью, будто опоздать боялся. Но вот, уже на подступах к городу, в отдалении неожиданно показались неясные очертания какого-то строения.

— Что там за дом? — спросил Самун у слуг.

— Да это же Ённамская башня! — ответили ему.

Самун прямо-таки запрыгал в седле от радости и весело рассмеялся. А Кимун сложил ёнгú, в котором говорилось:

Кони рысью идут легко,
минуя поля и пашню.
Облако там, далеко,
задело крылом за башню.

Близится встречи час,
сзади остались горы.
Дом ожидает нас,

в окнах — синие шторы.

О как нам туда охота,
к женам в длинных халатах.
Но закрыты, увы, ворота
в тех высоких палатах!

В Ённамской башне Мильяна Самун оставался дней десять. Однако он должен был возвратиться в столицу. Хозяин, сочувствуя Самуну, устроил для него прощальный банкет в башне, всячески ублажал его, но тот был безутешен. А когда он расставался со своей кисэн в предместье города, крепко сжал ее руки, уехал, всхлипывая от огорчения.

Прибыл на одну почтовую станцию и до глубокой ночи не смог уснуть. Блуждал, маясь, по двору. Наконец со слезами на глазах сказал смотрителю:

— Уж лучше мне умереть, чем возвращаться в столицу. Если бы ты помог мне снова встретиться с возлюбленной, ей не пришлось бы оплакивать меня!

Смотритель сжалился над Самуном, дал ему свежих лошадей. Ночью проскакал Самун галопом несколько десятков ли и на восходе солнца был уже в Мильяне. Краснея от стыда, неожиданно для всех вошел он в управу. Свое чиновничье платье с серебряным поясом оставил Самун смотрителю и теперь одет был в простую гражданскую одежду. Пешим вышел он за бамбуковую изгородь управы. У старухи, которая доставала воду из колодца, Самун спросил:

— А где живет семья Тонби? (Тонби — было имя его кисэн, с которой он так жаждал встретиться).

— Да вон пятый дом на той стороне их и есть, — ответила старуха.

— А меня ты знаешь?

Старуха долго и пристально разглядывала Самуна, потом сказала:

— Да, я вас знаю. Вы не иначе как тот самый начальник, который прошлой осенью запретил взимать незаконные подати!

— Да нет, — возразил Самун, — отвязывая кошелек с деньгами и отдавая его старухе, — вовсе я не тот человек. Я инспектор — посланец вана. Вот хочу увезти с собой Тонби.

— Тонби, — сказала старуха, — живет со своим законным мужем, Пак Сэном. Увезти вы ее не сможете.

— Встречаться с Пак Сэном у меня нет надобности. Рад был бы хоть

весточку получить от Тонби. Если б могла ты передать ей от меня словечко, я бы щедро вознаградил тебя!

Старуха пришла в тот дом, передала слова Самуна. Кисэн, в сильном смущении почесав затылок, воскликнула:

— Как обидно. Но ведь не могу же я решиться на такое!

— Да это же позор для меня! — закричал Пак Сэн, слышавший речи старухи. — Он человек ученый, да ведь и я не безграмотный. Какой стыд для меня, почтенного человека. Видеть его не хочу! — И он в негодовании ушел из дома.

А Самун водворился в доме родителей кисэн. В управе знали об этом и тайком снабжали его рисом. Несколько дней прожил здесь Самун. Родители женщины были очень недовольны этим и в конце концов выгнали из дома их обоих. И вот эти двое оказались в бамбуковой роще, обнялись крепко, навзрыд заплакали. А люди из соседней деревни услышали, как они голосят. Узнав, в чем дело, наперебой стали угощать их вином и закусками.

Самун страстно хотел уехать вместе с кисэн. У него было только три лошади. На одной он ездил сам, на другой — его телохранитель, а на третьей он возил короб с постельными принадлежностями. Телохранитель может идти и пешком, решил Самун. Он велел кисэн взять у того лук и стрелы, сесть верхом на его лошадь. Телохранитель же должен был следовать за ними. Однако сапоги у него были очень тяжелые, мешали ему идти быстро. Тогда он снял сапоги, связал их веревкой и повесил на шею лошади. Вот так они и возвратились на почтовую станцию. Смотритель принял у Самуна шляпу и пояс, бросил их на каменные ступени лестницы и воскликнул:

— Много здесь бывало людей, которые приезжали с инспекцией, но такого страстного мужчины мы еще не видывали!

Когда через несколько лун, отправив кисэн обратно в Мильян, возвратился Самун в столицу, оказалось, что жена его умерла. Он погрузил гроб с телом жены на повозку, вывез его за город и похоронил.

Вскоре после этого Самун снова отправился в Мильян, прибыл на почтовую станцию Ючхон — «У вязовой реки». Здесь он сложил такое стихотворение:

Ветерок доносит в горы
ароматы слив.
Их цветущие уборы
вызывают чувств прилив.

Ароматы слив текут,
жадно их вдыхаю.
Думы светлые влекут,
сердцем отдыхаю.

Свет луны струится
на просторах вод.
Сердце к ней стремится,
лишь ее зовет.

Я тебе толкую:
все пройди края,
Где найдешь такую,
как кисэн моя?!

А кисэн эта тем временем заслужила благоволение и губернатора Ким Сангука. Прослышав, что прибыл Самун, губернатор пожелал с ним встретиться. Потом Самун привез женщину в столицу. Вскоре он был назначен на должность сынчжи. Должность эта высокая, жалованье Самун получал большое. А кисэн со временем родила двоих сыновей и стала в конце концов женой Самуна.

Чем кормить сокола?

Цензор Чон Чаён был однажды на приеме во дворце. В тот день государь по обычаю дарил высшим чиновникам соколов. Все по очереди брали птиц и отходили. А цензор Чон и понятия не имел, как надо брать сокола. Он схватил птицу как попало, обеими руками, отчего та стала беспорядочно бить крыльями, исцарапала ему все руки.

— А что сокол ест? — спросил Чаён у окружавших его чиновников.

— Кормить эту птицу, — ответили ему, — можно только сырым мясом.

— А у нас дома нет сырого мяса, — сказал Чаён. — Есть немного вяленой оленины. Нельзя ли ее размачивать и давать соколу?

Все чуть не лопнули от смеха.

Тщеславный Син

Некто Син, придворный чиновник, по натуре своей был человеком пустым и очень любил похвастаться. Так, обожал он похвастаться своим богатством. Разбрасает горсть риса перед воротами, пригласит кого-нибудь в гости и, глянув на землю, начинает распекать слуг:

— Да разве можно так расшвыривать дар небесный?! Позавчера человек из Чхунчхондо привез три сотни сок риса, вчера — из Чолладо три сотни. Потому так и не бережете добро!

А то еще нравилось ему прихвастнуть красивыми наложницами. Вымажет, бывало, румянами да белилами стены комнаты и давай при гостях ругать слуг:

— А чего это стены да окна такие грязные? Приходила вчера такая-то кисэн и осталась на ночь. А утром она тут умывалась да прихорашивалась. Вот и напачкала!

Или еще даст служанке кусок парчи, и как раз в то время, когда гости сидят в зале, она, стоя под окном на коленях, должна была говорить:

— Буду на парчовых туфельках для вашей наложницы вышивку делать. Так какой прикажете рисунок сделать — цветы или облака?

— Да, пожалуй, вышей-ка облака покрупнее! — отвечал Син.

А женщины, имена которых назывались, были одно время очень известными кисэн.

Желая побахвалиться своими высокопоставленными друзьями, Син заранее готовил письмо с адресом какого-нибудь могущественного министра, которого якобы приглашал сейчас прийти к нему. При гостях он передавал конверт слуге. Испуганные гости вставали, чтобы уйти, но Син их удерживал:

— Да я же с ним коротко знаком. Не пугайтесь!

Через некоторое время слуга возвращался и докладывал, что не застал министра дома.

— Эх, жаль! — смеялся Син. — Давненько я с ним не виделся, вот и захотелось сегодня встретиться. А вы уж испугались и уходить собираетесь!

Люди же, которые хорошо знали Сина, только смеялись над его пустотой и тщеславием.

Чудак

Цензор Хон Ильхю был человеком мужественным, однако несдержанным, а главное — безмерно нечистоплотным. Обычно он не умывал лицо и не расчесывал волосы. Крайне был неразборчив в еде и питье.

Как-то еще в молодости, подвыпив в компании приятелей, ловил Ильхю на реке рыбу. Ножа у него не было, так он перекусывал червей зубами.

А в другой раз он тоже ловил рыбу с друзьями. За весь день они так ничего и не поймали. Зашли в трактир. Ильхю тут же разделся, залез на крышу и, разобрав черепицу, стал доставать птенцов. При этом он выбирал еще не оперившихся, совсем голых. Затем, нанизав несколько штук на заостренную абрикосовую палочку, Ильхю птенцов обжарил.

— Ах, вкуснятина! — то и дело восклицал он, попивая вино и закусывая птенцами. — Что там какие-то жалкие рыбешки!

Когда Хон Ильхю сопровождал вана Сечжо в императорскую столицу, он постоянно собирал конский навоз, разжигал из него костер и на нем жарил манту.

— Этот человек и понятия не имеет о чистоте, — любил посмеяться Сечжо над Ильхю в присутствии многих сановников. — Ни в коем случае нельзя поручать ему совершать жертвоприношения!

Однако Хон Ильхю мог сочинять стихи, в которых воспевал силу и отвагу. Кроме того, он в совершенстве владел китайской речью, потому и ездил неоднократно в императорскую столицу.

Отправился однажды Хон Ильхю по служебным делам в южные провинции. И там, как-то вечером, он выпил так много вина, что умер.

Квиэ так сказал о нем в своем стихотворении «На смерть Хон Ильхю»:

Жажда была велика,
тысячью чаш тяготела.
А жизнь оказалась легка —
пушинкой одной улетела!

Советник Сон

Советник Судейской палаты Сон имел псевдоним Чхильхю-санса — «Отшельник Семь благ». А это он взял да и соединил два ходячих выражения людей древности: «три блага» и «четыре блага». Человек Чхильхю был чистосердечный и прямой, а потому на службе своей —

особливо если речь шла о нравственности, о правилах поведения — всегда глубоко вникал в суть дела и решения принимал, исходя только из закона и справедливости. Однако если случалось ему подвыпить, безмерно начинал похваляться своими талантами.

Однажды, когда он был еще губернатором провинции Канвондо, как раз во время созревания урожая случилась сильная засуха. И сколько ни устраивали молений о ниспослании дождя — дождя не было.

— Дождя нет потому, — объявил Чхильхю, — что чиновники округов и уездов молятся недостаточно горячо и искренно. Вот если бы они от всего сердца молили Небо, то оно непременно послало бы дождь!

Вслед за этим он сам совершил жертвоприношение и моление о дожде. И вот в полночь послышался шум дождя. Обрадованный, Чхильхю вскочил с постели и закричал:

— Я должен сейчас же вознести благодарение небесному владыке!

Облачившись в парадное платье, он встал посреди двора и стал истово класть несчетные поклоны Небу. А дождь тем временем понемногу все усиливался. Один чиновник раскрыл зонт и спрятался под ним.

— Да разве можно при таком важном молении удобненько закрываться зонтиком?! — возмутился Чхильхю и приказал чиновнику убрать зонт.

Все вымокли насквозь.

А вот тоже был такой случай, когда он стал губернатором Кёнсана. Надо сказать, что, проезжая мимо почетных арок почтительным сыновьям или добродетельным женщинам, Чхильхю непременно сходил с коня и дважды кланялся аркам. Прodelывал он это даже и в тех случаях, когда шел проливной дождь.

Однажды так же вот проезжал он во время дождя мимо почетной арки и увидел: тоса Ли Чып сидит на поле, укpывшись травяной накидкой.

— Чего это ты в таком месте расселся?! — откланявшись арке, с осуждением спросил Чхильхю.

— А я уже раньше вашей светлости прибыл сюда поклониться! — невозмутимо ответил Чып.

Сопровождавшие Чхильхю люди только рты прикрывали, чтобы громко не рассмеяться.

Однажды, прибыв в Пхеньян, приехал Сон Чхильхю на могилу Кичжа. Сойдя с коня, он поклонился до земли и произнес:

— Прибыл еще один кореец, дабы исполниться высокой нравственностью великого учителя!

А то раньше еще случилось Сон Чхильхю участвовать в охоте вана на

перевале Чхоннён. Загонщики обложили огромного свирепого тигра. И вот Чхильхю — а был он тогда изрядно пьян, — зарядив свой лук простой палочкой, хлестнул коня и ринулся было на тигра. Еле-еле люди его удержали. Вообще, происшествий такого рода случалось с ним немало.

Являясь перед государем, Сон Чхильхю всегда имел при себе два написанных иероглифа — «верность» и «прощение». При этом он горячо толковал их истинное, глубокое значение.

— Да, этот человек предан династии! — говаривал ван Сечжон и назначал его на высокие государственные посты.

И чем более высокую должность занимал Чхильхю, тем становился он все более скромным и бережливым. Встречая гостей, Чхильхю угощал их вином, а на закуску подавали лишь салаты из сосновых почек и латука да вареные черные бобы. И во всем-то он терпеть не мог роскоши и блеска.

Бережливый Чи

Первый министр Корё Чи Пэ был человеком очень хозяйственным и бережливым. Так, каждый раз в первый день нового года и в день холодной пищи отправлялся он один, без слуг, на кладбище, собирал все бумажные деньги и снова использовал их как бумагу. Если Чи находил пару брошенных соломенных сандалий, то непременно закапывал их на огороде, и польза от этого была немалая: он получал отменный урожай тыкв.

Когда Чи Пэ устраивал друзьям проводы за городскими воротами, он потчевал всех вином и закусками, сам же скромно прятал себе в рукав только маленькую чашечку с вином. Если же друзья подносили ему еще, предлагая выпить за его здоровье, он обычно отказывался.

— Невкусные тут всё у меня вещи, — скромно восклицал Чи, — даже в рот взять противно!

А то еще, когда совершались жертвоприношения Будде, Чи брал один ту риса и во главе десятка слуг являлся в храм. Здесь он давал им поесть да и на обратном пути потихоньку выдавал еще по одной ложечке.

Как-то один слуга застеснялся и не подал ему свою ложку. Чи спросил у него, почему это.

— Да у меня, ничтожного, нет ложки, — извиняясь, ответил слуга. — Есть только миска.

— Ха! Целую чашку съесть и я бы не отказался! — рассмеялся Чи.

Три женоненавистника

Как к еде и питью, извечна великая тяга мужчин и женщин друг к другу. Однако есть в наше время трое мужчин, которые не испытывают ни малейшего влечения к женщине. Наоборот.

Так, князь Чеан питает неодолимое отвращение к женской природе.

— Женщина грязна, — всегда говорит он, — ее и близко-то к себе подпускать невозможно! — И никогда с женщинами даже рядом не садится.

Есть еще сэнвон Хан Кёнги, внук пувонгуна, родственника государя. Тот полагает, что, подавляя чувства, сохраняешь в гармонии свою натуру. Поэтому он запирается в комнате один, даже с женой не разговаривает. А заслышит поблизости служанку, хватается палку и прогоняет женщину.

А у Ким Чаго единственный ребенок — сын. Да и тот так глуп, что, как говорится, не может отличить бобов от ячменя и ничего не смыслит в природе отношений мужчины и женщины. Чаго, опасаясь, что останется без внуков, попросил одну женщину лечь с сыном в постель да показать ему, что к чему. Так парень этот с перепугу даже под постель залез. И с тех пор лишь завидит женщину в красном наряде да с прической узлом, как тут же с воплями или хохотом убегает.

Недотепа

Конфуцианец Ким Чоннён, очень начитанный, по характеру своему был, однако, человеком простоватым, недалеким.

В юности жил он под горой Чхонгесан. И вот однажды шайка грабителей неожиданно налетела на его дом. А Чоннён как раз стоял у ворот, и в руках у него случайно был заряженный лук. Разбойники опешили, не решались к нему приблизиться. А Чоннён взял да и пустил стрелу в воздух! Тут бандиты чуть не запрыгали от радости.

— Вот герой! — смеялись они. — Имея в руках лук со стрелой, не посмел все же встать нам поперек дороги!

Бандиты ворвались в комнаты, разграбили все имущество и скрылись. Да и сам Чоннён едва-едва спасся от гибели.

Ван Сечжо повелел впредь совершать жертвоприношения у подножия гор и на берегах рек. Жертвенные животные были очень тощими, и ван уволил чиновников, отвечавших за их откорм. Надзор за содержанием животных был поручен Сахонбу. А Чоннёна как раз только что назначили тамошним инспектором, и это он должен был отвечать за откорм жертвенных животных.

День и ночь сидел Чоннён на скотном дворе — следил, чтобы волы наедались досыта. Временами, глядя на какое-нибудь животное, он умолял его:

— О вол, вол! Почему же ты не ешь корм? Ты должен много есть, чтобы стать упитанным. Ну постарайся же еще покушать сена, и тогда ты избавишь меня от наказания!

Впоследствии Ким Чоннён был принят в ученую палату для составления Всеобщего зеркала избранных произведений литературы. Как-то ученые рассуждали о вкусной и невкусной пище. Кто-то сказал, что если человек съест рыбу-собаку, то непременно умрет. В полдень на обед всем сидевшим в зале был подан суп со свежей горбушей.

— Как вкусна эта рыба! — обратился один сослуживец к Чоннёну. — Отведайте ее непременно!

Однако Чоннён схватил чашку с рыбным супом, с опаской поставил ее под стол, испуганно сказал:

— Сонсэн, что вы меня дурачите? Человека отравить хотите?!

Весь зал грохнул хохотом.

Сбылось предсказание

Мать правителя уезда Чхильвон Юн Чадана госпожа Нам овдовела еще в молодые годы. Проживала она в Хамъяне. Юну было всего семь лет, когда мать привела его к гадалке.

— Госпожа может не тревожиться за судьбу сына, — сказала та, вглядываясь в лицо мальчика. — Видно, что в будущем его ожидают большие почести. Только ему должен помочь младший брат!

— Да как же это у сына вдовы может появиться младший брат? — удивилась тогда госпожа Нам.

Однако впоследствии женщина эта вторым браком вышла замуж в семью Ли, родила сына, который и стал для Юна младшим братом. А Ли помогал вану Сечжону управлять государством, имел исключительные заслуги, пользовался большим влиянием в стране. Оказывал помощь правительству и Юн. Потому-то и пожалован был ему уезд в управление.

Жизнь и смерть Пак Ичхана

Чхампхан Пак Ичхан — сын высокопоставленного чиновника Пак Ансина. С детства он имел характер вольный, независимый, отличался

красноречием и любил шутку, был великодушен и прям. Этим он был похож на своего отца.

В юные годы Ичхан проживал в Санчжу. Учился он с ленцой, увещеваний отца с матерью не слушал. Он был дружен с сыновьями соседки-вдовы, которыми верховодил. Вместе они гуляли и развлекались. Когда подошел срок экзаменов, вдова попросила Ичхана:

— Мои сыновья тоже собираются пойти на провинциальный экзамен. Только они совсем ведь еще малолетки, трудно им одним будет. Не можешь ли ты пойти вместе с моими сыновьями да присмотреть за ними?

И вот Ичхан прибыл со своими друзьями на экзамен. Толпами пришедшие студенты, глубоко задумавшись, писали сочинения. «Я пришел со своими дружками за старшего, — подумал Ичхан, — и если не попаду в список, то люди надо мной ведь непременно смеяться станут!» Сделав над собой усилие, Ичхан взял кисть и написал сочинение. И вот объявили: он занял первое место! Ичхан быстро отправил письмо отцу. «На экзамен тучами слетелись студенты со всей провинции, — писал он. — Они волновались и гремели, как гром. А первое место, батюшка, занял ваш сын. Разве он не прославился?!»

С тех пор воодушевленный Пак Ичхан употребил всю свою волю в служении государству и в результате достиг высоких степеней. Сначала Ичхан был принят на службу в Халлим. По тогдашним обычаям вновь принятый в Халлим назывался «синнэ» — «вновь прибывший». Сослуживцы требовали с него выпивку и угощения, всячески притесняли и издевались над ним. И только через пятьдесят дней новичку разрешалось занять место рядом с другими чиновниками. Его называли — «избавившийся новичок».

А Ичхан, будучи человеком несдержанным, совершил много прегрешений в глазах ученых чиновников, и по истечении «положенного» срока они ему так и не разрешили занять место рядом с ними. Ичхан же не мог справиться с охватившим его негодованием, взял да и самовольно уселся на свое место. Причем держался он так, будто рядом с ним никого не было. И тогдашние люди говорили о нем, что, мол, этот новичок сам избавил себя от мытарств и сам разрешил себе сесть в Халлиме.

Однажды, когда Пак Ичхан был уже сынчжи, случилось ему сопровождать высочайший выезд. Вдоль дороги, по которой должен был проследовать государь, для знатных женщин, что тоже хотели полюбоваться выездом, было поставлено множество шатров. Увидя руку некой красавицы, приподнявшей полог шатра, Ичхан громко воскликнул:

— Какая прелесть! Вот взять бы эту красавицу за маленькие яшмовые

ручки да и привлечь к себе!

— Да как вы можете говорить такое об этой женщине? — упрекнул его один из чиновников. — Ведь она же наверняка из знатной семьи!

— Пусть она из знатной семьи, — засмеялся Ичхан, — а я-то разве не из знатной?!

Вся свита вана громко расхохоталась. Вообще, Ичхан был очень красноречив и скор на остроумное словцо.

Когда высокие сановники отправлялись послами в императорскую столицу, продовольствием в дорогу их снабжали многие округа и уезды провинции Пхёнандо. И некоторые из них набирали столько добра, что становились настоящими богачами. А Пак Ичхан при докладах вану всегда резко осуждал эти злоупотребления.

Но вот случилось и ему самому отправиться послом к императорскому двору. Опасаясь, что в дальней дороге продуктов не хватит, Ичхан неожиданно для себя запас их больше, чем было нужно. Это стало широко известно, иные требовали произвести дознание. Уже на обратном пути, прибыв на почтовую станцию Синангван, Ичхан в отчаянии воскликнул:

— О! С каким лицом я покажусь при дворе?!

И покончил с собой.

Тиран

О Сегёме, который впоследствии стал правителем уезда Хамчхон, в юности отличался необыкновенной силой. Вместе со своим младшим братом, будущим правителем уезда Асон, сколотил Сегём шайку из таких же шалопаев, как он сам, и бесчинствовал, шляясь по деревням и поселкам. То они воровали кур средь бела дня, то затевали игру в хлопki, изо всех сил шлепая по ладоням друг друга. И считали это вполне достойным занятием.

Все эти юнцы, которые потом стали правителями уездов Кванчхон, Кванвон, Чхоннын, Хёнбо и известными конфуцианцами, боялись Сегёма, ни в чем не смели ему прекословить. Все они вместе учились и жили в Школе. Если Сегём просил у студента какую-нибудь вещь и не получал ее, то он просто не давал этому студенту заниматься. В спальнях помещений Школы было очень холодно. Так Сегём приказывал студентам ложиться в его постель и греть ее. Только после этого сам ложился под теплое одеяло. У одного студента на всем теле появились гнойники, которые покрылись коростой. Сегём приказал другому студенту сковыривать эту коросту,

засовывать ее в хлебец и есть. Больной при этом кричал от боли, а того, кто ел хлебец, вырвало. Сам же Сегём хлопал в ладоши и громко хохотал.

— Этот Сегём слишком уверен в своей силе, — как-то сговорились студенты, — потому так и издевается над нами. Доколе же мы терпеть от него будем? Давайте-ка все скопом неожиданно набросимся на него да и вздуем хорошенько. Небось сразу отстанет от нас!

Однажды Сегём сидел под окном. Один студент вцепился ему сзади в волосы, другие схватили за руки и за ноги, все вместе на него навалились. Однако Сегём, собрав все силы, сбросил с себя нападавших и вскочил на ноги. Студенты в страхе разбежались, а будущий правитель уезда Кванвон почтительно подхватил Сегёма под руки. А будущий правитель уезда Кванчхон, спрятавшись за колонну, крикнул, чтобы разжалобить Сегёма:

— Мой младший брат умирает!

Сегём всячески издевался над Кванвоном, позорил его. Если Сегём приказывал ему есть землю — он ел. Приказывал называть себя мужем его сестры — называл. В конце концов он велел Кванвону величать себя его отцом!

Кванчхон, который слышал этот разговор, издали с опаской закричал:

— Да потерпи ты еще немножко эти муки, только не смей называть его отцом!

В год п ё н ч ж а близился весенний экзамен. Сегём и еще четверо студентов жили в одной комнате и вовсю штудировали книги.

Как-то будущий санса Ю Чо, проснувшись, объявил:

— Видел нынче ночью сон — наполовину хороший, наполовину дурной!

— Что за сон? — спросил Сегём.

— Да вот, — ответил Ю, — будто из нашей комнаты воспарили в небо пять змеев, но один из них вдруг рухнул на землю!

— Нас тут пятеро, — возмутился Сегём. — Трудимся, не ленимся. Что ты еще болтаешь о дурных приметах? А ну-ка живо кричи: «Змей, упавший на землю, — это я»! — Ю Чо прокричал эти слова. — Да что это за имя — «я»?! — И Чо снова прокричал, что змей, упавший на землю, это он — Ю Чо.

На следующий год четверо из них успешно выдержали все экзамены, впоследствии стали крупными чиновниками, имели заслуги. И только один Ю Чо до старости терпел невзгоды и, даже ступив на чиновничью стезю, высоко подняться не смог.

Упрямец Син

Державший вместе со мной экзамены некто Син носил густую рыжую бороду, был мал ростом и горбат. При всем при этом был он человеком дотошным, обладал твердым, как косточка плода, характером и ни в чем, даже в самом малом, не уступал другим.

Когда он стал чиновником в Ведомстве ритуала, в его обязанности входил надзор за актерами-музыкантами и кисэн. Син обходился с ними очень жестоко, и кисэн слагали песни, в которых высмеивали его. А еще Син терпеть не мог съедобных трав и белых грибов.

— Ну что за вкус у этих вещей? — восклицал он. — И чего это люди их так любят?!

— Господин Син, — смеялись над ним сослуживцы, — конечно же, совсем не такой, как все люди!

Услышал Син как-то пение иволги и говорит:

— Вот красота! Поет птица-хохотун!

— Да ведь это же иволга, — возразили ему чиновники. — Как можно называть ее птица-хохотун?!

— Она поет «хо-хо», — упрямился Син, — значит, она птица-хохотун, а никакая не иволга!

Все чиновники смеялись над упрямством Сина, и кто-то тогда сложил о нем такой стишок:

Ходит с рыжей бородой
карлик-кривобок.
Угнетает всех кисэн,
с ними он жесток.

Трав съедобных он не ест
и грибов не хочет.
Да к тому же у него —
иволга хохочет!

Со Тальсон и дочь Хона

Дочь художника Палаты живописи Хона Чхонги красоты была бесподобной. Однажды пришла она по какому-то делу в Санбу. А Со

Тальсона — был он молод тогда — после изрядной выпивки со своими сослуживцами как раз доставили туда же. Увидя девушку Хон, Тальсон подошел к ней, сел рядом, в упор уставился на нее и глаз отвести не мог.

А начальником ведомства в то время был первый министр Нам Чи. Заметив Тальсона, разглядывавшего девушку, он сказал:

— Так ли уж велика провинность этого конфуцианца? Живо освободить его!

Тальсон нехотя вышел, сказал с досадой своим сослуживцам:

— Ну что за суд за такой поспешный? Преступнику надо было дать возможность оправдываться. Потом произвести дознание. А то не разобрались даже — прав я или виноват. Ну к чему такая спешка?!

Тальсону было обидно очень, что ему не дали вдоволь налюбоваться дочерью Хона. А приятели его всласть над ним посмеялись.

Чо Унхыль притворяется

Было и такое, что первый министр периода Корё Чо Унхыль притворился сумасшедшим. Тогда в стране назревала смута, и Унхыль хотел избежать беды.

А в то время, когда он был еще губернатором провинции Сохэдо, Унхыль постоянно произносил нараспев: «Амитаба-а-а! Амитаба-а-а!» Как-то к нему под окно пришел один правитель уезда, с которым Чо Унхыль был очень дружен.

— Чо Унхы-ы-ыль! Чо Унхы-ы-ыль! — стал нараспев звать правитель уезда.

— Ты почему это так зываешь ко мне? — удивился Унхыль.

— Вы, ваша светлость, — отвечал правитель, — постоянно зываете к будде Амитабе, потому что сами хотите стать буддой. Я же зываю к вам потому, что сам хочу стать губернатором!

Приятели посмотрели друг на друга и громко расхохотались.

Случалось Чо Унхылю и слепым притворяться. Вдруг он отказался от должности и занялся домашними делами. А дело-то было в том, что наложница Унхыля вступила в тайную любовную связь с его сыном. Молодые люди частенько прямо перед ним любились. Князь же притворялся, что ничего этого не видит. Когда же смутные времена кончились, Унхыль потер глаза руками, сказал:

— Глаза мои исцелились, я снова вижу! — И он опять стал во главе семейства.

Обвинив наложницу в распутстве, Унхыль прогнал ее. Сам же поселился в своем сельском доме. Дом этот и поныне стоит ниже переправы Кван.

Потом Чо Унхыль испросил себе должность управляющего постоянным двором при почтовой станции Сапхёнвон. Там он завел знакомство со многими сельскими жителями. Нередко устраивал вместе с ними винопития, запросто садился среди селян, вовсю шутил с ними и развлекался.

Однажды сидел он в беседке. На почтовую станцию прибыло много уволенных чиновников двора, которые переправлялись через реку. Унхыль сложил стихотворение:

В полдень плетеную
дверь открыл.
Людей к переправе
я пригласил.

Выходят они из беседки,
молча сидят
На камнях замшелых,
на реку глядят.

Ветер в горах
шумел всю ночь —
Лепестки по воде
уплывают прочь.

Неисправимый распутник

Ан Юльбо, правитель уезда Чичжунчху, по характеру был очень общительный и выпить любил. А напившись, имел привычку брать людей за руки и подшучивать над ними.

Как-то, когда Ан был еще секретарем Ведомства ритуала, решил он по служебным делам навестить начальника Ведомства Хон Инсана. Хон Инсан угощал его вином. И хозяин, и гость — оба выпить были совсем не прочь. К концу дня, когда они уже порядочно напились, вошла красивая женщина. Это была возлюбленная Инсана. Она стала еще подносить им чашки с вином. И тут Юльбо неожиданно схватил ее за руку. Женщина

испуганно отдернула руку, и при этом у нее порвался рукав. А Юльбо, совершенно пьяный, вышел во двор, в беспамятстве упал на землю и уснул.

Вскоре хлынул проливной дождь. Одежда Юльбо промокла насквозь, но Хон Инсан приказал слугам не трогать его. Вечером, когда Юльбо проснулся, вид у него был самый жалкий. Так он и возвратился домой.

Хон Инсан послал ему от себя одежду и велел передать: «Ты испортил свое платье только из-за того, что я напоил тебя. Посылаю тебе за это новое. Но и ты должен расплатиться за порванный рукав!»

Ан Юльбо, услышав это, очень испугался и просил передать: «Я совершил по отношению к начальнику очень грубый поступок. Разве могу я после этого занимать свою должность?» Но Хон Инсан, узнав, что Ан Юльбо хочет выйти в отставку, не разрешил ему это.

И вот Ан снова отправился к Инсану, чтобы попросить прощения. Случилось так, что он опять много выпил, сильно опьянел и снова схватил за рукав ту красавицу.

— Да ты неисправимый распутник! — громко рассмеявшись, воскликнул Хон Инсан.

Красавчик Ким

Ким Хёнбо был очень тощим и хилым, вид имел совсем неприглядный. Вышучивая Хёнбо, его приятель О Чагён рассказывал:

«Когда Ким был с посольством в Китае, получили ошибочное известие о том, что он умер в дороге. Вся семья горько его оплакивала. А один слуга так даже вышел за ворота и, колотя себя в грудь, вопил:

— О! О! Как жаль его! Ведь какой он был видный мужчина!

Только никому не известно, почему Хёнбо казался слуге таким красавцем».

А когда Хёнбо назначили помощником начальника Дворцового ведомства, Чагён опять не преминул пошутить:

«Однажды Ким Хёнбо по службе был на пиру вана. Возвращается это он домой и говорит своей матушке:

— Сегодня случилось очень счастливое событие!

— Что за событие? — спрашивает матушка.

А Хёнбо:

— Я стал помощником начальника Дворцового ведомства!

— А что это за должность?

— Я, — вещает Хёнбо, — отвечаю за устройство пиров вана, подношу

ему еду и питье. На такую должность назначают только самых красивых и мужественных людей!

— Ну это у тебя, конечно, наследственное, — радуется матушка. — Недаром вчера видела во сне твоего батюшку. Это и было знамение счастливого события!»

А замечу, что батюшка Кима тоже был с виду очень страшеньким. Потому Чагён так и издевался над Кимом.

А когда Ким Хёнбо стал старшим приемщиком указов вана, государь подарил ему пояс, отделанный золотом и бараньим рогом. Правда, пояс был ему слишком уж широк в талии. Так Чагён и тут не удержался:

— Ты, — говорит он Киму, — это драгоценное сокровище непременно должен передавать по наследству своим детям и внукам. Последующие поколения ведь тебя не увидят и, конечно же, без конца говорить будут: «Если нашему предку ван подарил такой пояс, то он уж наверняка был писанным красавцем!»

Дурной почерк

У Ли Чонбо был очень плохой почерк, не мог он правильно и красиво писать иероглифы. Однако его назначили старшим чиновником канцелярии вана.

Как-то под перечнем документов, представленных на высочайшее обозрение, он поставил всего два знака — имя государя. Ван Сончжон, увидя эти иероглифы, велел передать:

— Если высокие чиновники нашей канцелярии сами не умеют хорошо писать, то как же они могут учить младших чиновников?!

— Это писал сам старший чиновник канцелярии, — доложили служащие. — Это не мы вместо него писали!

— Странно, — удивился Сончжон. — И дед его, и отец — оба писали прекрасно. Отчего же сам он пишет так коряво?

Сончжон приказал Ли Чонбо сложить стихотворение, аккуратно переписать и показать ему. А когда Чонбо написал и показал чиновникам канцелярии, они только рассмеялись.

Князь забавляется

Корёский князь Синью по натуре своей был человеком пустым и развратным.

Однажды на прогулке в горах встретился он с неким молодым дровосеком. Дровосек был в плетеной шляпе, на макушке которой красовалась сосновая шишка. А на шее юноши висело ожерелье из желудей. Синью, как только увидел эти украшения, пришел в совершенный восторг. Сойдя с коня, сорвал он с себя шляпу с кораллами и обменял ее на скромные украшения дровосека. Тут же он надел приобретенную шляпу себе на голову, едва не прыгая от радости, вскочил на коня и погнал его плетью. А парень тот долго еще стоял на глухой дороге, опасаясь, нет ли тут какой-нибудь ловушки. В конце концов он так испугался, что вернул драгоценную шляпу во дворец.

В доме у нас была одна старая женщина, ей перевалило уже за девятый десяток. Так вот, она рассказывала, что в молодости жила в Сондо и видела там Синью. Лицом он был светел, любил носить алые одежды. Иногда же одевался в белое и выезжал верхом. Впереди него шли воины, вооруженные палками. Синью врывался в дома — не пропуская ни большого дома, ни малого — и если обнаруживал там красивых девушек, то непременно насиловал их. Поэтому в каждом доме, где были девушки или молодые женщины, обычно держали большой деревянный короб. И как только разносился слух, что Синью выехал гулять, женщины моментально прятались в эти ящики.

Однажды Синью явился в дом Чон Лянсэна, правителя Понвона. Здесь принялся он вовсю развлекаться — громко пел и дебоширил.

— В каком же это доме стоит такой гвалт? — спрашивали одни горожане, стоя у своих ворот.

— Да это же у правителя Чона! — усмехаясь, отвечали другие.

А Синью как раз уже покидал дом Чона. Трогая коня, он удивленно восклицал:

— И чего это люди так пугаются? Ну чего они боятся?! — Уж очень ему хотелось показать, что он человек порядочный и не способен совершить преступление.

А старая женщина, что жила в нашем доме, и была как раз дочерью правителя Понвона. От нее-то я и узнал все это.

Диалог

Великий князь Яннён хотя подмочил свою репутацию и был лишен наследственного права на престол, однако до самой смерти всегда пользовался расположением государя. Как-то ван Сечжо беседовал с ним.

— Ведь я могуществен, как ханьский Гао-цзу. Не так ли? — спросил ван.

— Да, конечно же, вы могущественны, ваше величество, — отвечал Яннён. — Но помочиться-то на шляпу скромного ученого все-таки не можете!

— Я очень почитаю Будду, — продолжал Сечжо. — Не похож ли я этим на лянского У-ди?

— Каким бы ревностным буддистом вы, ваше величество, ни были, однако не убивать жертвенных животных опять же не можете!

— Я пренебрегаю советами своих министров, — еще спросил ван. — Не так же ли я поступаю, как танские государи?

— Пусть похожи вы этим на танских императоров, — сказал Яннён, — но умертвить министра Чжан Юньгу уж никак не можете!

Яннён так и всегда в шутливой форме выражал свое неодобрительное отношение к некоторым людям. Однако вану Сечжо нравилась эта его манера, и он любил с ним побеседовать.

Великий князь

Ван Сечжон учредил школу для обучения чтению детей и родственников государевых.

Великий князь Сунпхён, которому перевалило уже за сорок и который не знал ни одного иероглифа, впервые явился в эту школу. Учитель показал и объяснил семь знаков из «Почитания предков» — первой главы «Книги о сыновней почтительности». Однако Сунпхён и тех никак запомнить не смог.

— Стар я уже ныне, — сказал он, — да и талантов у меня нет. Если даже выучу только два иероглифа из этого «Почитания предков», то и того мне хватит вполне!

Даже верхом на коне твердил он эти два слова, а слуге своему наказал:

— Ты не смей забывать эти два слова из «Почитания предков»: напомнишь мне, если я забуду!

А умирая, Сунпхён призвал жену и детей, сказал:

— Жизнь, конечно, дело великое, но ведь и смерть — тоже. Уж как я рад, что умираю и на веки вечные расстанусь с «Почитанием предков»!

Помог стать ваном

Когда Ха Хочжон служил губернатором провинции Чхунчхондо, будущий ван Тхэчжон был еще только великим князем Чонъаном. Чонъан путешествовал по провинции и собирался вернуться в столицу. Ха Хочжон устроил ему у себя дома прощальный прием. Все гости были в полном сборе, Чонъан подносил им заздравные чаши. И вдруг Хочжон, притворившись совсем пьяным, опрокинул поднос с чашками и забрызгал вином платье великого князя. Разгневанный, Чонъан тут же покинул дом Хочжона.

— Сын государев отбыл во гневе, — обратился Хочжон к гостям, — я непременно должен попросить у него прощения!

С этими словами Хочжон быстро вышел из дома, вскочил в седло и последовал за Чонъаном.

— Ваше высочество, губернатор следует за вами! — доложили слуги Чонъану, но тот не обратил на это внимания.

Прибыв к дому, в котором он остановился, Чонъан въехал в главные ворота, сошел с коня. Хочжон въехал вслед за ним и тоже спешил. Чонъан прошел вторые ворота, вошел во вторые ворота и Хочжон. Чонъан вошел в дом, Хочжон — за ним. Тут только Чонъан встревожился, обернувшись к Хочжону, гневно спросил:

— Что это значит?!

— Ваше высочество, опасный заговор! — открылся наконец Хочжон. — Я нарочно опрокинул поднос с вином, о чем весьма сожалею. Однако должен втайне сообщить вам нечто важное!

Тогда Чонъан увлек Хочжона в глубину покоев, в свою спальню, велел доложить о заговоре [17](#). Хочжон обо всем рассказал ему. Великий князь спросил, что он думает предпринять.

— Я, ваше высочество, служу моему государю и не мог долго оставаться в бездействии. Правитель уезда Асангун Ли Сукбон по моему приказу под охраной уездного войска должен отправиться в столицу вместе с Пречистой гробницей. Я тоже явлюсь в назначенное место и готов буду оказать помощь в великом деле. Поскольку время опасное, прошу вызвать меня немедленно!

И с тем Ха Хочжон удалился. А Чонъан вызвал Ли Сукбона, велел доложить о предпринятых им мерах.

— Все это сделать так же просто, — сказал Сукбон, — как ладонь перевернуть. Какие могут быть препятствия?

Явившись в столицу вместе с Чонъаном, он при поддержке слуг великого князя и своего уездного войска прежде всего занял Оружейную палату и приказал воинам, одетым в кольчуги, окружить дворец

Кёнбокгун. По приказу Чонъана за Южными воротами столицы были воздвигнуты два шатра. В одном поместился сам великий князь, другой занял Ха Хочжон, когда по вызову Чонъана прибыл в столицу. Люди не знали, кто находится во втором шатре, но не сомневались, что человек этот скоро станет первым министром.

Так оно и вышло. Когда Чонъан занял престол, он высоко оценил заслуги Ха Хочжона и Ли Сукбона.

Возлюбленная вана

Ван Чхунсон долго жил в Китае во времена династии Юань. Была там у него женщина, которую он очень любил. Когда пришло время возвращаться ему на родину, женщина вышла проводить его. Ван сорвал цветок лотоса и подарил ей в знак разлуки.

Но забыть эту женщину он не мог, тосковал по ней с утра до вечера. И в конце концов ван послал Икчже разыскать ее. Икчже нашел женщину. Она лежала посреди комнаты и уже несколько дней отказывалась от еды. Язык ее не слушался, она с трудом подняла кисть и написала:

Лотос, чистый цветок,
оставили вы в привет.
Он и ныне еще не увял,
хранит нежно-алый цвет.

Сколько дней миновало
с нашей печальной разлуки?
Скоро увянет цветок,
погибну и я от муки!

— Эта женщина, — возвратившись, доложил Икчже, — пьет вино в кабаке с молодым мужчиной. Я даже не смог встретиться с нею!

Ван так огорчился, что даже плюнул в сердцах. А на следующий год, в день рождения вана, когда настал черед Икчже поднести государю кубок с вином, он низко поклонился и сказал, что совершил преступление, за которое достоин смерти. Ван спросил, в чем дело. И тогда Икчже подал ему стихотворение его возлюбленной, рассказал, как все было на самом деле.

— Если бы ты показал мне это стихотворение тогда, — обронив слезу,

молвил ван, — я бросил бы все и вернулся к ней. Ты любишь меня, потому и обманул. Вот истинная верность!

Мудрый тесть

По соседству со мной проживал конфуцианец, некий Пак. Он был принят зятем в семейство Лю и поселился в его доме. Прошло какое-то время, и завел там этот Пак любовь сразу с двумя служанками. О том в семье, конечно, ничего не знали.

Но вот один слуга однажды ночью заметил — кто-то осторожно пробрался во флигель к этим служанкам. Слуге показалось это подозрительным, он заглянул в щелку и увидел в комнате мужчину.

— Вор забрался в дом! — тут же доложил слуга старику Лю.

Тесть Пака рассвирепел, с криками выскочил во двор. А соседи, услышав, что в дом Лю забрался вор, спешно схватили луки и дубинки, в один миг толпами окружили дом Лю.

Зять попробовал открыть дверь, но она оказалась запертой снаружи. Он ударил ногой в стену, однако она была крепкой и проломить ее он не смог. Паку нужно было во что бы то ни стало выбраться из флигеля служанок, а сделать это ему никак не удавалось. Он изранил себе все руки и ноги, обливался потом. И тут еще в оконную щель он увидел: при ярком свете факелов у дома столпились все соседи! Зять громко застонал от стыда и страха, однако толпа так галдела, что стонов его не слышала. А тесть-то сразу узнал голос зятя.

— Вор украл суший пустяк и сбежал, — сказал он соседям. — Не стоит и ловить его!

Потом тесть со смехом вошел во флигель служанок, незаметно освободил зятя. А соседи стали расходиться. Зять же этого Лю испытал такой жгучий стыд, что несколько лун не выходил за порог своей комнаты.

Пара Чонов

Был некий ученый человек, не занимавший государственной должности, по фамилии Чон. Жена его умерла, и прослышал он, что в Намвоне в богатой семье проживает овдовевшая женщина. Решив жениться на ней вторым браком, Чон выбрал счастливый день и направил в Намвон сваху. Явился туда и сам да, зайдя в управу, одарил тамошних чиновников, попросил их помочь с женитьбой.

А вдова-то, проведав, что Чон находится в управе, послала туда свою служанку — подсмотреть незаметно, каков же из себя этот Чон.

— Усы и борода у него длинные и густые, — воротясь, доложила служанка, — носит он волосяную шляпу. Но, по правде сказать, стар он очень да и болен, видно!

— А мне нужен муж молодой да сильный, — заявила вдова. — Чтоб до старости доставлял радость. Зачем это мне такая развалина?!

В назначенный день явился Чон к дому вдовы. Его окружала толпа чиновников с горящими факелами. А вдова-то приказала запереть ворота и никого не впускать. Так Чон и остался за воротами, ни с чем домой воротился.

Был и еще один Чон, чиновник Музыкальной палаты. У него тоже умерла жена, и он тоже посватался в богатом доме к одной женщине: хотел взять ее в наложницы. Вот явился он однажды к той женщине. Она сидела на тахте, накрытой богатым парчовым покрывалом. Тахта была огорожена ширмой, украшенной рисунками. Всюду было полно великолепных ковров. Чон подсел поближе к ширме, полагая, что чаяния его сбылись. А женщина поглядела на него из-за ширмы и говорит:

— Ему если не семьдесят, то уж наверняка за шестьдесят перевалило!

И от досады лицо ее сделалось очень недовольным. Когда стемнело, Чон поспешно вошел к женщине в комнату.

— Откуда только взялась эта рухлядь?! — с бранью закричала та. — Да еще врывается ко мне в комнату. И лицо-то у него противное, и голос неприятный!

И Чон, распахнув среди ночи окно, выскочил на улицу. Не знал, куда и бежать.

Некий конфуцианец по этому поводу сложил насмешливые стихи:

Старики забылись,
ножками сучат.
Наскоро умылись,
у ворот стучат.

Держатся негоже
эти Чона два.
Так они похожи —
отличишь едва.

Захотела пара

взять богатых жен.
Их постигла кара —
каждый пристыжен.

Надо б знать заране,
не позорить лиц:
Не уйти от брани
этаких вдовиц!

Ее ответ

А жила в стародавние времена одна девственница. И была она так хороша собой, что сваты толпами осаждали ее дом. Одни говорили, что их жених — юноша, мол, очень талантливый, что со временем он, дескать, прекрасные сочинения написать сможет. Другие убеждали, что их жених-де в совершенстве владеет луком и лихо на коне скачет. Третьи уверяли, что их-то жених даже на дне пруда великолепный огород на десять кёнов разбить может. Ну а четвертые только и сказали: а у нашего, мол, такой, что он им тяжелые камни запросто через голову перебрасывает.

И дала дева ответ сватам в стихах:

Пока талант того дойдет,
немало времени пройдет.
Тот с луком скачет на коне —
ему погибнуть на войне.
Посеет тот на дне пруда —
его посев пожнет вода.
Того сердечко одобряет,
кто камни чрез себя швыряет!

Любовь и гибель Ана

Некто Ан происходил из знатного столичного рода. Числился он в Хакгуне, однако все время проводил в праздности и развлечениях. Разодетый в великолепные одежды, всюду разъезжал он в роскошном экипаже. Рано овдовев, Ан жил совсем один.

Но вот однажды прослышал он, что в восточной части города в одной богатой семье есть красивая девушка, которая служит у министра. Стал посылать Ан дорогие подарки с просьбой отдать за него девушку, но неизменно получал отказ. В конце концов он даже заболел от досады. Тогда вокруг стали говорить, что он, мол, заболел от несчастной любви, и тем самым вынудили родителей девушки согласиться на этот брак.

Девушка, лет семнадцати-восемнадцати, была мила и благо нравна, и Ану, который тоже был молод и хорош собой, она пришлась по сердцу. Любовь их крепла день ото дня. Соседям Ан понравился, а родители девушки и вовсе души в нем не чаяли: постоянно о нем заботились и даже решили выделить ему бóльшую часть своего состояния. Однако другим зятям это не понравилось. Они улучили момент и пожаловались министру:

— Как пришел в дом новый зять, стала наша семья разоряться. Жить становится все труднее и труднее!

— А не говорил ли я, что нельзя брать в семью такого непутевого зятя? — рассердился министр. — Я накажу его, чтобы и другим неповадно было!

Тут же послал он троих здоровенных слуг схватить и привести к нему жену Ана. Мирно обедал Ан со своей женой, когда в дом ворвались слуги и объявили волю министра. Испуганные, удрученные предстоящей разлукой, супруги только молча заплакали.

И с того дня молодая женщина была заперта в доме министра. Ограда здесь высокая, ворота снаружи и изнутри крепко заперты. Положение сначала казалось безвыходным. Однако Ану и родителям его жены удалось подкупить слуг и привратников, и Ан стал встретиться со своей женой по ночам. А встречались они обычно в домике, который купил Ан по соседству с домом министра. Прислали однажды родители своей дочери пару красных туфелек. Туфельки так ей понравились, что она не расставалась с ними, любуясь, то и дело трогала их руками.

— Для кого это ты нарядилась в такие красивые туфельки? — пошутил Ан.

— Не забыла я своей клятвы о супружеской верности, — изменившись в лице, ответила женщина. — Зачем вы так говорите?

Тут же схватила она нож и на мелкие кусочки изрезала одну туфельку.

А то еще сшила она как-то себе белую кофточку, и Ан опять стал подшучивать над нею. Закрыв от смущения лицо руками, жена его заплакала:

— Я никогда, никогда не изменю вам! А сами-то вы, наверно, мне

изменяете! — Она сорвала с себя кофту и бросила в канаву.

Ана радовала и трогала преданность жены, он любил ее все сильнее. Каждый вечер встречались они и расставались только на рассвете. Но вот через несколько лун узнал об этом министр. В гневе решил он выдать замуж молодую женщину за другого, за простого слугу.

— Ну что ж, — с притворной покорностью сказала жена Ана, — придется снова выходить замуж!

«А я все-таки сохраню верность моему супругу!» — про себя решила она. Своими руками приготовила приданое, состряпала вкусное угощение для гостей. Все, конечно, поверили, что она пойдет за другого. А когда настал вечер и нужно было отправляться к новому мужу, женщина незаметно вышла в другую комнату и повесилась.

Ан ничего не знал. Утром он был у себя дома, когда прибежала девочка-служанка и доложила:

— Пожаловала молодая госпожа!

Радостно выбежал Ан к воротам встречать свою супругу, но служанка неожиданно объявила:

— Молодая госпожа вчера вечером умерла!

Ан не поверил ей, засмеялся. Бегом побежал он в домик, где они всегда встречались с женой. Посреди комнаты на постели под тонким покрывалом лежала она. Ан бил себя в грудь, он рыдал так горестно, что не могли удержаться от слез и все соседи.

В ту пору шли сильные дожди, вода разлилась, и родственники умершей не могли пройти в их домик. Ан все, что положено было для

погребения, приготовил своими руками, устроил пинсо, утром и вечером ставил перед ним еду и питье. По ночам он совсем не мог спать, а когда чуть-чуть задремал однажды, вдруг увидел свою жену. Совсем как наяву! Вот она входит к нему, Ан идет ей навстречу, он говорит с ней, говорит... и вдруг просыпается! Безмолвны двери и окна, только бумажный полог пинсо слегка колышется от ветра, угас одинокий светильник. И опять плачет он, теряет сознание и снова приходит в себя.

Дня через три тучи рассеялись, дождь перестал. При свете луны Ан отправился наконец домой. В одиночестве дошел он до восточных ворот дворца Сугангун. Была глубокая ночь. И вдруг он заметил какую-то женщину. Она неотступно следовала за ним, то чуть обгоняя его, то отставая на несколько шагов. Лицо ее было красиво подкрашено и припудрено, волосы собраны в высокий изящный узел. Вот он приблизился к ней. Это покашливание, эти вздохи он ведь слышал уже прежде! Она... Ан пронзительно закричал и бросился прочь. Добежав до какой-то канавы, он обернулся — женщина была рядом! Не оглядываясь, быстро пошел он дальше и, когда подходил к своему дому, заметил, что она сидит у ворот. Ан громко позвал слуг, но женщина вдруг бесшумно исчезла в камнях, не оставив никаких следов.

Душа Ана пришла в смятение, он стал похож на безумца. Прошло немногим более одной луны, над женой его совершили погребальный обряд и похоронили. А некоторое время спустя умер и сам Ан.

Угнали лошадей

В юности я очень дружил с Паньоном. Мы вместе учились и жили вдвоем в скромном домишке. По соседству, в нескольких ли, жил наш приятель Чо Хве, у которого были яблони.

— Все время клонит ко сну, — сказал мне однажды Паньон. — Давай-ка сходим к Чо да хоть яблоч поедим!

Мы подошли к дому Чо Хве и увидели, что деревья ломаются под тяжестью совсем уже спелых ярко-красных плодов. Однако ворота оказались наглухо запертыми и войти в сад не было никакой возможности. Мы окликнули хозяина, никто нам не ответил, и лишь слышно было, как шумят за воротами подвыпившие слуги. А тут еще хлынул проливной дождь. У ясеня, что рос перед самыми воротами, мы заметили привязанных лошадей — одну большую и три-четыре поменьше. Вокруг не было ни души.

— Хозяин не желает встречать гостей, — воскликнул Паньон, — так мы угоним его лошадей!

Я кивнул головой. Мы быстро выбрали себе по лошадке, вскочили на них верхом, сначала поскакали на берег реки, а затем вернулись к себе домой и привязали лошадей в сарае.

— Сейчас я пристукну эту лошадку, — сказал Паньон, — и мы полакомимся ее мясом!

— Да что ты! Ведь тогда мы окажемся настоящими грабителями! — возразил я.

— Всякий знает, что Чо Хве не пойдет жаловаться в управу! — Паньон тут же схватил тяжелый пест и хотел было уже ударить лошадь по голове, но я удержал его.

На другой день явился Чо Хве. Глаза ввалились, лицо осунулось.

— Ты чего это так в лице переменился? — спросил у него Паньон.

— Вчера пошли мы все к жениной тетке в деревню Кимпхо, — рассказал Чо Хве, — лошадей привязали за воротами, а ворье проклятое их угнало! Домашние прямо-таки наизнанку выворачиваются от злости, поделили между собой всю округу и ищут лошадей. А сам я сейчас иду из дальних мест — аж из Кёха, что в уезде Коян. И все без толку. Ну как тут не горевать?!

Он побыл у нас самую малость. Неожиданно в сарае заржала лошадь. Паньон улыбнулся, а Чо Хве кинулся к сараю и видит: да это же его собственные лошади! Уж он и сердился, и радовался, осыпая нас упреками, от которых не мог удержаться. А все, кто видел это, покатывались со смеху.

Порочная Оудон

Оудон была дочерью члена Ванской коллегии литераторов сонсэна Пака. Дом их был богатым, девушка изящной и прелестной, однако по натуре своей — необыкновенно развратной. И даже когда она стала женой Тхэ Кансу, родственника вана по мужской линии, тот не смог ее образумить.

Как-то в дом пригласили мастера изготовить серебряную посуду. Мастер был молод и хорош собой. Женщина этому обрадовалась. Всякий раз, когда уходил муж, переодевалась она в платье служанки, садилась подле мастера, расхваливала красоту и изящество сработанной посуды. В конце концов она сумела тайком завлечь его к себе в спальню и среди бела

дня предалась разнузданным любовным забавам. Увидя однажды, что возвращается муж, она успела спрятаться. Однако тот обо всем узнал и прогнал ее.

Служанка Оудон тоже была красивой. Каждый раз в сумерки она наряжалась, завлекала на улице какого-нибудь красивого юношу и приводила его в комнату госпожи. Затем приводила другого юношу для себя, и они все вместе проводили ночь. Это стало для них обычным. Утром ли, когда благоухают цветы, ночью ли, когда сияет луна, обе женщины, испытывая неодолимую похоть, блуждали по городу в поисках развлечений. Им был бы только мужчина, а кто он родом, они и знать не хотели. Возвращались они домой на рассвете.

Однажды они зашли в какую-то придорожную харчевню. Указывая пальцами на входящих и выходящих мужчин, они обменивались впечатлениями.

— Этот молод, — говорила служанка, — и у него большой нос. Он бы вам подошел, госпожа!

— Да, от него бы я не отказалась, — вторила ей хозяйка, — а того вон, пожалуй, уступила бы тебе!

Не проходило дня, чтобы они не развлекались подобным образом. Потом Оудон вступила в недозволенную связь с Пан Сансу. Сансу был молод и красив, знал толк в поэзии. Как-то Сансу пришел к ней домой, а она еще не вернулась с очередного любовного свидания. Лишь ее фиолетовая кофточка висела на ограде. И тогда Сансу написал такое стихотворение:

Мерно часы капли роняют [{18}](#),
воздух ночной мир освежает.
Белое облако в небе застыло,
ярко луна все осветила.
Уж звуки стихли в ночи,
но горит огарок свечи.
И печально пишу об одном —
любовь была только сном.

А разве не предавалась она сверх меры гульбе и разврату, пользуясь слабостью и других молодых придворных? Двору, конечно, стало известно об этом, и было произведено дознание. Одни предлагали казнить ее, другие — выразить порицание, третьи — сослать в отдаленные места.

Были, правда, и такие, кто ничего не сказал, а некоторые даже стояли за ее оправдание. Начальник Кымбу объявил о ее преступлениях и приказал вынести приговор. Было принято решение: «По закону смертной казни не подлежит. Заслуживает ссылки в отдаленные края». И ван повелел наказать ее согласно закону и обычаю.

Когда Оудон взяли под стражу и увозили, служанка взобралась на повозку.

— Госпожа, не теряйте присутствия духа! — обняв Оудон за талию, воскликнула она. — Ведь могло быть что-нибудь и похуже ссылки!

И те, кто слышал ее, рассмеялись. Но женщина, которую так строго наказали за дурные наклонности и постыдное поведение, была ведь из хорошей семьи. И поэтому некоторые плакали.

Повезло

В год к а б и н правления вана Сечжона состоялся особый экзамен. В тот день, когда должны были вывесить список выдержавших экзамен, санса Пак Чхун сидел на постоялом дворе, от страха втянув голову, как черепаха. Послал слугу посмотреть, попал ли он в список. К вечеру слуга воротился, еле передвигая ноги, и, ни слова не говоря, стал резать сено для лошадей. У Пака аж сердце упало. Медленно повернув голову к слуге, он спросил:

— Ну так что, нет меня в списке?

— Есть-то есть, — нехотя ответил слуга, — да только место у вас не ахти какое.

— Да говори же ты толком!

— Господин Чхве Хан занял первое место, — доложил слуга, — а вы, господин санса, — самое последнее!

— Ах ты дурак старый! — побагровев, заорал Пак Чхун. — Да я всю жизнь мечтал выдержать этот экзамен!

Надо сказать, что Чхве был молодым ученым, а Пак — сэнвоном в больших годах. Даже слуга его стыдился, что он занял на экзамене последнее место. А сам Пак Чхун был просто счастлив.

Обзавелся любовницей

С юных лет генерал Ли отличался талантами. И собой был хорош, как яшма. Однажды, бросив поводья, ехал он верхом по большой дороге. И

вдруг увидел женщину годков этак двадцати двух — двадцати трех. Красоты она была необыкновенной, ее сопровождали служанки и мальчики. Красавица стояла возле слепца, который гадал ей. Генерал окинул ее взглядом, но не остановился. Женщине он очень понравился, и она тоже пристально на него посмотрела.

Ли тут же приказал сопровождавшему его воину пойти за женщиной следом и разузнать, где она живет. Воин доложил, что после гадания в окружении служанок и мальчиков красавица верхом на лошади въехала в Южные ворота и направилась в Сачжедон. Живет она в центре Сачжедона, на самом высоком месте, в большом доме.

На следующий день Ли приехал в Сачжедон. Побродив по улицам, он обнаружил здесь лучных дел мастера. А Ли ведь как раз был военным. Поэтому он каждый день стал приезжать к лучнику, беседовать с ним, расспрашивать обо всех, кто здесь живет. Однажды не успел мастер сказать и двух слов, как генерал вдруг спросил, кому принадлежит тот большой дом, что стоит на горе.

— Там живет дочь князя, первого министра, — сказал мастер. — Она недавно овдовела.

И генерал, встречая людей, постоянно заходивших к лучнику, непременно спрашивал, в котором доме они живут. Однажды зашла молодая женщина попросить огня.

— Это служанка из дома той вдовы, о которой я уже говорил вам, — сказал лучник, когда женщина ушла.

— Я полюбил ту женщину, — пылко сказал генерал Ли мастеру на следующий день, — и не могу забыть о ней. Если ты поможешь мне, до самой смерти буду я тебе благодарен!

Лучник позвал служанку, которая тогда приходила за огнем. Он передал ей слова генерала, подарил деньги и ткани, принесенные Ли с собой. И служанка согласилась помочь генералу Ли.

— Ты мне очень нравишься, — сказал ей Ли. — Если посодействуешь, кроме этих подарков получишь еще!

— Хорошо, — ответила женщина, — только не забывайте про свое обещание!

— На днях увидел твою госпожу на дороге и влюбился. Дух мой в смятении, и невкусной кажется пища, — сказал Ли.

— Так это же очень легко поправить! — улыбнулась женщина.

— Но как? — спросил Ли.

— Завтра в сумерки приходите к воротам нашего дома, — ответила служанка, — я непременно вас встречу!

Генерал Ли явился в назначенный час. Служанка приветливо встретила его, провела в свою комнату.

— Хозяйка скоро придет, спрячьтесь здесь и подождите! — закрыла она дверь на цепь.

Генерал Ли уже стал опасаться, нет ли здесь какого-нибудь подвоха. Вдруг он услышал, как на женской половине дома зажгли светильник, раздались громкие голоса. Вскоре вошла служанка, взяла генерала за руку и отвела в спальню госпожи.

— Спрячьтесь здесь и не шевелитесь, прошу вас, — сказала она. — Если вы обнаружите себя, то расстроите весь мой замысел!

И служанка оставила генерала в темной комнате. Вдруг снова зажгли светильник, послышались голоса. Вошла хозяйка. Служанки разбежались, а она скинула платье, умыла лицо, нарумянилась и напудрилась. Она была прелестна, как яшма! «Меня принимать готовится!» — решил Ли. Закончив умываться и причесываться, женщина разожгла жаровню, обжарила на углях мясо, подогрела вино в серебряной чаше. «Меня будет угощать!» — опять подумал генерал Ли и, загоровшись желанием, хотел уж было выйти, но вспомнил о предостережении служанки.

А хозяйка села и стала чего-то ждать. Вдруг послышался торопливый, резкий стук в окно. Хозяйка встала, открыла окно и приветливо пригласила гостя в дом. Вошел какой-то кривой и хромой мужчина. Он сразу же облапил хозяйку и принялся ласкать ее. У генерала Ли аж дух захватило! Теперь он хотел бы уйти отсюда совсем, да никак не мог.

Немного погодя хозяйка и гость сели рядышком, принялись есть мясо и пить вино. А когда мужчина снял шляпу, оказалось, что он ко всему еще и омерзительный бритоголовый! Тут уж генерал Ли не стерпел. Осмотревшись вокруг, он заметил большой моток веревки. Когда монах с хозяйкой легли, Ли вбежал к ним, схватил горбуна, прикрутил его веревкой к колонне и стал бить палкой по чему попало. Монах жалобно завопил от боли, а хозяйка неожиданно обрадовалась.

— Хочу произвести новую брачную церемонию, по-военному. Это тебе ясно?! — крикнул генерал Ли монаху.

— Извольте только приказать, умоляю вас, — ответил тот.

Тогда они прогнали монаха и устроили новый пир. С тех пор генерал Ли стал часто бывать у этой женщины. Она полюбила его, и многие годы они не изменяли друг другу.

Погубила брезгливость

Жил некий ученый конфуцианец по фамилии Ли. Был это человек недалекий, сути вещей не понимал. Характером Ли отличался очень беспокойным, к тому же чрезвычайно был чистоплотен и брезглив. Если подавалась ему пища, приготовленная хоть чуточку неаккуратно, он непременно от нее отказывался.

Вот пришел этот Ли однажды в дом своей наложницы и как раз застал ее в постели с мужчиной. Силы тут же оставили беднягу, и он брякнулся на пол. У него отнялся язык, он тяжело заболел и умер скоростижно.

Грубый Син

Министр Син по натуре был очень груб. Однажды в его чашку с едой неожиданно села муха. Как Син ни отгонял ее, она прилетала снова и снова. Тогда, сильно разгневанный, министр швырнул чашку на землю.

— Зачем это вы изволите так гневаться на несчастное насекомое? — сказала ему супруга. — Оно ведь ничего не понимает!

— Да что ты заступаешься за муху? — вытаращив глаза, заорал министр. — Она твой муж, что ли?!

Кисэн возмущается

В Сувоне некой кисэн приказали развлечь гостя. А когда потом она ему отказала, ее побили палками.

— Оудон наказали за разврат, — с возмущением говорила кисэн, — а меня — за отказ развратничать. Ну как это в одной стране могут быть такие противоречивые законы?!

И все, кто слышал эту кисэн, согласились с ней.

Юн поучает дочерей

У первого министра Юна было несколько дочерей. Однажды, когда в нашу страну прибыло китайское посольство, все чиновники столицы, подготовившись к церемониалу, вышли встречать его. Желали полюбоваться красочным зрелищем и их жены.

Дочерям Юна тоже захотелось посмотреть встречу послов. Они засуетились, стали тщательно наряжаться. Однако Юн кликнул дочерей, велел им встать перед собой и сказал:

— Конечно, вы очень любите подобные зрелища. Но вот хочу я вам

кое-что рассказать. А вы слушайте да соображайте!

И министр Юн рассказал своим дочерям такую притчу.

В древности в некоем царстве государь посадил у себя во дворе дерево высотой в восемь ча и объявил: тому, кто сможет вырвать это дерево, он пожалует тысячу золотых монет. Все самые сильные люди из придворных пробовали вырвать дерево, но никому сделать этого не удалось. И тогда выступил некий прорицатель.

— Это дерево сможет вырвать, — сказал он, — только совершенно чистая, целомудренная женщина!

И вот на двор государев явилась целая толпа женщин со всей столицы. Однако женщины либо только смотрели на дерево издали, либо, потрогав его руками, отходили в сторонку.

Но вот одна из них заявила, что она целомудренна, совершенно чиста телом и душой. Эта женщина подошла к дереву, обхватила его руками и потянула вверх. А дерево только закачалось, но не выдернулось.

— Всю жизнь блюла я свою честь, — возведя очи к небу, поклялась женщина, — и ты, Небо, должно бы знать это. А теперь вот мне не остается ничего другого, как только умереть! — Она не могла сдержать слезы.

— Ты хоть и не совершала греховных дел, — молвил тогда прорицатель, — однако не забывай, что позарилась на чужого мужчину!

— А ведь и верно! — вспомнила вдруг женщина. — Однажды стояла я у ворот и неожиданно на лихом коне мимо промчался какой-то чиновник. Очи у него узкие, брови длинные, на поясе — лук и стрелы. Ну просто красавец-мужчина. Вот я тогда и подумала: «Как должна быть счастлива та женщина, чей он муж!» Только и всего. А вожделения к тому мужчине у меня ну ни капельки не было!

— Достаточно и мысли такой, — изрек прорицатель, — чтобы дерево вырвать было трудно!

Тогда женщина горячо поклялась, что даже мыслей дурных у нее не было, снова взялась за дерево и, говорят, наконец вырвала его.

— Вот так же и вы, — продолжал Юн. — Пойдете сейчас глазеть на китайских послов. Увидите там много красивых мужчин. А ну как появятся у вас постельные мысли?!

И дочери его, смутившись очень, не пошли смотреть на встречу китайского посольства.

Мнимый тигр страшнее настоящего

Хан Поннён был очень хорошим охотником. Он в совершенстве владел луком и тем известен был даже самому вану Сечжо. Хотя убойная сила его лука была невелика, однако, встретившись со свирепым тигром, он смело бросался вперед, до отказа натягивал тетиву и первой же стрелой убивал зверя. И сколько он за свою жизнь добыл тигров, просто не счесть!

Однажды во дворце вана совершался обряд изгнания злых духов. И вот один из участников-актеров, обряженный в тигровую шкуру, неожиданно выбежал из-за укрытия. Поннён должен был сделать вид, что убивает тигра. Он был вооружен маленьким ритуальным луком и имел единственную стрелу, сделанную из стебля полыни. И вот при виде «тигра» Поннён в ужасе стремглав выскочил из помещения. При этом он вывихнул ногу и, свалившись с лестницы, сломал руку!

— Против настоящего тигра герой, — смеялись люди, — а против чучела — трус!

Как-то в доме великого князя Ёнсуна был устроен банкет. Присутствовали все придворные чины и литераторы. Ван Сечжо велел позвать и Поннёна, пожаловал ему чарку вина.

— Ты хотя и низкого звания, — говорили Поннёну гости, — однако служишь государю, отмечен его милостью!

Охотника усадили на одно из почетных мест. Красивые кисэн, изящно одетые и подкрашенные, окружали его со всех сторон. Их песни, казалось, будоражили даже небо! И Поннён так застеснялся, что не мог вымолвить ни слова, сидел, низко опустив голову. Однако гости наперебой угощали его вином, и в конце концов он совсем захмелел. Сидя на складном китайском стуле, он стал размахивать руками, грозно вытаращил глаза и истошно орал, изображая, как он убивает тигров из лука. А все вокруг едва не лопались от смеха!

Верность женщины

Многие государи династии Корё охотно брали в жены юаньских принцесс. В свою очередь из Юань направляли послов, которые выбирали корёских девушек в наложницы императорам. Если же девушки не становились императорскими наложницами, то их отдавали министрам или высокопоставленным чиновникам.

Была отправлена в Юань и сестра князя Чо Пана. Она стала супругой министра, и князь — был он тогда молод — поехал в Юань вместе с сестрой. А в семье сестры была девочка-служанка, красоты в те времена

невиданной. Она и грамоте хорошо знала. Князь Чо Пан взял ее в наложницы да так и остался жить в Юаньском государстве. Любовь этой неразлучной пары была беспредельна. Чо Пан и его наложница были как две сплетенные ветви, как родные брат и сестра.

Однажды спали они вместе во флигеле. И вдруг среди ночи во всем доме министра произошел сильный переполох. Однако Чо Пан с наложницей крепко спали и не ведали, что случилось. А утром они встали и видят: в доме нет ни одного человека!

— Император, спасаясь от мятежной армии, сбежал в Шаньду, — сообщили Чо Пану соседи. — Министр с супругой поехали вслед за ним. Крупные силы мятежников находятся уже на подступах к столице. Горожане мечутся в страхе, бегут вместе с женами и детьми и на юг, и на север!

Чо Пан с наложницей тоже оказались в трудном положении, не знали, что делать. И тут вдруг примчался евнух, бывший у министра на побегушках.

— Почему вы вслед за министром не последовали за поездом императора? — обливаясь потом, спросил он.

— Шаньду слишком далеко отсюда, — ответил князь, — нам туда не успеть. Зёмли нашей страны ближе. Вот мы втроем туда и направимся. Быстрее доберемся, чем до Шаньду!

Затем они обшарили пустой дом, нашли мешок риса на один ту, прихватили его с собой. На одной лошади должен был ехать князь с наложницей, на другой — евнух. Когда они уже собирались тронуться в путь, евнух сказал:

— Небезопасно во время смуты иметь при себе такую красавицу. Если встретятся разбойники, вам в живых не бывать. Умоляю вас, господин, превозмогите свою привязанность, оставьте наложницу здесь!

— Хочу и жить вместе с вами, господин мой, и умереть вместе! — сотрясаясь всем телом, горько заплакала женщина.

И князь не имел сил расстаться со своей наложницей. Она держала Чо Пана за рукав, и вырвать у нее этот рукав было невероятно тяжело. Горькие слезы увлажнили ворот одежды князя. Не могли удержаться от слез и все люди, которые около них были. Однако Чо Пан, поразмыслив о своем положении, все же оторвался от женщины и поехал. А наложница его, плача, пошла вслед за ним.

Когда вечерело и Чо Пан останавливался на постоялом дворе, женщина непременно нагоняла его. Целых три дня и три ночи шла она за Чо Паном. Ноги ее были изранены, они покрылись язвами, и казалось, она

больше не сможет сделать ни одного шага. Однако, собрав последние силы, женщина все шла и шла.

Но вот всадники проехали одно место, где над рекой стояла высокая беседка. Оглянувшись, Чо Пан увидел — его наложница решительно поднялась наверх. «Наверно, поднялась повыше, — подумал Чо Пан, — чтобы посмотреть на меня!» А когда оглянулся он на беседку еще раз, увидел: женщина вдруг бросилась с высоты в пучину и исчезла в волнах! Чо Пан полюбил эту женщину за красоту и таланты. Теперь же он был глубоко потрясен ее верностью.

Вместе с евнухом Чо Пан благополучно вернулся на родину. И до самой старости не мог он без душевной боли рассказывать о том времени.

Чхве Севон шутит

Когда Чхве Севон в молодые годы служил в должности санса, его коллегами были Ким Вонсин, который не умел аккуратно повязать мангон, и Ким Пэкхён, страдавший косоглазием. Дурачась, Севон сложил такой стишок:

Ему место на лбу —
он висит на носу.
Где же в мире найдешь
ты такую красу?

А теперь угадай —
это что за фасон?
Да, конечно же, то
Ким Вонсина мангон!

Он смотрит на запад,
а видит восток.
Смотрит на небо,
а видит лесок.

Кто же даром
таким наделен?
Да, конечно же, то
наш коллега Пэкхён!

Служил вместе с Чхве Севонем еще санса Квак Сынчжин, по прозвищу Бес. И Севон сложил стихотворение «Квак-Бес», в котором подсмеялся над сослуживцем:

«Ты чего боишься, Бес?»
«Персиковых веток.
А еще боюсь Небес
да шаманских меток!»
«А служить пришел зачем?»
«Бичевать пороки.
Чтоб их вытравить совсем,
я даю уроки».
«Прискакал за сотни ли,
удержу не знаешь
и народу сей земли
«нравы исправляешь».
Ставишь всех на верный путь
(благо есть указы),
Не вникая даже в суть,
ты твердишь их фразы!»

Севон крепко дружил с Кан Чинсаном. На экзаменах Чинсан занял первое место, а Севон провалился.

— Некто Кан — человек, конечно, очень талантливый, — обхватив коленки, досадливо сказал Севон. — О, как мне хотелось бы самому занять первое место! Да еще чтоб Кан оказался на последнем! Ведь теперь, если я даже и займу первое место на будущий год, радости будет мало: этот Кан мне не позавидует. Хоть бы дерьмо хлестало дождем все эти три дня!

Сопровождаю послов

Когда прибыли послами в нашу страну шицзян Дун и гэйши Ван, я был губернатором Пхёнани и получил приказ встретить их в Анчжу. Приехали в Пхеньян. Дун посетил храм Совершенномудрого при Школе.

— У нас в Китае имеется точно такая же, — сказал он, увидя глиняную статую Конфуция.

— Эта статуя сделана из хрупкого материала, — заметил сопровождавший вместе со мной послов Хо Янчхон, — ее легко разбить.

Поэтому в Пангване столицы государства не установлено такое изображение, а используется поминальная дощечка.

— Что ж, это весьма разумно! — одобрил Дун.

Прибыли в храм Тангуна. Заметив поминальную дощечку вана Тонмёна, Дун сказал:

— Он был китайцем!

А когда добрались до храма Кичжа и посол увидел полированную стелу, установленную в честь Кичжа, он громким голосом прочел надпись.

— Настоящий шедевр, — воскликнул Дун, — жаль только, что надпись не укрыта от непогоды!

Он обошел также место захоронения Кичжа, осмотрел его могилу и пожелал сказать надгробное слово. Был Дун очень взволнован, говорил без передышки.

А еще Дун участвовал в прогулке на лодке по реке Тэдонган. С восхищением говорил он о прекрасном пейзаже в Янчжу. Тут пошел небольшой дождь. Я просил Дуна еще побыть здесь, но он сказал:

— Дела государевы ждут меня, поэтому задерживаться не могу!

А его помощник Ван продекламировал:

Окрашены бледно
восточные склоны.
Сумрак и хмарь
друг другу под стать!

— Вот место, где встарь любили погулять достойные люди, — указывая на беседку Пубённу, сказал я. — Не соблаговолите ли, тэин, составить компанию и подняться туда вместе?

Дун с радостью согласился. Мы поднялись на башню, я огляделся по сторонам, сказал:

— Вид действительно несравненный. Здесь и дождь переждать можно!

— Хозяин хочет удержать гостя из-за дождя, — улыбнулся Дун, — гость же должен был бы уйти и в ведро. А желания и хозяина, и гостя — в воле Неба! — Мы взаимно раскланялись и покинули беседку.

Когда завершена была посольская миссия, я провожал обоих послов. Ниже по течению реки мы увидели: рыбак поймал сетью рыбу. Рыба сильно трепыхалась, а послы обрадовались, пожелали набрать рыбы в глиняный таз и приказали приготовить из нее, как водится, фарш.

— Свежая рыба на вкус бесподобна! — воскликнул Дун.

Потом главный ловчий поймал и принес фазана. Дун погладил фазана рукой, зачем-то понюхал его и сказал:

— Я приветствую то, чему Конфуций научил Цзы Лу! — и, выпустив фазана в рощу, добавил: — Лети себе спокойно!

Прибыли в Намхо и поднялись в маленькую беседку отдохнуть. Ловчий опять поймал — на этот раз сайгу и привел ее. Дун велел привязать сайгу в ста шагах к дереву, приказал воину выстрелить в нее из лука и, когда тот поразил сайгу, захлопал в ладоши, громко рассмеялся.

— Цзюньцзы должен быть далек от кухни, — с упреком сказал ему Ван. — Да и как могли вы, тэин, допустить подобное убийство?!

— Волы да лошади идут ведь человеку в пищу, — возразил Дун. — Если же не убивать их, то, конечно, и сайги, и олени окажутся без пользы для человека. Какой же вред от такого убийства?!

— А это что за местность? — увидя «колодцы», спросил меня Дун.

— Да тут ведь недалеко холм, в котором захоронен Кичжа, — засмеялся я. — И здесь все еще действует введенный им закон о колодезной системе землепользования!

Я тайком приказал играть в деревне на музыкальных инструментах.

— Это что за звуки? — спросил Дун.

— С тех пор, как Кичжа прибыл сюда и начал править, — снова засмеялся я, — заветные им обычаи не исчезли и в каждом доме люди превыше всего ставят музыку!

— Поистине, ваша страна отличается высокой нравственностью! {19} — воскликнул Дун. — А кто эта женщина? — спросил он, увидя на дороге женщину, глядевшую на нас. — Не иначе как супруга начальника округа!

— Ну что вы, тэин! — засмеялся переводчик. — Это ж городская гетера! Начальники округов — все люди из знатных родов. И у них в обычае содержать своих женщин только на женской половине дома. Разве можно допустить, чтобы жены и наложницы знатных выходили на улицу?!

— Знай мы об этом раньше, — заметил Ван, — и сами бы поняли, что это незнатная женщина!

Добрались до беседки Пхунвольлу. Приблизившись к пруду, Дун восхищенно воскликнул:

— Вот это — самое красивое место в Корее! И в Китае есть очень красивые места, но такие, как это, встречаются редко!

Я пригласил послов в беседку, чтобы они сделали памятную запись. Затем Дун сказал:

— Если вы, хозяин, намерены провожать меня и дальше, то

непременно должны испросить разрешение у государя!

Я такого разрешения не имел, поэтому решил следовать с послами только до Анчжу и там распрощаться с ними. Дун по этому поводу сочинил памятную запись цзи и преподнес ее мне.

Оба посла в дороге любовались горными вершинами и пиками, спрашивали их названия. Что же касается встречавшихся причудливых скал и примечательных деревьев, то послы непременно около них останавливали коней и находили удовольствие в декламировании стихов. Если же попадались хоть немного красивые цветы и травы, они обязательно составляли букеты и любовались ими.

Сопровождавшие китайских послов корейцы обходились с ними тепло и почтительно и, если спрашивали о Китае, послы подробно обо всем рассказывали, ничего не скрывая. Дун сделал ясный и беспристрастный обзор китайской поэзии и прозы, основываясь на сохранившихся аж со времени династии Цзинь сочинениях. Помощник посла Ван тоже был человеком, очень сведущим и в поэзии, и в прозе. Поистине, эти двое были светлы, как солнце и луна!

Ученик нерадивый

Великий князь Яннён, наследник престола, горазд был на всяческие проказы, чрезмерно увлекался музыкой и женщинами, в учении усердия не проявлял.

Однажды сидел он в соёне напротив своего учителя. А перед тем на каменной лестнице дворца им были поставлены силки для ловли птиц. Учителя Яннён, конечно, совсем не слушал, следил за силками, зевал по сторонам. Вдруг в силки попала птица. Яннён опрометью выскочил на лестницу, схватил пойманную птицу, принес ее в соён.

Одно время учителем Яннёна был правитель уезда Хаксонгун Ли Е. Как-то подошел Ли Е к воротам дворца и услышал — во дворце человек клекочет по-соколиному. Он сразу понял, что это наследник.

— Я слышал, сын государев подражает соколиному клекоту, — войдя в соён, укоризненно сказал Ли Е. — Занятие это — недостойно наследника престола. Ему следовало бы сосредоточиться на учении. Впредь не извольте так поступать, прошу вас!

— Да я в жизни не видел соколов, — притворно испугался Яннён, — как же могу подражать их клекоту?!

— А ведь при охоте на зайцев, — возразил Ли Е, — используются

именно соколы. Разве наследник не видел этого?

И так, при малейшем проступке наследника престола, Е не упускал случая пожурить и наставить его. Яннёну это ужасно не нравилось, и он смотрел на учителя как на врага.

— Как только встречусь с этим Ли Е, — жаловался однажды Яннён некоему человеку, — так и начинает голова болеть и мучительно на душе становится. А увижу его во сне — днем непременно схвачу простуду!

Ван Сечжон посадил в дворцовом парке хурму и пошел как-то полюбоваться ее плодами. Тут он увидел, что откуда-то налетели вороны, вовсю клюют хурму. Сечжон приказал быстро найти хорошего стрелка из лука.

— Среди военных двора, — доложили ему приближенные, — сейчас нет хороших стрелков. Только вот один наследник престола и сможет сбить ворон!

Сечжон велел найти Яннёна. Яннён выпустил несколько стрел и сбил всех ворон одну за другой. Придворные пришли в восхищение, а Сечжон, не любивший наследника за его предосудительное поведение и не желавший с ним встречаться, в тот день впервые был им доволен и даже улыбнулся.

Лекарь-бедняк

Пэк Квириин лекарем был незаурядным. И если звали его к больному, он никогда не отказывал в помощи, лечил со всем усердием. Причем Квириин никогда ничего не брал за лечение. Оттого дом его был беден, едва-едва хватало средств на одежду и пропитание. Однако Квириин строго хранил душевную чистоту.

— Что за человек, этот старый чиновник, — увидя Квирина, спросил китайский посол, прибывший в нашу страну. — Отчего и платье, и шляпа у него такие изношенные?

— Да это лекарь, — ответили ему. — Он отказывается от платы за лечение, люди и не дают ему ничего. А свою одежду и шляпу он постоянно держит в закладе в харчевне. Потому и ходит в таком отрепье!

Посол переменился в лице и выразил Квириину свое уважение.

Встретился с ваном

Сасон Чхве Чи, после того как выдержал экзамены, много служил на

провинциальных должностях.

В одиннадцатый год своего правления {20} ван Сечжо собрал у башни Кёнхвену литераторов и проверял, кто из них на что способен. Чи, декламируя стихи, долго бродил окрест башни и в конце концов неожиданно для себя попал в парк, расположенный позади дворца. А Сечжо, в простой одежде, вышел как раз в этот парк прогуляться. Чхве Чи же, никогда не видевший вана, не поклонился ему в пояс, как следовало бы при встрече с государем.

— Ты кто такой? — спросил Сечжо. — Как посмел самовольно явиться в дворцовый парк и не кланяешься мне, как положено?!

— Я литератор, — ответил Чхве Чи. — А низко кланяться полагается только государю. А вы-то кто такой, что требуете особых поклонов?!

Чхве Чи в душе знал, конечно, что перед ним не простой человек, но думал, что это, пожалуй, сын государев или кто-нибудь из придворных. Он прошел немного вперед, присел на обочине дорожки.

— Послушай-ка, нахал, — возмутился ван, — ты часом не Юань Жан? Ну чего тут расселся?!

Немного погодя явились придворные чиновники и фрейлины, стали почтительно прислуживать Сечжо. Тут только Чхве Чип догадался, что судьба свела его с ваном. Он очень испугался, низко кланяясь, умолял простить его. А Сечжо вошел в беседку Сохёнчжон, велел позвать Чхве Чи, завел с ним разговор о конфуцианских канонах и исторических книгах. На все вопросы вана Чи отвечал обстоятельно, подробно, выказав глубокое понимание смысла обсуждаемых вопросов. Государь остался очень доволен, велел поднести ему вина. Потом Чхве Чи подносили чарки еще и еще, и он каждый раз выпивал все до дна. Однако сколько ни пил, совсем не пьянел, цвет лица у него оставался обычным.

— Да, этот конфуцианец хорошо разбирается в законах природы и разума! — воскликнул Сечжо и тут же назначил Чхве Чи на должность сае.

Пувонгун

Пувонгун, князь Мин Ёхын, каждый день, закончив казенные дела во дворце и возвращаясь домой, заходил к соседу в сад поиграть в шахматы.

Однажды князь так же вот зашел к соседу в простой одежде. А старика соседа дома не было. Ёхын ожидал хозяина, одиноко сидя в беседке. Но вот в дом явился и второй гость — некий писарь. Он спросил у мальчика-слуги, где хозяин.

— Хозяин изволил выйти, а куда — не знаю! — ответил слуга.

А писарь этот служил как раз в подчинении у князя Мина, но совсем недавно и даже в лицо не знал своего начальника. Не знал он и того, что князь сейчас находится здесь. Писарь вошел в беседку, снял обувь и спросил у Мина:

— Вы где проживаете, почтенный?

— Да здесь, по соседству, — ответил Мин.

— А чего это лицо у вас такое сморщенное? Все в складках!

— Да уж какое есть. Что тут поделаешь?

— А вы, почтенный, грамоте знаете?

— Немного знаю. Свою фамилию и имя написать могу, — слукавил Мин.

Заметив рядом шахматы, писарь еще спросил:

— Ну а в шахматы играть умеете?

— Ходить фигурами умею.

— Тогда, может быть, сыграем одну партию?

И они стали играть. Во время игры князь спросил:

— А вы по какому делу пришли в этот дом?

— Да вот пришел представиться самому пувонгуну. Знаю, что он бывает здесь каждый день.

— А если я и есть пувонгун?

— Да уж курице не кукарекать по-петушину! — воскликнул писарь.

Не прошло много времени, как появился старик хозяин. Он повалился в ноги князю, прося прощения, сказал:

— Ваша светлость! Я-то ведь не думал, что вы и сегодня изволите ко мне зайти!

И хозяин принялся бесконечно извиняться, умоляя простить его, а писарь схватил свои сапоги и в ужасе выскочил из беседки.

— Этот новый писарь хоть и провинциал, — сказал князь Мин, — однако человек он толковый. Старателен, неглуп!

После этого случая Мин обратил внимание на писаря, стал обходиться с ним весьма великодушно.

Брат бодхисаттвы

Великий князь Хорён, второй старший брат вана Сечжона, был ревностным буддистом. По любому малейшему поводу отправлялся он в храм, совершал большое моление с жертвоприношениями, целый день клал

глубокие поклоны, возносил горячие молитвы Будде.

Однажды великий князь Яннён, который тоже был старшим братом Сечжона, явился в храм вслед за Хорёном вместе с несколькими своими наложницами, с собаками и соколами. Он кучей свалил на каменные ступени храма битых зайцев и фазанов^[21], принялся тут же жарить мясо, подогреть вино. Затем, напившись и наевшись до отвала, Яннён с женщинами вошел в храм и продолжал там безобразничать так, как будто вокруг никого не было.

— Ах, старший братец! — переменявшись в лице, воскликнул Хорён. — Как недостойно вы себя ведете. Не боитесь разве, что попадете в ад в будущей жизни?!

— Да ведь говорят же, — усмехнулся Яннён, — что все родственники высоко нравственного и добродетельного человека вместе с ним попадают прямо в рай. А я ведь твой родной брат да еще и брат самого государя. Так почему же мне не погулять вволю при жизни? А умру — прямехонько попаду в рай как брат бодхисаттвы. Нет, братец, в аду мне не бывать!

Граничит ли Корея с Японией?

Ван Сечжо на закате жизни часто хворал, постоянно мучила его бессонница. Поэтому он собирал у себя многих литераторов и ученых, устраивал диспуты по конфуцианским канонам и историческим книгам. А то еще призывал людей остроумных и веселых, умевших разогнать тоску, рассмешить человека.

Чхве Ховон и Ан Хёре были геомантами. Оба очень упрямые, они ни в чем не соглашались друг с другом, всячески старались поддеть один другого.

— Земли нашей страны, — сказал однажды на сборище у вана Хёре, — соприкасаются с землями Японии.

— Да ведь Японию отделяет от Кореи безбрежное море в тысячи ли! — засучив рукава, закричал на него Ховон. — Как можно говорить, что эти страны граничат?!

— Так море-то ведь сверху, — спокойно возразил Хёре, — а под водой — земля же. А если это так, то разве земли Кореи и Японии не соприкасаются?!

А Чхве Ховон и слова вымолвить не смог. Эти два человека и во всем так старались провести один другого. Особенно же силен в этом был Ан Хёре. Он порывался подкапываться даже под буддизм, однако буддийские

книги знал плохо и если встречался с тонким знатоком, то и рта раскрыть не смел.

Два министра

Министр Ким Покчхан от природы был человеком простым, бесшабашным. Хозяйства своего он не имел и даже дом всегда снимал у чужих людей.

— Вы ведь занимаете высокий пост министра, — сказал ему однажды министр Сон Ёсон, — отчего же дома-то у вас своего нет? Пользуетесь чужим!

— Но вы-то ведь тоже занимаете высокий пост министра, — быстро и в тон ему ответил Покчхан. — Отчего же сына-то своего не имеете? Взяли напрокат чужого ребенка!

Соль ответа заключалась в том, что Сон Ёсон детей не имел и взял в качестве приемного сына своего племянника.

Преподобный отец

Слепцы-гадальщики, как и монахи, обычно наголо бреют головы и читают сутры. Поэтому в мире их называют «преподобными отцами».

Слепой старик Ким Ыльбу проживал со своей женой у моста Квантхонгё. Кормился он гаданьем. Люди наперебой обращались к нему с просьбой погадать, однако предсказания его не сбывались, а добрые нередко оборачивались злыми.

— Если хочешь добра, — с осуждением стали говорить женщины, — то лучше уж не ходи к преподобному отцу, что гадает у моста Квантхонгё!

Сын помощника начальника ведомства Кима Хёнбо собирался держать экзамен.

— Твое сочинение совсем никуда не годится, — прочитав после экзамена черновик сына, воскликнул Хёнбо. — И думать не могли, что ты выдержал экзамен!

Когда же вывесили список выдержавших экзамен, оказалось, что сын его занял одно из первых мест.

— Да ведь это как раз потому, — смеялись сослуживцы Кима, — что сын ваш не обращался к гадальщику у моста Квантхонгё!

Отравились грибами

К западу от нашего дома находится гора, на южном склоне которой расположен женский монастырь. В пятнадцатый день седьмой луны года к а п с у л ь в храме происходила заупокойная служба по предкам, и для участия в ней собралось множество женщин со всей округи. Были даже из знатных семей.

Спасаясь от жары, женщины поднялись на затененный склон горы. А там, меж сосен, в изобилии росли грибы. Грибы эти имели приятный запах и казались вполне съедобными. Женщины их насобирали, хорошо проварили и полакомились ими. И тут же многие из них, потеряв сознание, повалились на землю. А те женщины, которые съели грибов немного, стали бесновато метаться, либо петь песни и танцевать, либо рыдать горестно. А иные, придя в ярость, принялись избивать друг дружку. У тех же, что только попробовали немного бульона или только понюхали грибы, лишь кружилась голова.

Родственники отравившихся, услышав о такой беде, распустили от горя волосы, во множестве с воплями примчались в храм, так что там и повернуться негде стало. Люди метались по склонам горы и в поле, отыскивали своих родных, пытались помочь им. Да еще на дороге столпилось множество зевак. Шум и гам стоял, как на базаре! Родичи пострадавших наперебой призывали знахарей и шаманок, которые на скорую руку совершали свои обряды для изгнания болезни. А иные родственницы хорошенькими женскими ручками наполняли серебряные чаши испражнениями, разводили их водой и вливали в рот болящим! {22} Старые и малые, благородные и подлые суетились целый день и едва-едва привели в чувство отравившихся. А были и такие, у кого от подобного лечения самочувствие еще больше ухудшилось.

Изгнал тигров

Рассказывают, что, когда еще корёский сиран Кан Камчхан был назначен начальником уезда в Ханъян, случилось вот что.

Тогда в тех краях водилось множество тигров, которые убивали и чиновников, и простой народ. Правитель округа был очень встревожен, а Камчхан сказал ему:

— Да дело-то совсем простое. Дайте мне три-четыре дня, и я покончу с тиграми!

Затем он написал что-то на бумаге и, придав ей вид официального документа, приказал одному из своих подчиненных:

— Завтра на рассвете пойдешь в северное ущелье. Там на камне будет сидеть старый монах. Позовешь его ко мне!

Чиновник отправился в ущелье и действительно нашел там старого монаха в поношенной одежде, с тугоном белого холста на голове. Спасаясь от утреннего инея, монах сидел на камне. Он прочитал казенную бумагу и вместе с чиновником явился в управу, отвесил земной поклон Камчхану.

— Ты хотя и зверь, — строго сказал Камчхан, — однако от обычных зверей отличаешься — душу имеешь. Так почему же ты так беспощадно губишь людей?! Даю тебе сроку пять дней. За это время вместе со своими сородичами убирайся куда-нибудь в другое место. Если же ты этого не сделаешь, то я всех вас перебью из своего мощного арбалета!

Монах стал низко кланяться, умолял простить его. А правитель с хохотом обратился к Камчхану:

— Что за чушь? Почему монаха называешь тигром?!

— А ну-ка оборотись! — приказал Камчхан монаху.

Испустив страшный рык, монах вдруг превратился в огромного тигра, прыгнул через перила. И рык тот был слышен за несколько ли. А правитель округа от страха без чувств брякнулся наземь.

— Хватит! — приказал Камчхан, и тигр снова стал монахом, который, благодаря и низко кланяясь, удалился.

На другой день правитель послал чиновника на восточную окраину города — посмотреть, что будет. И чиновник увидел, как во главе с огромным старым тигром несколько десятков тигров поменьше переправляются через реку.

С тех пор, говорят, в окрестностях Ханъяна тигров не стало.

Первое имя Камчхана было Ынчхон. Росту он был маленького, и уши у него были небольшие. Однако на экзамене Камчхан занял первое место и дослужился до министерского поста.

Однажды в Корё прибыл посол сунского Китая. Впереди толпы встречавших его стояли люди бедные и незначительные, одетые, однако, очень хорошо. Кан Камчхан же в скромной, поношенной одежде стоял в середине толпы. Глядя на толпу, посол подумал, что стоящие впереди люди хотя и выглядят представительно, однако все они люди заурядные. Заметив же Кан Камчхана, он поклонился ему и сказал:

— Над Срединной империей давно уже не появлялась звезда Ляньчжэньсин. А ныне вот она — взошла над Восточной страной!

Еще в детстве отец говорил военачальнику Чхве Ёну, прозванному Чхольсоном — «Железной крепостью», что и золотой самородок должен быть чистым и прозрачным, как кристалл. До конца дней своих носил Чхве Ён эти четыре иероглифа записанными на поясе, и никогда не грешил против их смысла. И хотя он имел огромную власть в государстве — и в столице, и в провинции, — не тронул и волоска из чужого имущества, довольствовался только тем, что нужно было ему для пропитания.

В те времена у высоких министров было в обычае приглашать друг друга в гости — поиграть от скуки в падук. При этом во множестве выставлялись великолепные вина, подавались роскошные закуски. И только один Чхве Чхольсон, позвав гостей, целый день не угощал их ни выпивкой, ни едой. Лишь к вечеру подавался вареный рис, смешанный с просом, да салат из разных овощей. Совсем изголодавшиеся гости с жадностью набрасывались и на рис, и на салат, мгновенно съедали все без остатка.

— Ну до чего же вкусна еда в доме Чхольсона! — то и дело восклицали гости.

— То-то же, — смеялся Чхольсон, — это моя военная хитрость!

Ван Тхэчжо произвел Чхве Ёна в сичжуны. Как-то государь изволил задать первую фразу двустишия:

Держится мир остриями мечей.

И никто из присутствовавших тогда литераторов не смог сказать вторую фразу. А Чхве Ён тут же произнес:

Порядок во всем — на хвостах плетей!

Приближенные вана все были восхищены его быстрым и точным ответом.

Чхве Чхольсон терпеть не мог Ём Хынбана и Лим Кёнми из-за их преступного поведения. И он приказал казнить не только их самих, но и всех их родичей. После казни Чхольсон сказал:

— В жизни своей никогда не делал я зла людям. А вот казнив Ёма и Лима, преступил грань. Но если был я не прав, корыстен в этом, то пускай густо зарастет травой моя могила. Если же я поступил справедливо — да не вырастет на ней ни одна травинка!

Похоронен Чхве Чхольсон в уезде Коян. И до сих пор на его могиле совсем не растет трава — ни единого пучочка! А в народе могилу Чхве Чхольсона называют — Красная могила.

Смерть Чон Мончжу

Пхоын Чон Мончжу досконально постиг науку и в написании сочинений был превосходен. На рубеже правления династий Корё и Ли он был сичжуном, святой обязанностью считал служение своему государю. А тогда как раз была низложена династия Корё, и все люди признали волю Неба. Только Пхоын решительно не мог изменить прежней династии. Как-то один монах, давний его знакомый, спросил:

— Ведь ясно уже, как пойдут дела дальше. Почему же вы продолжаете хранить верность династии?

— Мой государь, — отвечал князь, — поручил мне радеть о благе *его* государства. Так посмею ли я стать двоедушным?!

Однажды к Пхоыну с визитом заехал Мэхон, а князь как раз куда-то собирался по своим делам. Вместе они выехали верхом на лошадях из деревни. И вдруг несколько воинов, вооруженных луками, преградили им дорогу. Слуги Пхоына крикнули воинам, чтобы они убирались прочь, но воины не подчинились.

— Живо назад! — повернувшись к Мэхону, сказал князь. — Оставьте меня одного! — Однако Мэхон его не послушался. — Почему не делаете, как я говорю? — гневно воскликнул Пхоын.

Тогда Мэхон повернул коня и поскакал обратно к дому Пхоына. Вскоре неожиданно явился некий человек и доложил:

— Сичжун Чон варварски убит!

Раскаяние

Первый председатель Государственного совета Мэн Сасон и судья Верховного суда Пак Ансин вели дознание по делу правителя уезда Пхёнъян Чо Тэрима и, не доложив вану, подвергли его жестоким пыткам. Тэрим скончался. Государь очень разгневался, приказал отвезти этих двоих людей в повозке на базарную площадь и немедленно обезглавить.

Когда их везли на казнь, лицо Мэна было серым от страха, он не мог вымолвить ни слова. А Пак не потерял присутствия духа, смерти он не боялся.

— Послушай-ка, — обратился Пак к Мэну, называя его просто по имени, — вот ты был высшим чиновником, я — гораздо ниже тебя по должности. А теперь оба мы с тобой смертники. Кто из нас выше, кто ниже — какая разница? О тебе говорили, что ты человек принципиальный и справедливый. А с нами ведь поступили по закону. Чего же ты сегодня так страдаешь? Ты, наверно, не слышишь даже, как скрипят колеса нашей повозки!

— Эй, ты! — крикнул Пак одному из конвойных. — Подай-ка мне с дороги осколок черепицы!

Конвойный оставил его слова без внимания.

— Если ты сейчас же не подашь мне осколок черепицы, — страшно вытаращив глаза, заорал на конвойного Пак Ансин, — то после смерти я непременно стану злым духом и в первую голову изведу тебя!!

И голос Ансина, и выражение лица его были такими свирепыми, что конвойный в испуге поднял с земли осколок черепицы, подал его Ансину. А тот сложил стихотворение и нацарапал его на этом осколке. В стихотворении говорилось:

Был в дознании жесток,
ныне горько каюсь.
Долг нарушил, потому
смерти не чураюсь!

— Бегом во дворец! Передашь кому следует! — вручив черепицу конвойному, приказал Ансин.

Конвойный перечить не посмел, схватил черепицу и быстро доставил ее по назначению.

А помощником председателя Государственного совета стал тем временем Токгок. Несмотря на болезнь, Токгок отправился во дворец, очень просил государя помиловать провинившихся. Да и у вана к этому времени гнев уже прошел. Он отменил казнь.

Отважный Ха Кёндук

Министр Ха Кёндук обычно рассказывал, что в молодости ему удалось трижды избежать верной смерти только благодаря своему мужеству.

Когда ван Тхэчжон боролся в стране с мятежниками, один из моих

приятелей заступил на дежурство во дворце. Я же, горя желанием по душам поболтать с этим приятелем, увязался вместе с ним. И мы так заговорились, что, когда я отправился наконец домой, дворцовые ворота уже закрыли на ночь. Выйти на улицу не было никакой возможности. В растерянности озираясь я по сторонам, ища выхода, как вдруг на меня набросились несколько примчавшихся дворцовых стражников. Они крепко схватили меня и хотели тут же прикончить: в стране-то была смута! Однако, рванувшись изо всех сил, я выскользнул из рук стражников, помчался во дворец и вбежал прямо в покои самого государя.

— Какой прок от того, — крикнул я, увидя Тхэчжона, — что убьют такого молодца, как я?!

Ван Тхэчжон выслушал меня и приказал отпустить. Если бы я тогда не сохранил присутствия духа, не проявил мужества, то погиб бы непременно.

А вот еще. Как-то в юности отправился я с несколькими людьми на охоту в одно глухое ущелье. И вдруг носом к носу встретился со свирепым тигром! Бежать было поздно. Я крепко схватил тигра за загривок, пригнул его голову к земле. Все люди, которые были со мной, в ужасе разбежались, и как ни кричал я, чтобы мне помогли, никто не явился. А я с голыми руками — даже маленького ножичка не было. Глянув по сторонам, я увидел под скалой впадину, заполненную водой, и медленно, чхон за чхоном, стал подтаскивать к ней тигра. И я, и зверь от неимоверного напряжения были изнурены до крайности. Обильный пот заливал тело, и все же мне удалось дотащить сиволобого до впадины, сунуть мордой в воду. И тигру ничего не оставалось, как только пить и пить без конца. Вскоре брюхо у него раздулось до отказа, он ослабел совершенно. Тогда я стал хватать камни и палки, изо всех сил бить тигра, пока не забил его до смерти. И опять же, растеряйся я, прояви трусость — не бывать бы мне в живых.

А был еще и такой случай. Наше войско отражало нашествие врага, и я отправился на границу. Однажды конники варваров лавиной обрушились на нашу землю, обрушили на наших воинов дождь стрел. Впереди стояло несколько десятков больших деревьев. Исход сражения зависел от того, кто раньше до них доскачет и укроется за ними. Во что бы то ни стало я со своим отрядом должен был опередить варваров. В бешеной скачке мы домчались раньше врага до деревьев, укрепились в них. А вражеские конники доскакать не успели и были уничтожены. Победа досталась нам. Вот и тогда, не прояви я расторопности, не прими смелого решения, и гибель моего отряда вместе со мной была бы неизбежна.

Ха Кёндык по службе дошел до чина начальника ведомства и в свое

время прославился как самый доблестный полководец.

Домик здоровья

Сангок дружил с Киу, князем Ли Хэнъя. Ли жил у южной стены города, а Сангок — у подножия западной горы, и расстояние между их домами было немногим более пяти ли. Нередко, взяв в руки посошки, они навещали друг друга либо обменивались письмами со стихами.

Сангок построил у себя в саду маленький флигель — кабинет для занятий — и назвал его «Висэндан» — «Домик здоровья». Собрав всех домашних мальчишек, он целыми днями занимался тем, что приготавливал всевозможные лекарства. А князь Ли сложил о Домике здоровья такое стихотворение:

Белы, ровны и плоски
 нового домика доски.
Бамбуки, картин искусство
 будят большое чувство.

На ограде ласкает взор
 нежная зелень софор.
Ухо ласкает чудесно
 иволги звонкая песня!

Зашел как-то князь Ли в Домик здоровья. Сангок, выказывая ему всяческое почтение, приказал заварить чай и подать гостю. А в чайнике еще оставалась прежняя вода, и ее долили другой.

— Этот чай заварен на двух разных водах! — едва попробовав напиток, воскликнул Ли.

Оказывается, Ли Киу мог хорошо различать вкус воды. Самой вкусной он считал воду из речки Тальчхон, что протекает в Чхунчжу. На второе место Ли ставил воду Учжуна, притока Хангана, стекающего с гор Кымгансан. А на третьем у него была вода речки Самтха, бегущей со склона горы Соннисан.

Гадальщик морочит геоманта

Существует ныне предрассудок, будто шаманы и гадалщики могут слышать с неба голоса, вещающие о делах прошлого и предсказывающие будущее. Таких прорицателей в народе называют «тхэчжа» — «наследники».

Шел в мире слух, что есть один такой тхэчжа по имени Чандык, у которого будто бы имеется книга «Чистейшее зеркало судьбы», по которой он хорошо гадает. Наконец двор потребовал у слепца представить эту книгу. Однако Чандык заявил, что никакой книги у него нет. Слепца посадили в тюрьму, с пристрастием допрашивали, но ничего не добились. Тогда взялся за Чандыка геомант Ан Хёре, и ему только открылся слепец:

— Да, есть у меня книга «Чистейшее зеркало судьбы», — сказал он. — Только хранится она в доме моих родственников-простолюдинов в уезде Убонхён. В ограде того дома с восточной стороны имеется калитка, а перед домом растет большое дерево. А в самом доме находится большой глиняный кувшин, который накрыт маленьким блюдом. Если снять это блюдо и заглянуть в кувшин, то там и можно обнаружить книгу «Чистейшее зеркало судьбы». Если ты туда наведаешься и, встав перед тем большим деревом, выкрикнешь мое имя, то я непременно тебе отвечу!

Хёре поспрашивал у людей о семье Чандыка и выяснил, что у того действительно есть родственники в Убонхёне. Очень обрадованный Хёре помчался во дворец. Государь приказал Хёре немедленно отправиться в Убонхён в экипаже в сопровождении нескольких конных охранников. Проскакав целую ночь, Хёре примчался к описанному Чандыком дому. В самом деле, в ограде имелась калитка, обращенная на восток, а перед домом — большое дерево. Ворвавшись в дом, Хёре увидел большой глиняный кувшин, сбросил с него блюдо и заглянул внутрь. Кувшин оказался совершенно пустым, абсолютно ничего там не было! Хёре кинулся к дереву, выкрикнул имя слепца, но никто ему не ответил!

Очень расстроенный и рассерженный, возвратился Хёре в тюрьму к Чандыку, гневно на него напустился. А тот только и сказал:

— Вечно ты дурачишь людей своими геомантическими вычислениями. А теперь вот и я тебя одурачил!

О СУККВОН

Бессердечный кабан

У буддистов за большую добродетель почитается милосердие. Они никогда не убивают животных.

Однажды некий монах, побиравшийся в провинции Хванхэдо, столкнулся с диким кабаном, которого преследовали охотники. Разъяренный зверь выскочил неожиданно, а монах тут же подошел к нему и, тыча посохом на юг, воскликнул:

— Ай, беда! Ай, беда! Скорее беги в ту сторону!

Но кабан набросился на него и прикончил на месте.

Ким Сисып ругает стихи

Однажды, гуляя в уезде Ёндон, Ким Сисып добрался до Янъяна. Там, на башне, увидел он чьи-то стихи, написанные по-китайски.

— Какой щенок написал тут эти дрянные стихи? — сердито выругался он.

Дочитав же до середины, пробормотал:

— Впрочем, здесь есть некоторый смысл...

А прочитав до конца и заметив имя поэта, воскликнул:

— Да ведь эти стихи написаны самим Квидалем!

А Квидаль — это Хамхо Хон.

Круглый дурак

Великий князь Чеан, сын вана Ечжона, был очень глуп. Как-то сидел он у своих ворот и увидел нищего, который просил проса.

— У него нет проса, — сказал Чеан своему слуге, — но ведь он мог бы поесть медовых блинчиков!

По его словам выходило, будто у нищего есть все, кроме проса.

Опять же он оскандалился однажды с женщиной. Это получилось оттого, что за всю жизнь он так и не познал человеческого дао. Сонмё, сетуя на то, что у Ечжона не будет потомков, как-то сказал:

— Если бы кто-нибудь помог Чеану познать человеческое дао, то он

заслужил бы большой награды!

Одна фрейлина решила попытаться и отправилась к Чеану в дом. В полночь, когда Чеан крепко уснул, она сумела сделать так, что они соединились. Но тут Чеан вдруг проснулся, вскочил с испуганными воплями и принялся тщательно обмываться. При этом он кричал, что его осквернили.

А в годы Чжэн-дэ ведомством Саньйвон был введен для ношения государем пояс, украшенный пластинками из рога носорога. Пояс был изумительно красив, и Чеан, присутствуя однажды на приеме во дворце вана, надел пояс себе на талию.

— Очень прошу пожаловать этот пояс мне! — взмолился он после приема.

Чунмё рассмеялся и пожаловал. Кое-кто может сказать: неправда, мол, что Чеан был глупцом. Но если слынешь умным и добродетельным только потому, что приходишь из государева рода, то — хоть и говорили в древности, что человек всегда старается скрыть свои недостатки, — слава твоя долговечной не будет.

Что же касается отношений между мужчиной и женщиной, то они — от природы. Нельзя подавлять это человеческое чувство. И если кто-то не сближается с женщиной, считая это страшным грехом, то разве он не настоящий дурак?

КИМ АННО

Студент Чхэ и незнакомка

Не так давно неподалеку от сеульских казарм жил некий студент по фамилии Чхэ. Однажды в сумерки прогуливался он по улицам. Прохожих становилось все меньше. Взошла тусклая луна, осветив окрестности призрачным светом. Разглядеть лицо на расстоянии было трудно, угадывались лишь смутные очертания человека.

И вот на другой стороне улицы Чхэ заметил какую-то женщину. Она стояла неподвижно. Некоторое время они вглядывались друг в друга, а потом Чхэ медленно направился к женщине.

— Этой тихой ночью, — заговорил он, — я случайно встретился с вами. Не могу совладать со своим сердцем и потому так недостойно веду себя. Уповаю только на то, что вы вспомните старинную историю о секретаре Хане и простите мою бесцеремонность!

При этих словах женщина слегка покраснела. Потом тихо и скромно ответила:

— Кто вы? И почему так пылко разговариваете с женщиной, которую встретили впервые? Право же, мне очень стыдно, но если вы хотите... пожалуйста, проводите меня!

— Конечно, очень хочу! — безмерно обрадовался студент. — Но что скажут ваши родные? Осмелюсь ли я, чужой человек, проникнуть в глубину женских покоев?

— Раз уж я сама позвала, стоит ли вам беспокоиться? — возразила женщина.

И они пошли рядом, касаясь плечами друг друга. Покружив по какому-то извилистому переулку, перешли ручей и подошли к высоким воротам большого, крытого черепицей дома, обнесенного каменной оградой. Женщина велела Чхэ подождать немного снаружи, а сама вошла в дом.

Безлюдно. Из глубины дома не слышно ни звука, и вокруг тишина. Чхэ молча переминался с ноги на ногу, пристально вглядываясь в сумрачные ворота, будто что-то оставил за ними. На душе у него было беспокойно. Через некоторое время появилась молоденькая служанка и, приоткрыв ворота, позвала Чхэ. Следуя за ней, Чхэ прошел через восемь тяжелых ворот. Дом с башенкой наверху поддерживали каменные

колонны. Вид его был великолепен. Право, не скажешь, что это — творение рук человеческих! В стороне виднелся флигель. Его окна с зелеными рамами и красными, унизанными бисером шторами были чисты и прозрачны и привлекали взор. В дверях флигеля, чуть отступив в сторону, встретила его та женщина.

— Я выжидала, когда в доме уснут, и заставила вас слишком долго ждать. Право, мне очень неловко. Вы, уж верно, подумали, что я испугалась?

Потянув Чхэ за рукав, женщина ввела его в комнату и предложила сесть. Дивные рисунки на ширме и чокчжа, прелестные, изящные вышивки на ковре и украшения на циновках — такое он видел впервые. Косметические принадлежности и домашняя утварь — все было необычным. Чхэ был потрясен. Конечно, это не мир людей! Уж не обитель ли это бессмертных?

Невольно съежившись от страха, Чхэ не решался даже пошевелиться. А женщина велела служанке подать вино и закуски. Впервые увидел он столь редкостные яства! Наполнив вином кубок из белой яшмы с ручкой в виде пары драконов, женщина поднесла его студенту, скромно сказала:

— Доля моя — несчастная. Еще ребенком потеряла родителей, а стала взрослой — не имею супруга. С детства меня воспитывала только кормилица, и поэтому я не могла как следует научиться правилам поведения женщины. Когда расцветают цветы и луна становится ясной, погружаюсь я в бесконечную грусть наедине со своей тенью. А сегодня вышла случайно с подругами на улицу. Вдруг с грохотом промчалась повозка, запряженная бешено скачущей лошадью. И, спасаясь от нее, я укрылась в переулке. Подруги куда-то пропали, быстро стемнело. Я в растерянности стояла одна, и тут, к счастью, увидела вас. Если бы вы не сочли для себя зазорным, то, кажется, я могла бы прожить с вами всю жизнь!

Студент принял кубок и выпил. Он даже не находил слов для выражения благодарности.

— И за что только Небо послало мне такое счастье! — едва смог проговорить он.

А женщина все подносила ему вино. Чхэ не отказывался и пил беспрестанно. Счастливый, он снова и снова повторял, как ему повезло.

Когда настала третья стража, Чхэ совсем опьянел и умолк. Служанка почтительно приняла его пояс и шляпу, повесила на вешалку, приготовила постель и унесла свечу. Студент сразу же обнял женщину, и сердца их слились в радости. Будто встретились влюбленные мотылек и пчелка и

утолили наконец свое желание! Разве с этим могла сравниться даже та встреча, когда играли на флейте под луной?! [\[23\]](#) И хотя по водяным часам наступил уже рассвет, их сладостный сон не прерывался.

Но вот над головой вдруг грянул гром, и студент в испуге открыл глаза. Что это?! Он лежит под каменным мостом, вместо подушки — камень. Укрыт он старой рогожкой, а одежда его засунута между опорами моста. Да еще в нос ударяет мерзкий запах!

Всходило солнце. На улице появились люди. Вдруг две телеги, нагруженные дровами, с грохотом въехали на мост. Студент испугался и, как помешанный, бросился прочь от этого места!

Только через несколько дней Чхэ кое-как пришел в себя. Однако покоя он не находил и страстно хотел снова встретить ту женщину. «Это чары злого духа», — догадалась его семья и позвала шамана, который прочел заклинание. Затем попросили лекаря сделать студенту прижигание, перепробовали все и еле-еле сняли с него чары.

А мост, под которым проснулся Чхэ, был Тхэпхёнгё, что находится в нижнем течении речки Кэчхон, в самом центре Сеула. Об этом случае со студентом люди подробно рассказали Тхэчже.

— Увы! Подобное случается, — вздохнув, молвил Тхэчже. — Это злой дух в образе женщины соблазнял человека. Уродливость он являет как красоту, ложь выдает за правду, зловоние — за аромат, грязную пустошь — за великолепный дворец. Всячески стремится он застать человека глаза, смутить его душу, пробудить похоть. А не имея твердого характера, разве устоишь против его соблазнов?

Если бы даже со студентом, когда он встретил красавицу и влюбился в нее, был рядом человек, который объяснил бы ему, в чем дело, он все равно не поверил бы. А если бы ему захотели помочь против его воли, он рассердился бы и даже мог причинить зло при помощи нечистой силы.

Тогда под мостом был, конечно, не гром, а грохот, сопровождавший превращение злого духа. Однако под небом немало и людей вредных и лживых — не лучше злых духов в образе женщин. А разве мало таких, которые поддаются соблазнам? Поэтому нужно не только освобождать людей от бесовского наваждения и не позволять демонам разных мастей безобразничать средь бела дня, но и не допускать до соблазна таких студентов, как Чхэ, которых много на свете.

Спас девушку

Была в провинции Чхунчхондо одна заброшенная кумирня. Постепенно она превратилась в руины. Какой-то старый монах решил починить кумирню и провел там однажды целый день, осматривая ее со всех сторон и прикидывая, сколько понадобится труда и материалов.

Место здесь было глухое. Уже смеркалось, и монаху пришлось остаться на ночь в пустой кумирне. Наступила полночь, в горах было тихо, светила луна, и мерцали звезды. Вдруг какой-то мохнатый зверь, держа что-то в зубах, перемахнул через ограду и положил свою ношу посреди двора. Отодвинувшись немного, он сел, съежившись и искоса поглядывая на принесенный им предмет. Затем вытянул хвост, подполз к нему и обнюхал. И вдруг, вскочив, принялся то носиться вокруг, то лениво кружить около этого предмета, то перепрыгивать через него. Он будто забавлялся им, будто любовался. Играл с ним, как ворон с крысой!

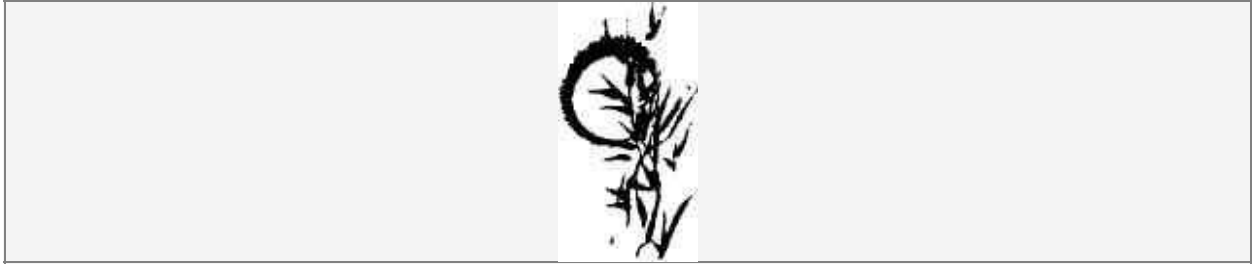
Монах, наблюдавший за зверем в оконную щель, догадался, что это большой тигр, который утащил человека. Тогда он быстро сорвал оконную раму и швырнул ее в тигра. В пустынной горной лощине раздался грохот, будто гром грянул. Тигр испуганно отпрянул и исчез. Вокруг было тихо. Монах спустился во двор, стал разглядывать и ощупывать лежащего перед ним человека. Оказалось, что это была молоденькая девушка, лет шестнадцати. Она уже не дышала, но на теле ран не было. Монах подумал, что девушку, пожалуй, еще можно спасти. Он внес ее в помещение и положил на пол. Затем расстегнул на себе и на девушке одежду, прижался грудью к груди и стал согревать, стараясь вдохнуть в нее жизнь. В таком положении они пробыли с рассвета до полудня. Мало-помалу тепло стало возвращаться в тело девушки, а на закате солнца она уже дышала. Монах радовался от всей души. Он напоил девушку рисовым отваром и принялся лечить всеми средствами.

Через несколько дней девушка пришла в себя, рассказала, откуда она и чья родом. Оказалось, что дом ее находится в провинции Чолладо — более чем за сто ли от этой кумирни. Тигр унес ее вечером, прямо со свадьбы, а сюда притащил около полуночи. Можно себе представить, как быстро он бежал!

Монах привел девушку в ее деревню, оставил у околицы, а сам, под видом нищего, постучался к ней в дом. А там уже пригласили шаманку, чтобы призвать душу девушки, которую считали погибшей. Шаманка печально пробормотала, что душа умершей девушки уже здесь и ведет себя так, будто ищет свое тело. Значит, объявила она, девушка была съедена тигром! Родители и родственники девушки огласили дом горестными воплями.

А в это время девушка тихонько вошла в ворота. Родители сначала даже не узнали ее. Не сразу поняли, что это их родная дочь. А затем со слезами бросились к ней, стали обнимать и ласкать. Уже потом только слышали от нее все подробности. Долго и горячо благодарили они монаха за спасение дочери. Девушка оказалась из хорошей семьи. Вести хозяйство ей не приходилось. Она, как говорится, не тратила времени на колодец и ступку. Люди в округе восхищались ее красотой и благовоспитанностью.

Монах спас ее потому, что был добр и чист душой, потому, что усердно лечил ее. Он не постыдился прижаться к голой груди девушки. Должно сказать, что такой монах был поистине милосерден и, освободившись от мирских страстей, свято исполнял буддийские заповеди.

ЧХА ЧХОННО

Две жены Юнсона

Хон Юнсон был назначен главнокомандующим в Хонам. И вот прослышал он, что в Чончжу у некоего богатого и знатного горожанина три дочери-красавицы. Юнсон сразу загорелся желанием сделать одну из них своей наложницей и написал об этом губернатору Хонама. Правитель Чончжу, узнав от губернатора о замысле Юнсона, приказал приготовить для него помещение в своем доме. Затем губернатор и правитель уезда вызвали отца девушек и, сообщив ему о письме Хон Юнсона, сказали:

— Если ты откажешь ему, твоя семья лишится состояния и погибнет. Да и нам не поздоровится. Живо возвращайся домой и приготовь все для брачной церемонии!

Горожанину ничего не оставалось делать, и он ушел.

— Вот нарожали дочерей, — плакали они с женой, — а теперь от них семье только вред один!

Младшая дочь спросила, о чем они так тужат. Но отец ответил, что это, мол, не ее ума дело.

— Если дело касается всей семьи, — возразила девушка, — то почему же сыновья и дочери не должны о нем знать?

И тогда отец с горечью рассказал ей, что случилось.

— Так это же легко уладить, — сказала дочь. — Я знаю, что ответить Хон Юнсону. Пожалуйста, не тревожьтесь!

К приходу Юнсона девушка надела свои лучшие украшения и встала у внутренних ворот. Вошел Юнсон, одетый в военные доспехи. Девушка приветствовала его, сложив руки. Глянул Юнсон — ну и красавица!

— Вы, князь, — с поклоном сказала дочь горожанина, — были министром, а теперь вот стали главнокомандующим. Но и я происхожу из семьи, очень уважаемой в уезде. Слышала, будто хотите сделать меня своей наложницей. Разве это не унижительно для меня? Другое дело — стать вашей женой. Тут бы я не задумалась. А наложницей не стану, хоть убейте! Не захотите же вы стать виновником моей смерти.

— Чисто женские речи! — засмеялся Юнсон и с поклоном удалился.

Вскоре он отправил секретное письмо Кванмё, в котором говорилось: «У меня, вашего верного слуги, жена очень глупая и жадная. Давно уж хотелось мне ее заменить. А ныне прибыл в Чончжу, встретил девушку

умную и красивую. Прошу позволения взять ее в жены. Почтительно жду решения вашего величества». Государь ответил: «Поступай, как знаешь. Почему ты непременно должен спрашиваться у меня?» Юнсон подготовился к брачной церемонии и женился.

После смерти Юнсона первая и вторая жены стали спорить, кто — законная жена, кто — наложница, и долго не могли разобраться.

— Однажды, — заявила наконец вторая жена, — прежний государь во время высочайшего выезда остановился в нашем доме и велел мне принести вина. В государевой канцелярии непременно имеется подневная запись, и там, конечно, сказано, что вино приносила именно супруга! Разве там речь идет о наложнице?

Она просила показать ей этот документ, и там действительно было написано: «В такой-то год, луну и день государь во время высочайшего выезда остановился в доме Хон Юнсона, где был устроен прием, и во время угощения государь послал супругу Юнсона за вином».

Так было и доложено здравствующему вану. Ван повелел: «Вторую жену считать законной!»

Рассказ об этом я слышал от посыльного южного гарнизона Син Нипа.

Девичья честь

Во время правления Сонмё один придворный женился вторым браком на дочери некоего сановника.

— Невеста оказалась не девственницей! — доложил он вану три дня спустя и просил разрешения прогнать ее.

Сонмё, однако, усомнился и приказал старой лекарке осмотреть девушку.

— Раздела девицу, осмотрела ее, — доложила лекарка. — Золотое девство у нее не нарушено, куриный глазок должным образом цельный. За это ручаюсь!

Сонмё остался глубоко удовлетворен, богато одарил старуху и повелел:

— Так вот. Мужу и жене жить вместе. Что же касается виноватого, то девушка очень молода, а мужчина был пьян и не разобрал, что к чему!

Как хорошо, что Сонмё усомнился в словах придворного и призвал лекарку: семья девушки избежала дурной славы!

**КИМ СИСЫП.
ИЗ СБОРНИКА «НОВЫЕ РАССКАЗЫ С
ГОРЫ КЫМО»**

Перевод Д. Елисеева.

Заглянул за ограду

Жил в городе Сондо у моста Нактхагё студент по фамилии Ли. Лет ему было восемнадцать, внешностью отличался он безупречной, как лотос, и Небо щедро одарило его талантами. Каждый день Ли посещал школу Кукхак, где обучался поэзии. По пути проходил он улицу Сончхунни. А на улице той находился большой богатый дом, в котором проживала со своими родителями девица Чхве, лет пятнадцати-шестнадцати. Собою она была красавица, славилась как искусная вышивальщица и хорошо умела слагать стихи. Все люди восхищались манерами юноши из рода Ли и прелестью девушки из дома Чхве. Если бы талант и красоту можно было есть, говорили они, то эти двое могли бы насытить всех голодных!

Студент Ли с книгами под мышкой по пути в школу всегда проходил мимо дома Чхве. С северной стороны ограду этого дома окружали плакучие ивы со свисающими ветвями. И любил юноша отдохнуть под их сенью.

Однажды заглянул студент Ли за ограду и увидел: среди дивных, уже распустившихся цветов кружат пчелы и птицы, наперебой жужжат и щебечут. А в сторонке, укрытый зарослями кустов и цветов, расположен небольшой павильон. В окне за приспущенной бисерной шторой свешивалась прозрачная занавеска, а за ней видна была красивая девушка. Устав вышивать, она отложила иглу и, подперев рукой подбородок, произнесла:

Вышиваю без души,
у окна одна.
А цветы так хороши,
иволга слышна.

От дыхания весны
мало толку.
Только грезы все да сны —
бросила иголку.

За ветвями ивы —
парень у ограды.
Так на нем красивы

синие наряды.

Ласточкой весенней
стать была бы рада:
Вмиг бы я слетела
к парню за ограду!

Студент Ли стихи эти услышал, захотел показать и свое умение, но ограда была высока, да и павильон находился в глубине сада. Недовольный, юноша пошел в школу. А когда возвращался, на полоске хорошей белой бумаги написал стихотворение в три строфы, завернул в эту полоску осколок черепицы и перебросил через ограду. В стихах говорилось:

В дымке скрылись лики
Ушань-горы где-то.
Видны только пики,
бирюзой одеты.

Как Сян-вану, почитай,
скучно мне на ложе.
Вот дождем бы на Янтай
ты упала тоже!

Жду теперь тебя я
как Вэньцзюнь Сянжу.
От любви сгорая
по свету брожу.

Дивно розовеют
персика цветы.
Ветер вдруг повеет —
где найдешь их ты?

Свет ли добрый ждет
или злая тень?
Грустно мне, на год
растянулся день.

Был стишок твой прост:
фея встречи ждет.
На Ланьцяо-мост
скоро ли придет?

Барышня Чхве велела своей служанке Хянъя пойти посмотреть, что же там упало. Оказалось — стихи студента Ли. Развернув бумагу, девушка несколько раз прочла их вслух. И так обрадовалась, что на той же полоске бумаги написала всего восемь знаков: «Ни о чем не беспокойтесь. Приходите ко мне, когда стемнеет». И студент, как только настали сумерки, снова явился к ее дому. Здесь неожиданно он увидел, что один сук цветущего персикового дерева выступает наружу над оградой. И еще смутно различил, что с этого сука что-то свешивается. Подойдя поближе и хорошенько всмотревшись, Ли увидел, что это толстые веревки качелей, к которым крепко привязано бамбуковое сиденье. Он ухватился за веревки и, встав на сиденье, перебрался через ограду.

Как раз в это время над восточными холмами взошла яркая луна: тени цветущих деревьев легли на землю. Воздух был напоен тонким ароматом цветов, возбуждавшим любовное чувство. И студенту показалось, что попал он в край небожителей. Сердце юноши замирало от радости, однако он ведь тайно явился на любовное свидание, и волосы его вставали дыбом от страха.

Оглядевшись по сторонам, Ли увидел девушку. Рядом с ней была служанка Хянъя. Нарвав цветов, обе они сидели на коврике, на котором лежала подушка с вышитыми на ней селезнем и уткой. Девушки украшали цветами прически друг дружке. Заметив студента, Чхве тут же сложила стихи, побуждавшие юношу к ответу:

Всюду персики и сливы
буйно так цветут.
Утка с селезнем счастливы
на моей подушке тут!

Студент сразу ответил:

Если вдруг узнают

про любовь, про нас,
Сплетни покарают
нас с тобой тотчас!

— Право же, сударь, — переменившись в лице, сказала девушка, — я в самом деле хотела бы, как говорится, всю жизнь прислуживать вам с метлой и совком{24}. Пускай бы навеки связали нас узы радости и счастья. Чего это, сударь, вы так испугались? Почему говорите такое? Я, наложница{25}, природы хоть и женской, однако душа моя совсем спокойна. Как же вы, мужчина, оробели и решились сказать такие слова? А завтра, если даже и узнают о том, что произойдет сегодня ночью в моей девичьей спальне, и родители осудят нас, я, наложница, всю вину возьму на себя! Хянь! — обратилась девушка к служанке. — Принеси нам вино и фрукты!

Служанка пошла исполнять приказание. Людских голосов слышно не было, стояла полная тишина.

— А где это мы находимся? — спросил студент Ли.

— Здесь, в северной части нашего сада, — ответила девушка, — расположен маленький павильон. Я у родителей единственная дочь. Они очень любят меня и специально выстроили отдельный павильон на берегу лotosового пруда, чтобы в благоухающую пору цветения могла я здесь пожить одна и погулять с девочкой-служанкой. А родительские покои — там, далеко за садом. Так что и громко говорить, и смеяться мы можем сколько угодно — никто нас не услышит!

Девушка поднесла студенту кубок молодого вина и сложила такие стихи в подражание древнему стилю:

Заросший лотосом пруд
окужает резной забор.
И в цветах, их укрывших тут,
двое ведут разговор.

В ласке весны из тьмы
ароматы плывут. Скажу:
Песни новые сложим мы
на мотивы песен «Байчжу».

В небе луна засветила —

лег ковер из теней цветов.
Я ветку рукой схватила —
алый дождь полил лепестков.

Ветерок овевает нас,
аромат на платье несет.
Девушка в первый раз
«Веснянку» свою ведет.

Платьем легким взмахнет
она у айвы невзначай.
Тут же в страхе вспорхнет
спавший в ветвях попугай!

Сразу в тон девушке студент ответил:

К Тао-истоку нашел дорогу,
персик цветет на его берегу.
А в сердце любви так много,
что сказать о ней не могу.

В уборе волос холеном
золотом шпильки горят.
Дева в платье зеленом —
мил весенний ее наряд.

Весна пробудила нас —
два бутона раскрылись чуть.
Но даже в ненастья час
их с ветки ветрам не сдуть.

Рукавами поводит дева —
тень следом за ней спешит:
Да это ж под сенью древа
Су-э свой танец вершит!

Но если любви не начать,
настанет тоска другая.

Не стоит тогда обучать
песням новым своим попугая!

После того как они выпили вина, девушка обратилась к студенту:
— То, что происходит сегодня, — неспроста. Это — судьба. Вы непременно должны последовать за мной, сударь, и пусть сбудутся наши взаимные желания!

Сказав так, девушка вошла в павильон с северной стороны. Студент Ли последовал за ней и увидел в доме зеленую лестницу, поднявшись по которой, оказался в комнате девушки. Это была чистенькая, аккуратно прибранная комната для занятий. Здесь же находился и письменный столик. На одной стене висела картина, на которой была изображена подернутая дымкой река с отвесными скалами по берегам. Здесь же висела картина со старым деревом на фоне темной бамбуковой чащи. То были творения знаменитых мастеров. На картинах кто-то приписал стихи. На первой:

Чья рука написать так могла
и тысячу гор, и реку?
Чья же то кисть была,
какому дана человеку?

Вот это — гора Фанху́,
ввысь взметнулась одна.
Там, на самом верху,
в облаках чуть видна.

Здесь вот — длинный черед
громадных скалистых гор.
На тысячу ли вперед —
широкий лежит простор.

Поглядишь ты на эту даль —
в дымке закат догорает там.
И такая возьмет печаль
по далеким родным местам.

А без доброго друга живешь —

еще больше тоска берет.
Будто в ненастье плывешь
один по Сянцзяну вперед!

На другой картине было написано:

Кажется, ветер в роще поет,
вроде музыка там раздаётся.
Дерево старое будто живет,
будто чувствует и не сдаётся.

Корни мощные в кольца свились,
ствол корявый мохом покрыт.
Ветры и грозы сколько ни злись,
старое дерево крепко стоит.

И рождаются в душе невольно
с ним согласные чувства.
Только гений так мог довольно
сделать это силой искусства.

Надо не духом ли стать
Вэй Яня, Юй-кэ породы,
Чтобы так мудро познать
величие тайн природы.

У картины стою, бывало,
меня она так манила:
Туши магия взор приковала,
душу чудо письма пленило!

На другой стене были наклеены рисунки, изображавшие пейзажи четырех времен года. И к каждому рисунку были приписаны стихи — также неизвестного сочинителя. Все иероглифы были написаны с большим изяществом в подражание стилю Сун-сюэ. На первом рисунке было:

Мальвами шторы расшиты,

аромат курильница льет.
За моим окном открытым
дождь лепестков идет.

Пятой стражи удары
подняли меня с постели.
В магнолиях — птичьи базары,
звонят веселые трели.

У покоев целый день
щебет ласточек стоит.
Вышивать мне так уж лень,
просто сердце не лежит.

А в цветах у нашей ограды
бабочек целое море.
Парами вьются над садом,
с лепестками летящими споря.

Поддувает слегка ветерок
под зеленое платье мне.
Этот ветер совсем не впрок
по такой-то дивной весне.

Излить бы мне душу всю,
да только понять ли вам?
А селезень с уткой всю
танцуют меж лотосов там.

У дочки Хуана в саду [{26}](#)
совсем расцвела весна.
Багрец и зелень в ладу,
сочатся сквозь тюль окна.

Отвела жемчужную штору,
летят лепестки, гляжу.
Ко мне в цветения пору
любовь не идет, тужу.

В стихах ко второму рисунку говорилось:

Зреет зерно на полях,
птенцы на крыло поднялись.
Гранаты в южных садах
цветов огнем занялись.

Пред зеленым окном швея
красную юбку кроит.
Оттого среди бела дня
на ножницах зорька горит.

Реденький дождик сеет,
ранние сливы поспели.
У дома ласточки реют,
слышатся иволги трели.

Дни раннего лета прошли,
оппадают тунга цветки.
А там, посмотришь, взошли
молодые бамбука ростки.

Вся под ветром веранда моя,
пасмурный день коротаю.
Абрикосы зеленые я
в маленьких птичек бросаю.

Вода высока в пруду,
от лотосов пахнет листвой.
Бакланы там ищут еду —
ныряют в лазурь меж травой.

На расшитом узорами ложе
волнами вьется река.
На ширме картина тоже —
над рекой Сясян облака.

Ныне совсем одолела лень,
а в полдень сон овладел.

Проснулась — кончался уж день,
закат в окне заалел.

К третьему рисунку было приписано:

Ветер осенний свистит,
по утрам холодна роса.
Ночами луна блестит,
днем вода — бирюза.

Слышится — гуси кричат,
на юг они улетают.
И тунга листы шуршат —
на чистый родник опадают.

Где-то под ложем, внизу,
сверчок стрекочет-поет.
А на ложе жена слезу
жемчужную снова льет.

Ее добрый муж на войне,
за тысячи ли ушел.
Этой ночью он при луне
ворота Юймэнь прошел.

Сшить бы новое платье,
да ножницы будто лед.
Хочу служанку позвать я —
пускай утюг принесет.

А утюг-то совсем угас —
не следила за ним девчонка.
Мне остался лишь цитры глас
да еще для волос гребенка.

Лотос отцвел в пруду,
банановый лист пожелтел.
Крышу, где селезень с уткой в ладу [{27}](#),

Уж первый иней одел.

Грустно, как прежде, мне,
в спальне снова одна.
И только в ночной тишине
сверчковая трель слышна.

А на четвертом рисунке стихотворение было такое:

Западный ветер свистит,
ясная светит луна.
Тень сливовой ветки висит
косо в проеме окна.

Угли в жаровне тлеют чуть,
щипцами их шевелю.
Тут же служанку свою кричу —
чай горячий подать велю.

В саду от ночных холодов
последние листья слетают.
Вьются вихри снегов,
веранду мою заметают.

Тревожна ночь сновидений —
походы его нележки.
На полях он древних сражений,
у берегов замерзшей реки.

Красное солнце в окне
греет, как в дни весны.
Но очень тоскливо мне —
вспоминаю ночные сны.

В вазе веточка сливы
чуть уже распустилась.
А я вышивать стыдливо
селезня с уткой пустилась.

Ветер насквозь продувает
рощу нашу со всех сторон.
В лад с тоской долетает
под луной крик озябших ворон.

Плачу, плачу о нем в ночи,
нитку как ни ровняю,
В иглу не вдеть у свечи —
слезы на нитку роняю.

Рядом находилась еще отдельная маленькая комнатка. Там, за свисающим пологом, была видна постель с подушками и стеганым одеялом. Все здесь было прибрано очень аккуратно, выглядело красиво и изящно. Перед пологом дымилась курильница, источавшая аромат мускуса, и горел светильник, заправленный благовонным маслом. Было светло, как днем. Здесь студент и девушка познали все радости взаимной любви. Но вот прошло несколько дней, и студент сказал:

— Еще в древности мудрецы говорили, что отец и мать всегда должны знать, где находится их сын. Вот прошло уже три дня, как я здесь, и родители мои, конечно, очень тревожатся. Наверно, только и высматривают меня на дороге. Я же веду себя совсем не так, как подобает почтительному сыну!

Девушка очень огорчилась, однако согласно кивнула. А студент Ли перебрался через ограду и отправился к себе домой. С тех пор не было дня, чтобы он не приходил к девушке и не оставался у нее до утра. Однажды отец сказал ему:

— Когда ты уходил утром и возвращался домой вечером, было ясно — постигаешь учение мудрецов о гуманности и долге. Теперь же ты уходишь в сумерки, а возвращаешься на рассвете. Ведешь себя как легкомысленный юнец. Это уж так. Дело ясное, как роса: залез в чужой сад да ломаешь там ветки сандала{28}. Ведь если об этом станет известно, все люди осудят меня за плохое воспитание сына. А если женщина еще из хорошей семьи, происходит из знатного рода, то твой недостойный поступок опозорит, конечно, и эту семью, обесчестит ее. Это ведь не пустяк. Отправляйся-ка ты поскорее в Ённам — приглядишь там за крестьянами. И не смей сюда возвращаться!

На другой же день отослал отец сына в уезд Ульчжу. А девушка

каждый вечер выходила в сад встречать студента Ли, но он так и не пришел. Прошло несколько лун. Решив, что юноша заболел, Чхве велела служанке Хянъя тайком расспросить о студенте Ли у соседей. А те только и сказали:

— За какую-то провинность отец отослал студента в Ённам. Тому уж несколько лун!

Услышав об этом, девушка слегла от горя. Она совсем не вставала с постели, отказывалась от еды и питья. Даже речь ее стала бессвязной. И она так похудела, что стала просто кожа да кости. Родители ее были очень напуганы, выпрашивали, что у нее болит, но девушка, храня тайну, молчала.

Однажды родители заглянули в ее шкатулку и нашли там любовные стихи, которыми в прежние дни обменялись их дочь и студент Ли.

— Чуть было не потеряли нашу девочку! — всплеснули руками потрясенные старики. — А кто это такой студент Ли? — спросили они у дочери.

Тут уж девушка, ничего не скрывая, все подробно им рассказала. У нее то и дело перехватывало дыхание, когда она говорила:

— Батюшка и матушка! Вы взрастили меня и воспитали... Были бесконечно добры ко мне... И от вас ничего не скрою. Думаю, в отношениях мужчины и женщины любовь занимает очень важное место... Ведь недаром же еще в чжоуских песнях пелось о девушке, срывающей сливы и ожидающей свидания. А «Книга перемен» предостерегает от случайных связей... Я же оказалась податливой, словно ива. Забыла стихи об опавших тутовых листьях. Не сумела я обуздать весеннюю страсть, как говорится, прошлась по росе и подол замочила...[{29}](#) Попалась в сети, распутницей стала. Теперь люди тайком надо мной смеяться станут. Во всем только я одна виновата. И себя опозорила, и свою семью... Однако каким же коварным оказался этот юноша! Надкусил тайком ароматный плод и бросил. Да проживи я хоть тысячу жизней, обида моя не пройдет! Слабая и беспомощная, в одиночестве изнываю от тоски. Воспоминания о прошедшей любви день ото дня угнетают все сильнее, и жестокий недуг все более одолевает меня... Смерть уж близка. А умру — стану обиженным духом[{30}](#). Батюшка и матушка! Если исполните мое желание, я останусь в живых. А пойдете наперекор — умру... Надеюсь там, у Желтых истоков, когда-нибудь снова встретиться со своим студентом Ли. А в другой дом — я поклялась — замуж не пойду!

Тут только отец и мать девушки поняли, чего жаждала ее душа. Они избавили дочь от докучливых расспросов о болезни, постарались ее

успокоить. А утром послали в семейство Ли сватов с подарками. Ли-отец поспрашивал сватов о семействе Чхве, о его достатке, а потом сказал:

— Недостойный сын мой хоть и молод годами и легкомыслен, однако в ученье преуспел. К тому же и собой хорош. Надеюсь, придет день и он, как дракон, победоносно подымет голову. Думаю, настанет год, и он воспарит над землей, как феникс! Так что не хочу пока торопить его с женитьбой.

Сваты возвратились да так и передали слова старого Ли. Тогда Чхве снова послал сватов передать:

— Все люди восхищаются вашим драгоценным сыном. Наследник ваш превосходит талантами других юношей. Он теперь, как дракон, лежит свернувшись на дне пруда. Но разве он всегда останется там? А раз так, нужно поскорее заключить радостный союз. Как хорошо было бы породнить наши семьи!

— Я ведь тоже, — ответил Ли сватам, — в молодые годы держал в руках каноны и разные книги{31}. Но вот и старость пришла, ничего не достиг я, слуги мои разбежались, а родственники помогают мало. Живем, кое-как сводя концы с концами. А ваша семья богата, принадлежит большому, знатному роду. Могу ли я, бедный ученый, помышлять о женитьбе сына на вашей дочери? Не иначе как зря насплетничали вам о богатстве и знатности моей семьи!

И сваты опять доложили эти слова в доме Чхве. Чхве сказал:

— Свадебные подарки и все необходимые расходы для совершения обряда я беру на себя. Давайте же выберем счастливый день и, как водится, зажжем свадебные свечи!

Сваты передали это старому Ли. И Ли, подумав, согласился. Сразу же отправил он человека вызвать сына. Спросил юношу, хочет ли он жениться на дочери Чхве. А студент так обрадовался, что тут же сложил стихотворение:

Сложатся ныне в сроки
разбитого кубка части.
Мост навели сороки{32},
дали опять нам счастье.

Нас Лунный старик опять
повяжет своей тесьмой.
И не буду я куковать
одинокой кукушкой весной!

А девушка, услышав о предстоящей свадьбе, стала мало-помалу выздоравливать. И она тоже сложила стихи:

Ныне судьба наша злая
добрый стала сменяться.
И клятвы, любовь бывшая
в браке теперь свершатся.

Наконец покинула ложе,
шпильки нашла и пряжку.
Будет же день, похоже,
встанем в одну упряжку!

Ну а потом был выбран счастливый день и совершен обряд бракосочетания. Крепко-накрепко связалась порвавшаяся было нить единой судьбы Ли и Чхве. Супруги очень любили друг друга и почитали, как почитают дорогого гостя. Чхве относилась к Ли точно так же, как Гуан относилась к Хуну [\[33\]](#), как относилась супруга к Бао Сюаню. А студент Ли на другой год с блеском выдержал экзамен, занял высокий пост на государственной службе, и слава о нем дошла до дворца вана.

Но вот настал год с и н ч х у к, и в страну вторглись красноголовые. Разбойники захватили столицу, ван бежал в Покчжу. Красноголовые убивали людей, жгли дома, резали скот. Беззащитные люди в страхе спасались бегством, прятались кто куда. Мужья, жены, родственники теряли друг друга.

Ли, увлекая за собой жену, пытался укрыться в горах, но один разбойник заметил супругов и погнался за ними с обнаженным мечом. Самому Ли удалось скрыться, а жена его была схвачена разбойником. Красноголовый хотел ее изнасиловать, но Чхве с такой силой оттолкнула его, что он ее отпустил.

— Лучше убей, злобный дьявол! — в гнев крикнула женщина. — И пусть сожрут меня шакалы и волки. Да могу ли я спокойно позволить опоганить себя такому скоту?!

Придя в ярость, разбойник тут же убил женщину и разрубил ее тело на куски.

А Ли долго скрывался в безлюдной глухомани и едва жив остался.

Прослышав же о том, что красноголовые разбойники полностью уничтожены, сразу возвратился к старому родительскому дому. Однако дом их дотла был сожжен бандитами. Тогда он пришел к дому жены. Некогда роскошная усадьба Чхве пребывала в запустении, на крытой галерее никого не было. Слышался лишь мышинный писк да карканье ворон. Убитый горем, Ли поднялся в павильон, где впервые встретился со своей будущей женой. Едва сдерживая слезы, он тяжело вздыхал. Так просидел Ли до захода солнца одиноко, в неподвижности, вспоминая о днях счастья, которые прошли, как сон.

Тем временем настала вторая стража. Взошла луна, осветив призрачным светом перила. Вдруг со стороны веранды послышались осторожные шаги. Шаги приблизились, и неожиданно появилась госпожа Чхве, его жена! Ли ведь знал, что она умерла, но горячая любовь заглушила сомнение.

— Ты жива! — воскликнул изумленный муж. — Где же ты была все это время?!

Жена взяла его за руки и, заливаясь горячими слезами, заговорила:

— Вы, супруг мой, знаете, что я, наложница, происхожу из хорошей семьи. С раннего детства я строго следовала родительским наставлениям, обучалась шитью и вышиванию, постигала поэзию и каллиграфию, учение о добродетели и долге. Однако в тишине и замкнутости женских покоев могла я разве знать, что происходит в мире? Но вот поглядела я за нашу ограду, увитую красными цветами абрикосов, и раскрылась перед вами, как морская раковина с жемчужиной, подарила вам любовь свою. Мы смеялись и шутили, клялись в вечной любви, на ложе за пологом скрепили свои чувства, а потом союз наш был утвержден брачным договором, как говорится, на сто лет. — Проговорив все это, женщина почувствовала еще большую горечь. Через силу она продолжала: — Не мечтала я разве прожить вместе с вами до старости? Можно ли было подумать, что жизнь моя оборвется так рано и тело будет брошено в яму? И все же не поддалась я зверю-разбойнику, не уступила его животной похоти, предпочла, чтобы он разрубил мое тело и бросил его в грязь. А как горько мне было разлучаться с вами у тех пустынных скал! Разлетелись мы в разные стороны, как две птицы. Мы лишились крова, потеряли родных. И скорбно, что душа моя осталась бесприютной. Но жизнь человеческая — ничтожна, важен только долг! И пусть я погибла, но счастлива, что, исполнив долг, не запятнала своей чести. Тревожит только одно: кто сжалится надо мной и соберет мои останки, которые истлевают в дикой пустыне? А еще вспоминаю о прошлых днях счастья, и такая на душе горечь от

незаслуженной обиды! Но теперь, к счастью, тяжкие испытания позади, как говорится, в теснине слышны уж напевы, ваша жена вернулась в этот солнечный мир. Нить нашего союза, запись о котором есть на Пэнлае, соединяется вновь, и мы будем счастливы все три жизни. Однако все это время мы не должны совершать ни малейших проступков, не должны забывать о клятвах, которыми обменялись прежде. И тогда все будет хорошо. Вы, господин мой, должны обещать мне это!

— Да, да! Обещаю твердо! — потрясенный услышанным, радостно воскликнул Ли.

Супруги искренно и горячо снова излили друг другу свои чувства. А потом, когда Ли сказал, что дом их разграблен разбойниками, жена успокоила его:

— Да мы почти ничего не потеряли — все самое ценное зарыто в одном ущелье!

— А где покоятся останки наших родителей? — спросил Ли.

— Там и лежат наши родители, — ответила женщина, — где приняли они смерть от разбойников!

Затем супруги опять заговорили о своей любви, отправились во внутренние покои. Здесь они возлегли на ложе и испытали точно такую же великую радость, как и в прежние дни.

А на завтра супруги отыскивали место, где было зарыто их имущество. Здесь они откопали несколько слитков золота и серебра, другие ценные вещи. А потом собрали останки родителей обеих семей. Продав золото и драгоценности, супруги похоронили родителей всех вместе под деревом на склоне горы Огвансан. Они насыпали холм, совершили жертвоприношения душам покойных. Словом, все сделали, как положено по обряду.

После этого Ли не искал чиновничьей службы, постоянно проживал в доме семейства Чхве, ничто его не интересовало. В доме с супругами жили только слуги, сбежавшие в смуту, а теперь вернувшиеся обратно. Ли ни с кем не хотел видеться. Даже если приходили родственники с соболезнованиями или поздравлениями, он приказывал запираить ворота и не выходил к гостям.

Вот так, в покое и полном согласии, как две звучащие в лад лютни, прожили супруги несколько лет. Но вот однажды вечером обратилась супруга Ли к нему с такими словами:

— Супруг мой, трижды пережили мы с вами дни счастья. Было в нашей жизни и худое. И хотя счастья нам выпало больше, мы им не пресытились. Но теперь, увы, мы должны расстаться! — женщина несколько раз горестно всхлипнула.

— Что случилось? — испуганно воскликнул Ли. — Почему это мы должны расстаться?!

— Из потустороннего мира возвратиться невозможно. Однако государь небесный не оборвал сразу жизненную нить наложницы. За мою безгрешную жизнь он на время воссоздал мне призрачное тело, чтобы утешить безысходную печаль души. Но я не могу слишком долго оставаться на этом свете и смущать людей!

Женщина приказала служанке подать вино, а затем сложила стихи на мотив «Весны в Яшмовом павильоне» и в утешение супругу запела их:

Рябили в глазах мечи и щиты,
все смешалось в жестоком бою.
Яшма разбита, помяты цветы,
селезень утку утратил свою.

Брошены кости в глуши —
кто же их захоронит?
Одиноки блужданья души —
с кем она слово обронит?

Как у феи Ушаньских гор,
словно кубок, сердце разбито.
Нас разделит большой простор,
вести с Неба сюда закрыты...

С каждым словом Чхве глотала горячие слезы и допеть до конца не смогла. Вне себя от горя, Ли в отчаянии воскликнул:

— Так тогда уж лучше, жена моя, вместе давай уйдем к Девяти истокам! Да смогу я разве в одиночестве, в скорби прожить оставшуюся жизнь? Сколько горя было во время смуты! Родня и слуги разбежались, погибли родители, и кости их валялись в диком поле. Если бы не ты, жена моя, кто схоронил бы их? «Почитай родителей при жизни, — говорили древние, — а умрут — схорони их, согласно обычаю». Ты, жена, во всем исполнила свой долг, была искренно почтительна с моими родителями, любила их. Я так благодарен тебе за это! А за себя мне стыдно. Долго-долго хотел бы я оставаться в мире людей и только через сто лет вместе с тобой обратиться в прах!

— Господин Ли, муж мой, — сказала женщина, — вы не прожили еще

назначенные вам годы. А я, наложница, уже записана в Книгу мертвых и не могу дольше оставаться на земле. Если упрямо цепляться за мир живых людей, то это будет нарушением воли Неба. Это было бы не только моим грехом, но повредило бы и вам, господин мой. Однако кости мои все еще разбросаны где-то. Если бы вы оказали великую милость — не дали бы им беспризорно валяться на ветру и солнце!

Супруги долго смотрели в лицо друг другу, и слезы неудержимо текли из их глаз.

— Желаю вам счастья! — воскликнула наконец женщина, постепенно она стала отдаляться и исчезла совсем.

А Ли потом собрал останки жены, захоронил их рядом с могилой родителей. После похорон он так затосковал, что сделался совсем больным и, проболев несколько лун, скончался.

И все, кто слышал о необыкновенной судьбе этих супругов, печально вздыхая, восхищались и преданностью их друг другу, и присущим им чувством долга.

ЛИМ ЧЕ

Приключение ученого мужа во сне

Жил на свете бедный ученый по имени Вон Чахо, превыше всех достоинств ценивший в людях верность долгу. Характер он имел независимый, держал себя свободно, пренебрегал условностями, никогда не заискивал перед сильными мира сего, и потому не пользовался их благосклонностью; с юных лет вынужден был обходиться без государственной службы, как Ло Инь, и терпеть нужду, как Юань Сюань.

Жил он одиноко, утром выходил в поле и трудился там целый день, а вечером возвращался в свое убогое жилище и читал книги при лунном свете, проткнув пальцем дыру в бумажном окне. Особенно любил он исторические сочинения. И когда попадались ему на глаза строки о падении царства или крушении империи, он захлопывал книгу, лил слезы и сокрушался безмерно, словно был участником тех событий и не сумел предотвратить беду.

Однажды осенним вечером Чахо засиделся допоздна за чтением и не заметил, как наступила глубокая ночь. Усталый, прислонился он к стене и задремал. И вскоре почудилось ему, будто тело его становится невесомым, душа освобождается от земных забот, неведомая сила поднимает его ввысь и возносит на небо...

Вот оказался он на каком-то безлюдном берегу: перед ним извивается река, вдали высятся холмы. Тихо вокруг. Миновала третья стража. Луна освещает землю ярче, чем солнце днем; вода в реке блестит, как шелковая, легкий ветерок тонко свистит в камышах, роса окропила листья кленов. Впервые в жизни Чахо болезненно ощутил свое одиночество. Поднял голову, огляделся внимательно: река, холмы, клены — всё словно источало вековую неутоленную печаль. Тоска охватила его. Он вздохнул глубоко и стал читать стихи:

Тяжесть давних жестоких обид
В реку рухнула каменной грудой,
И вода неподвижно стоит
Перед непроходимой запрудой.

Золотится цветущий камыш,
И колышутся стебли растений.
В третью стражу прохлада и тишь

Нависают над ночью осенней.

Горькой памяти берег Чанша
Узнаю: это он предо мною!
Одинокая, где ты, душа?
Все ли бродишь одна под луною?^[6]

Читая стихи, бродил он вдоль берега, как вдруг услышал шум шагов — кто-то приближался к нему. Через несколько минут из зарослей камыша появился статный мужчина с узкой повязкой на голове — одет он был в простой халат, однако белое лицо и величавая поступь выдавали в нем знатного вельможу минувших времен. Незнакомец приблизился к Чахо, поклонился и сказал:

— Мы давно ждем вас, глубокочтимый Вон Чахо! Его величество приказал мне быть вашим проводником.

Чахо смутился. Уж не горный Дух ли это? А может, Дух реки? От волнения он не мог ничего ответить и стоял молча. Наконец он решил довериться незнакомцу и последовал за ним. Они сделали не более ста шагов, и за излучиной реки он увидел на берегу высокий изящный павильон. На верхней террасе павильона сидел человек в королевском платье и королевском головном уборе — конечно, это был сам король. Справа и слева от короля стояли пять сановников высоких рангов в придворных одеждах. Чахо взгляделся в их лица и узнал пять выдающихся деятелей прошлого: их облик неповторим, их достоинства не имеют равных, их заслуги прославлены на века! Превыше всего ценили они чувство долга; они были из тех, кто остановит коня чужеземного недруга^{34}, кто бросится в море, но не покорится завоевателю^{35}. И еще чтители они верность государю; им можно поручить воспитание королевского сына, им можно доверить управление народом.

При появлении Чахо сановники сделали шаг вперед и наклонили головы, приветствуя его. Чахо направился прямо к королю и предстал перед ним, отвесив глубокий поклон. Король предложил ему сесть — он занял самое дальнее, седьмое место. На шестом месте уселся вельможа с повязкой на лбу, на остальных пяти расположились сановники. Чахо все еще не мог осмыслить случившегося с ним и чувствовал себя неловко. Заметив это, король ласково обратился к нему:

— Издавна слышаны мы о вашей просвещенности и рады принимать вас у себя этой чудесной ночью. Надеемся, вы поделитесь с

нами мыслями, что волнуют вас.

Чахо смутился, встал, запахнул халат и поклонился в знак согласия. Постепенно он освоился с необычным своим положением и стал слушать, о чем говорили король и его приближенные. Они говорили о процветании и гибели государств, о победах и поражениях в битвах, о героях и лиходеях былых веков. Неожиданно для всех вельможа с узкой повязкой на лбу заявил:

— А по-моему, Яо и Шунь, иньский Тан и чжоуский У-ван — отъявленные злодеи. Посудите сами: Яо и Шунь лишили трона родных сыновей, Тан и У-ван свергли законных местоблюстителей престола — и тем подали дурной пример потомкам: по сей день не переводятся в мире узурпаторы, захватывающие верховную власть, которая не принадлежит им по праву. Придворные историографы объявили Яо и Шуня, Тана и У-вана образцами добродетели, а надо было заклеить их, как преступников!

Едва он кончил, король нахмурил брови и произнес сурово:

— Нам не по душе ваши речи. Мудрые государи Яо и Шунь, Тан и У-ван отстранили от власти недостойных отпрысков императорской крови, дабы владели ею те, кто заботится о благе народа, о процветании державы, а не о собственной корысти. О нет, они не преступники. Преступники — те, кто губит страну и душит народ, прикрываясь их именами!

Вельможа встал, низко поклонился королю.

— Простите меня, ваше величество: в сердце моем кипела обида на врагов ваших, потому и высказал я такое нелепое суждение.

Король кивнул.

— Мы понимаем ваши чувства и прощаем вас. Но давайте переменим тему. К нам прибыл дорогой гость, да и ночь сегодня прекрасна: ярко светит луна, дует прохладный ветерок — в такую ночь хорошо слагать стихи!

Все спустились к реке. Король снял расшитый узорами халат и велел подать вина. После того, как чаша с вином несколько раз обошла круг, он оглядел присутствующих и предложил:

— Пусть каждый из нас выскажет в стихах свои заветные мысли, выложит все, что наболело на сердце!

Все шестеро сразу согласились:

— Начните вы, ваше величество, а мы не заставим себя долго упрашивать.

Король с минуту сидел молча, потом высоко поднял голову и стал читать нараспев:

О река, ты течешь бесконечно давно
И обиду мою погружаешь на дно.

Был я в жизни достойным среди королей,
Духом стал Одиноким по смерти своей.

«Новый» — вот ваш девиз, только в чем новизна?
Титул ваш — «Справедливость», но где же она?

Мой народ, процветавший когда-то народ —
Он отныне попал под предательский гнет.

Те со мною, кого я ценю и люблю,
Но державным без власти не быть королю!

Дивной полночью этой мой взор упоен.
Мы сидим на траве, позади — павильон,

Но и в шелесте волн, но и в лунных лучах
Все сильнее тоска о промчавшихся днях.

Песню грустную спел — а слова не слышны,
Словно мир погружен в бессловесные сны.

Король кончил — и тотчас встал Пак Пхэннён, сидевший на первом от
короля месте. Он прочитал такие стихи:

Как слугам жить, которые повинны
В невзгоде молодого властелина?

Несчастный час настал в судьбе страны.
Смятеньем души их поражены.

Я жить теперь с открытыми глазами
Стыжусь перед землей и небесами.

Вотще великий замысел забыт —
Вот где она, обида из обид!

Он кончил — и тотчас встал Сон Саммун, сидевший на втором месте от короля.

Я свято выполнял веления Сечжона —
Благи его дела, верны его законы.

Одну мы знаем честь, одно имеем право:
Все должно посвятить величию державы!

Сечжона больше нет, но навсегда Сечжон
В историю вошел, в великий ряд имен!

По верности своей и долгу своему
Легко отец и сын жизнь отдали ему [{36}](#).

Он кончил — и тотчас встал Ха Вичжи, сидевший на третьем от короля месте.

Нет, не ради награды и чина
Мы за славу державы борцы:
Жизнь свою я отдам господину,
По примеру Бо-и и Шу-ци.

Плоть мертва, но при смертном ударе
Ожил дух, напряженно дыша:
Если беды грозят государю,
Быть спокойной не может душа!

Он кончил — и тотчас встал Ли Кэ, сидевший на четвертом месте от короля.

Как припомню о круговороте
Прошлых дней, так боль ворвется в грудь.
Разве бы по праху брэнной плоти
Сердце загрузило хоть чуть-чуть?

Умирая, я стихи читаю.
В этих строчках — преданность моя.
Пусть двуличье, от стыда сгорая,
Изопьет всю горечь бытия!

Он кончил — и тотчас встал Лю Сонвон, сидевший на пятом от короля месте.

Нет предела боли и досаде:
Где итог моих заветных дум?
Жизнь я отдал только долга ради,
Мысль о славе мне не шла на ум.

Не веду подсчет обид и козней:
Счеты перед вечностью смешны.
В Павильоне мудрых ночью поздней
Книги об отваге не нужны!

Он кончил — и тотчас встал Нам Хёон — вельможа с узкой повязкой на голове. Сняв шляпу и замочив тесемки шляпы в воде, звенящим от волнения голосом продекламировал он такие стихи:

Я открыл глаза пошире, огляделся изумленно:
Все в округе изменила накатившаяся тьма.
Как же это приключилось? Нет бывшего павильона,
А на месте павильона — безобразная тюрьма!

Сердце сломлено несчастьем, переполнен я бедою
Так, что печень разорваться может, кажется, сейчас.
Я предательскую низость проклиная всей душою,
Хлещут слезы, словно ливень, из моих печальных глаз!

Свежий ветер разыгрался над Каштановым селеньем —
Юаньмэй здесь тихо прожил годы поздние свои;
А отроги Шуяншаня лунным залиты свеченьем —
Тут Шу-ци изведal голод, жажду тут познал Бо-и.

Все дела, победы, беды, что в былые дни случились, —
Все в сердцах запечатлелось и в историю вошло,
Чтобы дальние потомки годы долгие учились
В этом опыте печальном различать добро и зло.

Он кончил — очередь была за Вон Чахо. Он встал и со слезами на глазах произнес:

Кто, кому, когда и где
Даст ответ за все, что было?
Не видать в горах людей —
Лишь могилы, лишь могилы...

Нет желаний, и тоской
Сердце поймано в ловушку.
Над душой моей пустой
Плачет жалобно кукушка [{37}](#).

Путь на родину свою
День и ночь ищу бессонно —
И сейчас, когда стою
С вами возле павильона.

Что ты, песня, говоришь
Мне печальными словами?
Шелестя, цветет камыш,
И луна блестит над нами.

Отзвучали стихи — и все понурили головы, опечалились, залились слезами.

И в этот самый миг неожиданно предстал перед ними то ли медведь, то ли тигр — не сразу узнали они знаменитого воина Ю Ынбу. Гигантского роста, с мужественным, цвета меди лицом и глазами, сверкающими, словно утренние звезды, преданный государю, как Вэнь Тяньсян, бескорыстный, как юйлинский Чжунцзы, был он всеобщим любимцем. Приблизившись к королю, Ю Ынбу отвесил полный достоинства поклон, насмешливо

оглядел пятерых придворных и с презрением процедил сквозь зубы:

— Ну, с этими хлипкими мозгляками настоящего дела не сладишь!

Он выхватил меч и стал кружиться в танце, подпевая себе мощным, как колокольный звон, голосом:

Ветра осеннего, ветра холодного вой.
Клен осыпается над ледяною водой.

Вот мой клинок круговой начинает разбег,
Как Семизвездье он блещет, как иней, как снег!

Славя державу, при жизни я бился за двух.
Дух Одинокый, ты кто? Да ведь я — этот Дух!

Сколько желаний! Но все они ныне равны
Мертвому свету в реке отраженной луны.

Вспомнив бывшее, вопрос задаю я себе:
Кто же виновен в печальной и горькой судьбе?

То грамотеи, а паче того — болтуны,
Что погубили величье и славу страны!

Едва он допел до конца, как черные облака затмили свет луны, налетел ураганный ветер, загрохотал гром, с неба низвергнулся ливень. Все повскакали со своих мест, бросились бежать кто куда. Вон Чахо закричал от страха и... проснулся!

О своем сне он рассказал другу — отставному ученому и литератору, известному некогда по псевдониму «Луна над морем», и тот, выслушав его рассказ, с горечью молвил:

— История знает немало примеров, когда страна гибла потому, что правитель был глуп, а придворные его бестолковы. Король, которого ты видел во сне, вроде бы мудр и добросердечен, сановники его — светлые головы и преданы ему всецело, и тем не менее государство его оказалось в беде — какая жалость! Почему же это произошло? Потому, что так устроен мир? Или потому, что так распорядилась судьба? Иначе говоря, все было предопределено Небом или во всем виноват случай? Если верно, что мир устроен и живет по законам Неба, то в конце концов всякое зло должно

быть наказано, а добро вознаграждено. Если же полагать, что миром правит слепой случай, то о причине подобных злоключений догадаться вообще невозможно. Мир необъятен и полон загадок, я могу лишь досадовать и печалиться от бессилия постичь его.

Перевод Г. Рачкова.

История цветов

Царство Глиняный Горшок

Фамилия Доблестного царя государства Глиняный Горшок была Слива, имя — Цветок, а второе имя — Первый По Весне. Родом он с гор Лофу. Один из его предков — Соленая Слива — оказал помощь династии Шан: был мудрейшим советником государю Гао-цзуну — вроде соли и сливы для похлебки, что варилась в котле, и за эту заслугу был пожалован уделом в Глиняном Горшке. Потомок рода Сливы из позднейших поколений был отвергнут чуским сановником Цюй Юанем, который в своей поэме «Лисао» назвал все цветы, кроме него. Тогда этот потомок поселился в городе Усадьба, потому-то все его правнуки здесь и живут.

Прошло несколько поколений, и вот старый князь Айва взял в жены дочь господина Улинского Персика. Она родила ему трех сыновей (в «Шицзине» сказано: «Плодов у персика три»). Доблестный царь был старшим из них. Госпожа Персик от природы отличалась красотой и добродетельностью и в первый день свадьбы навела порядок в своем доме. За это поэт восславил ее в стихах:

Персик прекрасен и нежен весной —
Ярко сверкают на солнце цветы.
Девушка, в дом ты вступаешь женой —
Дом убираешь и горницу ты ^[7].

Однажды госпожа Персик увидела во сне, будто гуляет она у Яшмового пруда и Ванму дарит ей ветку с румяными плодами. Она проглотила их и зачала. В тот день, когда пришло ей время родить, дивный аромат разлился по дому и стоял целый месяц. Люди говорили: «Благоуханное дитя родилось». Сын подрос и расцвел. По природе и свойствам этот цветок был истинное дитя своих родителей, безыскусственный в своей внешней белизне. Он обладал изящной наружностью и сумел унаследовать славные дела своих предков. До близких и дальних донесся аромат его цветения, все оказались под его влиянием, и не осталось таких, которые не пришли бы к Сливе,

поддерживая старцев и ведя за руку детей.

К этому времени тирания Снега стала нестерпимой, и все живое под небом возропало. Тогда владетель Одинокый Бамбук и сановник Сосна, «Пожалованная государем Цинь», выдвинули цветок Сливы и возвели его на престол. Государь установил столицу в городе Усадьба, а царству дал название Глиняный Горшок. При нем царила стихия дерева{38}, вторую луну — время цветения сливы — он сделал началом года, число пять использовал как главное (у сливы пять лепестков), и выше всех цветов ставил белый.

В начальном году правления под девизом «Цветущее спокойствие», зимой, в двенадцатой луне, государь, подобно божественному земледельцу Шэньнуну, ввел обычай приносить жертвы в конце года — кормить всех живых тварей. Он хлестнул красным бичом{39} и узнал, какие травы вредны, а какие полезны. Начальный год правления назвал «Цветущее спокойствие», при этом двенадцать дней считал за целый год, а день называл луной в соответствии с принципом, о котором в «Шицзине» сказано: «Месяцы стали как дни», — и в дальнейшем все пошли по его стопам.

Во втором году правления под девизом «Цветущее спокойствие» царь взял в жены госпожу Корицу и сделал ее государыней. Родом государыня была из Лунного дворца. Она обладала спокойным нравом, отличалась чистотой и целомудрием, слыла искусной рукодельницей, и когда она стала государыней, люди сравнивали ее с чжоуской Тайсы.

Подданный-историк замечает: «Процветание и гибель правящей семьи или царства начало берут от мужа с женой. «Шицзин» воспевает признак обновления царства благодаря образцовой государыне, чей образ явлен в песне «Стебли простерла далеко кругом конопля». Пророчества же говорят о признаке гибели правящей семьи из-за дурной государыни, чьи дела предсказаны в песне «Лук из горного тутта и колчан из стеблей травы в самом деле погубят царство Чжоу». У князя владения Глиняный Горшок была мать Персик, да еще он получил в жены Корицу. Воистину, ему должно было возвыситься!»

На третьем году правления государь пожаловал Черному Бамбуку должность первого министра.

Второе имя Бамбука — «Этот владетель», как некогда назвал его в стихах Ван Сичжи. Родом он из области Сян, что в княжестве Чу. Бамбук

был спокоен в своем зеленом убранстве, полный внутри и потому бесстрастный сердцем, прямой и честный, он не имел желаний, был чист душой и себя умел соблюсти. Прозвали его «Все постигший отшельник». Еще в детстве он переселился с реки Сян в княжество У и стал любимым другом всех игр государя — его бамбуковой лошадкой. Даже Снег, прослышав о его мудрости, пожаловал ему титул «Владельца Одинокого Бамбука» (в танских стихах об этом сказано: [{40}](#) «Студеный снег бамбука наградил»), однако Бамбук отказался от титула. Как только Снег поднял мятеж, он тотчас же выступил перед князем Глиняного Горшка и сказал ему: «Снег очень жесток и приносит много зла народу. Вой его ветров всех заставляет дрожать от страха. Травы хиреют и вянут, подданные мерзнут и голодают. По всей Поднебесной только и слышны стенания погибающих. В стране, лежащей между морей, с надеждой ждут сияния радуги среди туч. У Снега несметные богатства — дворцы из жемчуга и залы из нефрита, но он вот-вот погибнет. Князь, вы, обладая силой воли, источаете несравненный аромат, выдающиеся мужи смотрят на вас с надеждой. Если сейчас вы из своей Усадьбы кликнете незаурядных людей, разве откажется прийти хоть один из них? И я, ваш слуга, хотел бы достичь хоть чего-то и оставить на бамбуке и шелке память о моем имени и скромных заслугах».

Государь Слива был очень доволен и не отпускал Бамбука от себя никуда, говоря: «Без этого владельца не обойтись мне и дня!»

Государь назначил его первым министром и дополнительно пожаловал ему тысячу дворов (есть стихотворение, где сказано: «А дому Бамбука пожалована тысяча дворов»).

Подданный-историк замечает: «В древности, когда возвышались владыки или цари, у них непременно бывали достойные помощники. Действительно, шанский Тан помощь имел от И Иня [{41}](#), который пахал землю в Синье; циский Хуань — от Гуань Чжуна [{42}](#), ханьский Гао — от Сяо Хэ [{43}](#), а Чжаоле — от Чжугэ Ляна [{44}](#). Они встретились друг с другом, как лодка с рекой, как рыба с водой. Государь может требовать от своих помощников успехов, а подданные сумеют до конца проявить чистоту преданных и искренних людей лишь в том случае, если те, которых используют на службе, не ведут себя двоядушно, а назначенные на должность, не вызывают подозрений. Только тогда все дела в государстве увенчаются успехом, а царское имя прославится».

Царь Глиняного Горшка всего один раз услышал речи Бамбука и сразу понял, что тот обладает талантом служить истинной опорой престола. Он назначил его военачальником, целиком полагаясь на его достоинства. Здесь видна недюжинная мудрость государя, который многое сумел совершить;

разве это не превосходно? Из этого ясно, что цари последующих поколений, которые стремились навести порядок в государстве, не назначая на должности мудрых помощников, ничем не отличаются от тех, кто пытается ловить рыбу на деревьях!»

В четвертом году правления под девизом «Цветущее спокойствие» Сосна и Кипарис наконец одержали полную победу над Снегом и за это были пожалованы великими воеводами.

Второе имя Сосны, «Пожалованной государем Цинь», было «Густая». Ее предок получил от первого императора Цинь [{45}](#) титул сановника — вот откуда взялось ее имя. Росту она высокого, но согнулась от старости, носила темную бороду, колючую, похожую на трезубец. Она обладала стойким характером и потому всегда могла служить доброй опорой царскому дому. Даже после того, как все вокруг увяло, Сосна и в одиночестве оставалась неизменной. В эти тяжелые времена только она да Кипарис продолжали честно нести свою службу на границах государства, ни днем ни ночью не покидая своего поста.

Как-то Снег на своей колеснице ночью неожиданно напал на город Усадьба. Оба отважных воеводы надели латы, натянули луки и подняли ввысь свои ветви. Вот так, вздымаясь над каменными стенами, встретили они врага. Их громкий клич и величественная осанка так устроили Снег, что он подъехал к стенам города на своей белой колеснице, запряженной белыми конями, и безропотно сдался. Остальные мятежники были укрощены и повсюду установился порядок. В тот же день на бамбуковых рожках по всему царству протрубили победу и доложили об этом государю. Государь очень обрадовался и пожаловал Сосне звание иянского воеводы, а Кипарису — суншаньского воеводы (говорят, что в Ияне растет могучая сосна, а в Суншани — кипарис-богатырь).

Кипарис Прямой — родом из Вэй, второе имя его — «Приятный». По природе он прям и плодов имел немало. Скромный по натуре, Кипарис никогда не хвастал своими заслугами. Даже одерживая победы над врагами, он каждый раз отказывался от почестей в пользу Сосны. Люди говорили, что у него манеры «воеводы большого дерева».

Государь издал указ о пожаловании титулов Оливе, Прямому Кипарису, Гардении, Старой Сосне, Пальме и Саговнику.

Когда Снег поднял мятеж, почти всех сановников двора окружили враги. Олива, Прямой Кипарис и другие тоже оказались в кольце разбойников, угроза была велика, но они смело выдержали натиск, даже в лице не переменились, и разбойникам пришлось отступить. Государь был

очень доволен и, хваля их стойкость, повелел каждого из них повысить в чине на одну степень.

В пятом году правления под девизом «Цветущее спокойствие», весной, во второй луне, государь возвел в ранг удельных князей своих родственников. Как великий император Шунь, он возвел старшего брата Пестика в сан великого князя удела Би. Младшего — Венчика — сделал князем области Ян, где некогда поэт Хэ Сунь любовался цветением слив. Двоюродному брату — Цветочку — пожаловал титул князя озера Сиху. Здесь когда-то поэт Линь Бу насадил вокруг дома сливовые деревья и воспевал их Цветение. Племянника — Благоухание — государь сделал князем реки Ба: однажды на ее мосту сам Мэн Хаожань сложил стихи о сливе. Остальным родственникам даны были титулы князей второй и третьей степени — всех их не перечесть.

Царский указ гласил: «Увы! Мне даны всего один корень и слабый ствол! Я унаследовал славные дела своих предков и сумел обновить старое царство и наш былой аромат. И вот владею миром — как будто упавшее дерево снова дало росток и высохшая тыква вновь пустила плети. Я ввел законы о пожаловании уделов, дал во владение выделенные вам земли; ступайте каждый в свой удел. Но берегитесь, чтобы земли ваши не поросли сорняками! Да будут крепкими ваши корни, пусть вечно произрастают ваши ветви, пусть во веки веков благополучие воцарится на землях ваших!»

На шестом году правления, зимой, в десятой луне, государь Слива отправился на прогулку в У, поднялся на гору в беседку Цзинтин и велел варвару играть на свирели циньские напевы; государь заслушался, но сильный порыв ветра заставил его укрыться во дворце. Он занемог и решил совершить омовение, но не дожид до рассвета следующего дня — опал. (В стихотворении Ли Бо сказано:

Слышу, варвар играет
на нефритовой флейте,
Половина всех песен —
из Циньского царства...
Свет десятой луны
над горами Ушань,
На беседку Цзинтин
слива цвет свой роняет...)

Государыню Корицу еще в молодости подточили черви, и потомства у нее не было. (В стихотворении Ли Бо сказано об этом:

На червивой корице
не плоды — пустоцветы.)

Тогда Бамбук возвел на престол младшего брата государя, князя области Ян. Это был цветущий царь владения Восточный Глиняный Горшок.

Подданный-историк замечает: «Увы! славные достоинства Доблестного царя цвели пышным цветом. Он взял на службу мудрого первого министра — и в царстве утвердился порядок, дал должности храбрым генералам — и никто не осмеливался тревожить границы государства. Он совершенствовал нравы, не наказывая, побеждал, не предпринимая военных походов. Государь всегда жаловал родственников — и тем умножал любовь и милосердие, хвалил добродетельных и верных престолу — и тем утверждал свое нравственное влияние. Даже не скажешь, что идеальное правление древних династий Инь и Чжоу было совершеннее. Но Доблестный царь основал государство в ту раннюю пору, о которой дошли лишь скудные сведения, и провел на престоле немногие годы. О его прекрасных речах и благих деяниях, к сожалению, немного можно узнать из книг, написанных на бамбуковых дощечках! Разве не жаль?»

Царство Восточный Глиняный Горшок

Цветущего царя звали Венчик. Он был третьим сыном старого князя Айвы (владелец Би — Пестик рано скончался, поэтому и не стал государем).

Еще в детстве Доблестный государь, играя с братьями, нарвал листьев павлонии и пошутил: «Этим я жалую вас!» Когда государь вступил на престол, он сразу же выбрал самые тучные земли Поднебесной и, разделив их, пожаловал двум своим братьям. Князя области Ян государь особенно любил. Он каждый день приходил во дворец, и они вместе поднимались на башню Цветочного Венчика, пировали и веселились. Государя

Доблестного звали Цветок, а Цветущего — Венчик, поэтому башне дали их имена.

Провожая брата в жалованные земли, государь подарил ему стихи о разлуке:

В радости
соединяем ветви,
В горести
роняем лепестки.

Вот так искренне они любили друг друга!

В начальном году правления под девизом «Равновесие и гармония», весной, во второй луне, государь перенес столицу в Восточные истоки. Тогда первый министр Бамбук доложил государю: «Покойный государь, основав династию, построил столицу в этом прекрасном городе. У него есть естественная защита от врагов, а вокруг — плодородные нивы. Правда, земли здесь маловато, но столицу должно было основать именно в этом месте. Не таковы Восточные истоки. На новую столицу легко могут напасть враги, а ведь известно, что только столица, обладающая достоинствами, будет процветать, если же у нее их нет, она легко погибнет. Теперь обратимся к древности. Во времена Чжоу, например, после того, как столицу перенесли в Дунду — Восточную столицу, несчастья одно за другим обрушивались на страну. И в правление династии Хань, когда столицей стал город Дунцзин — Восточная столица, повсюду в царстве начались мятежи. Эти примеры могут послужить уроком!»

Но государь и слушать его не стал. «Я хочу переехать на восток. Разве можно жить в таком захолустье?» — твердил он.

И с этого дня столицу перенесли, а царство называли Восточный Глиняный Горшок. Первая луна стала началом года. Старому князю Айве посмертно дали титул Великого государя, а по всей Поднебесной объявили амнистию.

В третьей луне государь отправился в Восточную палату и сам экзаменовал на чин Хэ Суня, Мэн Хаожаня, Линь Бу, Су Ши. Заглянув в сочинение Линь Бу, государь прочел:

Тени косо легли вдалеке
у прозрачной воды.

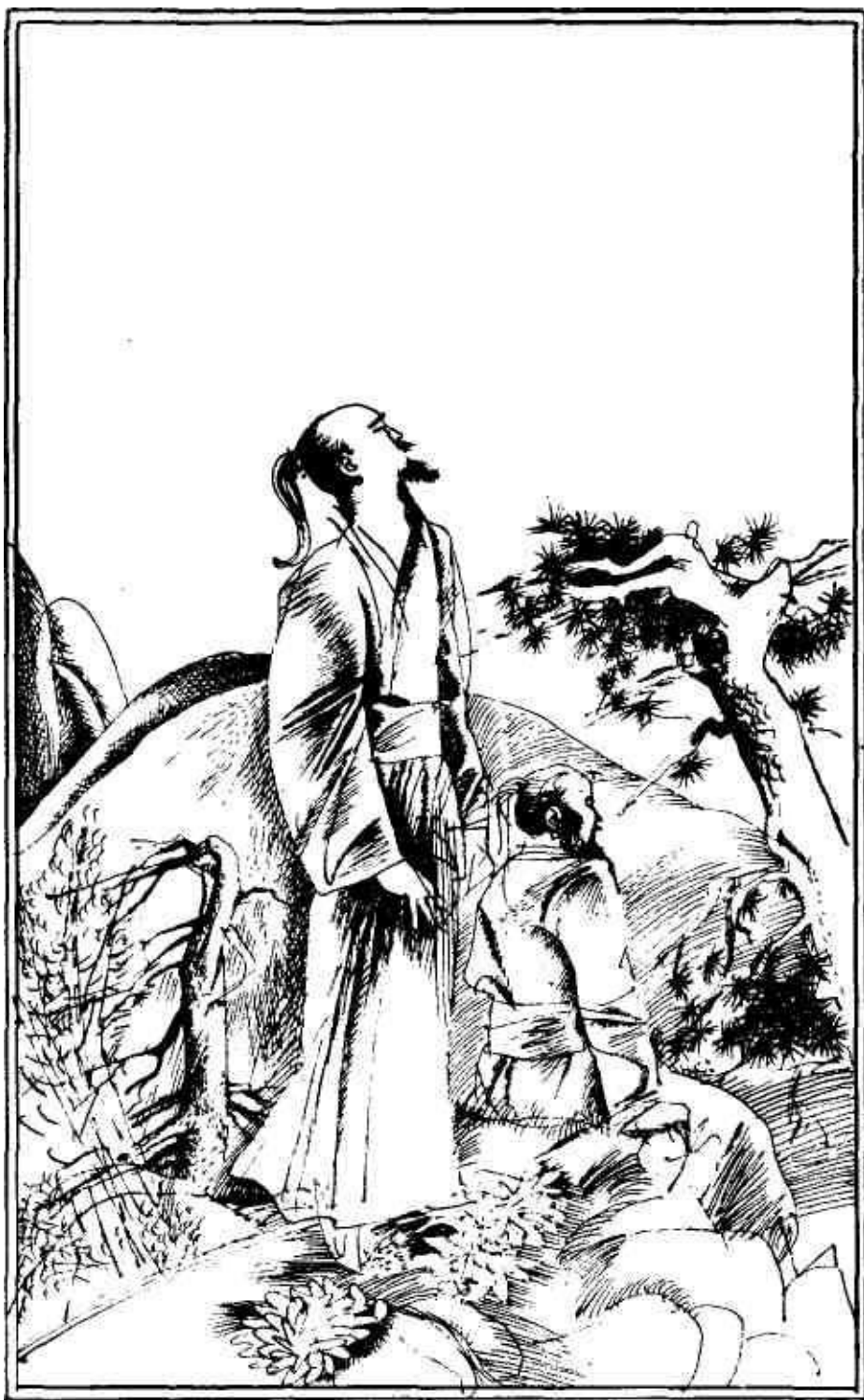
И плывет в темноте аромат
при вечерней луне.

Прочитав эти строки, государь вздохнул: «Да, поистине, такие таланты способствуют расцвету государства!» — и объявил Линь Бу первым среди экзаменовавшихся. В знак его победы сломали ветку цветущей корицы и украсили голову победителя цветами. (Все четверо писали стихи о сливе, но при обсуждении лучшими были признаны стихи Линь Бу.)

В третьем году правления уволили в отставку Бамбука. Первым министром назначили Сливу по имени Нефритовая Звезда. Мечтая захватить власть при дворе, он послал Бамбуку насмешливое письмо: «Как четыре времени года уходят, сменяя друг друга, так уйдет и тот, у кого есть заслуги!» Бамбук понял смысл этого письма и в тот же день, надев соломенные сандалии, с бамбуковым посохом в руке вернулся в свою хижину, крытую травой. Остаток жизни он решил провести среди сосен, вблизи родовых могил. Перед тем как отправиться в путь, он написал стихи для Сосны и Кипариса, а в них было сказано:

Сосна и кипарис
сильны, вольнолюбивы —
Как жить им
рядом с персиком и сливой?

Министр Слива об этом узнал и, разозлившись, наклеветал государю: «Бамбука называют совершенномудрым, а он втайне держит у себя войско, и я подозреваю, что он вам неверен». (Ли Чэн в эпоху Тан был ложно обвинен в том, что прятал войско в бамбуковой роще.) Государь поверил клевете и изгнал Бамбука в Хуанган, где издавна жила вся его бамбуковая родня. Слива был возведен в сан первого министра.

Второе имя Сливы — Звезда (Нефритовая Звезда — название пятой звезды Большой Медведицы. Это символ чистоты сливового цвета). Он вел свой род от коварного министра танского Китая Линьфу по фамилии Ли — Слива, был подозрителен и очень хитер. Люди говорили, что у Сливы характер его предка.

Подданный-историк замечает: «Если у государя появляется склонность к излишествам, на государственные посты выдвигаются низкие люди. Если советы по-настоящему преданных подданных встречают враждебно, то благородные люди уходят в отставку. Разве может не увидеть в этом предостережения для себя тот, кто стал государем? Некто спросил у меня: «Черный Бамбук был старейшим в государстве, а вот услышал насмешку в суждениях Сливы и, поразмыслив, уйти или остаться, ушел, даже не дождавшись конца дня. Не поступил ли он как вспыльчивый человек?» Я ответил: «Нет! Разве Черный Бамбук принял свое решение из-за одного только намека Сливы? Наверно, это произошло потому, что Слива воспользовался благоприятным случаем в самом начале, когда государь решил перенести столицу, и оклеветал Черного Бамбука под видом честного увещания государя. Вот потому он и ушел». Разве эти дела при дворе не напоминают нам строки из «Оды о клеветниках» в «Шицзине»?

Причудливо вьется прекрасный узор —
Ракушками тканная выйдет парча.
Смотрю я на вас, мастера клеветы!
Давно превзошли вы искусство ткача^[8].

А разве Черного Бамбука не оболгали, как в той давней истории, где человека так оклеветали, что даже любящая мать поверила в его вину, и вот Черный Бамбук, подобно Конфуцию, предпочел уйти из-за малой провинности, чем удалиться просто так, ни с того ни с сего».

В четвертой луне убили придворную даму Персик — «Прекрасную, нежную».

Государыня — госпожа Слива — была любимицей царя. Но вот во дворце появилась «Прекрасная, нежная», ярко засверкала ее красота. Государыня сразу возненавидела ее и от этого даже занемогла. Государь был раздосадован, но, чтобы утешить сердце государыни, пришлось ему отдать повеление убить «Прекрасную, нежную».

В этой же луне супруга государя тяжело заболела и скончалась во дворце Весенних трав. Государь горевал о покойной бесконечно, целыми днями он в загородном дворце курил благовония ее духу и жег сон-траву, чтобы навевала грезы о ней. Государыня была младшей сестрой первого

министра — Нефритовой Звезды. А ведь еще прежде, когда государь только воспел в стихах изящество Сливы, Бамбук увещевал его, говоря, что не годится брать жену одной с ним фамилии, но государь не послушал его и сделал Сливу государыней. Слива обладала мудростью и многими достоинствами. Как-то раз государь подарил ей прекрасную жемчужину, необычайно крупную, но она отказалась и не взяла ее. Вот такая она была. А когда государь полюбил знатную даму Тополь, то Слива, потеряв его расположение, скончалась от горя во дворце Весенних трав. Государь скорбел о ней и сам сочинил эпитафию.

Государыней сделали знатную даму Тополь. Она была красавицей, и люди прозвали ее «Спящий цветок шиповника». Любовью царя пользовалась и «Летающая ласточка», которая отличалась необыкновенной грациозностью и прекрасно танцевала.

Белый Мотылек сочетался браком с царевной Шоуян, украшенной цветами сливы. (Белый Мотылек — это большая бабочка.) Царевна Шоуян некогда ввела в моду украшение из цветов сливы, а один поэт, кореец, написал стихи, где есть такие слова: «У цветов женихи — мотыльки!»

Второе имя Белого Мотылька было «Порхающий», родился он в Саду лаковых деревьев, где некогда служил тот самый Чжуан-цзы, который никак не мог понять, то ли ему снится, что он мотылек, то ли мотыльку снится, будто он Чжуан-цзы. Он был необыкновенно легкомысленным и всегда носил только белое платье.

Правителем Золотой крепости был назначен Тополиный Пух. Второе имя его было «Белый цветок», и приходился он двоюродным братом самой госпоже Тополь. С юных лет Тополиный Пух был бродягой, нарушавшим все законы, хаживал в места развлечений, и распутники считали его своим главой. Люди того века, глядя на него, говорили: «Как в древности Чжан Сюй славился своей душевной красотой, так и нынче у нас Ян Сюй — Тополиный Пух — знаменит своим беспутством!» Как свойственник государя, он получил хорошую должность в большом округе, высокие посты были пожалованы всем его близким родственникам. Дом его процветал. Краткий расцвет могущества этой семьи можно сравнить лишь с возвышением танского Гочжуна.

В пятой луне бывший министр Бамбук скончался в изгнании. И Сосна, и Кипарис были в это время уже в ссылке — пали старые и преданные престолу сановники Глиняного Горшка. Вскоре уж ни одного не останется!

Подданный-историк замечает: «По природе своей царь был скромн и прост и править начал мудро, но вот когда Слива стал первым министром, а супруга Тополь завладела сердцем государя, воля его стала слабеть. Сперва государь поощрял строительство — тогда возвели Великую стену, устроили сады, соорудили дворец «Рассеянный аромат», сделали чашу для собиpания росы. Прежде, когда только перенесли столицу, царский дворец был крыт камышом, а его ступени насыпаны из земли. Ныне же террасу украсили жемчугом, а ступени сделали из нефрита. На всем заметны были следы необычайного расточительства. Подданные — от высших до низших — один перед другим старались следовать только моде, пышность и благоухание ценились превыше всего. Льстивым оказывали покровительство, смотрели косо на тех, кто старался сохранить собственный аромат. В годы под девизом «Равновесие и гармония» управление пришло в упадок».

В четвертом году правления варварское племя Желтых Ос — любителей меда, обитавших в пещерах, — собpало шайки и подняло мятеж. Желтые Осы были особым родом варваров сюнну. Они двигались в Срединное государство с гор Куньлунь и неожиданно появлялись даже в самых уединенных местах горных ущелий. Разбойников этих называли «Внезапно нападающими». Их атаман был весьма искусен в военном деле, дважды в день он объезжал свои лагеря и поддерживал в них строгую дисциплину. Разбойники умело обращались с оружием, их шайки поднялись повсюду роем. Уходя из городов, они грабили все подряд, а захватив, первым делом укрепляли стены. Люди боялись их копий-жал и не смели сопротивляться.

Кукушка, владетель Шу, объявил себя императором, а некто Пион из области Ханчжоу самовольно занял царский престол и свою династию назвал Лето.

Белый Мотылек совершил преступление и был казнен. Мотылек умел хорошо танцевать, и государь за это его очень любил. Тогда он представил ко двору своего друга — певца Иволгу, которого прозвали «Княжич в золотистом платье». Голос Иволги был чист и так хорош, что им можно было заслушаться, и государь полюбил его всей душой. Каждый день певец Иволга веселился и пировал во внутренних покоях дворца в компании с поэтами, гетерами, актерами и разными бездельниками. Он умел исполнять лучшие напевы того времени: «Нефритовые деревья» и «Цветы в женских покоях». Эта пара всегда была возле государя, и люди говорили о них: «В желтом платье — княжич, а в белом — нефритовый

баловень». Мотылек, завладев любовью государя, стал заносчивым. Вместе со всей своей компанией он шатался по дворцовым флигелям и даже оставался на ночь в женских покоях. Но тут открылось, что придворные дамы Мак, Недотрога и Петушиный Гребешок предались распутству, а Мотылек был у них вместо сводни. Он понял, что не избежать ему за это наказания, и тут же вместе со всей компанией перепрыгнул через дворцовую ограду и бросился бежать, но сторож при дворцовых воротах Паук изловил их в паутину и придушил. (Люди того времени прозвали Паука стражем-охранителем.)

В третьей луне за совершенные преступления был смещен с должности и погиб первый министр Слива.

После смерти государыни любимой женой стала знатная дама Тополь, а министр Слива потерял былое могущество. Он злобствовал, недовольный, и государь, узнав об этом, повелел отстранить его от должности, а после послал ему приказ покончить жизнь самоубийством.

Летом в четвертой луне разбойники из пещеры напали на Восточную столицу. «Летающий полководец» Слива атаковал их, но потерпел поражение и был взят в плен. Тогда правитель Золотой крепости Тополиный Пух послал тысячу с лишним человек под командой своего военачальника Урагана. Ураган разметал в стороны и уничтожил всех разбойников. За это государь пожаловал Тополиному Пуху звание генерала. Он стал укрепленным лагерем среди тонких ив. Иволга часто навещал его здесь.

Тополиный Пух в душе был неверным подданным. При дворе он постоянно соперничал со Сливой (об этом сказано у Ли Бо:

Тополь и слива
весною — соперники),

но из страха перед государыней никто не осмеливался даже заикнуться об этом. Тогда родственник государя военный начальник уезда Наньчан Сливовое Счастье подал государю такую грамоту: «Я вижу нынче предвестников смуты и гибели. Ростки травы так же опасны для многоярусной башни, как огонь для дров, как ураганный ветер для глади озера. Теперь темное и светлое начала утратили равновесие, ветры и дожди бывают не вовремя. Случаются удивительные вещи: на деревьях

появляются человеческие лица, вырастает трава, похожая на древко флага. Что значат эти знамения? Генерал Тополиный Пух занимает пост первого министра. Он связан родственными узами с государыней и, пользуясь своим положением, совсем распоясался. Кичась былыми заслугами, он ведет себя надменно, заносчиво. Беда близка, со дня на день может начаться смута. Вы, государь, не видите ее признаков, но я хочу, чтобы вы постарались вникнуть в ее предзнаменования. Еще я хочу обратить ваше внимание на то, что у вас нет хороших военачальников, а за пределами государства много врагов. Вот владелец Шу объявил себя императором, а Пион из Летнего царства превысил свое положение вашего подданного. Стали непочтительными любители меда из пещеры — они осмелились отделиться от нашего государства. Это значит, что наша страна в большой беде, несчастья проникли даже во дворец. Вы, государь, должны заранее принять меры, чтобы потом не каяться. Я, ваш подданный, притулился у мудрого двора государева, дождями и росами изливалась на меня ваша благосклонность. Я вкушал от ваших милостей и потому теперь, не в силах совладать с искренними чувствами, решился изложить свои мысли. Почтительно осмелюсь надеяться, что совершенномудрый государь снизойдет до моего недостойного послания».

Сливовое Счастье доложил это письмо государю, но тот оставил его без внимания. Тогда он, уверенный, что скоро вспыхнет мятеж, переименовал фамилию и имя, назвавшись Желтая Слива (в горах есть дерево с желтыми цветами. Оно расцветает ранней весной, в простонародье его называют Желтая Слива), бежал в горы и остался там.

В пятой луне (в тексте ошибка: нужно — год) Тополиный Пух послал своего военачальника Урагана убить государя в крепости у реки.

Ураган был родом с горы, известной под названием «Ветер пустынных просторов». Он был одной фамилии с государями Цинь и вел свой род от самого Повелителя Ветров. Ураган обладал необыкновенной силой — мог сломать дерево и даже снести дом, а от громоподобных звуков его голоса замертво падала тысяча человек. Вот за это и сделал его Тополиный Пух начальником дворцовой гвардии. Солдаты и офицеры этой гвардии стояли, как лес, а нападали, будто ливень. С ревом ворвались они в Восточную столицу и, словно смерч, перевернули там все сверху донизу. Государь выскочил из дворца и помчался в крепость у реки, там в пятой луне он и умер — опал. В танских стихах есть строки:

В пятой луне,
в крепости возле реки,

Слива роняла
свои лепестки.

Вместе с государем погибли сотни чиновников. Супруга Тополь выбежала за ворота города, но нечаянно упала в грязь и завяла.

Так, от государя Доблестного до государя Цветущего царство Глиняный Горшок просуществовало всего одиннадцать лет и погибло. Ураган выдул потом из царства самого Тополиного Пуха, а на престол возвел Пиона, который стал называться Пышным государем царства Лето.

Подданный-историк замечает: «Цветущий государь перенес столицу на восток, при этом он, конечно, думал о процветании государства. Однако распутство и расточительность в конце концов погубили царство. Поистине, Бамбук предвидел все точно, будто прорицатель».

А еще историк говорит: «Все правление Цветущего государя удивительно напоминает царствование танского Сюань-цзуна. Коварный Слива похож на Линьфу, а Тополиный Пух своим неистовым нравом сходен с Ян Гочжуном. Нашествие любителей меда из пещеры можно уподобить вторжению туфаней из Тибета, а действия Урагана — мятежу Ань Лушаня. Отстранение супруги Сливы и страсть к госпоже Тополь, просвещенное правление вначале и последующее падение нравов напоминают годы правления под девизом Кай-юань и смуты годов Тяньбао. В чем причина такого сильного сходства? Быть может, вот в чем: в одном году двенадцать лун, и если рассматривать их, исходя из числа двенадцати периодов, обозначенных циклическими знаками, то третья луна как раз придется на период под знаком «дракона». Если же подсчитать годы, проведенные на престоле государями Тан, начиная с императора Яо {46} и далее, то они тоже остаются в пределах периодов под знаками «дракона» и «змеи». Не потому ли события, происходившие при династиях Глиняного Горшка и Тан, были таковы, что их установленные судьбой числа — циклические знаки — совпадали? Люди, которые впоследствии заметят это сходство, в душе скажут себе, что писавший в то время историю Глиняного Горшка рабски копировал ее, — как говорится, «рисовал тыкву по готовому образцу». Поэтому я написал это в надежде, что найдется когда-нибудь человек, который поймет истину».

Пышный государь царства Лето имел фамилию Яо — Красивый, имя — Желтый, второе имя — Красный. Родом он был из Ханчжоу. В глубокой древности какой-то небожитель пришел с острова Хайнань и поселился в уединении на реке Шелковице. Его потомок Красавец Пион прославился в тот век, а несколькими поколениями позже появился мудрец Гортензия, который и стал отцом государя. Пышный родился в начальном году правления под девизом «Равновесие и гармония» в деревне, на востоке от запруды. В детстве он обладал необыкновенными природными качествами, а когда подрос, лицом стал будто влажная киноварь; его внешность привлекала взоры окружающих. Старики в деревне всегда хвалили его. (В одной деревне в Ханчжоу под цветком пиона нашли каменный нож, а на нем были написаны стихи, прославляющие этот цветок.)

К концу династии Глиняный Горшок, когда в моде были безудержная роскошь, один только Желтый скромно прятал свои яркие краски. Как-то раз он отправился на прогулку в горы Лофу и увидел, что дерево слива загораживает ему дорогу. Тогда Пион вынул меч и срубил его. Позднее случилось ему снова прийти сюда. Смотрит, какая-то красавица в траурном платье, не нарумяненная, плачет у дороги: «Сын мой был Белым императором, а теперь Красный государь его срубил!» Только проговорила — и тут же исчезла. Желтый обрадовался и почувствовал уверенность в себе. В правление танского Мин-хуана, когда из провинции в столицу Лоян была послана дань (в правление Мин-хуана государю прислали в дань пион), Пион перебрался в Лоян и все еще жил там, когда царство Глиняный Горшок погибло. Ураган вместе с сановниками пригласили Пиона на царство и поднесли ему грамоту: «Пав ниц, взываем к вам! Вы, государь, выделяетесь среди еще не распустившихся цветов, ваши таланты и знания пышно разрослись среди других растений. Нынче в садах есть добрые знаки на персиках и сливах — в свое время такие же знаки предрекали возвышение династии Тан. На земляных ступенях появились благие знамения — волшебные деревья, а раз так, у кого же не появится желание почтительно поддержать нового императора Яо! Все мы, подданные, уповаем на вас, следующего по пути Неба. Почему бы вам не согласиться на то, чтобы начать действовать в соответствии с летним временем и не основать Летнее царство?»

Пион вступил на престол, столицу установил в Лояне. При нем царила стихия земли, началом года он сделал четвертую луну — время цветения пиона, а из цветов выше всех ставил красный.

В начальном году правления под девизом «Сладкая роса», летом, в четвертой луне, государь устроил во дворце Южного тепла утренний прием для подданных. На прием прибыли князья Копытень, Гранат, Тунг, Кипарис и Вика, владетельные князья областей, поросших ивой, мохом, периллой, катальпой, персиковых и коричных рощ. Все они пышно разрослись, и каждый нес в руках дары своих земель. Они прибыли из девяти сот с лишним владений. Царский дворец весь так и сиял от жемчуга, нефрита, золота и парчи. Государь в их честь устроил пир и сам исполнил песню «Густая роса».

Урагану был пожалован титул «Повелителя Ветров», к тому же его одарили фамилией Южный. В государевом указе по этому случаю значилось: «Повелеваю тебе посылать народу только тепло и дуть только вовремя, чтобы каждый получил то, что должно. Да будут твои порывы своевременны, отправляйся в свой удел и будь почтителен! Будь почтителен!»

Пурпурный Пион стала государыней, а Бутон — супругой и приближенной служанкой при особе государя. (В стихах Лю Цзяня сказано:

Белый Пион —
моя вернейшая служанка.)

Тогда на пост первого министра назначили Золотой Пояс. (Золотой Пояс — другое название Пиона.)

Второе имя Пиона — Поздняя Весна. Он был одного происхождения с государем, но из разных родов. Жил он в Гуанлине. Однажды в этом городе появился необыкновенный цветок, который не давал семян. У него были красные листья и золотистая талия. Тогда кто-то понимающий сказал: «Из него выйдет когда-нибудь мудрый министр». И вот Пион действительно стал первым министром. Люди того времени называли его министром цветов. В стихах Ян Чэнчжя сказано:

Как хорошо, когда в царстве цветов
министром назначен цветок!

Во втором году правления государь указом повелел разыскать потомков династии Глиняный Горшок. Нашли внука Цветущего царя —

Нефритовую Сливу. Ему был пожалован титул князя и велено было приносить жертвы государям Глиняного Горшка.

Когда династия Глиняный Горшок пала, все родственники царской фамилии были рассеяны ветром. Только Нефритовый уцелел — он в свое время переименовал имя, назвался Нефритовой Сливой (в народе идет молва, будто у нее, как у проса, из-за листьев цветов не видать. Это говорит о том, что нефритовая слива непритязательна, а ее цветы без запаха). Он укрылся в захолустье. Хотя первоначальный вид у него сохранился, но весь облик стал уже не тем.

Государь учредил Приказ кипарисов, Палату софоры, Палату лагерстремий и Книгохранилище полыни и лебеды. Целый лес славных деревьев вошел в Академию. Всюду на должности в этих палатах он назначил литературно образованных, праведных и честных ученых. Выдающаяся Бамбуковая Палочка обладала талантом историка — она имела кисть на своем кончике и потому возглавила Академию. У Терновника была манера колоть и язвить врагов и остерегать подданных от дурных поступков; ему поручили Приказ кипарисов. Рододендрон отличался скромностью и уступчивостью, а защищающий себя Подсолнечник (в «Цзочжуани» сказано, что подсолнечник может защищать от солнца свой стебель листьями) был настолько честен, что всегда смотрел прямо на царский солнечный лик. Они были в состоянии любить государя и поддерживать его достоинства, потому он назначил их в Книгохранилище полыни и лебеды. Тогда при дворе наступила «чистота и ясность». Правила поведения и музыка того времени заслуживают, чтобы во всем блеске поведать о них потомкам.

Груше был пожалован титул князя Шао — ведь под ее ветвями некогда творил суд правитель Шао, а Тут получил должность правителя Хэнъяна: в этом уезде с давних пор повелось так, что при добром правителе туты росли необыкновенно пышно.

В восьмой луне государь отправился во дворец Сельдерей и принес овощи в жертву богу — изобретателю музыки. Пригласив ученых, он толковал и обсуждал с ними классические сочинения. На Абрикосовой террасе, где некогда сиживал Конфуций, и на рыночной площади под софорой собирался целый лес ученых растений, и среди них — Пышная Полынь и Дубы. Расцвет их мудрости служил прославлению царства.

А в это время в уединении жил отшельник Орхидея. Государь призывал его ко двору, но он отказался.

Второе имя Орхидеи было «Растущая», а прозвище — «Наставник с

девяти полей». Отшельник отличался стремлением к уединенной жизни, не искал службы, но слава о нем облетела и близких, и дальних. Он дружил с Красным Борщевиком, который, как знаменитые четыре старца, жил отшельником в горах Шаньшань. Второе имя Борщевика было «Яркий», а прозвище — «Наставник, трижды цветущий». Всякий раз, что они с Борщевиком жили вместе в одном доме, они благоухали одинаково. Их привязанность друг к другу стала известна в мире как дружба Борщевика и Орхидеи. Государь трижды приглашал их ко двору, послал им в дар тюки шелка и камышовые носилки, но они все же отказались и отправили на службу своих учеников — Волшебную Траву Цюйи, Триллума, Солодку, Гвоздику и Желтую Лилию. Второе имя Волшебной Травы было «Указывающая льстеца», Триллума — Аир, Солодки — «Хвост Феникса», Гвоздики — «Узорное платье», Желтой Лилии — «Трава забвения печали». По природе все они были честными и прямодушными, не признавали пустой цветистости. Гвоздика и Желтая Лилия вместе процветали на службе, и обе всячески способствовали усилению мощи государства. «Траву забвения» называли еще «Мать»; он был чрезвычайно почтительным сыном и прислуживал матери в северном зале, ни разу не покинув ее. Царь хвалил траву за то, что она от природы такая преданная.

В третьем году правления сослали Шиповника в Большие пески.

Некогда, еще во времена Восточного Глиняного Горшка, жил Улинский Персик, который происходил из знатной семьи. Потомки его пышно расцвели. Все они приходились родственниками государю по женской линии, были расточительными не в меру и даже прославились этим. Среди них только Белый Персик оставался безупречно чистым. Он позже других познал жизнь в пышном цветении и вместе со своим другом Сливой был одинаково хорошо известен людям своего времени. А еще они прославились тем, что Цветущий царь их очень любил и сделал приближенными к своей особе чиновниками.

Жила тогда же и некто Ива, которая вела свой род по женской линии от тех самых ив из Вэйчэна, воспетых в стихах поэтом Ван Вэем. Иву еще называли «Юной». В молодости, в расцвете славы она затмевала самих Персиков. Люди вокруг расхваливали кто Иву, кто Персиков — вот так они все разделились в конце концов на партии: Красных и Белых. А в одном роду нашлись такие, что стояли посередине, не склоняясь ни к тем, ни к другим. Их называли партией третьего цвета — Желтыми. При дворе возвышали то одну, то другую клику, а Цветущий государь не мог положить этому конец, оттого эти партии и продолжали существовать. Да

и сам государь принадлежал к Красным и старался брать на службу только сторонников своей партии. Это обеспокоило Пиона и Подсолнечника, и они, сговорившись, решили указать государю на необходимость сохранять равновесие между Красными и Белыми, а не отдавать предпочтение только тем или другим. Тем не менее Белые пышно разрослись. Шиповник даже запах потерял с досады, он язвил и своими злыми остротами колол всех придворных (имеются в виду уколы его шипов). Пион обличил его, и Шиповник был сослан государем. Из Желтой партии тоже кое-кого выслали за стены столицы. Их стали называть «Изгнанные за ограду».

Подданный-историк замечает: «Белая и Красная партии, принесшие немало вреда государству, не отличаются от танских Нью и Ли или сунских лоянцев и ичуаньцев. Министр Пион оказался способен упорно хранить между ними согласие и сделать так, чтобы при государевом дворе было радостно и спокойно. Поистине, он, что называется, обладал талантом первого министра. Разве могут не брать с него пример те, кто в будущем займет должность главы всех чиновников!»

А еще историк замечает: «Танский Вэнь-цзун часто говорил: «Избавиться от разбойников, обитающих к северу от Хуанхэ, легко; вот избавиться от партий при дворе — это трудно». Каждый раз, когда я, читая историю, доходил до этого места, я неизменно прикрывал рукой свиток и горестно вздыхал. Если говорят, что бедствия борьбы дворцовых партий несравненно хуже, чем непокорность и смуты, то можно сказать, что и партии разгромить труднее, чем обуздать разбойников. Но может ли такое быть? Если уж государь династии Лето, имея всего лишь одного достойного человека у себя в помощниках, сумел навести порядок в государстве и добиться согласия и умиротворения, то тем более может это сделать мудрый государь, который правит людьми своего поколения, превыше всего ставя умиротворение народа, и добивается этого, следуя по истинному пути государя. По этому поводу в «Шуцзине» сказано: «Без личных пристрастий, не оказывая предпочтения ни одной партии, шествуй по истинному пути государя», а в «Луньюе» записано: „Внутренние качества благородного мужа — это ветер, внутренние качества низких людей — это трава, а как может не склониться трава, если на нее подует ветер?“».

В пятом году правления прибыл ко двору Повелитель Ветров. Он удостоился более милостивой встречи, чем другие, хотя его появления и отъезды всегда были непостоянными.

Однажды государь спросил у приближенных сановников: «Что за

человек этот Повелитель Ветров?» Министр Пион ответил: «Он переменчив и непостоянен. Когда радуется — дует нежно, а как разгневается — может сломать. Это, как говорится, одаренный сановник, способный навести порядок в мире, и вместе с тем — коварный подданный, который может посеять смуту. Разве вы не были свидетелями событий в речной крепости?» Государю от этого стало не по себе, он решил взять в жены младшую дочь Повелителя Ветров — Легкий Ветерок — и дал ей придворный чин «талантливой искусницы». С этого времени государь не стремился часто бывать при дворе, перестал заниматься делами правления, праздная лень овладела им. Он занимался тем, что разыскивал по всей Поднебесной причудливые камни, чтобы сложить из них гору, и, осуществив свою затею, посадил на горе необыкновенные деревья и травы. У ее подножия всегда клубились озаренные солнцем голубые испарения и туманы. А еще государь велел построить терем, благоухающий всеми ароматами, а вокруг него — балюстраду, украшенную драгоценностями. Все постройки он приказал отделать алойным деревом, жемчугом и бирюзой. Сооружал он их по примеру Ян Гочжуна. Он устроил во дворце собрание всех цветов, ими украсил ширмы и полог — и это была традиция, унаследованная от династии Тан.

Подданный-историк замечает: «О, как сильно красавицы вредят людям! Когда они проникают в сердце, сила его иссякает. Когда они овладевают плотью — она умирает. Когда они властвуют в семье — ей приходит конец. А уж если они верховодят в государстве — оно неизбежно гибнет. Из-за них предаются безмерной расточительности, из-за них появляется привычка к роскоши, нерадивости и беззаботности, из-за них возникает пристрастие к лести и ненависть к честности, из-за них в царстве властвуют дурные правители, алчущие богатства и тиранящие народ. Можно ли не остерегаться такого? Как же не проявить здесь осторожность? Даже Пышный царь, государь выдающийся, мудрый, в последние годы жизни вел себя подобным образом! А раз вообще не было таких, кто не страдал бы от красавиц, то поистине не стоит удивляться сушеному мясу на лесных деревьях, развешанному по приказу государя Гуя династии Ся, и играм с пестрыми цветами при императоре Гуане династии Суй».

В том же пятом году правления был предан смерти увещающий сановник Терновник.

Терновник был суров и прям и часто этим досаждал государю, а толпа придворных хотела его извести. Нашелся и клеветник: «У Терновника,

конечно, репутация прямого и честного подданного, и духом он силен (имеется в виду сила его аромата), но ведь он долго жил в укромном уголке и, говорят, часто брал взятки — прямо опутался золотом и серебром». (Есть цветок под названием «Золото и серебро». У него длинные плети.) Государь пришел в великий гнев и казнил Терновника. Большинство людей, тяжело вздыхая, жалели о нем.

Разбойники из Зеленого леса — «Зелень листвы» — подняли мятеж. Не прошло и полного месяца, как народ Поднебесной эхом откликнулся на их призыв. Примкнуло к ним и много сторонников Белых и Красных.

Дочь Повелителя Ветров была хитра по природе и умела пускаться на разные уловки.

Государь был очень ею доволен и весь так и расцветал в улыбках. Подсолнечник увещевал его: «Повелитель Ветров утром покорен вам, а вечером бунтует. Он непостоянен, подвластен частым переменам. Младшая дочь его ревнива (говорят, что ветер всех ревнует к цветам), близость ее опасна. А еще она вместе со своими тетками со стороны матери — восемнадцатью ветрами — задумала вам навредить. Будьте осторожны, государь! Я, ваш подданный, глубоко озабочен переменами, которые произошли с вами, — еще вчера у вас было румяное лицо, а ныне вы совсем постарели!» Государь только посмеялся в ответ.

В шестом году правления, летом в пятой луне, государь гулял в дворцовом саду, и вдруг его укусил дикий олень. (В правление танского Мин-хуана дикий олень забежал в дворцовый сад и сломал пион.) Легкий Ветерок воспользовалась моментом и подала ему ядовитое снадобье. Государь выпил его и тут же скончался — осыпался. Он царствовал шесть лет — и великое Лето кончилось.

Пион и Подсолнечник подняли войска, чтобы покарать Повелителя Ветров, но не смогли предать его смерти. Уничтожив Летнее царство, Повелитель Ветров возвел на престол правителя Коричной области (так звали младшего брата Пышного царя). А к этому времени необыкновенно разрослись разбойники из Зеленого леса, и в Срединном государстве пошла смута за смутой. Поэтому те, что поют хвалы достоинствам и заслугам царя, не присоединились к новому государю. Тут в озере Цяньтан взошел на трон государь, живущий в воде, — Лотос. Он стал Мудрым царем династии Южный Пруд. (Правитель Коричной области не пробыл на престоле и года, как погиб в смуте, учиненной Зеленым лесом. Так что династия Южный Пруд была законным преемником престола.)

Царство Пруд

Фамилия Мудрого царя государства Пруд — Белый, имя — Лотос, а второе имя — Ненюфар. Его предок отличался высоким ростом — он был длиною в десять чжанов, жил отшельником на Хуашань — горе Цветов. Отца государя звали Лотосом, и обитал он в горном ручье Жое, а мать его звалась Водяной Лиливей. Однажды она увидела, как раскрывает цветы благовонный аир, а над ним появляется странное сияние. Лилия проглотила его и от этого зачала. После она родила государя. (Мать лянского императора У-ди, госпожа Чжан, тоже однажды увидела, как раскрывает цветы благовонный аир, а окружавшие ее люди ничего не заметили. Она проглотила цветок, от этого зачала и родила императора.)

Лицом и всем обликом Лотос был прекрасен, как женщина, и всегда стремился подняться над мирской пылью, удалиться от суеты. Лотос по природе оставался чистым, даже когда попадал в грязь. Он очень любил воду и всегда жил в воде, поэтому его и прозвали «Благородный муж, живущий в воде», а иногда называли его «Постигший истину бессмертный из Белой реки».

Сразу после того, как пала династия Лето, Срединное государство осталось без царя. Тогда уроженцы области Сян — Дягиль, Борщевик и другие — выдвинули и возвели Лотоса на престол. При нем царила стихия воды, выше всех царь ставил белый цвет, а началом года сделал седьмую луну. Столицу он перенес в Цяньтан, царство назвал Южный Пруд.

Подданный-историк замечает: «При династии Глиняный Горшок царила стихия дерева — и выше всех цветов был белый, династия Лето правила от имени стихии земли — и главным стал красный цвет, а династия Пруд полагалась на стихию воды — и первым цветом стал опять белый. Нельзя понять, отчего это».

В первый год правления под девизом «Вода — носитель внутренних достоинств» царь уничтожил «колодезные поля» и пустил в обращение медную монету. В этом же году Повелитель Ветров убил своего государя — владельца Коричной области — и сам вступил на престол. Царство свое он назвал Золотым — Осенним. Он покориł осенние северо-западные ветры, и даже разбойники Зеленого леса подчинялись его приказам.

Имбирь стал первым министром.

В государевом указе по этому случаю было сказано: «Ты, Имбирь,

обладаешь блестящими талантами. Так не дай же, как сказано в «Шуцзине», „твоему предку одному прославиться в глазах тех, кто владеет царством!“».

Имбирь был потомком мудрого танского первого министра Ду Жухуя.

В седьмой луне государь перешел из Хрустального дворца во дворец Неизменных Ароматов и устроил прием для своих сановников. К этому времени Поднебесная была уже заполонена Зеленым лесом, только глубокие рвы да высокие крепости владений Пруда не были захвачены им. Отныне все живое в царстве Пруд обрело успокоение, государство стало богатым, и всего в нем водилось вдоволь. Многими миллионами исчислялись деньги, которыми распоряжался главный начальник вод и парков, а рыб и черепах в реках и озерах съесть было невозможно. Даже простолюдины наряжались в шелка, а знатные с утра до вечера только и делали, что мерками пересыпали росинки жемчуга.

В третьем году правления чиновник, ведающий горным ручьем Жое, послал Имбирю письмо с прикрепленным к нему в знак срочности пером. В письме он докладывал, что в пределы царства вторглись какие-то разбойники и грабят народ Жое. «Сперва они напали на пруд Гусей и Уток. Разбойники плавают в лодках из грушевого дерева и гребут веслами из магнолии, надели платье из листьев лотоса и распевают песню «Рву лотос». С виду они похожи на подданных нашего царства, поэтому сразу распознать их трудно, и, только услышав их песню, я понял, что это разбойники. А в песне такие слова:

Лотоса лист и юбка из шелка,
зелены вы одинаково.
Лотос-цветок и румяные щечки,
вы расцветаете рядом.

Пруд неожиданно ввергнут в смятенье,
а отчего — непонятно...
Песня одна лишь секрет раскрывает:
кто-то вблизи появился.

Одно мгновение — и многие наши подданные падают обезглавленными и ранеными!» Государь перепугался: «Мое царство защищено крепостным рвом, который создало само небо. Как же они

смогут перебраться через него?» Он повелел воеводе по имени Белый Водяной Орех с несколькими тысячами воинов выйти навстречу врагу и напасть на него. Среди воинов был Карп, который мог выдыхать изо рта ветер. От ветра поднялись большие волны, лодки закачались, и разбойники, испугавшись, повернули лодки и бежали.

Государь приказал военачальнику по имени Горéц — Покоритель Волн охранять реку.

Сперва в царстве не было никаких средств для защиты от врагов, даже тутовые деревья не стояли на страже. В конце концов это довело до беды — от разбойников не стало спасения, и тогда воевода Белый Водяной Орех в самых опасных местах по берегам реки выставил караульных — колючий кустарник. Да еще для пресечения грабежей и разбоя государь назначил Горцá воеводой — Покорителем Волн, и с этих пор ни северные, ни южные варвары не осмеливались ловить рыбу в реке.

Горéц был потомком ханьского Ма Юаня, он унаследовал даже его древний титул — Покоритель Волн.

Один монах преподнес государю Лotosовую сутру (в буддийской сутре сказано, что цветок древа познания расцветает раз в три тысячи лет) и сказал при этом: «Если ты, государь, будешь читать эту сутру, с неба пойдет дождь цветов и Лотос возродится в райской земле». Государь обрадовался и стал устраивать собрания верующих для жертвоприношений духам воды и суши. Расходы исчислялись миллиардами. С этого времени государь ежедневно вместе с ближайшими сановниками с утра до вечера только и делал, что читал сутры, перестал заниматься государственными делами. Тогда придворные ученые Аир Благовонный и Водоросль стали увещевать его: «Подумайте, что за человек этот Будда? Он идет наперекор разуму, лукавыми речами смущает наше поколение и обманывает людей. Истинный путь императоров и царей лишь в том, чтобы сохранять устои неизменными. Неужто один только буддийский храм может быть нивой, где должно посеять семена своего будущего счастья, а пальмовые листья, где записаны сутры, и есть истинно классические творения? Человек подобен цветам на дереве: те, что опадают на циновку, считаются ценными, а те, что осыпаются в отхожем месте, — низкими. Это все естественно. Так стоит ли с верой внимать рассуждениям о воздаянии за грехи?» Но государь не внял им.

Водоросль, что служил узором, был одного происхождения с Белым Водяным Орехом, но другой фамилии. Все в их роду по природе и свойствам обладали безупречной честностью и литературными талантами.

Поэтому ему и пожаловали высокую должность узора на царском парадном платье (рисунок на царском парадном платье состоит из двенадцати узоров. Водоросль — один из них).

Фрейлина «Вода, в которой мыли рис» была царской любимицей, она затмила собой всех придворных красавиц. Однажды государь разбросал по пруду цветы лотоса и велел ей пройти по ним. Любуясь красавицей, он приговаривал: «Под каждым шагом рождается цветок лотоса!»

Прозывали ее Люлан. Нашелся даже какой-то льстец, который заметил: «Люди говорят, будто Люлан похожа на цветок лотоса. Мне кажется, что цветок лотоса похож на Люлан!» Государь остался очень этим доволен.

Подданный-историк замечает: «О, какой силой обладают слова льстеца! Они слаще, чем сахарный тростник, его льстивое красноречие сплетено хитрее, чем лисьи чары. Увы, как это прискорбно!»

В четвертом году правления Дягиль был сослан в область Сян.

Дягиль был родом из царства Чу. Прозывали его «Ярким». Он славился чистотой души и своими честными речами всегда шел наперекор желаниям государя. Тогда царевич Фальшивая Орхидея очернил его, и вот Дягиля сослали. Дягиль не мог совладать с чувством горечи и излил свое негодование в поэме «Скорбь Дягиля».

В пятом году правления государь по совету мага-наставника Дикая Груша выпил белой холодной росы и заболел. Тогда он позвал приближенных, те тоже отведали росы, и все онемели так, что не смогли сказать ни слова. Государь в великом гневе дважды вскричал «О-о!» — и умер, опал.

Еще при жизни государь хотел уступить престол отшельнику Хризантеме, что жил у бамбуковой изгороди с восточной стороны, но отшельник отказался. А тут подданные Золотого Осеннего царства, преследуя отряды Зеленого леса, вторглись в государство Пруд. Прошло несколько лун, жители столицы от голода стали засыхать. Бедствие погубило и Дягиль, и Белый Водяной Орех. Так государство Пруд простояло пять лет и пало.

Отшельник Хризантема по прозвищу «Золотая душа» был человеком необычным, манерой поведения он походил на людей глубокой древности. Так как один из его предков служил господину Тао — государю Глиняного Горшка, он жил в Каштановой деревне и один лишь сохранял

независимость и чистоту. Даже подданные Золотого Осеннего царства при всей своей жестокости не смогли ворваться к нему и подвергнуть притеснениям. В смутное время конца династии Пруд он отличался высокой нравственностью, поэтому его прозвали «Наставник, хранящий чистоту в последние дни царства».

Подданный-историк замечает: «Внезапно возвысились, сменяя друг друга, три династии, стремительно расцвели и увяли четыре государя. Да ведь это же все равно что мгновение в восточном саду, что сон о Нанькэ! Нынче в садах и парках под весенним ветром слышны только печальные голоса птиц, а на прудах и террасах лишь туманы да облака блуждают в лучах заходящего солнца. Даже песней «Пшеничные колосья», которую сложил Цзи-цзы при виде развалин иньской столицы, и песней из «Шицзина» «Там просо склонилось теперь», сочиненной подданным династии Чжоу, невозможно выразить печаль об этом. Как прискорбно! Как жаль!»

Еще историк добавляет: «Государь Летнего царства разыскал Нефритовую Сливу и тем самым приблизил к престолу потомка династии Глиняный Горшок. Его характер отличался прямодушием. А вот царству Пруд недоставало закона о «трех уважаемых гостях» — потомках прежних династий! Об этом особенно стоит пожалеть. В наше время живут Вьюн, Пион и Лотос. Может быть, они — уцелевшие потомки династий Лето и Пруд?»

А вообще обо всем этом можно сказать: «Человек — это всего лишь одно из существ, которые во множестве живут между небом и землей. Цветов — сотни, тысячи сортов, и человек действительно уступает им в долголетию (человек умирает — и не возвращается к жизни, а цветок осенью вянет, весной же опять вырастет. Цветы расцветают по сезонам, но иногда не увядают даже под инеем и снегом. Поистине, человеку не сравниться с цветами в долголетию!).

Небо при помощи цветов производит смену четырех времен года — человек различает их по выросшим цветам. А кому из людей можно доверять так же, как цветам?

Когда цветы распускаются, они не благодарят весенний ветер за цветение, а когда опадают, то не ропщут за это на осеннее небо. А кто из людей обладает столь благородным сердцем?

Одни цветы рождаются на каменных ступенях лестниц, другие — в отхожем месте, но они никогда не спорят друг с другом, чье положение выше, а чье ниже, кто знатен, а кто низок. Раз они все равнодушны к

расцветам и падениям — сердца их иные, чем у людей.

Значит, цветы обладают высшей гуманностью, заслуживают полного доверия и совсем не знают страстей. К тому же они многочисленны и долговечны — это небо даровало им совершенную природу.

Цветы многочисленны. А что мы наблюдаем в царстве людей?

Цветы гуманны, заслуживают доверия и чужды всех страстей — а какими из этих качеств обладают правители?

Люди, способные разобраться в одной классической книге и хоть мало-мальски талантливые, всегда начинают бахвалиться перед всем светом и хотят непременно оставить свое имя грядущим поколениям. Поэтому они постоянно спорят друг с другом из-за своих, заслуг и хвастают записями на скрижалях истории.

Не таковы цветы. Их природа, дарованная небом, прекрасней, чем у других, она подобна природе благородного мужа среди людей. Недаром перед двором сунского наставника из Ляньси трава не была выполота. Он говорил: «И трава вольно растет, и мои мысли текут естественно». Если уж благородный муж хотел быть таким же, как цветы, значит, по природе он был совершенным и цельным. А те, что удовлетворяют свое честолюбие на поприще произнесения речей перед троном и сочинения изящных трактатов, усердствуют, чтобы преуспеть на службе, — разве могут они при этом сохранить свою естественную природу и вернуться к совершенному образцу?

Перевод А. Троцевич.

Мышь под судом

В прежние времена амбары строили на отшибе, подальше от жилищ, чтобы уберечь зерно, если деревню охватит пожар. Со временем тропинки, ведущие к амбарам, зарастали бурьяном, загромождались камнями, густой зеленый мох покрывал стены ограды, а запах гнили пропитывал даже каменные ступеньки входа. Оно и понятно: жилища далеко, и люди здесь — редкие гости.

Жила когда-то в глубокой норе Мышь; туловище у нее было длиной в половину ча, шерсть — в два чхи; хитростью и лукавством превосходила она всех мышей, и те почитали ее своею наставницей. На уме у старой Мыши были одни только плутни да каверзы. Всякий знает: это она однажды устроила себе норку в горшке с рисом, она же повесила колокольчик на шею Кошке...

Как-то раз созвала Мышь-наставница своих подопечных и, поглаживая усы, повела речь о том, как тяжело стало жить.

— Припасов у нас нет, жилье не огорожено, всякий час угрожают нам то люди, то собаки: что и говорить, туго приходится! Проведала я, что в Королевской кладовой горы белояшмового риса гниют, и никому до этого дела нет. Прогрызть бы нам стену, пробраться в кладовую да и поселиться там — вот когда зажили бы мы припеваючи: и ели бы вволю, и веселились до упаду! Право же, Небо не обходит нас своими милостями! Эх и заживем мы теперь!

Собрала Мышь-наставница всю стаю и повела к Королевской кладовой. Стали мыши стену грызть. Полдня не прошло — глядь, а в стене уже большая дыра. Юркнула Мышь в кладовую, огляделась и решила, что поселиться тут совсем неплохо. За нею ввалилась тьма-тьмущая мышей и ну шнырять да шарить, рыть да обнюхивать все углы. Видят и впрямь: на земляном полу насыпаны горы риса — сразу весь и не съесть...

Лет десять прожила мышиная стая в Королевской кладовой. Почти совсем опустела кладовая.

Но тут очнулся ото сна Дух — хранитель кладовой. Взял он счетные книги и стал сверять по записям наличие зерна. До чего же он был удивлен и напуган, когда обнаружил, что в кладовой недостает много сомов зерна. Созвал он тотчас же Святое воинство и приказал разыскать виновников. Вскоре схватили воины Мышь-наставницу.

Грозно встретил Дух обвиняемую:

— Мерзкая тварь! Забыла, кто ты?! Дом твой — убогая нора, пища — в грязи и во прахе! Как посмела ты со своими прихвостнями прогрызть дыру в стене и поселиться в кладовой? Как посмела уничтожить столетний запас зерна и оставить народ без риса?! Придушить бы все ваше племя до последнего мышонка — тогда только, наверно, и удастся искоренить воровство! А что до твоих сообщников и подстрекателей — никого не пощажу, всем воздам по заслугам!

Выслушала Мышь грозную речь, в притворном смятении пала ниц перед Духом-хранителем и, сложив передние лапы, запричитала:

— Осмелюсь слово молвить: хоть я и стара, и с виду невзрачна, но не так уж плоха, ибо природа наделила меня многими талантами. Среди зверей я, конечно, не первая, но все-таки и не последняя: поэты древности писали обо мне в «Шицзине», Совершенный Муж упомянул мое имя в «Лицзи». А это означает, что племя наше издавна знакомо людям. Но вспомните, ваша милость: даже Человек, этот двуногий царь природы, у которого нос торчком, а глаза — поперек лица, день-деньской на поле трудится, а поесть досыта никогда не может — вечно его голод терзает. Каково же мне, старухе? Как жить, если в норе пусто? А пожить охота, хотя и тяжело... И стала я отруби да бамбуковые гвозди грызть! Вот до чего дошла! Разве это с радости? С нужды это!

Велика моя вина, сознаюсь. Но что делать: семья голодает, дети мучаются. Сыновья погибли в ловушке у Восточного дома, внучата — в капкане у Западного. Да, страшное на меня обрушилось горе. Глаза мои потускнели и плохо видят, сама я одряхлела, одышка одолевает, где уж тут быстро бегать... Ни на что я теперь не гожусь. Да и кому я нужна такая? Правду говорю: не было у меня среди мышей сообщников!

И стала хитрая тварь зверей оговаривать, и не только зверей, а и растения, и духов; они, мол, подстрекали ее преступление совершить! Без зазрения совести лгала она, лишь бы свалить на кого-нибудь свою вину.

— Я, ваша милость, без утайки назову подстрекателей и, не ропща, понесу заслуженную кару. А дело было вот как. Вздумала я забраться в Королевскую кладовую; крадусь осторожно, а сама по сторонам озираюсь. Вижу: горы и реки, деревья и травы — все объято покоем. И только Цветок Персика, что рос в углу двора, завидев меня, ласково улыбнулся, да Ива, свесившая ветви над каменными ступенями входа, радостно закивала мне. И я подумала, что Персик улыбается, обещая мне сытную трапезу, а Ива кивает ветвями, приглашая поселиться в новом жилище. Разве подобные знаки сочувствия — не подстрекательство к преступлению?

Доверчиво выслушал Дух рассказ старой Мыши и вознегодовал:

— Как?! Их долг предотвратить преступление, они же вместо того улыбались тебе и кивали?! Вот уж поистине «зло на руку Цзе»! Ну что ж, придется, видно, воздать этим негодьям по всей строгости закона!

Произнес Хранитель кладовой заклинание, призвал духов Ивы и Персика и приступил к допросу:

— Стало известно мне, что, будучи свидетелями готовящегося преступления, вы не только не предотвратили его, но даже ничего не сообщили властям! Более того, вы улыбались и кивали одобрительно! Как же это случилось? Объясните!

Цветок Персика смутился, но стал обиженно оправдываться:

— Осмелюсь почтительнейше напомнить вашей милости: в зимние месяцы бываю я совершенно наг, зато с наступлением весны бутоны мои распускаются и я облакаюсь в одежды цвета румяной зари. Такова уж природа растений, таков закон Гармонии. Поэтому-то я улыбаюсь весной — улыбаюсь теплему ветерку. А Мыши этой я вовсе не знаю! Как наслушаешься таких бредней, право же, готов смеяться до колик. Никакой вины за собой я не ведаю!

Потом заговорила Ива. И тут ее унылое обличье стало вдруг неузнаваемо, а слова, подобно упругому стволу ее, обрели твердость:

— Ваша милость! Телом я слаба. Когда из долин веет теплым ветерком и у запруды на реке перестает моросить дождик, ветви мои плавно раскачиваются, словно руки танцовщиц, серебристые нити шелестят, прославляя весну; их сравнивают тогда с ресницами прелестной девушки, и друзья, обреченные на долгую разлуку, берут их с собой на память. Ветви мои плавно раскачиваются и кивают в радостном упоении солнцем! А то, что говорила Мышь, — грубая ложь. Я ни в чем не повинна!

Выслушал Дух — хранитель кладовой Иву и Персика, но не поверил бесхитростным растениям и отправил их в темницу.

— Ты солгала, — сказал он Мыши, — Ива и Персик невиновны. Признавайся, кто подстрекал тебя к грабежу?

Не долго думая, сочинила Мышь новую басню:

— Осмелюсь сказать, ввели меня в соблазн дух Больших ворот и дух Малых дверей Королевской кладовой.

Разгневался Хранитель кладовой. Повелел он схватить подстрекателей, невзирая на чины и звания, заковать в колодки и доставить в суд.

— Эх вы, «сторожа»! Положено вам охранять Королевскую кладовую, не пускать в нее посторонних, вы же раскрыли Большие ворота и Малые

двери, впустили преступников, позволили им истребить зерно! Наказать вас батогами и розгами? Этим вину свою вы не искупите. Обезглавить? Четвертовать? Но и этим делу не поможешь. Признавайтесь по совести, как стали вы пособниками грабителей?

И сказал дух Больших ворот:

— Дозволь слово молвить. Мимо Больших ворот непрестанно снуют и Небожители, и Люди; злых духов я с бранью прогоняю прочь, добрых встречаю с почестями. Строго охраняю я вход в кладовую, — даже тысячной толпе не отворить Большие ворота. Но мог ли я думать, что воры проникнут через ограду и прогрызут дыру в стене? Да мне такое и во сне не снилось! Оплошал я, ротозей, проглядел их, но совесть моя, видит Небо, чиста! Пусть я к сторожевому делу и не пригоден, но лжецом меня никто не назовет.

Затем обратился к судье дух Малых дверей:

— Я, ваша милость, только и думаю, что о деле, которое мне поручено. И всегда-то я настороже: на дверях повесил крепкий замок, день и ночь держу их на запоре — и щелки малой нету, куда бы можно было пролезть; неусыпно слежу, как бы воры не изловчились да не пробрались в кладовую через крышу; того и гляди, лари с зерном отворят да с мешками за спиной по стене спустятся... Но до чего же эта гнусная Мышь ловка!.. Кто бы мог подумать, что она на такое дело отважится? Хоть и стыдно, да покаюсь: проглядел преступницу, а больше — знать ничего не знаю!

Выслушал сторожей Дух-хранитель, повелел отвести их в темницу, а сам говорит Мыши:

— Допросил я духа Больших ворот и духа Малых дверей. Говорят они, что не так все было, как ты толкуешь. Нет, не они подстрекали тебя к воровству! Говори же: кто?

Мышь давай изворачиваться:

— Правда ваша: подстрекали меня не только дух Больших ворот и дух Малых дверей, но также Рыжая Кошка и Черный Пес. Они-то и принудили меня забраться в кладовую.

Дух-хранитель тут же призвал обвиняемых.

— Это вы толкнули Мышь на воровство?

Рыжая Кошка и Черный Пес так и ахнули.

— Осмелюсь напомнить, — зафыркала разгневанная Кошка, — мы затем и на свет родились, чтобы ловить мышей. Так уж самим Небом определено. Никогда не забывала я о своем священном долге, неустанно шныряла вокруг кладовой, в любую минуту готова была выпустить когти и оскалить зубы. Только я появлюсь возле мышиной норки, а мыши уже

притаются,дохнуть не смеют — собственной тени опасаются: кошачья ловкость им хорошо известна. Засяду я между кадками и кувшинами и высматриваю добычу; завижу мышь — накинусь на нее и сожру; жру, пока брюхо досыта не набью. Разве упустила бы я хоть одного-единственного мышонка?! Эта наглая Мышь попросту оговорила меня... До чего я жалею, что не уничтожила все их гнусное племя!

— Дозвольте слово молвить, — пролаял Пес. — Ночной караул несущая усердно, никогда своими обязанностями не пренебрегаю; только Человек повелит — тотчас хватаю вора, укажет след — землю обнюхаю, и преступнику от меня не уйти... Однажды поймал я вора на кухне, в другой раз выгнал из отхожего места... Я куда сильнее Мыши, вот она со мной и враждует. Ей бы только навредить мне да оклеветать меня... Право же, мои пять внутренностей вот-вот разорвутся от гнева.

Выслушал Дух-хранитель Рыжую Кошку и Черного Пса, сдал обоих тюремщикам и говорит Мыши:

— Оказывается, Кошка и Пес с тобой враждуют. А мне-то и невдомек. Учинил я им допрос по всей форме и убедился: в хищении они неповинны. Судебное производство требует, однако, строгости: освободить обвиняемых я не могу, хотя и вижу, что оговорила ты их по злобе. И откуда в тебе столько коварства? Ну, смотри же, говори теперь только правду!

На этот раз оклеветала Мышь своих родственников — Крота и Шиншиллу.

Призвал Хранитель кладовой Крота и Шиншиллу:

— А ну-ка сознавайтесь: это вы принудили Мышь похитить зерно?

Преклонил Шиншилла коротенькие ножки и ответил:

— Я, ваша милость, обитаю в лесу, у подножия гор: никогда нога моя не переступала порог человеческого жилья. Разве мало мне места среди скал? Жил я спокойно, на судьбу не сетовал: наберу, бывало, листьев да хвороста и несущу в норку; натрясу желудей, нарву каштанов — вот и все мои запасы. Опозорила меня негодная Мышь, оклеветала.

Тут подполз к судье встревоженный Крот и робко сказал:

— Осмелюсь почтительнейше напомнить вашей милости, нету в мире зверька слабее меня. Света дневного я не терплю — живу всегда во мраке. Если завижу какое зло, спешу в нору поглубже укрыться. Притаюсь там и сижу день-деньской, трепеща, как бы земля на меня не обрушилась. Но вот беда! Небо даровало мне обличье, схожее с обличьем этой гнусной Мыши. Однако душой мы не схожи! И среди Людей, властелинов природы, есть хорошие и плохие, — неужто же звери все до единого подлы, как Мышь?

Этакая мразь даже презрения не заслуживает! Право, мне и сидеть-то рядом с ней стыдно!

Выслушал Крота и Шиншиллу Дух, посочувствовал им, но все же отправил в темницу. А потом и говорит Мыши:

— Много в мире всяких тварей: с виду одинаковы, а нутро у них разное. Противна ты мне, но противно не обличье твое, а нутро. Шкурой и мехомходишь ты на Крота и Шиншиллу; и телом, и обликом вы схожи; по земле ходите одинаково, но душой различны. Не тот соблазнил тебя, с кем ты обличьем схожа, а тот, с кем ты схожа нутром.

При этих словах усы, что всегда у Мыши топорщились, сразу обвисли, круглые черные глаза чуть из орбит не выскочили. Крепко обозлилась она, да пришлось молча обиду проглотить. Затаила она злобу про себя и снова на выдумки пустилась.

— Виновники преступления, — говорит, — Седая Лиса и Пятнистая Рысь.

Призывает Дух-хранитель обвиняемых и спрашивает:

— Вы подговорили Мышь украсть зерно из Королевской кладовой?

Усмехнулась Лиса хитро и почтительно отвечает:

— Ваша милость! Живем мы, Лисы, в укромных норах — охотников остерегаемся. И если случается нам иной раз обернуться Человеком^[47], то вовсе не из природного коварства, а чтобы спасти свою шкуру. Мы всегда настороже: Лиса на хрупкий лед не ступит — боится, как бы он под нею не проломился; не станет и пищу искать в опасных местах. Мышь несет околесицу: все, что она сказала, — лживая выдумка, не успевшая даже пылью покрыться. Но я уверена: ваша милость сумеет отличить черное от белого!

Потом вкрадчиво заговорила Рысь:

— Осмелюсь напомнить, мне сроду принуждение незнакомо: обитаем мы, Рыси, в горных чащах и безраздельно там владычествуем. А куроедами называют нас понапрасну. Дорожа своей честью, мы с подлой лисьей сворой якшаться не любим, хоть и частенько приходится нам скрести себе живот от голода. В лесных дебрях пожираем мы хищных зверей или ловим птиц, запутавшихся в густых камышах, хотя и не вредят они Человеку. С Мышами мы никак не схожи, так что нас и сравнивать нечего.

Допросил Дух Лису и Рысь, повелел отвести их в темницу, а сам и говорит Мыши:

— Лиса и Рысь известны своею хитростью и вероломством, но все же склонен я поверить, что в преступлении они не замешаны. Кто же подбил тебя на воровство? Отвечай!

На этот раз назвала Мышь Ежа, что прячется в борозде, и Выдру, живущую под утесом.

Свернулся Еж шариком, подобно колючему каштану, и сказал:

— Всем известно, ваша милость: тело у меня длиной не более одного ча, колючки — словно тонкие иглы. Любя свободу, поселился я под деревом, на горном склоне, охотник вкусно поест — забираюсь на грядки, где растут огурцы. Грозит опасность — свертываюсь я в клубок, опасность минет — распрямлюсь; захочу — делаюсь больше, захочу — меньше. И хотя лицом я неказист, уста мои почтительны и правдивы.

Поглаживая густую шерсть, вперед выступила Выдра:

— Позвольте и мне сказать. Выросла я в воде и теперь живу под прибрежными утесами. Выше не поднимаюсь — боюсь попасть собакам в зубы. Когда выпадает снег — остерегаюсь охотничьих соколов — мех у меня красивый, приходится непрестанно за свою шкуру дрожать. Что же до старой Мыши, могу сказать лишь одно: клеветает она — ни в чем я не повинна. Но лучше замолчу, а то вы и впрямь подумаете, будто я оправдываюсь.

Записал Дух-хранитель показания Ежа и Выдры, отправил их в темницу, а потом и говорит Мыши:

— Непричастны Еж и Выдра к твоему преступлению. Подстрекал тебя к грабежу кто-то другой. Признавайся же лучше, кто?!

Подумала Мышь и назвала своими соучастниками Сайгу и Зайца. Призывает их Дух и учиняет допрос.

Горделиво вскинула Сайга ветвистые рога:

— Толкуют, ваша милость, будто ноги у меня до неприличия длинны. Но я своим широким шагом горжусь: он величав, как поступь героев! Мясо мое для Человека — лакомая добыча, вот и приходится быть всегда настороже, иначе, того и гляди, попадешь в коварную западню. Люблю я бродить в зеленых лесных чащах на горных склонах, сладко спать на ложе из тростника, питаться его нежными побегами. Мышь возвела на меня поклеп, я возмущена до глубины души. Почтительнейше прошу вашу милость по справедливости рассудить нас.

Потом обратился к судье перепуганный Заяц-хвастун:

— Осмелюсь напомнить, ваша милость, родина моя в горах Чжуншань, дом — в Дунго{48}. Когда гляжу я на коричное дерево у Лунного дворца, в памяти моей оживает история с лекарством бессмертия{49}; когда думаю о Гуаньчэнском уделе, тоскую по величию минувших дней. Ума мне не занимать стать — не даром у меня три норы, а жизни мне отмеряно до тысячи лет. Разве мог я, благородное создание,

вступить в сговор с этой грязной тварью? Да чтоб доказать свою невиновность, я готов вывернуться наизнанку!

Выслушал Дух эти речи и приказал отвести Сайгу и Зайца в темницу. Стал он бранить преступницу, требуя выдачи подстрекателей. На этот раз назвала Мышь Оленя и Кабана.

Обвиняемых посадили на скамью подсудимых; и вот один за другим берут они слово для защиты.

— Я — священное животное, — говорит Олень, — друг Святых Мужей. В древние времена резвился я на свободе в заповедниках чжоуского правителя{50}, и поэты слагали в мою честь оды и баллады. Помню: лежал я под банановыми листьями, а дровосек гадал{51}, сон это или явь. Всегда опасался я Людей, вооруженных луками и стрелами, остерегался ловушек и никогда не нарушал законов леса, хотя рога мои достаточно длинны, чтобы я мог защитить свою жизнь. Разве способен я вступить в сговор с хищницей, которая весь век пожирает чужое добро?

— Все считают меня самым упрямым и несговорчивым животным, — проворчал Кабан. — Жру я что попало, а потому брюхо у меня тугое, как барабан. Прoberусь в любые дебри — нет такого удалца, что смог бы преградить мне путь. Рыскаю по горам — на равнину не ступаю. Неуч я — спору нет, однако не вероломен — это наглая ложь. Я скорее дам себе башку проломить, чем пойду на преступление.

Отправил Дух Оленя и Кабана в темницу и снова требует, чтобы Мышь выдала подстрекателей. Называет преступница Барана и Козла.

Предстал Баран перед судьей и говорит:

— Я из породы рогатых. В теплой меховой шубе брожу я по горам, ночую на лугах. Нравится мне такая жизнь, и никогда я ей не изменю.

— Шерсть у меня бывает и светлая, и темная, — заблеял Козел, — а мясо не хуже, чем у Вола, Барана или Свины. Потому-то, когда приближается праздник Нового года, и вынужден я спасать свою шкуру — я убегая в степь, где нет пастуха с кнутом, и питаюсь сочными травами. Пусть мир перевернется, если я хотя бы самую малость повинен в хищении зерна.

Допросил Дух Барана и Козла, отправил их в темницу, а сам объявил Мыши, что они невиновны.

— Кто же все-таки подбил тебя на воровство? — допытывается он.

Называет Мышь Обезьяну и Слона.

Приходит Обезьяна в суд, бросает быстрый взгляд на Хранителя кладовой и живо начинает:

— Осмелюсь напомнить, в древности пострадала я от навета чуского

узурпатора. Это он приказал изгнать меня в долины Ба и Шу. Там пела я грустные песни; будила путников, плывущих ясной лунной ночью в одиноком челне; терзала печень поэта{52}, под вой осеннего ветра читавшего стихи высоко в горах... Ныне же строю я себе жилище на ветвях деревьев и утоляю голод плодами. Живу вдали от мира, так что даже тень моя не тревожит Людей. Мышь говорит, будто я подстрекала ее к преступлению? Это лживая выдумка, не успевшая даже покрыться пылью!

Тут десять воинов-духов ввели связанного толстыми железными цепями Слона. Слон протрубил:

— Мои длинные бивни в большой цене у Людей, великанье тело служит миру на удивление. Стою я подобно горе — и духи трепещут; мчусь, подобно урагану, — и сотни воинов, тысячи коней не в силах остановить меня, как не в силах они остановить прилив. Никто не называет меня Повелителем, однако сам я почитаю себя царем зверей! Но вот насмешка природы: Тигр страшится меня, Кошка страшится Тигра, Мышь — Кошки; но если Мыши некуда спрятаться от Кошки, она, как в нору, забирается в мой хобот, и я умираю от удушья. Потому-то и обхожу я Мышей за тысячи ли. А Мышь, заклятый мой враг, наговорила, будто я толкнул ее на преступление. Разве могу я не гневаться? Подайте мне эту тварь, и я без жалости раздавлю ее!

Заточил Дух Обезьяну в темницу, а Слона повелел заключить в железную клеть. Грабительнице Мыши Хранитель кладовой объявил, что Обезьяна и Слон к ее преступлению непричастны, и потребовал немедленно выдать подстрекателей.

Подумала Мышь и назвала Шакала и Медведя.

Приказывает Дух своим воинам:

— Приведите обвиняемых, но помните: Шакал и Медведь — звери хищные!

Привели воины Шакала и Медведя.

Первым заговорил Шакал:

— Горестна моя судьба: пошла обо мне среди Людей дурная слава — вот я и вынужден избегать проторенных дорог, где на каждом шагу стережет беда. Приходится рыскать в глухих дебрях. Проголодавшись, пожираю я тех, кто слабее меня, но никогда не трогаю Человека. Охотимся мы, Шакалы, стаяй, с соседями живем в мире и согласии, так что напрасно клеймят нас позорными кличками. А тут еще Мышь возвела на меня напраслину! Да мне такое и во сне не снилось! Досада берет, когда слышишь подобный наговор!

Затем выступил вперед простоватый Медведь.

— Природа дала мне мех для защиты от холода, она же наделила Медведей могучей силой: без труда поднимаем мы груз в тысячу кынов. Живу я в лесной чаще, на склонах гор, набиваю себе брюхо плодами, пригибая к земле ветки деревьев. А когда приходит зима, забираюсь в берлогу и сосу лапу. Бывает, приснюсь я какому-нибудь счастливчику — это предвещает ему рождение сына. Имя мое наводит страх, как и имя Тигра — Хозяина гор. Да разве мог я, могучий зверь, связаться с таким ничтожеством — Мышью? Пусть обезглавят эту тварь, пусть четвертуют ее, но и тогда не иссякнет мой гнев!

Передал Дух-хранитель Шакала и Медведя в руки тюремщиков, а сам опять Мышь допрашивает. Подумала преступница: «Что поделаешь, остается свалить вину на домашних животных — верных спутников Человека», — и обвинила она в краже зерна Мула и Осла.

Призывает Дух обвиняемых и начинает бранить их. Свирепо кося глазами, Мул говорит:

— Отцом моим был Осел, матерью — Лошадь. Рожден и воспитан я Человеку на благо, а не во вред, как Мыши и подобные им подлые зверюшки. Выносливый и сильный, таскаю я для Человека тяжелые грузы, в жестоких боях всегда иду впереди... Отрубите этой лгунье голову и повесьте мне на шею!

Затем повел речь Осел — небольшое, но очень хитрое животное:

— Уши у меня длиною в ча, голос тревожит реки и горы. Лишь по недоразумению считают меня лукавым и подлым — я ведь само добродушие! Вот только когда вижу дурака, не могу не лягнуть его копытом. Хоть и невзрачен я с виду, душа у меня благородная: по заснеженным пургою дорогам носил я поэта, искавшего зимою Цветы Сливы{53}, под дождем сопровождал путника, шедшего в деревню за водкой. В лесу, в горах Цяньшань, увидел меня однажды Тигр — худо мне тогда пришлось{54}. Зато всем на удивление сотворил я чудо в котомке святого Чжана{55}. И вот сегодня меня жестоко оклеветали, потому-то я всеми четырьмя копытами рою землю, а глотка моя издает вопли незаслуженной обиды.

Выслушал Дух Мула и Осла, повелел отвести подсудимых в темницу, а сам снова начал допрашивать Мышь. На этот раз обвинила старая Мышь Вола и Коня.

Несказанно удивился Хранитель кладовой, когда узнал, что такие смирные животные замешаны в преступлении. Но все же, по долгу службы, отдал приказание святым воинам. Вскоре те, хлопая кнутами,

привели обвиняемых.

Вол, преданный слуга Человека, был удручен бедой, которая на него обрушилась. Чистосердечно недоумевая, проговорил он:

— Осмелюсь заявить: право же, я не виновен. И пусть я всего только глупое животное, но и у меня есть чем похвастать: в древние времена предки мои мирно паслись на Равнине персиковых деревьев, позднее, пронесся огонь из крепости Цзимо{56}, прославились на всю страну Ци. Сопровождал я отшельника Чао Фу, бродил следом за Нин Ци и слушал его песни. Мир — это юдоль зла. За всю свою жизнь я лишь однажды встретил доброго Человека. Нелегкая выпала мне доля: немало ударов сыпалось на мою спину, она даже вошла в поговорку. Весь свой век я усердно вспахиваю поля и кормлю Людей, не ропщу, не бахвалюсь...

Потом привели Коня. Недоуменно выслушал он вопросы судьи, ничего не ответил, лишь тоскливо поглядел на небо. В древности был он известен миру под именем Быстроногого, теперь же страдал многочисленными недугами; а тут еще обрушилась на него с поклепом ничтожная и злобная тварь. Уныло промолвил бедняга:

— Я потомок Скакунов, на которых чжоуский правитель Му-ван объехал мир; и подобен я тому мертвому Коню{57}, что приобрел за тысячу цзиней Чжао-ван. Кормили меня плохо, я занемог, и тогда отправили меня на конюшню, поставили у коновязи; тут я и состарился. Люди говорят, будто я ни на что уже не годен. Кто признает теперь во мне Быстроногого? Мышь объявила меня преступником — это такой вздор, что я даже оправдываться не стану!

Выслушал Дух-хранитель речи Вола и Коня — проникла жалость в его сердце. Но не посмел отпустить он смирных животных — отправил в тюрьму. Потом приказал доставить к нему Мышь. Жестоко выбранил он клеветницу, повелел наказать ее батогами...

Крепко досталось Мыши, но она не сдалась и снова пустилась на хитрости. Соучастниками своего преступления назвала она Единорога, который еще не родился{58}, и Льва, который в Корее не водится.

Призадумался Дух: «Единорог, как известно, существо незлобивое. Подобно Дракону, птице Феникс и Черепахе, почитается он священным животным; вряд ли способен Единорог на такие плутни. А впрочем, есть же поговорка: «И ученая собака на кухню забирается!» Трудно судить обо всем заранее. Лев — царь зверей, живет он в далеких краях, за десятки тысяч ли отсюда. Мыши до него не добрались!.. А вдруг Лев и вправду замешан в преступлении? В мире ведь много такого, что неведомо даже духам!»

Поразмыслив немного, призвал Дух — хранитель кладовой самых мудрых и отважных предводителей святого воинства и повелел им:

— Половина воинов пойдет в Пхеньян, где за беседкой «Плывущая по скале» находится Пещера Единорогов. В пещере живет самый старый Единорог, которого вырастил в древности Мудрейший Король Востока. Пусть воины приведут Единорога ко мне. Другая половина святого воинства пусть перейдет через Куньлунь в Индию и схватит Льва, который некогда носил на себе самого Шакьямуни.

С быстротой молнии выполнили предводители воинства повеление Духа.

Выслушал Единорог величавого судью и невозмутимо ответил:

— От природы я добр и не привык топтать живых тварей. Впервые родился я на свет в Век Миролюбия. Появление мое было так неожиданно, что даже Конфуций, вздохнув, бросил писать «Весны и Осени» [\[59\]](#). Имя мое известно любому младенцу, ведь Хань Туйчжи написал обо мне сочинение. Характером я незлобив: если кто обидит, мне и в голову не придет мстить обидчику. Хочу думать, что мудрый Дух рассудит по справедливости, и Мыши не удастся оклеветать меня.

Сверкая зелеными глазами, тряся желтой гривой, в суд вбежал Лев.

— Потомок Боцзэ, унаследовал я дух Снежных гор. Когда я рычу, разевая пасть, — от громоподобного рева в страхе разбегаются злые духи; когда величаво восседаю, скрестив лапы, — звери смиренно падают предо мною ниц. Клыки мои, острые, как пила, разгрызают твердые камни, могучий хребет выдерживает Вола или Коня. Все, что наболтала здесь Мышь, — глупые бредни. Я даже не считаю нужным оправдываться.

Выслушал Дух Единорога и Льва, и закрались в мысли его сомнения. Подумав, повелел он обвиняемым подождать решения суда, а воинам приказал охранять их. Потом обратился к Мыши:

— Единорог и Лев — священные животные, не могли они побудить тебя, подлую, совершить преступление. Сейчас же назови истинных подстрекателей, не то повелю тебя казнить!

Понурила Мышь голову, задумалась: «Не ждала я, что Духу удастся заполучить Льва и Единорога, — потому и назвала их имена. Теперь вижу — могущество Духа и впрямь велико. Значит, не остается ничего иного, как обвинить в подстрекательстве Хозяина гор и Властителя морей. Не так уж силен Дух-хранитель, чтобы поймать и привести сюда Тигра и Дракона!»

И поведала «чистосердечно» старая Мышь, что совершить преступление принудили ее Белый Тигр, хозяин Западных гор, и Зеленый

Дракон, властитель Восточного моря.

Тотчас повелел Дух Святым Воинам:

— Приведите Тигра и Дракона — это грозные владыки гор и морей; и тот и другой называют себя ваном{60}. Но обитают они на нашей земле и должны подчиняться нашим законам!

Сказал так Дух и направил Тигру и Дракону именнные послания, предлагая явиться в суд.

Получил Тигр послание, задумался: «Хранитель кладовой — не такая уж важная фигура, но как-никак чиновник, законы знает, стало быть, послушаться его нельзя».

Явился Тигр в суд, сверкнул горящими дико глазами, забил по столу хвостом, длиной в палец, и голосом, от которого, казалось, рухнут горы, прорычал:

— Я хищник, питаюсь сырым мясом, но если голоден, не отказываюсь и от другой пищи. Рык мой подобен грому, отвагой не уступаю богатырям. Владения мои — зеленые горы, пища — тысячи четвероногих. Стану я вступать в грязные сделки с какой-то малявкой!

Получил послание Духа и Дракон. Покинул он свой дворец, сел на облако и прибыл в суд. Только заговорил — из пасти так и повалил дым.

— Я либо плаваю в воде, либо летаю по небу, — заявил Дракон. — То разгоняю облака, то сею дождь. Люди и звери благословляют мои труды, мудрецы славят мои добродетели. Подумайте сами: могла ли эта коротконогая тварь, что прогрызла стены кладовой, добраться до моего Водяного царства?

Сказал так Дракон и хотел вернуться домой, во дворец, но Дух уговорил его дожидаться окончания суда. Приказал он воинам проводить Дракона и его телохранителей в отведенное для них помещение на реке Намдэчхон. А Тигра Хранитель кладовой отослал в леса Южных гор, наказав святому воинству охранять свидетеля.

Отпустил Хранитель кладовой Тигра и Дракона, а самого сомнения одолевают. В гневе обрушился он на Мышь:

— Все, кто предстал пред моим судом, называли тебя вероломной, но я не поверил им. Теперь же я убедился, что это правда. Узнав, что ты сожрала зерно в Королевской кладовой, порешил я немедленно предать тебя казни, но отложил ее, надеясь выпытать у тебя имена подстрекателей. Вот почему ты еще жива. Не солги ты с самого начала, я назначил бы тебе легчайшее наказание. Ты же прибегла ко лжи: назвала десятки имен, запутала дело, скрыла истинных подстрекателей. Этим ты лишь усугубила свою вину. Ведь даже самый мелкий воришка не обходится без

сообщников: могла ли ты одна прогрызть стены кладовой и похитить столько зерна? Говори всю правду! Ежели не скажешь, повелю отрубить тебе голову, вырезать кишки и разорвать твоё тело на мелкие кусочки.

Не в силах что-либо возразить, Мышь молча склонилась перед судьей... Но внезапно осенила её счастливая мысль. «Из путаной речи трудно что-либо уразуметь. Назову-ка я побольше имен: судья запутается в них, ничего не поймет. Вот лучшее средство затянуть следствие и скрыть свои проделки. Одна беда: рогатые звери глупы и упрямы — они долго и нудно оправдываются, иметь с ними дело — мука. Как же быть? Ведь Дух разгневался на меня и теперь поговаривает о казни! Да, в таком положении и Чжан Тан не смог бы ничего придумать! А впрочем, мудрая поговорка гласит: «Замешательство — признак вины». Стоит мне обнаружить растерянность — суд решит, что я виновна и стараюсь вывернуться; вот тогда-то меня наверняка казнят. Пока ещё ворочаю языком, вспомню-ка я речи Су Циня и Чжан И, буду отрицать показания свидетелей, запутаю судью, а там — попытаюсь бежать через какую-нибудь дыру».

Приблизилась хитрая Мышь к Хранителю кладовой, сложила передние лапки и начала сладким голоском:

— Говорят, не было в мире человека великодушнее ханьского Гао-цзу, но и при нём воров приговаривали к смерти. Говорят, не было в мире законов милосерднее «Уложения Чжоу», а все же по этим законам преступники подвергались казни. Вы же, ваша милость, не покарали меня, но, согласно законам, спросили о главных виновниках преступления; вы не казнили меня, не грозили мне пытками — лишь бранили, как любящий отец бранит малое дитя. Если бы не ваша доброта, я давно бы погибла! Ах, почему нет в живых детей и внуков моих?! Когтями содрали бы они с себя кожу и сделали бы из нее платье и шляпу для вашей милости. Без сожаления выдернули бы они свои усы и сделали бы кисть для письма в подарок вашей милости! Какая жалость, что все они давно погибли и я, на закате дней своих, ничем не могу отплатить вам за ваши великие благодеяния.

Старая Мышь всхлипнула. Потом, сложив лапки на животе, продолжала, подобострастно глядя на Хранителя кладовой:

— В этой жизни мне уже не отплатить вам за ваше милосердие, но, поверьте, я сумею поведать о нем в Царстве Теней. Звери, что были у вас на допросе, все до единого хитры и коварны: они скрывают свои проделки, не желая ни в чем признаваться. Потому-то я и не стала оспаривать их слова. Досаднее всего то, что даже вы, проницательнейший судья, не сумели разоблачить их, и в ваших глазах они так и остались невинными.

Сейчас я поведаю о них все, что видела собственными глазами и слышала собственными ушами. Этим я спасу вашу добрую славу мудрого и могущественного Духа...

...Расцветать и увядать, увядать и снова расцветать повелевает природа растениям, которые, в отличие от нас с вами, не имеют души, — начала старая плутовка. — Бездумно они цветут, бездумно погибают — так уж они устроены. Обманчив Цветок Персика: выставляя напоказ смиренную красоту свою, умиляет и чарует он Людей. Но чего стоит подобное притворство перед целомудрием Лотоса и неприступной холодностью Цветка Сливы?! Персиковое дерево говорит, что ветви его, обращенные к востоку, способны отгонять злых духов, а шаманкам служат для ворожбы. Да разве может такое дерево не лгать?! Рассказывают, что народ государства Цинь, не вынеся всех тягот, выпавших на его долю, бежал от непосильных трудов в Страну Персикового Источника{61}. Когда же за спинами беглецов стеною встали зеленые горы, а бурный поток отрезал путь погоне, один лишь Цветок Персика, забыв о тех, кто его вырастил, замыслил выдать людей. По волнам светлой реки выплыл он за пределы государства и направился в стан преследователей. К счастью, беглецы заметили его, преградили путь, и все кончилось благополучно. Но если бы не случай, как смогли бы эти люди избежать неволи? Ведь даже стихи:

Лишь Чайка одна бесполезна,
Лишь Персику верить нельзя! —

означают, что никто не любит, никто не жалуется Цветок Персика за его бездушие!

Ива не радуется глаз красивыми цветами, но это не мешает ей кичиться серебристыми нитями, что свисают с ее ветвей. Она легко увядает, опережая другие растения. Жалкое дерево Ивы непригодно даже для надгробного памятника. К тому же не надо забывать, что Ивовая аллея у Суйской дамбы погубила царство Суй{62} и его неосторожного властителя, а Ивовая столица, как говорит легенда, превратила древних корейцев{63} в людей доверчивых и слабых. Из этого видно, что, даже по отзывам Людей, Ива приносит несчастье и доверять ей нельзя.

Но разрешите продолжить. По велению Неба, дух Больших ворот и дух Малых дверей должны охранять входы в Королевскую кладовую. Они же обманывают простой народ и, незаконно принимая жертвоприношения,

ублажают утробу свою крепким вином и жареным мясом. К тому же они смотрят сквозь пальцы на то, как алчное чиновничество ворует зерно из Королевской кладовой и подчищает счетные книги. Они закрывают глаза на подлинных виновников преступления и стараются всю вину свалить на меня, бедную старую Мышь. Пусть же постигнет меня самая печальная участь, я не могу скрыть, ваша милость, что эти «стражи» дурно исполняют свои обязанности и наносят ущерб государству. Можно ли мириться с таким безобразием?

Скажу о Кошке. Эта привыкла набивать брюхо объедками; порой случится ей стянуть лакомый кусочек с хозяйского стола. Спит и ест она в доме Человека да еще ловит и пожирает Ласточек, залетающих под стреху, или Воробьев, сидящих на столбе. И как только не лопнет она от жадности! Все-то ей мало, и все-то она точит зубы на нашу мышиную братию, желая истребить нас всех до единого. Алчность ее не знает предела. Еще скажу: Человек и Зверь заботятся о своих детенышах, одна только Кошка, попирая законы Неба, пожирает потомство. Вот до чего она преступна!

Что же сказать про Пса? Подобного невежества и глупости ни у какого другого животного не найдешь. Император Яо был величайшим мудрецом вселенной, но пес Дао Чжэ лаял и на него![\[64\]](#) Пес лает даже на белый снег — должно быть, ему мерещится что-то страшное. Вот до чего он глуп. К тому же вы, вероятно, помните, что ради Тянь Вэня пробрался он в кладовую владыки страны Ци и выкрал оттуда лисью шубу[\[65\]](#). Да что говорить, нет в мире животного коварнее Пса! На допросе этот толстомордый негодяй прикинулся невинной овечкой и все свалил на меня, старуху. Чтоб его, проклятого, разорвало! Верно в старину говорили: «Подлый, как пес, вороватый, как пес!»

Теперь о Шиншилле. Из зверей, что носят меховую шкуру, он первый разбойник. Всех его пороков и не перечесать. А уж до чего похотлив, до чего распутен! Осенью, когда созревают плоды и выпадает иней, Шиншилла соблазняет доверчивых девушек, принуждая их жить с ним под одной крышей, как с мужем. Когда жены его старятся и перестают уже удовлетворять его похоть, он заставляет их таскать для него желуди из леса или переносить в его нору зерно, которое он крадет из чужих закромов. А сам думает так: «Девять жен прокормить не так-то легко: приходится в день тратить девятидневный запас зерна! Пожалуй, для ухода за мной довольно и одной жены!» И вот прогоняет Шиншилла восьмерых и оставляет при себе одну. Скажите, разве столь бессердечный негодяй не способен на все? Ведь если он принудил меня похитить зерно из кладовой, то по сравнению со всем, что он вытворяет, это суший пустяк!

Не могу обойти молчанием и Крота. Нрава он хмурого, на душе у него мрак. Все звери наслаждаются благами Земли и Неба, радуются свету Солнца и Луны, лишь Крот бежит всего, прячется под землю, закрывается лапами от солнечных лучей. Можно ли доверять такому созданию?! Не скрою, в былое время Крот сватался ко мне, но я, конечно, ему отказала. С досады он и старается мне навредить. Вот каков негодяй! Ну а прочие обстоятельства, право, не стоят вашего внимания.

Лиса, как известно, существо вредное и хитрое. Если понадобится, она кем угодно прикинется: и облик, и душу изменит. Эта тварь оскверняет могилы, пожирает трупы — но голову мертвеца сохраняет, чтобы при случае принять его обличье; при встрече с мужчиной принимает она облик женщины, при встрече с женщиной — облик мужчины. Прельстит красотой да сладкими речами, а потом отнимет у Человека душу или загрызет его. Ей только и дела что Людей морить да пакостить им.

О Рыси могу сказать одно: повадки у нее такие же, как у Лисы, только менять обличье она не умеет. Зато проберется ночью в жилище Человека, схватит курицу с насеста или утку из птичника — и поминай как звали. Сколько от ее набегов вреда народу!

Про Ежа скажу так: хоть он и мал и подобен каштану, зато коварен и мелочен. Если вокруг никого нет, он распрямляется во весь рост, но только завидит Человека — тотчас сворачивается в клубок и прячется в опавших листьях. Лапы у него коротышки — ему не поднять дыню, что зреет на бахче, потому он и накалывает ее на спину и тащит к себе в нору, словно ребенка. Не сорвать ему и плода, что зреет на дереве, вот он и подглядывает в щели дома Шиншиллы и Крота и тащит у них все, что плохо лежит. Да что говорить, своими гнусными повадками он не отличается от Лисы и Рыси.

Выдра никаких забот не ведает — может жить и в воде, и на суше. Она бесчинствует в лесах, нападает на слабых тварей и пожирает их да еще кичится своим проворством и смекалкой. Ее пушистая меховая шуба хорошо защищает от холода; потому-то Люди, завидев Выдру, загораются желанием поймать ее. А Выдра, глупая, неосторожна — пытается спастись, она без толку прыгает и мечется. И тогда охотники, желая выгнать ее из зарослей, поджигают лес, от чего страдают все его обитатели! Выдра же заботится только о себе, о других — ничуть! Вот почему многие точат на нее зубы.

Не умолчу и о Сайге. Днем она прячется в лесной чаще, набивая брюхо мягкой травой и листьями, а ночью спускается с гор и вытаптывает поля, поедает ячмень, вынуждая крестьян голодать. А я-то всего-навсего

подобрала рис, рассыпанный по полу Королевской кладовой! Кто же из нас больше вредит: я или Сайга? Кто из нас настоящий преступник?

Зайца, самке которого родить что плюнуть, в древности «плевакой» называли. Но заячий род прославился не только плодовитостью: заячья душа известна своею подлостью. Встретит Заяц Тигра и начнет перед ним заискивать: «Дядюшка! Дядюшка!..» Провалится Заяц в яму — созовет Мух и заставляет их откладывать яички, чтобы по ним из ямы выкарабкаться. Хитростью заставил Заяц Черепаху [\[66\]](#) перевезти его через реку, хитростью победил он Орла. Разве может такая гнусная тварь чистосердечно признаться в своих грехах?

Что до Оленя, то природа не наградила его ни умом, ни изворотливостью. Зря он бахвалится, называя себя другом отшельников; ведь все знают, что Олень готов своровать пищу у любого охотника. Да он иного ремесла, чем воровство, и не знает! Олень почитает себя священным животным, но всякого зверя подозревает в желании подстроить ему ловушку. Олень не сознает своего ничтожества, но, право же, все, что он говорит, — одно бахвальство.

Что же сказать про Кабана? Тупее и упрямее твари нету на свете. Кабан всегда идет напролом. В желаниях он неводержан — готов проглотить разом чуть ли не целый дом вместе с черепичной крышей. В поисках пищи Кабан выворачивает с корнем деревья и ломает утесы, глотает кобр и других ядовитых змей, подрывает рылом бобы и просо на полях, пожирает все, что только ни попадется ему на пути. Это не вор, а ворище!

Баран и Козел с крестьянским хозяйством неразлучны, для хозяина они — большая ценность. Вот Люди и ухаживают за ними весьма усердно. Но ведь каждая жиринка, каждая шерстинка у этих животных смогли появиться только благодаря зерну. Я, старая, давно живу в кладовой и видела не раз: пролезут Баран и Козел через дыру в стене, кривыми рогами мешки с зерном распорют да и начнут в них копать. Только и слышно, как зерно с шуршанием из мешков сыплется. Что и говорить — в ограблении кладовой Баран и Козел немало повинны. А послушать их — так они никогда и близко к этой кладовой не подходили! Виданы ли где подобные лгуны? Прошу вас, ваша милость, приглядитесь к ним получше.

Про Обезьяну, которую называют подобной Человеку, скажу вот что: она подражает другим, когда надо и не надо; известна она также своей прожорливостью: чтобы набить брюхо, эта тварь не пожалеет ни себя, ни ближнего своего. Как-то раз Люди, хорошо знающие повадки Обезьян, пришли в лес, разложили вино и закуски и начали пировать, а сами то и

дело друг друга за руки хватают. Схватятся раз, схватятся другой — да так, чтобы Обезьянам видно было. Окончив пирушку, спрятались Люди за деревьями, а сами на Обезьян смотрят. И что же? Зная коварство Человека, Обезьяны держались поначалу в отдалении, но потом соблазнились остатками пищи; подошли к месту пирушки, начали пить вино да пожирать закуски и при этом крепко хватать друг друга за лапы. Тут Люди из-за деревьев повыскакивали и без труда всех Обезьян переловили! Видите, какие прожорливые твари Обезьяны. А эта негодяйка сначала соблазнила старуху Мышь на кражу зерна, а потом решила на меня же всю вину свалить. Вот какое вероломство!..

Что до Слона — тело у него великанье, а душонка мелкая, трусливая. Враждуем мы с ним издавна. Частенько, забравшись к нему в хобот, царапаю я слоновьи мозги и тем мщу за предков. Потому-то Слон и ненавидит весь наш мышинный род. Что ж тут удивительного, если он оклеветал меня?

Про Шакала скажу одно: ни дать ни взять убийца, хотя напасть на Человека у него силенок недостает. Будь он силен, как Тигр, он и вредил бы не меньше Тигра.

А Медведь? Силен, как Тигр, но храбростью уступает даже Шакалу. Пока вы не вспорете ему шкуру и не подпалите ее на огне, ни за что в своих преступлениях не признается.

Что же касается Мула и Осла, так эти твари только и умеют, что хвастать своею выносливостью да вопить во всю глотку. Но стоит, ваша милость, пригрозить им строгою карой, они тотчас во всех преступлениях признаются.

Вол и Конь — притворщики, делают вид, будто удары кнута им не нужны, будто они и без того слушаются погонщика. Но попробуйте только ослабить узду — они тотчас заберутся в огород; снимите упряжь — сразу побегут набивать себе брюхо жратвой. Ну, разве не подлые твари? А лягнуть насмерть хозяина или переломать кости его родным — ни тому ни другому ничего не стоит! Напрасно ваша милость думает, будто можно их приручить, будто можно им верить!

Теперь о Единороге. Мудрецы прославили его как самое что ни на есть добронравное животное. Увидеть во сне Единорога — хорошая примета. Потому-то вы, ваша милость, так к нему и расположены — не дает против него дурного слова молвить. Но для меня добродетели Единорога под сомнением, и вот почему: во-первых, на конце единственного рога висит у него кусок мяса. Правда, говорят, Единорог Людей не убивает, вреда зверям не чинит, но это, я полагаю, просто от

немощи. Иные склонны почитать Единорога царем всех трехсот шестидесяти видов живых тварей, одетых шерстью. Но ведь могущество этого зверя и в сравнение не идет с могуществом Тигра или Волка. Живут Единороги не стадами, а поодиночке, в захолустных уголках, избегая шумных поселений. Я, собственно, не вижу разницы между Единорогом и обитающим в глухом лесу бездельником анахоретом, у которого только и есть хорошего, что громкая слава... Кроме того, сомнение вызывает у меня и следующее: просвещенность Яо и Шуня не уступала мудрой просвещенности Конфуция, но никогда я не слыхала, чтобы в садах Яо и Шуня обитал Единорог. Значит, поверие, будто Единорог всегда рождается одновременно с мудрецом, — всего лишь пустая болтовня. На первом году правления князя Ай-гуна охотник поймал Единорога. Зверь этот был никому не ведом, и только Конфуций открыл, что это Единорог. И вот теперь, пока не родился новый Конфуций, любое неизвестное животное именуют Единорогом и взирают на него как на чудо. Но это такое же заблуждение, как называть Оленя Лошадью. Поверьте, ваша милость: много есть на свете созданий, слава о мнимых добродетелях которых непомерно раздута! Люди говорят, что когда Конфуций, составляя «Весны и Осени», дошел до слов «охотники поймали Единорога», он уронил кисть и заплакал. Но это весьма сомнительно. Во времена «Весен и Осеней» дети нередко убивали родителей, вассалы умерщвляли правителей, воины одной страны топили в потоках крови народ другой, варварские племена разрушали китайскую культуру! Ужасные, раздирающие душу события! Так вот, говорят, Конфуций, дойдя до слов «охотники поймали Единорога», внезапно опечалился и не мог более взяться за кисть. Итак, мудрец, принявший на себя заботу обо всем сущем, не в силах был вознести зверя превыше Человека! Логика, которую очень ценил Конфуций, учит нас, что подлинно благородным должно почитать лишь того, кто обладает и добротой, и мудростью. А посему, увидев, что прославленный зверь, коего почитали до чрезвычайности мудрым, оказался настолько глуп, что попал в западню, Конфуций понял: случилось это потому, что Единорог, ослепленный алчностью, не мог разобрать, куда можно и куда нельзя ступать. Не сочтите, что все это я измыслила, дабы оправдаться в своем прегрешении. Я открываю то, что лежит у меня на душе, и думаю, что поступаю правильно. Простите же, если речь моя не всегда понятна.

А про Льва скажу вот что: рожден он в Индии, и почитается священным животным. Но ведь буддизм, тоже рожденный в Индии, не есть тот путь, который должно избирать человечество; пустыми, лживыми

словами буддизм лишь смущает народ, заставляя его поклоняться идолам. И вот индийский Лев, воспитанный на учении Будды, тщится доказать, что он царь, и для устрашения всех прочих тварей издает громоподобное рычание. Говорят, Будда сиянием своей мудрости ослепляет злых духов и освещает мир с десяти сторон; говорят, Будда из глины создал Человека. Но если вы заглянете ему внутрь через «задние ворота», то увидите одно дерьмо! А раз сам Будда таков, то Лев, на котором он ездит, не более чем бездушная плоть! Наша мышинная братия по ночам пожирает в храме приношения, предназначенные Будде, а Будда, бесчувственный идол, восседая на золотом Льве, безгласно взирает на эти бесчинства. Когда буддийские монахи издают «львиный рык»[\[67\]](#), бьют в колокола и возносят моления Будде, в душе они славословят не его, а молодых красоток и вкусную свежую рыбу. Лев — такой же ханжа, как они, а потому уважения он не заслуживает.

Наконец, о Драконе и Тигре. Величавые, священные животные! И все же, не в обиду им будь сказано, они сурово обращаются с живыми созданиями, будь то Человек или Зверь. Разве Тигр не поедает с жадностью всех теплокровных? А Дракон? Небо даровало ему власть над ветрами и тучами, он же употребляет эту власть во зло! Разве не Дракон, насылая смерчи и ливни, уничтожает людские жилища и посевы, превращает их в отравленную пустыню? Жестокость Тигра и бессердечие Дракона известны исстари, и я не стану лишний раз поминать их. Так почему же ваша милость дарит их своим уважением и доверием? Будь я, старая, сильна, как Тигр, и могуча, как Дракон, вы, наверно, не стали бы называть меня воровкой! Но что я перед вами?! Мелкая зверюшка! Сколько унижений я претерпела, сколько отведала в жизни горечи!..

Итак, ваша милость, я раскрыла перед вами суть каждого зверя, и не только зверя, но и бессердечных Ивы и Персика, а также «священного» Тигра и «священного» Дракона. Все они — создания природы. Водится среди них и мелюзга, подобная мне, идущая у них на поводу и подстрекаемая ими на преступления. Поверьте же, ваша милость, моему чистосердечному признанию: лжи в нем нету ни капли!

Молча выслушал Хранитель кладовой пространные объяснения старой Мыши, смежил в раздумье веки, потом открыл их и сурово изрек:

— Негодная тварь! Клеветница! Ничтожество!

И приказал тюремщикам надеть на Мышь колодки.

В притворном раскаянии пала преступница перед грозным судьей ниц и трепетным голосом взмолилась:

— Выслушайте меня, ваша милость! В детстве случилось гулять мне

под окнами школы; слушала я, как дети учатся, слово за словом разбирая по книге, и сама кое-чему научилась. Уж если ласточки умеют читать «Суждения и речи», а лягушки — «Мэн-цзы»[\[68\]](#), то разве не могу и я выучить все это? В древних книгах написано: «Когда погибает птица, в ее крике жалоба, но не угроза; когда умирает человек, в его речах — доброта». Итак, люди и животные одинаково незлобивы, хотя не во всем походят друг на друга. Я поведаю вам, ваша милость, все без утайки. Выслушайте же мою предсмертную исповедь! Вы должны мне поверить!

Видит хитрая Мышь, что слова ее растрогали Духа. Воодушевилась она еще более и снова заговорила:

— Усерднее всех помогали мне Улитка и Муравьи. Уж так я мучилась, пытаюсь беззубым старушечьим ртом прогрызть крепкие стены кладовой! Но тут приползла Улитка. Пожалела она меня, обильно смазала стены слюной, что текла у нее из раковины, словно кунжутное масло из разбитой бутылки. Потому-то я и справилась с тяжелой работой. Это ли не пособничество преступлению?

Грызу, значит, я стену, рою лапами землю, а кругом пыль столбом, труха сыплется — ни глаз открыть, ни дух перевести... На мое счастье, увидела это Царица Муравьев, созвала свое войско и повелела перенести выкопанную землю подальше от дыры. Я и оглянуться не успела, как Муравьи с работой управились; тут только смогла я вздохнуть свободно. Дала я лапам маленько поразмяться и вскоре без особого труда довершила дело. Не помоги мне Муравьи, никогда бы мне в кладовую не пробраться!

Выслушал Дух-хранитель признание Мыши. Повелел он святому воинству поймать Улитку, перевязать ее поперек туловища веревкой и приволочь в суд. Приказал он также найти муравейник, завернуть его в большую шкуру и вместе со всеми Муравьями доставить в суд. Выполнили воины приказание, и начал Хранитель кладовой допрашивать обвиняемых.

Глотая слюни и утирая слезы, уныло пропищала Улитка:

— По душе мне сырые места, потому-то тело мое никогда и не высыхает. Приклеюсь я к старому камню или замшелым плитам да так и сижу, а когда ползу, оставляю слюну на развалившихся заборах и рухнувших стенах. Рожки мои насмешливо торчат, как бы посмеиваясь над любителями мелких распрей, круглый домик мой создан в насмешку над жилищами дикарей[\[69\]](#). Никогда я не выпускаю слюну с целью захватить добычу, как же могла я быть соучастницей преступления?

Привели к Хранителю кладовой Муравьев. Выстроились Муравьи в ряд по-военному и в один голос, негодуя, заявили:

— Потомки воинственного племени и сами хорошие воины, стоим мы

всегда за правду и не терпим лгунов. В свое время щедро отблагодарили мы Сун Ци за Бамбуковый мост{70}, а Чуньюю показали{71} во сне блага Страны Ясеневого Покоя. Старая поговорка гласит: «От муравьиной норы и тысячеверстная плотина рушится!» Но верьте нашему слову: не трогали мы землю у Королевской кладовой, как не трогали государственную казну. Мы занимались своим обычным делом — обучались построению войск, а лживая Мышь наговорила про нас невесть что! Как же тут не гневаться?!

Выслушал Дух-хранитель речи Улитки и Муравьев, повелел отправить их всех в темницу, а Мыши приказал назвать истинных пособников преступления.

Старая Мышь — мешок хитростей — думает: «Наземные животные упрямы, неповоротливы и глупы, — их трудно заподозрить в подстрекательстве к преступлению. Зато пернатые, парящие в воздухе, от природы легки и ясны духом, нрав у них податливый, а ум неглубокий. Затуманю им головы своей болтовней, напугаю неприступностью судьи — разве посмеют перечить мне те, кто порхает в воздухе, танцует в облаках, щебечет по утрам и воркует по вечерам? Взвалю на них вину — и дело с концом!»

И вот, приняв смиренный вид и призвав Небо в свидетели, снова заговорила Мышь:

— Когда я, старая, собралась грызть стену кладовой, ночь была темным-темна, хоть глаз выколи. Стукнулась я головой о камень, ноги завязли в грязи — ни вперед, ни назад. Тычусь, как слепая, нащупываю дорогу, а сама боюсь в мышеловку угодить. Я уж отказалась было от своего намерения в кладовую пробраться, но только было собралась уходить, как прилетел из леса Светлячок и зеленым огоньком посветил мне. С его помощью я и пробралась в кладовую. Кто же, если не Светлячок, помог мне похитить зерно?

Хорошую службу сослужил мне Петух. Стала я усердно грызть стену, но стена была толстая и крепкая — немало пришлось потрудиться, прежде чем работа подошла к концу. В спешке я и не заметила, как рассвело. Но тут Петух, хлопая крыльями, прокричал свое «кукареку». Смотрю я: на востоке уже заалели лучи солнца, откуда-то доносятся людские шаги и голоса. Бросила я работу, кинулась со всех ног в свою нору да и притаилась там, едва дыша от страха. Не предупреди меня Петух, попала бы я в руки сторожей. Кто же, как не Петух, помог мне?

Хоть и знал уже Дух коварство и лживость старой Мыши, а все же решил еще раз поверить преступнице. Повелел он привести обвиняемых и в гнев сказал Светлячку:

— Драгоценным огнем надлежит тебе освещать путь к Истине. Почему же ты стал сообщником преступления?

Спросил он и у Петуха:

— А зачем ты помог преступнице?

Дрожа мелкой дрожью, отвечал перепуганный Светлячок:

— С незапамятных времен зарождаюсь я в гниющем сене, обитель моя — дремучие леса. Когда налетает прохладный осенний ветер, я распускаю крылья и лечу; когда солнце заходит за горы, зажигаю свой огонек и лечу. Случается, опускаюсь я на письменный стол ученого и заменяю ему свечу, иногда сажусь на одежду поэта, озаряя его седые волосы. При свете солнца я угасаю, во мраке ночи никогда не лгу.

Ну и удивился Петух, когда взяли его под стражу. Нежданно-негаданно свалилась на него беда: впервые попал он в суд. От испуга вытянул Петух шею и стал хрипло кричать, но вскоре успокоился, распрямил красный гребешок и заговорил:

— Мое дело — возвещать зарю! Голос мой призывает солнце! На заставе Ханьгу спас я от погони Тянь Вэня{72}, ночью заставил Цзу Ти плясать от радости{73}. Мой утренний клич напоминает вассалу о верности государю, а добродетельной жене — о нерадивости гуляки мужа. Не причастен я к преступлению Мыши!

Допросив Светлячка и Петуха, Дух повелел отвести их в темницу, а сам сказал Мыши:

— Знаю теперь, что светить в темноте — назначение Светлячков, а кричать по утрам — обязанность Петуха. Значит, ни Светлячок, ни Петух не могли быть соучастниками твоего преступления, невиновность их очевидна. Кто же был твоим сообщником? Говори немедленно!

Назвала Мышь Кукушку и Попугая.

— Прогрызла я стену кладовой, а предо мной — земляная насыпь; с трудом разгребая землю, стала я перетаскивать ее в другое место. Мне и невдомек, что поблизости Кошка притаилась, глаз с меня не спускает. Но тут села на дерево Кукушка и прокуковала: «Лучше вернуться! Лучше вернуться!»{74} Я сразу догадалась, что грозит мне опасность, и кинулась со всех ног к своей норе. Тут-то Кошка на меня и прыгнула: когти выпустила, зубами скрежещет; да только я уже далеко была! Так спаслась я от коварной хищницы. Разве не Кукушка помогла мне избежать беды?

Но это еще не все. На другой день попробовала я снова в кладовую пробраться; гляжу — передо мной куча камней, сдвинуть их мне не под силу. «Ну, думаю, придется бросать эту затею!» Но тут прилетел Попугай, сел на ветку и говорит: «Мышь, прогрызи дыру! Мышь, прогрызи дыру!» Я

и послушалась; забыв про усталость, с новыми силами принялась за дело. Разве не вправе я сказать, что на преступление толкнул меня Попугай?

Выслушал Дух эту речь и велел воинам привести подстрекателей.

Горько заплакала Кукушка:

— Я — душа покойного властителя царства Шу, извечный гость Башаньских гор. Можно ли не печалиться вдали от родины? Когда луна горюет над безлюдными горами, я кукую: «Лучше вернуться! Лучше вернуться!» Поэт услышит — прослезится, путник услышит — задумается. От века звучит в лесу мой голос, почему же уверяет эта Мышь, что пела я ради нее?

Затем шумно затараторил Попугай:

— Я выходец из Луншаньских гор, желанный гость Людей. Разумом постигаю я мирские дела, речью могу подражать Человеку. Во дворце тайского императора читал я стихи, в доме почтенного Яна разоблачил коварную изменницу, звал меня Мин-хуан{75} и «Белоснежкой», и «Зеленым чиновником». Поэт Ми Хэн воспел меня как «Священную птицу с Запада», а Бо Цзюйи прославил мою родину, что к востоку от Янцзы. Душа и повадки у меня птичьи, но разговариваю я языком человеческим. Да разве мог я, священная птица, участвовать в преступлении Мыши? Поболтать я люблю, вот Мышь и воспользовалась моей слабостью, чтобы возвести на меня поклеп. Впредь буду я молчать, рта не раскрою, что бы ни случилось!

Выслушал Дух Кукушку и Попугая и думает: «Попугай, конечно, не виновен. К тому же он открыл мне, что обладает чудесным даром — изобличать преступников; надо будет иметь это в виду. Кукушка же — птица беспокойная и мстительная, Людей не любит. Но что ни говори — она душа властителя царства Шу, значит, обращаться с ней надо бережно».

И порешил строгий судья отослать Попугая обратно в горы Луншань, а Кукушку поселить в саду, подле кладовой, усадив ее на Рододендрон, прозванный «Кукушкин цвет». Отдал Дух надлежащие приказания и говорит Мыши:

— Кукушка куковала без всякой цели. Попугай разговаривал сам с собой. Кто же, наконец, твои сообщники?

Назвала Мышь Иволгу и Бабочку.

— День изо дня набивала я, старая, брюхо белояшмовым рисом и жила припеваючи. В один погожий вечер, когда поблизости и человеческого голоса не было слышно, отправилась я в свое излюбленное местечко утолить голод. Прихожу, а на дереве сидит золотистая Иволга; прилетела неведомо откуда и нежным голосом чудесные песни поет, а меж

цветов, соревнуясь в танце, порхают белые Бабочки. Обрадовалась я и стала с ними резвиться — они ведь мои закадычные друзья.

Подумал Дух и повелел святому воинству доставить в суд обвиняемых. Привели воины Иволгу и Бабочку. Спрашивает их Хранитель кладовой:

— Правда ли, что вы резвились с Мышью? Правда ли, что подбили ее на преступление?

Нежным, трепетным от волнения голосом ответила Иволга:

— Когда налетает восточный ветер и перестает моросить дождик, цветы в горах улыбаются своими нежными устами, а ветви Ивы, что склонилась над рекой, раскрывают — будто глаза — зеленые почки и колышутся в танце. Тогда я покидаю тихие долины и улетаю в цветущие луга, в зеленые чащи. Пронзительный, как игла, голос мой прогоняет весенние сны, а легкое, словно ткацкий челнок, тело порхает меж ветвей плакучей Ивы. С давних времен своими песнями перекликаюсь я с поэтами... Да разве могла бы я делить радость с таким ничтожеством, с таким подлым существом, как эта мышь?

Затем, взмахивая хрупкими крылышками, заговорила Бабочка:

— Когда у подножия гор расцветают цветы, а у речной дамбы зеленеют чудесные травы, наши белые крылья мелькают, словно снежинки в дуновении легкого ветерка; танцуем мы парами, напоминая опадающие лепестки цветов. Вместе с отшельниками искали мы дорогу в зеленых горах, мы являлись во сне Таньюаньцу...[{76}](#) Я от рождения веселого, легкого нрава — что же в этом преступного?

Допросил Дух Иволгу и Бабочку и думает: «Распевать песни и плясать любят одни только повесы да развратницы. Нет, ни Иволге, ни Бабочке верить нельзя!» И повелел он заключить обеих в темницу. Потом обратился к старой Мыши:

— Когда щелкает Иволга, Люди называют это песней, когда порхают Бабочки, Люди называют это танцем. Но ведь для Иволги и Бабочки песня и танец — не развлечение, это их обычное занятие.

Сказал так Дух и повелел Мыши выдать подлинных сообщников.

Называет Мышь Ласточку и Лягушку.

— Я жалкая, ничтожная зверюшка, попав в кладовую, нежданно-негаданно разбогатела. Сбылись мои мечты, стала владеть я огромными запасами риса и зажила припеваючи, не завидуя даже Тигру. Одно не давало мне покоя: как быть, если преступление раскроется? Ломаю над этим голову, а тут на южной стороне, под стрехой крыши, появляются две Ласточки и приветливо щебечут, обращаясь ко мне: «Чжи чжи вэй чжи

чжи, бу чжи вэй бу чжй, ши чжй е»[\[77\]](#), что означает: «Я знаю: что знаю — то знаю, чего не знаю — того не знаю». И так они повторили сто, тысячу раз. Я, конечно, поняла, что, когда преступление будет раскрыто и судья учинит мне допрос, я должна отвечать только: «Бу чжи, бу чжи» — то есть: «Не знаю, не знаю».

Передохнув, Мышь продолжала:

— И вот, когда мне на старости лет повезло — привалило богатство, Лягушки, что живут в пруду, поблизости от кладовой, стали мне завидовать. Выпятив животы и раздув щеки, они упорно надоедали мне; голосами трескучими, будто крестьянский барабан, без конца твердили они: «Ду лэ юэ, юй чжун лэ юэ, шу лэ»[\[78\]](#), что означает: «Ты радуешься одна, не лучше ли радоваться вместе?» Лягушки давали этим понять, что я должна поделиться с ними богатством. Они изрядно докучали мне своим кваканьем, но ни одна не донесла на меня в суд, за что я, скажу по совести, весьма им благодарна. Как видите, ваша милость, в конечном счете Лягушки-то мне и помогли!

Выслушав признания Мыши, Хранитель кладовой призвал Ласточку и Лягушку и учинил им строгий допрос.

Вскидывая голову и оправляя черные перышки, Ласточка взволнованно прошептала:

— С давних пор мы, Ласточки, обитаем к югу от Янцзы. Весной супружеские пары улетают в северные края, а осенью возвращаются с детишками на родину. Мы приносим в клювах красную глину и строим себе гнезда под стрехами крыш. Когда дует ветерок, мы летаем по улицам столицы, предвещая перемену погоды. Охотно резвимся мы вокруг цветов, порхаем среди ивовых ветвей. Речь мы заимствуем у поэтов, буквы учим по сочинениям ученых. Мы служим Людям, доставляя их письма в далекие края. Сердца наши вечно тоскуют о героях минувших дней. Всегда говорим мы только правду, зачем же Мышь называет нас обманщицами?

Раздувая грудь наподобие кузнечных мехов, заговорила разгневанная Лягушка:

— Мы, Лягушки, существа незаметные, живем, не вылезая из колодца[\[79\]](#). Когда в пору желтых слив моросит мелкий дождик или серебристая луна освещает наш заросший зеленой травой водоем, мы не можем удержаться, чтобы не пропеть «юэ-юэ» — «радость-радость». Выразить свои чувства иначе мы не умеем. В старину глупец гадал[\[80\]](#): для кого мы поем? Но стоит ли над этим задумываться? Конечно же, только для себя! А у жадных Мышей иной заботы нет, как только брюхо себе набивать!

Отправил Дух-хранитель Ласточку и Лягушку в темницу, а сам говорит Мыши:

— Щебетание девочек Ласточек и кваканье ветрениц Лягушек — их обычный разговор. Назови же мне своих настоящих сообщников!

И назвала ему лгунья Летучую Мышь и Воробья.

Схватили Летучую Мышь в полдень, при ярком свете солнца. Не в силах раскрыть глаза, растерянno шарахалась она из стороны в сторону. Впервые увидел Хранитель кладовой столь мерзкое создание. Допросил Дух Летучую Мышь. Трепеща от страха, пробормотала она:

— Когти мои — острые иглы, крылья — подобны круглому зонту, но передвигаюсь я весьма осторожно, ибо всему предпочитаю покой. Я не птица, но и не животное — я нечто среднее, я не дружу ни с птицами, ни с животными. Сухими безветренными ночами вылетаю я из гнезда и охочусь за насекомыми, на рассвете, когда прячется луна и гаснут звезды, сажусь на деревья и поедаю плоды. По невежеству часто путают меня с Мышью, но я совсем иное существо!

Затем боязливо вертя головой, жалобно зачирикал Воробей:

— Разум помогает нам, Воробьям, выбрать дерево, чтобы свить себе гнездо. Любим мы галдеть на полях, склевывая спелые колосья, а когда прольется дождь, охотно пьем росу из чашечки цветка. На рассвете отгоняем мы от поэта сон, весной воспеваем природу. Как можем мы, парящие в облаках, жить в согласии с теми, кто ползает по земле?!

Не по нраву пришлась Хранителю кладовой Летучая Мышь, а чириканье Воробья просто раздражало его... И повелел Дух отправить обвиняемых в темницу. Потом обратился он к старой Мыши:

— Не могу поверить, что Летучая Мышь и Воробей были с тобой в сговоре. Назови, наконец, истинных подстрекателей!

И тогда назвала Мышь Ворону и Сороку.

— Всем известно, что Ворона — зловещая птица, Сорока же всегда держится рядом с ней. Свили они гнезда на высохшем дереве у входа в кладовую, да и глазели изо дня в день на мои проделки. Но в управу не доложили! Более того, они лгали, будто ничего предосудительного не заметили! Разве не скрыли они от властей мое преступление?

Вызывает Дух Ворону и Сороку.

Печально поникнув клювом, прокаркала Ворона:

— Я наследница Золотой птицы [{81}](#) — Солнца, супруга Яшмового зайца. Соплеменники мои слетались некогда ко дворцу императора Шуня, чтобы прославить великого Мудреца; летая по дорогам государства Силла, разоблачали мы бунты и мятежи. Поэт Мэй Шэньюй восхищался в своих

одах нашими пророчествами, великий Ли Бо звучными стихами воспел нашу правдивость. В День холодной пищи выкрадываем мы с могил бумажные деньги и летаем с ними по свету; осенью, когда опадают листья, улетаем в дальние края, унося с собой заходящее солнце. Меня называют священной птицей — могла ли я участвовать в преступлении этой твари? Есть старинная поговорка: «Любишь человека — люби и ворону на крыше его дома». Вы же, ваша милость, не любите мышей и переносите свою нелюбовь на птиц, у которых нет с мышами ничего общего. Как же тут не печалиться, как не досадовать?

Затем, прыгая по залу, застрекотала разгневанная Сорока:

— Природа наделила меня не только сметливостью, но и бойким говорком. Живу я на деревьях близ людских селений; хорошо зная, куда дует ветер, я первая приношу людям радостные вести. Это я в стране Куриный Лес подала весть старухе о сундуке и короле Сок Тархэ, это мы, сороки, выстроили для Пастуха и Ткачихи мост через Серебряную реку^[82]. Никогда никто не называл меня преступницей! Не верьте, будто я помогала этой хищной Мыши!

Окончил Дух-хранитель допрос, отправил Ворону и Сороку в темницу и говорит Мыши:

— Ясно мне, что Ворона и Сорока невиновны. Кто же все-таки подстрекал тебя к воровству?

Отвечает Мышь: Коршун, мол, и Сова.

Злобно глянул Коршун на Мышь и, негодуя, заявил:

— Летаю я под самым небосводом, и мудрецы воспевают мой горделивый полет. Когда я протяжно кричу, призывая дождь, крестьяне знают, что настанет непогода. Люблю я резвиться в голубом небе, пищу предпочитаю дымящуюся кровью: часто нападаю на зайцев, похищаю цыплят. Очень сожалею, что уже давно не заклевал эту старую Мышь!

Сова заухала:

— Когда я была молода и глупа, совершила я тяжкий грех: убила свою мать... С тех пор не могу я поднять головы и в ясный день показаться на свет. Когда луна уходит из леса, я кричу зловещим, сдавленным голосом; когда под старыми деревьями сгущается туман — летаю, взмахивая короткими крыльями. Заслышав человеческий голос, прячусь подальше, даже звери пугают меня. Пусть я навеки опозорена — не желаю разевать клюв, чтобы оправдываться перед Мышью. Ведь эта гнусная, бессердечная тварь проникла в Королевскую кладовую и сожрала зерно — народное достояние! До конца своих дней буду сожалеть, что не истребила весь мышиный род!

Выслушал Дух речи Коршуна и Совы и, возмущенный кровожадностью этих птиц, повелел заключить их в темницу. Потом обратился к Мыши:

— Коршун и Сова — твои враги, и оговорила ты их из мести. Сознаешься ли ты наконец, кто были твои сообщники?

Мышь назвала Гуся и Утку.

Задержали Гуся, привели в суд. Захваченный врасплох, зашипел Гусь, пригибая шею к земле:

— Живу я близ рек и озер, а иногда и в доме Человека. Некий Чэнь Чжунцзы, впервые увидев меня и отведав моего мяса, выплюнул его, за что получил прозвище «Бескорыстный», даос из Шаньиня подарил знаменитому Ван Сичжи Гуся, а тот переписал для него книгу «О Пути и Добродетели». Резвясь в прозрачных водах, играю я со своей тенью, поклеываю солнечные лучи, сушу перья. Всю жизнь восставал я против воровства, а вы обвиняете меня в пособничестве воровке! Разве не обидно?!

За ним, задрвав длинный клюв, закрикала Утка:

— Днем плещусь я в реках и озерах, ночью сплю или бодрствую на берегу. Ноги у меня короткие, но душе доступно высокое. Иногда прихожу я к Людям и живу у них без забот. Да разве стану я побираться у мышиных нор?

Окончив допрос, повелел Дух заключить Гуся и Утку в темницу и говорит Мыши:

— Гусь и Утка ни в чем не повинны. Открой мне всю правду!

Надумала тогда Мышь обвинить в подстрекательстве Крапивника и Голубя.

Тонким голосом пропищал Крапивник:

— Я крохотная птичка: когда сажусь на дерево, меня принимают за кусочек пчелиных сотов; когда летаю — похож на дождевую каплю. Если и много полыни на лугу, все равно несу я в гнездо не больше одной травинки. Если и много в поле колосьев, все равно наедаюсь я досыта двумя зернышками. Смешно мне, когда птицы дерутся из-за пищи: никогда я не голодаю и этим весьма горжусь. Могла ли такая бескорыстная пичужка, как я, подружиться с этой обжорой?

Потом нежно заворковал Голубь:

— Когда в долины приходит весна и зацветают абрикосы, сушу я свое оперение в теплых лучах солнца, и легкий ветерок овеивает мое тело. Воркую я, призывая лето, а потом улетаю навстречу вечерней заре. Меня называют Вестником сева, ибо песнями я призываю крестьян готовиться к

пахоте. Разве мог я участвовать в преступлении?

Выслушал Дух-хранитель Крапивника и Голубя, повелел заключить безобидных птиц в темницу, а сам говорит Мыши:

— Крапивник и Голубь сказали чистую правду — неповинны они в преступлении. Говори же, кто твои сообщники!

Называет тогда Мышь Перепела и Фазана.

Привели в суд Перепела; потряхивая маленькой головкой и едва приметным хвостом, взмолился он:

— Соплеменники мои живут в камышах, питаются травами и ягодами. Мясо наше вкусно, как фазанье, хотя с виду мы от фазанов отличаемся. Нередко становимся мы, перепела, добычей четвероногих. Подобно мудрецам, не имеем мы постоянного пристанища; подобно бедняку ученому, ходим в лохмотьях. При такой скромности к чему нам зариться на чужое добро?!

Наступила очередь Фазана. У подножий гор, на ступенчатых скалах, под карликовыми соснами вьет он теплое гнездышко. Сладка, как мед, была жизнь у Фазана с Фазаночкой, и вот затребовали Фазана в суд...

— Я горная птица, частый гость полей и садов, — испуганно залопотал Фазан. — Конфуций восхищался мною и прозвал меня Горным Гребнем, но императрица Люй переименовала меня [{83}](#) в Дикого Петуха! При звуках моего голоса несчастный чиновник вспоминает о своем одиночестве и поет грустные песни, узорами цвета моих перьев вытканы королевские одежды! При виде фазаньего мяса у многих текут слюнки... А эта подлая тварь желает запятнать мою честь! Ее острая морда отвратительнее пасти Тигра! Если, по-вашему, я заслуживаю смерти, я готов умереть!

Допросил Дух Перепела и Фазана, повелел отправить их в темницу, а потом говорит Мыши:

— Ясно мне, что Перепел и Фазан к хищению зерна непричастны.

Тогда назвала старая Мышь соучастниками своего преступления Сокола и Ястреба.

Осенним утром парил в небе Сокол... Вдруг напали на него святые воины и потащили в суд. Чуть не задохнулся Сокол от гнева. Молнией сверкнули его глаза, раскрыл он свой острый клюв:

— Я смел духом и жесток сердцем. Когда голоден — иду к Человеку, когда сыт — летаю, где вздумается. Завоет выюга — взмахну сизыми крылами и скроюсь в лесу, наступит ночь — вслед за серыми волками спускаюсь в долину. Могущество мое устрашает земных тварей, грозный взгляд приводит в трепет тварей небесных. Даже у свирепого Тигра при

встрече со мной душа замирает, что уж говорить о всякой мелюзге! Сожалею, что ни разу не клюнул я эту старую Мышь. Оправдываться же в том, в чем я неповинен, не стану!

Затем, расправив серые крылья, заговорил разгневанный Ястреб:

— Мне нетрудно раздобыть себе пищу: крылья мои быстры, как стрела, выпущенная из лука, — подобно острому ножу со свистом рассекают они воздух. Нападая на свою жертву, распугиваю я всю стаю; заслышав вдали ястребиный клекот, звери и птицы в испуге кидаются врассыпную. Кто осмелится вступить в сговор со мною? Грудь моя полна неистового гнева, ярость не дает мне говорить...

Повелел Дух-хранитель заключить Сокола и Ястреба в надежную клетку и говорит Мыши:

— Сокол и Ястреб — могучие птицы, к чему им якшаться с такой мелюзгой, как ты?! Назови лучше истинных подстрекателей!

Называет Мышь Дикого Гуся и Лебеда.

Лунной ночью летел Дикий Гусь с попутным осенним ветром в края рек и озер — тут-то его и схватили святые воины. Жалобно и протяжно загоготал он:

— Живу я к югу от Янцзы, в Гуаньшаньских горах. Когда наступают холода, выхожу я из камышей и лунной ночью улетаю в теплые края, — тень моя мчится тогда по осенним полям... Летаем мы, Гуси, вереницей, тщательно сохраняя равнение — так безопасней для стаи. Всегда удавалось мне избежать стрел Человека, но вот, к несчастью, попал я в сети преступницы. Об одном сожалею: что не могу улететь в далекие страны. Умереть бы мне поскорее!

Летал над землею бездумный Лебедь — высоко над ним простиралось небо... Внезапно схватили его воины Духа-хранителя. Молвил он, горделиво изогнув длинную шею:

— Мирских дорог я сторонюсь, мысли мои — высоко над облаками. Но тесен мир — негде укрыться от опасности; солнце и луна загадочны и непонятны, потому-то думы мои и стремятся ввысь. Рад бы я сопровождать Дикому Гусю, улетающему в теплые края, не пристало мне дружить с убогими тварями, что копаются в земле... Схватили меня по ошибке, оправдываться я не желаю.

Запер Дух-хранитель Дикого Гуся и Лебеда в клетке, повелел отнести ее к пруду, что в саду подле кладовой, и говорит Мыши:

— Дикий Гусь и Лебедь существа незлобивые — не могли они вступить с тобою в сговор. Назови же истинных сообщников!

Назвала Мышь Аиста и Крякву.

Задержали Аиста. Вытянув длинную шею, забормотал он:

— Попить и поесть на поле или на лугу — вот и все мои радости! Только когда темнеет — пристраиваюсь я на вершине дерева, у ручья; после дождя тихо брожу в камышах. От души ненавижу тех, кто швыряет в меня галькой, и потому всегда остерегаюсь ребятишек. Птицы отличаются от зверей, а разве между черным и белым различия нет?

Потом заговорила Кряква:

— Люди меня любят, но я не могу жить среди этих дикарей. Когда бледнеет луна и утренний туман одевает землю, мы, кряквы, перекликаемся друг с другом; когда небо окунается в осеннюю воду — вместе с вечерней зарей улетаем всей стаей на юг. Обличьем своим похожа я на старца в соломенном плаще, походкой — на сельского писаря со счетными книгами под мышкой. Душа моя чиста, как яшма! Хоть нож к горлу приставьте — вины за собой не знаю!

Отправил Дух-хранитель Аиста и Крякву в темницу и говорит Мыши:

— Не Аист и не Кряква подбили тебя на воровство. Сознайся, кто же?

Называет тогда Мышь Чайку и Белую Цаплю.

...Реяла Чайка над безбрежным морем и вместе с маленьким корабликом, барахтавшимся в пене, насмехалась над волнами. Схватили ее воины, и сказала Чайка:

— Я покинула землю ради морских просторов, но поэты желают дружить со мною, рыбаки приглашают повеселиться с ними. Я засыпаю, когда восходит луна, и смеюсь, когда дождь застает меня на берегу. Мыши так же не похожи на чаек, как простые смертные на святых!

Цапля, с ног до головы разодетая в белые перья, выглядела, право же, очень величественно... Но вот поймали Цаплю. Обиженная, заговорила она:

— Издавна живу я вблизи рек и озер, не ведая мирской суеты. Перья мои подобны инею, лицо — словно белая яшма. Когда погружаюсь я в голубые весенние воды, люди узнают меня издалека; когда брожу в камышах — даже рыбы стаи не бегут от меня. В лучах утреннего солнца сушу я длинные свои одежды, в вечерней дымке прячусь от людей. Да разве могу я, чье чистое тело омыто синими волнами, быть заодно с теми, кто копошится во прахе?

Повелел Дух отправить Чайку и Цаплю туда, где заключены были Дикий Гусь и Лебедь, потом призвал к себе Мышь.

— Чайка и Цапля — водяные птицы, у них свои заботы. Опять ты обманула меня!

Призадумалась Мышь. «Чайка и Цапля — с виду благообразны, по

природе своей бескорыстны, трудно заподозрить их в преступлении. Назову-ка я лучше подстрекателями птиц злобных и опасных!» И Мышь назвала Беркута и Орла.

Сидел Беркут на высокой скале и, высматривая добычу, обозревал окрестности. Тут-то и схватили его воины. Гордо сказал Беркут:

— Я смелая, хищная птица; крылья несут меня подобно урагану. Если даже я голоден, птиц я не ем, поэт хвалил меня за это. Когда я болен, я страдаю от людской ненависти — вспомните стихи Ду Фу [\[84\]](#). Я уважаю законы — мог ли я помогать столь злобному существу, как эта Мышь?

Клюв у Орла изогнут, подобно крестьянскому серпу, крылья шириной в восемь ча. Схватили воины Орла — захлопал он крыльями и издал клетот, напоминающий грозное рычание Тигра. Пришлось, однако, ему покориться. Вскоре предстал он перед судьей и изрек:

— Живу я в расщелинах скал, летаю высоко в голубом небе. Когда взмываю ввысь и расправляю крылья, тень моя — словно облако среди ясного дня. Когда вихрем мчусь навстречу врагу — в дремучих лесах низко склоняются деревья. Люди страшатся, как бы я не клюнул их в голову, а звери — те и на глаза мне показаться не смеют. Сожалею лишь об одном: что не заклевал эту тварь и понапрасну слушал ее грязные речи.

Повелел Дух-хранитель сковать Беркута и Орла железными цепями и в гневе сказал Мыши:

— Орел и Беркут — хищные птицы, разве стали бы они якшаться с такими ничтожными и подлыми тварями, как ты? Назовешь ли ты, наконец, истинных подстрекателей?

Призадумалась Мышь: «Могучих пернатых хищников мне все равно не перехитрить, на-зову-ка я лучше птиц красивых и безобидных!»

И указала она на Зимородка, Мандаринского Селезня и Утку.

Ясным весенним днем миловались на берегу реки Зимородок и Зимородка, удивляя друг друга изысканным обращением. Вдруг откуда ни возьмись нагрянули воины и потащили обоих в суд. Влюбленные обиженно залепетали:

— Выходцы из Вьетнама, мы редкие гости в этих краях. Наши красивые перья напоминают малахит, который китайцы так и называют «зимородковым камнем». Изображения наши вытканы на дворянских одеждах. Если Человек не поймает нас в шелковые тенета, мы радостно порхаем в весенних облаках, проплывающих над реками и озерами. Нет у нас ничего общего с такими гнусными животными, как Мышь, и потому сговориться с преступницей мы никак не могли.

Весело перекликаясь, беспечной и дружной парой летали над водами

рек и озер Мандаринский Селезень и Утка. Нежданно-негаданно схватили их воины Духа и доставили в суд.

— Живем мы вблизи рек и озер, — начали они в свое оправдание, — имена наши хорошо знакомы Человеку. Весенним днем выводит Утка на реку деток и резвится с ними и Селезнем в зеленых волнах. Красоту нашего оперения воспевают поэты; верность наша неколебима — женщин, угождающих двум мужьям, мы презираем; душа наша целомудренна — неизменно принадлежит она единственному избраннику. Можем ли мы участвовать в скверных поступках?

Отправил Дух Зимородков и Селезня с Уткой в темницу, а сам опять обратился к Мыши:

— Птицы, столь прекрасные с виду и чистые душой, не могли быть в сговоре с такой, как ты. Признавайся, кто подбил тебя на воровство?!

Назвала Мышь Ночную Цаплю и Крахаля.

Длинноногая Цапля с длинным клювом и в шапочке из красных перьев, издавая громкие вопли, предстала перед судьей. Сдерживая волнение, проговорила она:

— У меня острый алый клюв и мягкие перья, украшенные зелеными узорами. Когда выдается теплый день, вхожу я в голубые воды реки и призываю друга; когда у дамбы вырастают ароматные травы — веселюсь со своими братьями, празднуя это событие; не обращая внимания на моросящий дождик, вылавливаю я рыбешку, спрятавшуюся в тине, поедая креветок, зарывшихся в водоросли. Я и понятия не имею, что такое зерно. Как можно возводить на меня подобную напраслину?

Завязав тесемки шляпы, поводя хвостом, словно рулем, к судье подошел Крахаль.

— Весной, когда вода в реке прибывает, спасаюсь я в ней от жары: плещусь в волнах и плаваю, окруженный легкой пеной; когда лодочник опускает весло, крылья мои намокают от брызг; криком отзываюсь я на песни рыбаков о луне. Жилище мое — в зарослях камыша и осоки, на землю я и мельком не погляжу!

Отправил Дух-хранитель Ночную Цаплю и Крахаля в темницу, а сам призвал Мышь и стал сурово укорять ее во лжи.

Приздумалась Мышь. «Птицы, что плавают в реках и озерах и морях, упорно отрицают свою вину. Это потому, должно быть, что в них живет светлая, могучая душа Воды! Остается только назвать птиц, летающих высоко в облаках или обитающих в темном лесу». И назвала она Луаня и Журавля.

Луань, чья слава не уступает славе Феникса, — не менее мудрый, чем

Священный Журавль, — услышал зов Духа, сел на облако, спустился на землю и в своем пятицветном наряде предстал перед судьей.

— Обитель моя на небесах, там веду я дружбу со святыми и потому далек от дел мирских. По утрам срываю я цветы коричневого дерева, что растет на Луне, и питаюсь ими, ночью засыпаю там же, на Луне, у Перламутрового озера. В мире природы различаю я подлое и благородное, в мире Людей — доброе и злое. Имя мое известно всякому. Случается, меня понапрасну порочат, обвиняя во всяких мерзостях, но я-то знаю, что невиновен, и не считаю нужным оправдываться.

Затем к судье подошел Журавль: в белой кофте, черных штанах, с красной шапочкой на голове, спустился он на небесном облаке. В давние времена покинул он землю и с тех пор не ведал превратностей судьбы: падений и взлетов, умирания и расцвета, бедности и богатства, позора и славы. Вздохнув трижды, заговорил он печальным голосом:

— Родился я в горах Циньтянь, теперь же обитаю в белоснежных облаках. При лунном свете тоскую я в одиночестве; найдя Цветок Сливы, грациозно танцую. Отшельника, поселившегося в горах [{85}](#), известил я о приходе гостя, у крепостных ворот Ляодуна [{86}](#) вздыхал о судьбах мира. Друг святых, я не стану отвечать на клевету этой подлой Мыши. Гнусная тварь покрыла меня позором... Лучше буду молчать.

Допросив Луаня и Журавля, Дух-хранитель поселил их в саду подле кладовой, повелел воинам строго охранять пленников и призвал к себе Мышь.

— Луань и Журавль — священные птицы, не могли они быть сообщниками столь ничтожной земной твари, как ты. Довольно лгать! Признавайся во всем!

И тогда обвинила Мышь в подстрекательстве Феникса и Павлина.

Разгневался Дух, услышав, что Мышь называет этих священных птиц соучастниками своего преступления, и изрек громовым голосом:

— Я поверил твоим лживым речам, заключил в темницу множество птиц — даже Луаня и Журавля, и от этого пострадала моя добрая слава мудрого судьи. Теперь ты посмела оговорить священного Феникса, чье имя прославлено в веках! Обвинила в тяжком преступлении Павлина — красивейшую птицу на земле! Бесстыжая ты тварь!..

Ударил Дух кулаком по столу, где громоздились листы с записями допросов, и стал изливать на лгунью потоки брани.

А старая Мышь смиренно пала ниц, закрыла голову лапами и повела почтительную, однако преисполненную достоинства речь.

— Осмелюсь признаться, я уже почитала себя обреченной и потому

солгала вашей милости, чем заслужила укоризну и брань. Говорят, нет птицы мудрее Феникса. Но если он действительно мудр, то почему же равнодушен к тому, что алчные хищники: Ястреб, Сокол, Сова и Коршун — пожирают слабых тварей: Фазана, Петуха, Зайца и Сайгу? На клювах стервятников не просыхает свежая кровь, в лесах и горных долинах не перестают раздаваться жалобные вопли тех, у кого хищники отнимают жизнь! Но Феникс — а ведь он почитается старшим над всеми двумястами шестьюдесятью видами птиц — прикидывается, будто ничего не знает об этих убийствах! Лицо Феникса увидеть труднее, нежели лицо императора, восседающего в своем неприступном дворце! Кто знает, как выглядит Феникс? Может быть, у него голова Рыбы и лицо Дьявола? А может быть, тело Змеи и голова Вола? Говорят, Феникс-самец и его подруга не встречаются ни днем ни ночью, а лишь издали перекликаются друг с другом. Ни о ком, кроме себя, эти птицы не думают! Сама я, правда, Феникса не встречала, но не так давно передал он мне через пролетавшего мимо Гуся письмо, в котором писал: «Мы с супругой наелись плодов бамбука, и у нас заболели животы. Припаси нам под дриандрой, что растет подле кладовой, хотя бы сом белояшмового риса — мы тайком прилетим к тебе подлечиться». Феникс так умолял меня, что я, желая заручиться его расположением, согласилась похитить зерно. Воины схватили меня еще до того, как я успела унести рис. Я полагаю, вашей милости ясно теперь, что представляет собой Феникс. Единственное его достоинство — громкое имя. Впрочем, недаром иероглиф «Феникс» состоит из знаков «заурядный» и «птица»! Ведь в древности его вовсе не почитали священным, а видели в нем ничем не примечательное, заурядное создание.

Позвольте еще сказать: Павлин — птица яркая, оперенье у него разноцветное. Но красив он только с виду, по сути же это обыкновенный петух! Вид у Павлина благородный, а душа грубая — значит, он обманщик! Повстречает он нарядных женщин или детей и от зависти готов заклевать их. Любит он одного себя, а больше никого. Вот каковы его «добродетели»! Однажды, находясь в кладовой, подсмотрела я в щелку: распустил Павлин свой пятицветный хвост — и танцует, и красуется. Потрясла я тогда своим неказистым хвостом и стала перед Павлином сытой жизнью бахвалиться. Подумал Павлин, что хвост у меня «счастливый», и предложил поменяться с ним хвостами — я же, смеясь, отказалась. И вот почему: хоть у Павлина хвост и хорош, но пользы от него никакой — один вред, уж очень он в глаза Человеку бросается. Поймает меня Человек, и разом кончится моя сытая жизнь в кладовой, лопнет, как мыльный пузырь. Хвост Павлина ему на погибель дан, мой же простенький

хвосточек — мне на счастье! Когда Павлин предложил поменяться хвостами, я возгордилась и подумала: «А ведь я счастливее его!» Вот Павлин в отместку и принудил меня совершить преступление!

Призадумался Дух, сбитый с толку хитроумными речами: «Право же, и среди Людей бывают такие! Вот, скажем, даосы: скрываются они в лесах и горах, народу и стране от них пользы никакой! А ведь у них и добрая слава, и положение! Разве они не под стать Фениксу? К тому же ходят они в одеждах и шляпах, какие носят ученые мужи, — выглядят так благородно! А на деле? Ночью лазают через ограду ко вдовам, преклоняют колени у порога власть имущих, выучившись грамоте, пишут высокопарные слова, а сами ни талантов, ни воображения не имеют, завидуют простым людям и вредят им любыми способами. Разве не похожи они на Павлина?»

Подумал так Дух и повелел святому воинству с помощью талисмана вызвать в суд Феникса и шелковой сетью изловить Павлина.

Повадки у Феникса журавлиные, держится он, как Луань. Надменным голосом заговорил он:

— Я одна из четырех священных птиц, родом из Красных Пещер. Походка моя — совершенство, голос — музыка. Слушал я песни Шуня и танцевал у него во дворце; сидел я на ветках дриандры, когда правитель Чжоу играл на цитре. Питаюсь я побегами бамбука, вью гнездо на ветвях деревьев, а зерна не ем, как бы ни был голоден. Мог ли я быть сообщником этой грязной Мыши? Жить в бедности плохо, но лучше умеру, нежели воровать стану!

Затем, распустив веером яркий хвост, то и дело косясь на свою тень, повел речь горделивый Павлин:

— Я уроженец Южного Китая, меня считают красивейшей птицей. Имя мое напоминает людям о мудреце [\[87\]](#), прозвище себе я избрал — Голубая Птица. Охотно засматриваюсь я на свою тень и кичусь своей красотой; перья мои нежны, как Большой Снег; когда раскрываю клюв — во рту расцветают жемчужные цветы. Обитая в садах Небожителей, сторонюсь я дел мирских. Разве похожи между собой небесное облако и прах земной, или яшма и простой камень одно и то же?

Отправил Дух-хранитель Феникса и Павлина туда, где уже находились Луань и Журавль, и молвил:

— Феникс и Павлин — священные птицы, не могли они вступить с тобою в сговор. Кто же подбил тебя на преступление?

Называет лгуня птицу Пэн и Кита, обитающих в море, и говорит:

— Пэн — коварная птица. Вранью обучалась она у Чжуан

Чжоу{88} — вот и умеет ловко обманывать Людей. Когда, перелетая с Северного моря в Южное, взмывает птица Пэн ввысь, волны бушуют на протяжении трех тысяч ли, а высота их, говорят, достигает нескольких тысяч ли. Как-то пригласила меня птица Пэн в гости, а я, старая, и подумала: «Погружу-ка я зерно из Королевской кладовой на ее широкую спину, перевезу все в безбрежное Южное море и заживу вдали от Людей без забот и печали». Как видите, ваша милость, птица Пэн меня, честную Мышь, и соблазнила! Что до Кита — он, как известно, владыка морей, одним глотком выпивает он тысячу чашек воды и проглатывает сотни рыбешек. В подражание ему я и решила уничтожить горы зерна в Королевской кладовой. Ясно, что Кит своим примером оказал на меня столь пагубное влияние.

Удивился Дух:

— Где еще на свете найдутся такие обжоры? Подобные твари вредят просвещенному миру!

Призвал Дух свое воинство, разделил его на две части, направил одну к Южному морю — ловить птицу Пэн. Раскинули воины в волнах Южного моря металлическую сеть, длиной в тысячу палей.

Завидев воинов с сетью, разгневалась птица; взмахнула она крылами, и от поднявшейся бури лопнула сеть; воины же разлетелись в разные стороны, как разлетаются от ветра опавшие листья. С пустыми руками вернулись воины к Духу, обо всем рассказали ему. Увидел Хранитель кладовой, что своими силами ему с птицей Пэн не справиться, направил послание Дракону Южного моря Квалли-вану; сообщив ему суть дела, повелел он доставить птицу в суд. Ответил Хранителю кладовой Квалли-ван:

«Квалли-ван, владыка Южного моря, дважды низко кланяется Хранителю Королевской кладовой и доносит следующее. Весть о суде над Мышью достигла Водного царства, но я нерадиво отнесся к своим обязанностям, за что прошу милостиво простить меня. Вы, судья, выполняете волю Небесного Повелителя, и я обязан повиноваться вам. Но выполнить ваше повеление я не могу. Птицу Пэн можно изловить, лишь послав за ней миллионы воинов. Доставить же ее в суд удастся, только заковав в цепи длиной в десять тысяч ли. Все это не в моей власти. Если же вы полагаете необходимым допросить птицу Пэн, прошу вашу милость лично явиться в мои владения и действовать, как сочтете нужным».

Получив такой ответ, Дух-хранитель немедленно отбыл к Южному морю. За ним последовали сотни чиновников судебного ведомства и тысячи солдат святого воинства. Полетели они, окруженные знаменами, на

ветряной повозке, в которую впрягли облачных коней. Наконец опустились на одном из необитаемых островов Южного моря.

От Квалли-вана птица Пэн получила указание: «Старайся достойно выслушивать вопросы и достойно на них отвечать». Сложила птица Пэн, подобно вееру, свои могучие крылья и погрузилась в воду, высунув наружу один только клюв, превосходивший размерами остров Чечжу. Когда же заговорила птица Пэн, пена изо рта ее полетела в небо, подобно хлопьям снега, а голос загремел, словно майский гром.

— Я самая большая из всех живых тварей. Жизнь моя — море и ветер, обитель — земля и небо! Спина моя — шириной в тысячу ли, крылья раскинулись на сто тысяч ли. Раньше была я китом и обитала в Северном море. «Истинный человек Южного Китая» {89} почитался моим лучшим другом. Некогда насмехались надо мной Цикада и Горлица, ныне опозорила меня Мышь! Но могла ли эта ничтожная, неприметная тварь пробраться с земли на небо?

Выслушал Дух речь птицы Пэн, повелел Квалли-вану стеречь ее, пока не свершится правосудие, а сам отбыл на родину. Попутно заглянул он на берега Восточного моря, чтобы допросить Кита.

Высунув из моря спину, огромную, как крыша дома, шириной в двенадцать канов, Кит выбрасывал столбы воды, которые долетали до самого неба. Так резвился он в голубых просторах и вдруг попал в железную сеть. Вознегодовал могучий Кит — разгневанный, содрогался он всем телом, бил по воде хвостом, вызывая на море бурю.

— Сила во мне живет неизбывная, — сказал он. — Захочу — выпущу изо рта столб воды и небо протараню, захочу — все море выпью! Головой касаюсь я облаков — по моей спине великий Ли Бо взобрался на небеса! {90} Властен я над акулами и крокодилами, имя мое наводит страх на тигров и слонов! Ем я много, но в меру. Подобно тому как отличаю я воду от суши, отличаю я и чистое от грязного!

Окончил Кит свою речь. Повелел тогда Дух поместить его в специальный водоем; воинам же, что вооружены были отравленными стрелами и длинными шестами, приказал охранять обвиняемого.

Возвратившись в суд, призвал Хранитель кладовой старую Мышь и обрушился на нее с гневными словами:

— Птица Пэн и Кит обитают в море, общего у них с тобой не больше, чем у Журавля и Земляного Червя. Подговорил тебя совершить преступление кто-то другой! Признавайся же кто!

Сморщив нос, призадумалась Мышь. «Коварны и упрямые твари земные, никак не проведешь их! Однако и те, что летают по воздуху и

плавают по воде, защищаются упорно и терпеливо. Не знаю, как быть. Летающих по воздуху, и плавающих, и ползающих многое множество, должны же быть среди них несмышленные и трусливые! Но пока что все они усердно сочиняют что-то в свое оправдание — умом и красноречием они, пожалуй, и меня за пояс заткнут! Ну и глупа же я! Надо было честно во всем признаться, а я плела невесть что! Разиня я этакая! Но ведь предки мои всегда так поступали! Да, нехорошо вышло: пожадничала я, честь племени опозорила, семью погубила, да и сама-то... Право, жаль!.. Но что пользы в раскаянии? Попробую-ка лучше оговорить какое-нибудь глупое насекомое, какую-нибудь мелюзгу. Но беда, если никто не подтвердит эту выдумку, — пропала тогда моя головушка!»

Подумав так, устремила Мышь правдивый взор на судью и во всем «призналась»:

— Позвольте почтительнейше заверить: готова я открыть вашей милости все, что у меня на совести. Я уже говорила, что летающие и ползающие твари лживы и коварны. Не соверши я преступления, им и говорить было бы нечего. А тот, кто знает, но не говорит, должен быть строго наказан. Они же, презрев высокий сан судьи, осмелились скрыть правду. Либо сами они совершили преступление, но не признаются, либо знали о преступлении, но отрицают это. Подобная ложь — преступление куда более тяжкое, нежели мое! Не желаю больше скрывать сообщников, кто бы они ни были, — признаюсь во всем чистосердечно!

И назвала Мышь Духу-хранителю Пчелу и Цикаду. Повелел Дух поймать сачком обвиняемых и доставить в суд.

У подножия гор, где веет легкий ветерок, под палящими лучами солнца порхал среди цветов пчелиный рой, собирая ароматную пыльцу. Жужжание Пчел напоминало кипение воды в котле. Нежданно-негаданно поймали весь рой в сачок и доставили в суд. Распустив прозрачные крылышки, спрятав жала, загудели Пчелы:

— Живем мы в горных долинах, строим дома в расщелинах ехал и в дуплах деревьев. Весной, когда распускаются цветы, собираем пыльцу и ею кормимся. Мы никого не убиваем, но ни с кем и не дружим. Мед наш забирает Человек, на голод мы, однако, не жалуемся. Подчиняемся мы суровому распорядку — и трудовому, и воинскому. Живя по строгим правилам, можем ли мы помогать преступникам?

Свежим утром в густой тени сидела Цикада и протяжно напевала однообразную песенку. Тут-то и схватили ее воины. Шевеля легкими крылышками, уныло пропела она:

— В прошлой жизни обитала я на земле, теперь селюсь на высоких

деревьях. Из груди моей льется музыка, крылья сделаны из тончайшего шелка. Осенней порою пью я прозрачную влагу дождя, когда же густеют сумерки, укрываюсь меж ветвей и пою свою неумолчную песню. Усвоив учение даосов, превратилась я в священное существо и, преисполненная надежды, покинула мирскую суету. Пою я своим голосом, стану ли подпевать кому-то?

Отправил Дух-хранитель Пчел и Цикаду в темницу и говорит Мыши:

— Пчелы делают мед, Цикады поют на свой лад. При чем же тут ты? Говори, наконец, правду!

И тогда назвала Мышь своими сообщниками Паука и Богомола.

Летним вечером под карнизом старинного дворца сидел толстый Паук. Удобно примостившись, плел он шелковую паутину, выделяя изо рта слюну, наполнявшую его брюхо. В свои тенета ловил он пролетающих мимо крапивников, мух, цикад, комаров и других насекомых и птиц.

Вдруг откуда ни возьмись появились святые воины. Следуя правилу «бей врага его же оружием», связали они Паука паутиной и доставили в суд. Увидел Дух Паука, разгневался и давай его бранить:

— Жалкая букашка! Целый год можешь ты кормиться травинкой длиной в три чхи или стебельком намуля. Зачем же ты ткешь паутину и ловишь всякую мелюзгу, устроившись под стрехой в доме бедного ученого или на крыше старого дворца? Мерзкая тварь! В древности Фу-си издал закон^[91], разрешающий забрасывать сети для ловли рыбы. Ты же, ничтожество, издеваешься над мудростью святого: твоя сеть так густа, что ты ловишь в нее даже такую беззащитную тварь, как Однодневка! Нет другого столь жестокого и жадного создания! Ты опутал своей паутиной порог Королевской кладовой, занавесил и вход, и выход. Ты скрыл преступление старой Мыши! Кто же, как не ты, главный виновник пропажи зерна? Мышь во всем призналась, признавайся и ты! А вздумаешь заператься — обезглавлю и четвертую!

Услышал Паук громоподобный голос Духа, пал ниц — лапки трясутся, слова вымолвить не может. Вскоре, однако, пришел он в себя:

— Осмелюсь почтительнейше напомнить вашей милости: когда в древности Фу Си изобрел письмена, меня назвали Мудрым Насекомым. Когда я тку паутину, Люди считают это счастливым предзнаменованием. Когда ночные тени сгущаются за порогом дома, когда за дверью перестает лить дождь, выпускаю я нити длиной в сотни чха и тку широкую круглую паутину-ловушку. Рвать эти нити — дурная привычка одного лишь Жителя Южных гор. Для пропитания мне достаточно и горсточка риса; у меня и в мыслях нет ловить насекомых. Никогда не вредил я Людям! Я не посмел

бы и сунуться в Королевскую кладовую!

Паук замолчал. Грозно взглянул тогда Дух на Богомола и воскликнул гневно:

— У тебя и вид-то воровской: рот до ушей, глаза выпучены, брюхо толстое — ясно, что жаден ты не в меру. Шея у тебя длинная, глотка широкая — видно, любишь глотать чужое добро. Передние лапы у тебя словно серп, зубы во рту что пилы. Не ты ли помог Мыши уничтожить зерно в Королевской кладовой? Говорят, осенней порой пробрался ты в кладовую, чтобы выпросить у старой Мыши штаны, а заодно поел весь белояшмовый рис, что сгружали в кладовую тридцать семь дней подряд. Старая Мышь во всем призналась, признавайся и ты — заслужишь снисхождение. Ты ведь, как известно, хоть и немощен, да жесток, и этим бахвалишься. Лапы у тебя длинные, как палки: засунешь их между спиц колеса — повозку остановишь! Оставь тебя на воле, так ты, пожалуй, наделаешь бед не меньше, чем хищные звери!

Выслушал Богомол суровые обвинения, поднял лапы, приложил их ко лбу и, поклонившись низко, сказал:

— Вырос я в поле, и не имею ни чинов, ни званий. Желая высмеять человеческую глупость, Чжуан-цзы оговорил меня^{92}; слушая бессвязный лепет детей, Люди называют их почему-то Богомолами — это прозвище дала мне Кошка. Ползая по земле, то и дело попадаю я под ноги Людям, и они давят меня; летая, часто наталкиваюсь на бисерные занавески в Зеленом тереме красоток и падаю в изнеможении. Нет у меня своего угла, всюду я непрощенный гость. Однако в нору старой Мыши я не забирался ни разу — как же мог я подстрекать эту хищницу к воровству? Вероломная тварь оговорила меня! Слова ее — ложь, не покрывшаяся даже пылью!

Повелел Дух заключить Паука и Богомола в темницу и сказал Мыши:

— Выслушал я Паука и Богомола и убедился в их невинности. Выдай же настоящих подстрекателей!

Назвала тогда Мышь Однодневку и Стрекозу.

Был тихий осенний вечер. Солнце село за горы, и вечерний туман разлился по берегу ручья.

Десятки тысяч Однодневок, обнявшись, плясали в небе, распевая веселую песню «Жить бы нам сто или тысячу лет!». Неожиданно появились посланцы Духа, замахали большими веерами, загнали Однодневок в кожаный мешок, похожий на монашескую суму, и доставили в суд. Перетрусили Однодневки. В такую минуту у всякого душа не на месте и кровь застывает в жилах. Но тут выступила вперед самая смелая из

Однодневка, расправила все четыре крылышка, потрясла тонюсеньким хвостиком-ниточкой и от имени своих соплеменников едва слышно пропищала:

— Из всех насекомых на свете мы самые крохотные. То носимся мы стаями, то разлетаемся врозь — вот и кажется, что появляемся мы внезапно и так же внезапно исчезаем. В летний зной копошимся мы в ямах и канавах, укрываясь от жарких лучей солнца; когда сгущаются прохладные тени, порхаем в сыром тумане. Вид у нас неказистый, духом мы слабы: ведь мы рождаемся поутру, чтобы к вечеру умереть! Жаль, что жизнь наша такая короткая, — значит, она никому не нужна! Разве можем мы, убогие создания, пожелать чужого? Умоляем вашу милость: пощадите нас!

Расправив блестящие крылышки и сверкая ими в лучах вечернего солнца, Стрекоза беспечно гонялась за Бабочками и Пчелами, после дождя облетающими цветы. Тут-то и схватили ее солдаты святого воинства. Доставили Стрекозу в суд. Испуганная, негодующая, выкатив глаза, она зарыдала:

— Глаза у меня большие — вижу я далеко, а живот тощий — ем мало. С закатом солнца сажусь я на чиге молодого дровосека; когда моросит мелкий дождик — на удочку рыбака. Я то мелькаю в цветах гречихи, то перепархиваю на листья редьки. Ду Фу воспел меня в стихах, написав, будто некогда я подожгла воду. Стоит мне залететь в селение — и ребятишки ликуют. Почему же я — бессловесное создание — должна погибнуть?

Допросил Дух Однодневку, потом Стрекозу и встревожился: ведь если Однодневка умрет до окончания суда, судьи лишатся ее показаний и не смогут добиться истины! Повелел Дух своим воинам обращаться с Однодневкой как можно бережнее: доставить ее на тенистый берег реки, куда не достигают лучи солнца, и поить эликсиром бессмертия, чтобы сохранить ей жизнь на два месяца. Так был найден выход из затруднительного положения. Если правду говорят Люди, что Дунфан Шо жил три тысячи лет, то разве не может Однодневка прожить хотя бы два месяца?

Стрекоза тоже всего лишь слабое насекомое, однако Дух повелел соорудить под стрехой кладовой клетку и посадить туда Стрекозу. Потом сказал Мыши:

— Выслушал я ответы Однодневки и Стрекозы и понял, что ничего позорного они не совершили. Ты обвиняешь их, но в чем? Назови-ка лучше истинных виновников преступления!

Призадумалась Мышь: «Все, кого я называла — Цикада и Пчела, Паук

и Богомол, Однодневка и Стрекоза, — вреда Человеку не приносят. Он не испытывает к ним вражды, потому-то они так смело отрицают свою виновность. Назову-ка я насекомых, которые у Человека не в чести, таких, что только жужжат, а толком говорить не умеют». И назвала она Муху и Комара. Услыхав, что сообщниками Мыши были Муха и Комар, судья раскрыл глаза и уши. Тотчас повелел Хранитель кладовой привести обвиняемых и допросить их.

Испугалась Муха строгого судьи; трепеща от страха, закрутила она головой и, потирая лапки, прожужжала:

— Осмелюсь молвить: мы, Мухи, телом невелики, но поесть любим — как почувствуем запах пищи, так все пять внутренностей дрожат от голода; летим мы, привлеченные запахом пищи, не разбирая пути, — сквозь огонь и воду. Есть поговорка: «Водка водку пьет». Так и мы: чем больше едим, тем больше хотим есть. Подобно Бабочке, летящей на огонь, и бешеной Собаке, кусающей Человека, мы хорошо знаем, что деяния эти грозят нам гибелью, но поступаем так, ибо иначе поступать не можем. Мы помним все же, что если живы до сих пор, то лишь по милости Человека. Усевшись на хвосте Скакуна, переносимся мы за тысячи ли; равнодушно выслушиваем насмешки поэтов; пачкаем стол чиновника, однако в Королевскую кладовую и заглянуть не смеем. Можете казнить меня, но сказала я чистую правду!

Увидев перед собою Комара, вспыхнул Дух-хранитель гневом. Стукнул он кулаком по столу, словно хотел кого-то убить. Затряслись у Комара ножки и крылышки. Тоненьким голоском, будто схватили его за горло, пропищал он:

— Хоть и неловко говорить о себе, но должен заметить: тело у меня легкое, хвостик острый. Когда на землю спускаются тени, подлетаю я к человеческому жилью, нюхаю запахи, влетаю в комнаты; ношусь я, словно цветок Ивы; отведав крови, краснею вишневым цветом. Смеюсь я над глупостью Бабочек, летящих на огонь, но рано или поздно разделяю участь Мух, попадающих в суп. Мышь наносит вред Человеку, однако она умрет стократно, но не сознается в этом. Мне и во сне не снилось быть ее соучастником! Говорю это с чистой совестью и прошу вашу милость верить мне!

Повелел Дух заключить Муху и Комара в темницу и говорит Мыши:

— Муха и Комар, хоть и презирают Человека, всего лишь глупые насекомые: не могли они совратить такую пройдоху, как ты. Скажешь ли ты наконец правду?!

На этот раз назвала Мышь Жабу и Червя. Доставили их в суд.

Испуганная Жаба сложила лапы на груди, вздымавшейся от волнения, склонилась к земле и глухо заворчала:

— От рождения больна я проказой — никакой зверь и подойти ко мне не смеет. Брюхо у меня большое и толстое, но ем я мало; двигаюсь неуклюже и медленно, а потому остерегаюсь удаляться от моего жилища. Родословную веду я от Святой Девы{93}, но, к несчастью, сослана я на землю и живу во прахе. Могла ли, однако, я — друг Яшмового Зайца — стать сообщницей Мыши?! Нет слов, чтобы ответить на оскорбление, нанесенное мне этой мерзкой тварью!

Затем подполз к судье длинный-предлинный Червь. Ничего не понимая, не смея поднять голову от страха, он прошептал:

— Я животное бесполезное: тело у меня хотя и длинное, ум короток. Начнутся жестокие холода и ливни — прячусь я под землю, прекратятся ливни — высовываю голову из своего убежища. Ног у меня нет, передвигаюсь я с трудом, глаза потерял — тоскливо мне жить на свете! Но хоть я и глуп, зато не так коварен, как все эти волосатые звери! Ползаем мы по земле одинаково, да в норы залезаем по-разному. Верьте моему слову, я всегда говорю только правду!

Отправил Дух Жабу и Червя в угрюмую темницу и сказал старой Мыши:

— Жаба и Червяк — беспримерно глупые твари, не то что ты! Нет, видно, подстрекал тебя на преступление кто-то другой. Долго ли ты еще намерена обманывать меня?

Старая Мышь оговорила уже всех, кого только могла, но уловки ее так ни к чему и не привели. Пришла в замешательство плутовка: если не свалить на кого-нибудь вину, объявят ее одну преступницей и казнят! Делать нечего — назвала она Рака и Краба.

Задержали Рака, в шлеме и панцире привели его в суд. Завидев судью, попятился Рак и сказал:

— Я из породы рыб, потомок Золотой Черепахи. Обитаю я в морях и реках, родня моя живет в ручьях и речушках. На спине могу удержать я Три священные горы, мясо мое не уступает по вкусу любому из восьми прославленных яств старинной китайской кухни. Я ползаю по каменистому дну светлого ручья; завидев из укромной норы Человека, убегаю задом наперед. Только панцирь делает меня смелым, но стоит меня поймать — смиренно покоряюсь я своей участи. Вода и суша отделены друг от друга, так можно ли считать единым голос и душу? И нужно ли много говорить, когда все ясно без слов?

Закованный в броню большеголовый Краб при первом же окрике

судьи трусил и в смятении забегал из угла в угол. Придя наконец в себя, открыл он глаза и взмолился:

— Я вышел из семьи воинов, и потому ношу броню, но, подобно отшельнику, никогда не покидаю я рек и озер, ни на кого не нападаю. Желудка у меня, насколько мне известно, нет, но духом я силен. Как ни коварна эта вероломная тварь, не удастся ей вырвать у меня признание — пусть даже тычут в меня раскаленной пикой!

Выслушал Хранитель кладовой Рака и Краба, понял наконец, что старая Мышь водит его за нос. Отправил он Рака и Краба в темницу, а сам повелел тюремщикам заковать Мышь в цепи, подвесить ее вниз головой к перекладине и подвергнуть всем пяти видам пытки: хлестать плетью, бить батогами, пытать огнем, водой и веревкой. А также приказал Хранитель кладовой вскипятить на всякий случай большой котел масла.

— Старая хищница! Изничтожу весь твой род! Не оставлю в живых ни одного соплеменника — всех выловлю, всех казню! Собрал я великое множество тварей — больших и малых, летающих и ползающих, снующих меж небом и землей, — всех, кого ты оговорила. Оклеветала ты их — ничем не смогла доказать хоть чью-нибудь вину. Преступница ты сама — тут и разговаривать не о чем!

И повелел Хранитель кладовой тюремщикам:

— Острыми ножами распорите этой твари морду и сдерите с нее шкуру. Затем оторвите ей лапы и проткните грудь. Потом оторвите хвост и уши, выколите глаза, отрежьте голову, опустите тело в кипящее масло и варите, и кипятите, и мешайте, и переворачивайте. А когда выварится весь жир — выбросьте!

Услышала старая Мышь грозное веление Духа — морда ее позеленела, как лист или трава, из глаз ручьем хлынули слезы. Взмолилась она, заклиная дозволить ей сказать последнее слово.

Спрашивает ее Дух:

— Ну, что же ты хочешь сказать?

Пустила тут пройдоха в ход всю свою смекалку и, дрожа от страха, приготовилась держать речь.

Уселась коварная Мышь перед Хранителем кладовой и, глядя ему прямо в глаза, начала такими словами:

— Осмелюсь утверждать, все время говорила я правду: нет такого животного, которое хоть однажды не совершило бы провинности. Но ваша милость так добры — вы никого не покарали. Вот никто и не признался в своих преступлениях! Я же с самого начала не хотела лукавить. Вы считаете меня старой пройдохой, а ведь все эти звери в сто раз хитрее

меня! Разве не досадно мне терпеть напраслину?

Возьмем, к примеру, Улитку: нет у нее ни пяти внутренностей, ни конечностей. Эта мелюзга, и согрешив, не ведает, что согрешила!

Или, скажем, Муравей: насекомое крохотное, хотя и рушит крепостные стены. Безо всякого права присвоил он себе королевское имя, образом жизни подражает Сыну Неба. Нет, лучше тысячу раз умереть, нежели оставить безнаказанными его дерзкие проделки! Уж если осмелился он присвоить себе королевский сан, то подстрекать меня на ограбление Королевской кладовой ему легче, чем, как говорится, лежа на боку, бобы уплетать.

Светлячок, или — как его еще называют — «Насекомое из собачьего дерьма», — что сказать о нем? Большой огонь — солнце и луна, малый огонь — лампа и свечи. А Светлячок и ростом-то не более одного чхи: огонек у него слабенький; прилепится Светлячок к дереву, зажжет свой фонарик — огонек этот и от воды не гаснет. Вот Светлячок и бахвалится, что умеет ночь превращать в день! А что пользы? Тоскуя в одиночестве, осенней ночью досадует на него покинутая жена; морочит он усталых, промокших от дождя путников, которым мерещится вблизи постоянный двор. Что же тут хорошего? Зато он освещает путь хитрой Лисе, коварной Рыси, свирепому Тигру и злобному Шакалу. Он помогает им преодолеть ограду, войти в дом Человека, натворить неисчислимые беды. Хоть он и мал, а вреда приносит, ей-же-ей, немало!

Ну а Петух? Живет он в доме Человека, пользуется его милостями и должен бы Человеку служить. А Петух что? Человек трудится, выращивает овощи — Петух топчет их, выклевывает зерно, которое Человеку дороже золота и драгоценных камней. Курица день-деньской кудахчет, а Петух — тот уже на заре горло дерет. Неблагодарный!

Кукушку, как известно, всегда легко узнать: перья у нее редкие, кукуя, харкает она кровью, детей подбрасывает в чужие гнезда, всех птиц считает своими подданными. По одному этому можно судить о ее невежестве. Кроме высоких гор да широких рек нет для нее ничего недоступного. Порой идете вы — она молчит, но вдруг захочет возвратить вас назад — и закукует свое «Лучше вернуться!». Хоть она и твердит, что воплощает в себе душу умершего императора, все это ложь! Зачем, покинув рощу, подлетает она к человеческому жилью и кукует? Каких бед натворила днем, если так жалобно стонет ночью? Не знаю, что и думать.

Попугай единственный понимает человеческую речь, умеет постичь ее смысл. А ведь с тех пор, как Небо создало живых тварей, Человек и Зверь говорят на разных языках: таков закон природы. Попугай же — едет ли

гость — непременно известит о том хозяина, случится ли что — немедля доложит! Колдовская птица! И вот, ваша милость, поверив речам «вещего» Попугая, вы мое чистосердечное признание сочли коварной ложью. А ведь в старину говорили: «Колдовство не осилит мудрости!» Пустые это, значит, слова?

Что же сказать об Иволге? Как ни красиво ее оперение, на картинке оно все же лучше; как ни хорош ее голос, с музыкой его не сравнить! И все же люди отворачиваются от картинки, чтобы полюбоваться Иволгой! Люди пренебрегают музыкой, чтобы послушать ее пение! Это ли не волшебство?! К тому же голос Иволги то весел, то грустен — он заставляет Людей то радоваться, то печалиться. Не колдовство ли это? Но раз голос у нее колдовской — значит, и душа такая же! Следовательно, ваша милость, напрасно вы называете коварной меня одну.

Или вот Бабочка. Ей и вовсе не ведомы пять отношений. Бабочка — всего лишь никчемное насекомое. И все же Человек любит этот легкий и хрупкий созданием, поэты воспевают нарядные белые крылышки Бабочки. Почему же? Да потому, что, желая понравиться Человеку, Бабочка всячески перед ним заискивает. Это крохотное существо умеет колдовать: то оно явится во сне философу, то примет облик красавицы и обольстит неискушенного юношу. Волшебные чары Бабочки под стать нечистой силе! Ну кто поручится, что это не она, обернувшись грызуном, съела все зерно в Королевской кладовой?

Что до Ласточки — в ней, как известно, ничего хорошего нет, к тому же она глуповата: только и знает, что тараторить без толку да носиться взад-вперед. Она, как рассыльный, разносит чужие письма — разве почтенное это занятие? Беспечно резвится она в гнезде, развлекая своих птенцов, а огня-то зажечь и не умеет! Вот бестолковая!

Теперь скажу о лягушке. Эта квакает всю ночь напролет, словно кланчит подачку, да и весь день бормочет, раздражая Человека и заставляя его хмуриться. К тому же негодница лопочет что-то непонятное. Кого она думает обмануть? Только вашу милость!

Летучая Мышь — нашему племени сродни. Вначале род наш был беден, жилось ему нелегко — вот Летучая Мышь и восстала против своего рода, порвала с соплеменниками и переметнулась к летающим тварям. Выпросила она себе крылья и зажила подобно пернатым, но зажила как отщепенец, позоря честь своих соплеменников. Собрала я тогда всех мышей, позвала эту гнусную тварь, усадила перед алтарем предков, желая учинить допрос. Она же вспорхнула и улетела, бросив свысока: «Я искони птица и мышам не родня!» Мало того, переметнувшись к птицам, она до

конца раскрыла свою мерзкую сущность. Недаром говорят: «Посуда, протекавшая дома, протекает и в поле». И вот прогнали птицы от себя Летучую Мышь — куда ей деться? Приходит она ко мне, называет «тетенькой», прощения просит, но держится при этом нахально. Встретила я ее холодно, даже отчитала. Вот она и затаила ненависть и с тех пор наговаривает на меня. Когда же узнала она, что попала я в беду, — от радости в пляс пустилась... Да разве скажет Летучая Мышь правдивое слово в мою защиту?

А Воробей? Ростом он меньше меня, да и ума у него не больше, но он все кичится своими талантами и наше племя поругивает. Если же Человек подобьет ему крыло, он непременно заберется ко мне в нору и умоляет приютить его. Однако, памятуя о чести нашего рода, я выгоняю его. Приходится ему у моего порога от голода и стужи подыхать. Вот он и затаил против меня злобу и норовит при всяком удобном случае заклевать меня. Разве не говорит это против него?

Теперь о Вороне. Нрав у нее подлый, голос препротивный. Умрет Человек — Ворона первая разносит эту весть, заболит кто — сразу растрезвонит. Вот Люди и думают, что Ворону нечистая сила посылает. А Ворона-то бахвалится: «Я, мол, на двенадцать голосов пою!» Да только кто ее слушает?

Сорока — птица хитрая. Все думают — она умная, искусница, а она попросту глупа. Говорят, если ранним утром стрекочут сороки — жди радостных вестей. Хорошая примета. Только неверная. Говорят еще, если Сорока совет гнездо на дереве с южной стороны, это к счастью. Да ведь так только говорят. Зря, выходит, все хорошее приписывают Сороке. И как ей только не стыдно?

Вспомните Коршуна и Сову: и нравом, и делами они друг с другом схожи. Зерно всем по вкусу, а Коршун его не терпит, тухлятиной питается. Солнечным лучам каждый радуется, а Сова их боится, признает лишь темную ночь. Вот какие это мерзкие птицы, вот какие гнусные у них повадки! Мне, право, стыдно, что поддавалась я их уговорам.

Скажу еще о Гусе и об Утке. Живут они неподалеку от моей норы, неумолчным гамом непрестанно мой покой нарушают. Однажды, не сдержав накипевшую злость, пролезла я потихоньку к ним в птичник и укусила за ногу Гуся — тот с воплем кинулся бежать; тогда вцепилась я зубами в Утку, разодрала ей грудь, так что жир потек и кости чуть не вывалились — но она даже рта не раскрыла, не крякнула ни разу! Вот и видно, что Гусь легкомыслен, Утка же упряма донельзя. Можно ли добром добиться от них признания?

Что до Крапивника, так, право же, в нем ничего достойного внимания нету.

Голубь слишком кроток да и не пригоден ни к чему.

Перепел и Фазан вечно терзаются мучительной заботой — как сохранить свою жизнь: уж очень мясо у них вкусное. Птицы они, правда, недалекие, но напрасно вы думаете, что в помощники мне они не годятся. У всякого скрытый талант имеется. Даже у Червяка — умение ползать!

У Сокола и Ястреба таланты особые — вот почему за ними Человек и охотится. Право, лучше не иметь никаких талантов! Вот я, например, не будь я так умна и хитра, не случилось бы со мной беды!

А Дикий Гусь и Лебедь? Стоит их заметить — они улетают. Но часто заплывают они в камыши на поиски водяных орехов и плодов лотоса — тогда-то и вонзаются в них стрелы и копья Людей. Разве поступки этих птиц не схожи с моими? Ведь и я подвергаю опасности свою жизнь, чтобы продлить ее! Правду говорит поговорка: «Голодное брюхо до тюрьмы доведет!»

Что сказать об Аисте и Крякве? Только и есть у них хорошего, что длинный клюв у одной да длинные ноги у другого. Ума у них маловато — вот и гибнут они от стрел Человека. Изворотливости нет — потому-то и подбивают их камнями. Добыть пропитание смекалки у них хватает, а вот сохранить себе жизнь — на это ума недостает! Разве не похожа я, старая, на этих птиц?

Чайка и Цапля снаружи белые, зато нутро у них черное — этим они от других и отличаются. Над Вороной рады они потешаться: «Чернавка!» — воображают, что она и внутри черная, как снаружи. У самих же оперение белое, зато душа черным-черна. А раз душа у них черная — значит, они преступницы. Тут и гадать нечего: они подбили меня на воровство.

Не могу умолчать ни о Беркуте, ни об Орле. Эти птицы сильны духом и жестоки сердцем, им и смерть не страшна; а раз они никого и ничего не боятся — никогда и ни в чем они не признаются.

Ну а Зимородки, Мандаринский Селезень и Мандаринская Утка? Оперение у них красивое, поэтому и удалось им избежать кары! Право, все — даже судьи — смотрят только на внешность! А на мой взгляд, эти птицы и с виду лишены всякого благородства. Я, говорят, безобразна, но будь я, по милости предков, столь же красива, как они, уж конечно, не стала бы признаваться ни в каких преступлениях!

Ночная Цапля и Крахаль с утра до вечера только и знают рыбешку ловить. Уж если они так падки на свежую рыбу, не могут разве быть столь же падки на рис? Ведь вы слышали про мудрецов древности! Достигнув

почтенного возраста — шестидесяти одного года, — они без рыбы не могли уже насытиться. Когда я поселилась в кладовой, я — что ни день — по три часа кряду ела рис, и вдруг захотелось мне рыбки. Вот и заключила я с Крахалем договор: он мне — рыбку, я ему — рис.

Луань и Журавль, Феникс и Павлин — красивые, как прекрасные плоды, что и говорить. Назовем в придачу Льва, Слона и Единорога — вот и все удивительные животные. И стоят они четырнадцать лянов серебра, если считать по ляну на самца и самку. Их-то вы рады освободить. Но ведь и я животное необыкновенное — по уму, способностям, положению. Разве нельзя простить и меня?

Что сказать о птице Пэн и Ките? Они в тысячу, в десять тысяч раз сильнее меня. Совести же и чести у них куда меньше: птица Пэн, как известно, может небо и землю опрокинуть, Кит — разом всю рыбу в море проглотить, — где еще видали вы подобную жадность и разнузданность? Если же ваша милость даст волю этим силачам, наступит время, когда сильные захватят власть и повсюду воцарится беззаконие. На кого тогда надеяться слабым и беззащитным зверюшкам, детям отца-Неба и матери-Земли?

Что до насекомых: Пчелы и Цикады, Паука и Богомола, Однодневки и Стрекозы, Мухи и Комара, — то у них либо есть крылья, но нету хвоста, либо есть хвост — нету крыльев. Однако если эти насекомые видом на животных и не похожи, они походят на них нравом. В одном все звери — и большие, и малые — друг с другом схожи: все они одинаково коварны! Это они подбили меня на воровство!

Молча выслушал Дух-хранитель утомительную речь старой Мыши и прикрыл глаза, словно теряя сознание от усталости.

Только кончила Мышь, сидевший рядом Пес бросил на нее алчный взгляд, роняя слюну, страшная Кошка уставилась, готовая выпустить когти. Задрожала от страха Мышь, не знает, куда деваться. Поникла она, призадумалась, но вот вскинула голову и запричитала:

— Пришел мой смертный час! Как ни грустно сознаваться — каюсь: все время лгала я. Теперь же открою вам правду, честно назову подстрекателей!

Лишь тогда понял Дух, что все признания Мыши лживы. Гнев обуял его. Ударил он кулаком по столу и громовым голосом повелел своим воинам:

— Возьмите камень, что лежит во дворе, и выбейте у этой твари зубы!

Пала ниц Мышь, извивается всем телом и вопит:

— Каюсь: по воле Небесного Повелителя принудили меня съесть

зерно из кладовой духи Неба, Земли и Полей, духи Гор, зеленая густая Сосна, стройный Кедр, легкий Ветерок, клубящиеся Облака, тусклый Туман, влажная Роса, мерцающие Звезды, яркое Солнце, серебристая Луна! Повинна ли я в этом преступлении?

Выслушал Дух-хранитель причитания Мыши, уже не помнившей себя от страха, хлопнул в ладоши и расхохотался:

— Глядя на тебя, можно подумать, что Небесный Повелитель затем и сотворил гнусный мышинный род, чтобы нес он миру зло. Несколько месяцев оговаривала ты птиц и зверей, возводила на них напраслину, а под конец осмелилась объявить сообщником своим самого Небесного Владыку! Это уже не просто преступление, это великое кощунство. Не вправе я своей властью карать тебя и вынужден доложить обо всем Повелителю Небес, дабы узнать его волю.

И повелел Дух заковать Мышь в двойные колодки, бросить в сырую темницу и не спускать с преступницы глаз, а сам, свершив трехдневное омовение, приготовил судебные бумаги и отправился в чертоги Небесного Повелителя. Подал Дух Повелителю Небес подробную запись всех допросов и почтительно молвил:

— Твой ничтожный раб совсем не печется о народе. Проглядел я вероломного преступника — нет мне прощения во веки веков! Да падет позор на мою голову! В темнице полно обвиняемых, но ни один виновником себя не признает, а вынести справедливое решение мне самому не под силу. Наставь же ничтожного раба своего, Владыка Верховный!

Прочитал Небесный Владыка судебные бумаги и порешил:

— Преступники должны быть строго наказаны, а священные птицы и звери — вознаграждены. Ты, Дух-хранитель, возвратишься в свои владения, на площади перед кладовой казнишь грабительницу Мышь, а прах ее развеешь на все четыре стороны. А перед казнью повелишь ты всем, кто наделен клювом, когтями или зубами, рвать на части, раздирать и терзать тело Мыши, дабы звери могли дать волю справедливому гневу своему. Всех, оклеветанных Мышью, из темницы выпустить; нору преступницы разрыть до основания, соплеменников ее изничтожить. Искоренить вредоносное семя.

Выслушал Хранитель кладовой волю Небесного Повелителя, поклонился низко и немедленно возвратился в суд. Повелел он обезглавить старую Мышь, потом отворил двери темницы, выпустил томившихся там зверей на волю и сказал им:

— Дано вам Небесным Владыкой право отмщения!

Услыхали это птицы и звери, толпою вырвались из темницы и радостно пустились в пляс. А потом взмыли птицы в небо, махая крыльями; побежали звери в леса, семена всеми четырьмя лапами. Пошумели они, и смолкло все, словно рассеялись тучи и стих ветер.

Кинулись тогда Кошка и Пес к норе, где жила Мышь, разыскали всех ее родичей: отца и мать, сестер и братьев, детей и внуков — до третьего колена, выволокли их всех на площадь перед Королевской кладовой.

Вонзились Шакал и Рысь в мышиное отродье клыками, Ворона и Коршун стали клевать мышам брюхо; Сокол и Ястреб теребили им лапы, Кабан и Выдра таскали их за хребет и загривок, Еж колол иглами, Богомол, вцепившись мышам в хвост, взлетел в воздух, увлекая свои жертвы за собой; Петух клевал личинки, гнездившиеся в мясе поверженных, Сорока трепала мышиную шерсть, Червяк, Муха, Медведка и Муравей пили мышиную кровь. Все, кто жаждал свежей крови, рвали на части, терзали и пожирали мышиное мясо. Право, отталкивающее это зрелище — убийство.

Но были и такие, как Тигр, Дракон, Журавль и Луань; только выпустили их из темницы — тотчас убежали они и даже не оглянулись на растерзанное тело старой Мыши. А Единорог и Феникс, увидев кровавое побоище, сказали:

— Всех вас выпустили на волю — чего ради терзаете вы мертвое тело?

Так сказали они зверям и птицам. И тогда разошлись все по домам.

А Дух — хранитель кладовой повелел святому воинству разрыть мышиную нору и осмотреть ее. Выполнили воины повеление Духа и увидели, что всех родичей и соплеменников Мыши сожрала Кошка. Завалили тогда воины мышиную нору землей и камнями, не оставив даже малой щелочки, а Кошку и Рысь заставили по очереди сторожить то место, где было прежде логово преступницы. И никогда больше не пропадало зерно из Королевской кладовой.

Я, летописец, скажу от себя:

«Если вовремя не погасить огонь — он стелется все дальше и дальше; если суд вершить наспех да к тому же нетвердой рукой — дело только запутывается. Сумей Дух-хранитель сразу же разобраться в преступлении старой Мыши и назначить ей справедливую кару, ярость не помутила бы его разума. Эх, да разве только у этой Мыши коварный и подлый нрав?! Право, об этом и подумать страшно!»

Перевод Г. Рачкова.

КВОН ПХИЛЬ

Перевод Г. Рачкова.

История Чжоу Гуя

В кругу родных и друзей Чжоу Гуй носил имя Чжицин, а свои литературные произведения подписывал псевдонимом Мэйчуань. Детство и юность он провел в Цяньтане, потом переехал в Шучжоу, куда отца направили служить под начало местного градоправителя. С малых лет отличался Чжоу памятью и сообразительностью, способностями к стихосложению. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он поступил в Школу высших наук; товарищи поражались его обширным знаниям, да и сам он непоколебимо верил в свое блестящее будущее. По окончании курса Чжоу неоднократно держал экзамен на должность, но всякий раз терпел неудачу. В конце концов он махнул рукой на все и сказал себе: «Человек в этом жестоком мире — всего лишь беззащитная букашка, крохотная капля росы на кончике былинки! Стоит ли тратить быстролетную жизнь на тяжкие труды ради карьеры?»

Поразмыслив, он решил не искать государственной службы, а заняться торговлей. Продал все свое имущество, на вырученные деньги — почти тысячу лянов — купил лодку, всевозможных товаров и стал разъезжать по городам и селам — куда глаза глядят. Торговля принесла ему кой-какой барыш, на него он и стал жить.

Однажды захотелось ему вновь побывать там, где прошла его юность, повидаться с друзьями. Первую остановку он сделал у берега Юэяна, возле Терема горного солнца{94} — здесь навестил он старого приятеля Ло, знатока древних книг и добрейшего человека. Ло встретил его радушно, проворно соорудил столик с вином и закусками, они стали пировать, и вскоре оба захмелели.

К вечеру, распрощившись с другом, Чжоу сел в лодку и поплыл дальше. Уже темнело, быстро надвигались сумерки, в небе возшла луна. Выплыв на середину реки, он облокотился на борт лодки и, усталый, заснул. Подгоняемая ветром лодка поплыла по реке.

Прошло сколько-то времени, и он очнулся от сна. Легкий туман стелется над рекой, луна уже едва различима в голубеющей выси; на берегу он видит густой зеленый лес, вдалеке меж деревьями горит фонарик, обтянутый зеленым шелком, за ним — маленький домик с красными перилами и изумрудными бисерными занавесками, откуда-то доносится гулкий звон колокола. Конечно же, это его родина — Цяньтан! Срывающимся от волнения голосом он продекламировал тут же

сложенный стих:

Возле Терема горного солнца
В лодке вновь не удастся уснуть —
Здесь прохлада вечерняя льется,
Наполняя отрадою грудь.

Зов кукушки печален и внятен.
Мир лучами луны осиян...
О судьба! Не богат я, не знатен,
Но зато возвратился в Цяньтан!^[9]

Когда наступило утро, он причалил к берегу и отправился бродить по знакомым с детства местам. Никого из старых друзей, с которыми он когда-то играл и катался верхом, в городе уже не было — никто не приветил его радостным восклицанием, никто не бросился к нему с распахнутыми объятиями. Опечаленный, побродил он по улицам и стал думать, куда же ехать ему дальше. И тут неожиданно повстречал он подругу беспечной юности Пэй Тао — красавицу из Зеленого терема, талантливую поэтессу, известную всем в Цяньтане под именем барышни Пэй. Девушка очень ему обрадовалась, пригласила к себе и приняла как самого дорогого гостя. Чжоу был растроган. Из уст его сами собой зазвучали стихи:

Когда на небе голубом
Лучи луны горят над нами,
Я вспоминаю отчий дом
И плачу горькими слезами.

Был путь тернист, далек и крут:
Осилишь горы — реки ждут...
Теперь дорога за спиною,
Но все переменялось тут —
Искал одно, нашел другое.

Твои стихи и голос твой
Цяньтану издавна знакомы...
Приходит вечер, чтоб росой

Омыть во тьме ступени дома.

На лице Пэй Тао отразилось неподдельное изумление.

— У вас поистине блистательный поэтический дар — вы не должны губить его, он принесет вам славу и богатство! Не понимаю, как вы можете уподобляться рыске, плавающей в тихой заводи!

Не получив ответа, она спросила:

— Вы женаты?

— Нет, — ответил Чжоу, смутившись.

Пэй помолчала немного и взглянула на него открыто.

— Я хочу, чтобы вы бросили свою лодку и поселились в моем доме. Я простолюдинка и не смею ни на что надеяться, поэтому сама найду вам достойную супругу.

Чжоу был очарован красотой Пэй, ее искренностью. Улыбнувшись, он сказал ей:

— Я очень благодарен тебе, только я и сам еще не знаю, чего я хочу.

В дружеских беседах незаметно прошел день. Когда же настал вечер, Пэй позвала служанку и велела ей проводить гостя в комнату для ночлега. Войдя туда, Чжоу увидел на стене белый лист, исписанный стихами. Содержание стихов поразило его. Он спросил служанку, кто это сочинил, и та ответила:

— Это писала наша барышня!

Вот эти удивительные строки:

Четырехструнку свою отложи.
Нежная песня пощады не знает.
Звуки мелодии так хороши,
Что лишь мгновенье — и сердце растает.

Сад зеленеет, и клумба цветет.
Мир облекла тишины поволока.
Новой весны наступает черед,
Я же, как прежде, совсем одинока —
Луны за лунами, из году в год.

Перечитав стихотворение дважды и трижды, Чжоу потерял душевный покой, мысли его пришли в смятение. Он попытался сочинить ответ на это

стихотворение, стал подбирать рифмы, но они ускользали из сознания. Меж тем надвигалась ночь. Лунный свет залил сад, по-новому окрасив цветы. Чжоу бродил по комнате, тщетно пытаясь поймать ускользающие рифмы. Неожиданно он услышал чьи-то голоса, потом лошадиное ржание. Так же неожиданно все смолкло. Удивленный, он решил заглянуть к Пэй и узнать, что случилось. Вышел в сад, подошел к ее окну. За тонкими занавесками белым пламенем горит свеча, в комнате одна лишь Пэй, она разложила перед собой бумагу и пишет поэму о девушке и ее милом — видимо, только начала и еще не закончила. Чжоу растворил двери, остановился на пороге.

— Если хозяйка дома слагает стихи, может ли гость сочинить две-три строки ей в помощь?

Пэй сделала вид, что рассердилась.

— Видно, гость сошел с ума!

Чжоу отвечает ей в лад:

— Гость был нормальным человеком, это хозяйка свела его с ума!

Пэй улыбнулась и разрешила ему приписать несколько строк к ее стихам. И вот что у них получилось:

В саду — бескрайняя тишина,
Весна воцарилась тут.
Над садом в небе висит луна,
И ярко цветы цветут.

Вдруг вижу: милый в моем окне —
Усталый, в плену забот,
По саду, словно в глубоком сне,
Он мимо цветов идет.

В страну бессмертных, к горе Пэнлай
Он брел через глухомань.
Кто ж знал, что он приплывет в наш край
С волной реки Фаньчуань?

Проснувшись, слышу: зовя рассвет,
Хор птичий заголосил.
Исчез мой милый. Лег первый свет
На брусья красных перил.

Отложив кисть, Пэй встала, налила из узкогорлого кувшина бокал светозарного вина и поднесла Чжоу. Однако Чжоу отставил бокал — его прельщало вовсе не вино, а сама Пэй. Девушка догадалась о его чувствах, под села к нему и рассказала о себе все без утайки:

— Я происхожу из знатного рода; дед мой занимал в Цюаньчжоу высокую должность, но чем-то не угодил властям и был разжалован в простолюдины — с тех пор его потомки живут в позоре и нужде, путь наверх им прегражден навсегда. Я рано потеряла родителей и скиталась по чужим людям — они относились ко мне сердечно, и я не могу не помянуть их добрым словом. Когда я подросла, меня отдали в Зеленый терем, где я по сей день вынуждена развлекать песнями и стихами праздных гуляк. Когда же остаюсь я одна, я люблюсь цветами в своем саду — и лью горькие слезы о своей судьбе, гляжу на луну — и предаюсь безрадостным думам. Сегодня Небо подарило мне встречу с вами — я полюбила вас за красоту и талант и решила посвятить вам всю свою жизнь. Одной лишь просьбой обременю вас: когда в недалеком будущем свершите вы великие деяния и добьетесь заслуженной славы и знатности, помогите мне покинуть навсегда Зеленый терем, дабы возродить доброе имя моих предков! И если даже потом вы бросите меня и никогда больше ко мне не вернетесь, я все равно буду благодарна до конца дней своих и буду неустанно прославлять вашу великую милость!

Она кончила — и слезы дождем хлынули из ее глаз. Чжоу стало жаль бедную девушку, он обнял ее, вытер ей рукавом щеки и сказал:

— Я докажу тебе, что я настоящий мужчина. Обещаю исполнить твоё желание. Я бы и сам сделал это, даже если бы ты меня об этом не просила.

Пэй улыбнулась сквозь слезы.

— Какой-то поэт сказал однажды: «Женщина на дело решится — сперва подумает, мужчина на дело решится — потом передумает». А помните историю Ли И и Хо Сяюй? Если вы действительно обещаете помочь мне, напишите об этом!

С этими словами она протягивает ему кусок белого шелка, и Чжоу пишет на нем:

Зеленая гора о старости не знает,
А в голубой реке всегда журчит вода,
Луну не погасить, она весь век сияет —
Уверенная в них, ты верь и мне всегда!

Пэй прочитала внимательно, свернула шелк и спрятала его у себя на поясе.

Настала ночь, и это была ночь их любви, и они любили друг друга жарче и нежнее, чем молодой Цзинь и любезная его сердцу Зимородочка или юный Вэй и его возлюбленная Прелестница...

Утром Чжоу спросил между прочим, чьи это голоса раздавались в саду накануне.

— Неподалеку отсюда, за ручьем, — ответила Пэй, — высится богатая усадьба. Когда-то ею владел первый министр Лу, а теперь там живет его вдова с сыном и дочерью. Иногда вдова устраивает званые вечера и приглашает меня спеть и станцевать ее гостям. Вчера она как раз прислала за мной слугу, но я принимала вас, поэтому сказалась больной и не поехала к ней.

С этого дня Чжоу, увлеченный девушкой, проводил с ней все свое время, ни с кем другим не виделся, никуда не отлучался. А Пэй услаждала его вином, стихами и игрой на комунго.

Как-то раз незадолго до обеда кто-то постучал в ворота и спросил, дома ли барышня Пэй. Это был слуга вдовы первого министра, он привез письмо: «Сегодня я устраиваю небольшой пир, без Вас он состояться не может, поэтому посылаю за Вами слугу и коня. Прошу Вас не отказываться и приехать». Пэй показала письмо Чжоу.

— Если знатная дама приглашает вторично, отказываться неудобно — я должна ехать.

Она привела в порядок прическу, наложила румяна и пудру, переоделась и пошла. Чжоу просил ее вернуться до ночи. Он проводил ее до ворот и все повторял свою просьбу. Пэй легко, словно ласточка, вспорхнула в седло — и конь помчался, словно дракон, и вскоре они исчезли из виду в зарослях ив.

Оставшись в одиночестве, Чжоу никак не мог занять себя чем-либо и в конце концов решил последовать за Пэй. Он вышел за ворота, свернул налево, дошел до арочного моста через ручей и увидел на пригорке высокий дом, который, казалось, упирается прямо в небо. С первого взгляда было ясно, что это дом большого вельможи: искусной резьбой украшены перила, круговая терраса обрамлена зелеными ивами и красными цветами абрикоса. Из окон дома доносились звуки свирели и цитры, а когда музыка умолкала, слышались веселые возгласы и смех. Меряя шагами мост, Чжоу сложил стих и записал его на столбе:

Солнечный пруд посреди раки.

Рядом — высокий дом.
Как черепица весной горит
Под каждым ярким лучом!

Прикосновенья ветра чисты,
В них — голоса людей.
Я опечален: скрыли цветы
Лицо любимой моей.

Как бы я стать хотел мотыльком —
Тем, что порхает в цветах:
Может свободно влететь он в дом
Без зова при всех гостях.

Я одинок. Я стою и жду,
Надо — прожду века,
И от лучей в голубом пруду
Только острее тоска.

Пока он размышлял, ждать ему Пэй на мосту или возвращаться домой, солнце склонялось все ниже, и вскоре зеленые холмы окутались вечерней дымкой. Но вот в воротах усадьбы показались молодые девушки на конях: седла украшены золотом, уздечки яшмой, блеск драгоценных камней слепит глаза. Чжоу спрятался в пустом доме на краю дороги и стал высматривать Пэй среди всадниц. Но ее там не было. В голову ему полезли дурные мысли. Все же он вернулся на мост и решил ждать ее там. Надвигалась ночь, в двух шагах ничего уже не было видно.

Оставаться дальше на мосту не имело смысла, и Чжоу двинулся к усадьбе первого министра. Вошел в ворота, огляделся: никого. Приблизился к дому, обошел его со всех сторон: ни души. Бродя по саду в поисках Пэй, он набрел на заросший лотосами пруд, здесь же вилась еле заметная тропинка. Он ступил на эту тропинку и через несколько десятков шагов оказался перед небольшим изящным павильоном, увитым виноградными лозами. Чжоу осторожно приблизился к полуотворенному окну, но почти ничего не увидел: свечи заливают комнату ярким светом, в глазах пестрит от бисерных занавесей, где-то вдалеке мелькают, словно в театре теней, зеленые кофты и малиновые юбки. Он подошел к двери, приоткрыл ее и заглянул внутрь. На богато украшенном резьбой и

инкрустацией белом возвышении сидит, слегка наклонясь вперед, женщина лет пятидесяти в фиолетовой шелковой кофте, лицо ее еще хранит следы былой красоты — конечно, это вдова первого министра Лу. Неподалеку от нее — девушка лет четырнадцати-пятнадцати: волосы убраны в прическу, напоминающую облако, бело-розовое личико, ясные, как рассвет, глаза, губы украшены улыбкой — весь ее облик вызывает в памяти осеннюю луну над чистой рекой или прекрасный цветок, орошенный утренней росой. Прелесть девушки вскружила Чжоу голову, он едва удержал рвущийся из груди крик восторга. И сидевшая между вдовой и девушкой Пэй Тао показалась ему теперь вороной среди фениксов, простым камнем среди жемчужин.

Вдова предложила Пэй бокал вина, но та почтительно отказалась и сказала, что торопится домой. Вдова подняла брови в удивлении.

— Прежде ты никогда не уходила так рано. Что же изменилось сегодня? Может, тебя ждет возлюбленный?

Пэй запахла ворот кофты и тихо ответила:

— Вы всегда были добры ко мне, и я открою вам все как есть.

И она рассказала вдове о встрече с Чжоу, о том, как они полюбили друг друга. Не успела вдова и слова сказать, как ее опередила красавица девушка:

— Матушка, не следует омрачать долгой разлукой медовый месяц влюбленных!

Вдова улыбнулась и отпустила Пэй.

Чжоу чуть ли не бегом вернулся домой, откинул одеяло, лег и притворился спящим. Вскоре прибыла и Пэй. Она разбудила его и первым делом спросила:

— Что вам сейчас снилось?

В ответ Чжоу декламировал стих:

Под облаками Яшмовой террасы
Летал во сне я,
И среди хорóм в тиши ночного часа
Я видел Фею!

Пэй недоверчиво взглянула на него.

— И кто же эта ваша фея?

Чжоу снова ответил ей стихом:

Проснулся я — и вновь увидел Фею.
Она несет мне счастье в час полночный,
И в комнату проникли вместе с нею
И лунный свет, и аромат цветочный!

Потом он обнял Пэй и сказал:

— Ты и есть моя Фея!

Пэй улыбнулась: отныне она будет отзываться только на это имя!

Чжоу спросил ее, почему она так поздно вернулась, и Пэй охотно объяснила:

— Когда кончился прием, вдова отправила всех гостей и девушек из Зеленого терема домой, а меня повела к дочери. Мы пили вино и разговаривали, потому я и припозднилась.

Чжоу стал расспрашивать Пэй о дочери первого министра. Вот что она ему рассказала:

— Ее зовут Фанцин, ей почти пятнадцать лет, она красива и скромна, прекрасно поет и слагает стихи, искусно вышивает разные узоры — мне до нее далеко. Вчера она сложила стихи и захотела положить их на музыку. Я ведь когда-то изучала искусство благозвучий, вот вдова и попросила меня помочь дочери.

Чжоу заинтересовался стихами Фанцин, и Пэй декламировала их ему:

Стал сад весною пенно-белым,
Все ароматом сладким дышит.
В притихшем доме опустелом
Лишь ветер занавесь колышет.

Вот утка в полумгле закатной
Одна на камне притулилась,
А стая в заводи прохладной
Купаться парами пустилась.

На дамбе дымка скрыла ивы
Как бы куском прозрачной ткани,
И их ветвистые извивы
Раскачиваются в тумане.

А девушка, из дома выйдя,
Облокотилась на перила.
Ее глаза глядят, не видя, —
Их грусть-тоска слезой укрыла.

Там ласточки зовут друг друга,
Тут соловей выводит трели —
В мой дом и сад, во всю округу
Пришла весна на самом деле.

Опять комунгó взяла я в руки —
И снова песни зазвучали.
Кому откроют эти звуки
Всю глубину моей печали?

Чжоу был восхищен: в каждой строке этого произведения он ощущал незаурядный поэтический дар дочери первого министра. Однако, желая скрыть от Пэй свое впечатление, процедил небрежно:

— Такими вот незамысловатыми стишками худосочные девы из знатных семей изливают обычно по весне свое любовное томление. Нет, мне больше по душе поэмы стародавних поэтов, вроде Су Жолань. И еще мне нравятся твои стихи, дорогая моя Фея!

Да, он лгал Пэй. Лгал потому, что его любовь к ней таяла с каждым днем после того, как он увидел Фанцин. И хотя он продолжал ласково разговаривать с Пэй и улыбаться ей и делал вид, что рад ей, все его мысли были поглощены красавицей Фанцин...

Однажды вдова первого министра призвала к себе сына Гоина и сказала ему:

— Тебе уже двенадцать лет, а ты еще не начал учиться. Скоро ты станешь взрослым — как же будешь жить неучем? Слышала я, что господин Чжоу, муж Пэй Тао, силен в науках — ты должен отправиться к нему и поучиться у него.

В доме первого министра издавна было заведено, что дети не смеют ослушаться родителей, поэтому Гоин в тот же день взял книги и отправился к Чжоу. «Это мне на руку», — подумал Чжоу, но чтобы не выдать себя, долго отказывался от предложения Гоина и только после настойчивых уговоров сделал вид, что нехотя согласился.

На одном из уроков, когда Пэй не было дома, он подбросил юноше

такую мысль:

— Тебе, наверно, нелегко таскаться ко мне с книгами ежедневно. Вот если бы у вас в доме нашлась свободная комната для меня, мы могли бы заниматься там — и тебе удобнее, и мне сподручнее.

Гоин встал, поклонился дважды.

— Я не смел даже просить вас, учитель, хотя давно уже мечтал об этом!

Вернувшись домой, он рассказал матери о предложении Чжоу, и та с радостью дала свое согласие. На следующий день, видя, что Чжоу собирается уходить, Пэй забеспокоилась:

— Куда это вы? Почему оставляете меня одну?

Чжоу пришлось выдать себя за страстного книголюбца.

— Понимаешь, у вдовы первого министра богатая библиотека, она ею очень дорожит и никому не разрешает выносить книги из дома. Если я буду заниматься там с Гоином, то смогу заодно прочитать много редких и ценных сочинений.

Обманутая Пэй поверила ему.

— Я счастлива, что вы у меня такой ученый!

С этого дня Чжоу поселился в доме вдовы. Первую половину суток он проводил в занятиях с Гоином, а вторую — в мечтах о Фанцин.

Дом первого министра отличался не только богатством, но и строгими порядками: все ворота тщательно запирались днем и ночью, слуги никого не впускали и не выпускали без разрешения хозяйки, а уж дочь свою вдова берегла пуще всех сокровищ. Прошло уже более десяти дней, но Чжоу так и не удалось ни разу увидеть Фанцин. Одолеваемый мрачными мыслями, слонялся он по своей комнате и думал: «Я переехал сюда лишь затем, чтобы завоевать сердце красавицы Фанцин. Скоро кончится весна, а я так и не нашел случая встретиться с ней. Неужели же так и буду сидеть да ждать, когда судьба смилуеться надо мной? А не лучше ли дождаться темной ночи, перемахнуть через забор и попытать счастья? Ну а если не повезет — не убьют же меня!» И вот в одну из безлунных ночей, в кромешной тьме, перелез он через забор и прокрался к павильону, где жила дочь первого министра. Подошел к окну, отвел в сторону бисерную занавеску, заглянул внутрь: шелком обтянуты стены, ярко горит светильник, перед ним сидит Фанцин, тихо играет на кунго и что-то поет. Чжоу вслушался — то была любовная песня на мелодию Су Жолань:

Кто занавески тронул складку,
К окну приблизившись украдкой?

Кто, подойдя к окну украдкой,
Отвлёк меня от грезы сладкой?

Иль ветерок из перелеска
Моей играет занавеской?

Очарованный её пением, Чжоу прошептал — так, чтобы она услышала:

Не ветерок из перелеска
Твоей играет занавеской,

Но тот, кто нежной страсти полон,
Пришел; вели же, чтоб вошел он!

Фанцин сделала вид, что ничего не слышала, погасила светильник и легла в постель. Чжоу не колебался ни минуты: он вошел в комнату и лег с нею рядом.

Исполнилось его заветное желание! В томном изнеможении не заметил он, как наступило утро — лишь трели соловья вывели его из забытья. Он быстро оделся и вышел из комнаты: утренняя дымка окутала павильон, безлюдно вокруг. Фанцин проводила его, закрыла за ним ворота и сказала:

— Не приходите больше сюда — если люди узнают, нам обоим не поздоровится.

Чжоу едва не задохнулся от обиды и с трудом обрел дар речи:

— Как же так? Ночью ты меня любила, а утром — отвергаешь?

Фанцин улыбнулась лукаво.

— Не обижайтесь, я пошутила. Когда стемнеет, мы встретимся снова.

Чжоу вздохнул облегченно.

— Да будет так!

Чжоу ушел, а Фанцин вернулась в комнату и стала думать о своем будущем. На глаза ей попался лист бумаги, она протянула руку за кистью — и на листе появились строки:

Летний воздух, омывшись ливнем,

Сбил в туман водяную пыль.
Ивы ветви свои сплели в нем.
На лугу шелестит ковыль.

От весны осталось похмелье
Промелькнувших весенних дней.
Над раскрытой моей постелью
Так тревожно поет соловей.

Она подписала лист и повесила его над окном.

Вечером Чжоу снова прокрался к павильону Фанцин. Неожиданно за кустами послышался шум шагов. Не желая попасться кому-либо на глаза, он бросился бежать. Вслед ему швырнули сливу, Чжоу споткнулся и упал в заросли бамбука. Кто-то наклонился над ним и низким голосом проговорил:

— Господин Чжоу, не вспугните соловья — он рядом с вами!

И тут Чжоу догадался, что это Фанцин снова подшутила над ним. Он поднялся, обнял ее за талию.

— Ты зачем так шутишь?

Фанцин потупилась.

— Уж и пошутить нельзя? А вы здорово испугались!

Чжоу кивнул.

— Еще бы не испугаться — ведь я люблю тебя тайком, как говорится, «краду яшму и похищаю аромат»!

Он взял Фанцин за руку и повел в комнату. Увидев стих, прикрепленный над окном, и прочитав его внимательно, он показал на две последние строки и спросил:

— О какой тревоге ты здесь пишешь?

Фанцин вздохнула глубоко, опустила голову и проговорила:

— Каждая женщина всю свою жизнь проводит в тревогах: ожидая милого, она боится, что не увидит его, а увидев, боится его потерять. Я тоже женщина — могу ли я жить без тревог? Если люди узнают о нашей любви, то вас осудят лишь за то, что вы соблазнили девушку-затворницу, а меня — за то, что отдалась вам до свадьбы, опозорила честь семьи! Ни то ни другое нам не простят. Я мечтаю пройти с вами рука об руку всю жизнь — но разве это возможно? Видно, суждено мне оставаться одинокой — как эта луна в облаках, как тот цветок, что вырос в бурьяне. Мы можем предаваться минутным наслаждениям, но прожить вместе сто

лет нам не позволят. Оттого я и печалюсь, оттого и одолевают меня тревоги.

Она кончила — и слезы полились из ее глаз. Чжоу попытался ее успокоить:

— Не плачь. Настоящий мужчина ни за что не откажется от женщины, которую любит. Я пришлю к твоей матушке сваху, они составят брачный договор — и мы с тобой соединимся, как положено по закону.

Фанцин вытерла слезы.

— Если даже вы сделаете так, как говорите, все равно я не смогу стать вам достойной женой: ведь я не соблюла девичью честь. И никакие жертвы предкам не вернут мне ее!

Она достала из туалетного ящика небольшое зеркальце, разломил его пополам; одну половину спрятала у себя на груди, другую протянула Чжоу.

— Если счастье улыбнется нам, мы соединим эти половинки в нашу первую брачную ночь!

И еще она вручила ему шелковый веер и сказала:

— Вещица эта невелика, но в ней мое любящее сердце. Не забывайте обо мне и помните, что я вам сегодня говорила.

С этого дня каждую ночь они встречались и каждое утро расставались, и не было ночи, которую они не провели бы в объятиях друг друга.

Как-то Чжоу вдруг спохватился: «Давно уже я не видел Пэй — наверно, она беспокоится, что я так долго не возвращаюсь!» И он тут же отправился к Пэй.

В ту ночь Фанцин долго ждала Чжоу, но так и не дождалась. Она проникла тайно в его комнату — Чжоу там не оказалось. На глаза ей попала его сумка. Она раскрыла ее и нашла там несколько стихов, подаренных не так уж и давно любящей Пэй Тао. Прочитав стихи, она вспылала жгучей ревностью, схватила кисть и перечеркнула все листы. Потом взяла шелковый платок, написала на нем несколько строчек и вложила платок в сумку. Вот что она написала:

То отдаленнее, то ближе
Напевы светляка слышны.
Всю ночь висит над скатом крыши
Диск покосившейся луны.

Бамбук, застывший у ступеней,
Все так же строен и высок.

Павлония бросает тени
На занавески уголок.

О безысходное злосчастье
Во мгле тишайшей из ночей!
Я жду любви, я жду участия,
Но нет от милого вестей.

Где бродишь ты? Стопы направил
К каким друзьям, в каком краю?
Иль сердце ты другой оставил,
Забыв про милую свою?

И нет ни времени, ни срока,
Чтобы тоска умчалась вдаль.
Сижу, понурясь одиноко,
И все сильнее моя печаль.

На следующий день Чжоу вернулся в дом первого министра. Фанцин не высказала ему ни упрека, ни ревности, ни досады — она надеялась, что он сам повинится перед ней.

Вечером вдова первого министра пригласила к себе Пэй Тао и долго беседовала с ней о Чжоу: она высоко отозвалась о его учености, отдала должное его воспитанности и скромности, попросила передать ему сердечную благодарность за уроки, которые он дает Гоину. Пэй решила пересказать все это Чжоу и отправилась в его комнату. Она нашла его крепко спящим, от него пахло вином. Пэй присела у постели и предалась грустным думам. Неожиданно взгляд ее упал на его сумку. Она раскрыла ее и увидела свои стихи, перечеркнутые тушью. Там же обнаружила она и стихи Фанцин — только она могла написать их! Она спрятала эти стихи у себя за пазухой и стала ждать пробуждения Чжоу. Он проснулся лишь под утро. Пэй наклонилась к нему.

— Отчего вы не возвращаетесь домой?

— Оттого, что Гоин еще не закончил учебу, — невозмутимо ответил Чжоу.

— Видно, не очень-то старательно обучаете вы своего шурина!

Чжоу смутился, покраснел и, отвернувшись от Пэй, пробормотал:

— О чем ты говоришь?

Пэй промолчала. Чжоу от стыда тоже не раскрывал рта. Наконец Пэй вынула из-за пазухи стихи Фанцин и бросила их перед ним.

— Молодой человек перелезает через забор и проникает в спальню девушки — разве так поступает порядочный мужчина? Я расскажу обо всем вдове первого министра — пусть она знает, кого пригрела в своем доме!

Она поднялась и решительно направилась к выходу. Чжоу вскочил, схватил ее за руку.

— погоди, я все тебе объясню!

Он усадил ее и сказал:

— Мы с тобой обещали друг другу сохранить нашу любовь на долгие годы — неужели ты могла подумать, что я брошу тебя?

Пэй была непреклонна:

— Пойдемте домой. Если вы останетесь здесь, я буду считать, что вы нарушили свою клятву!

Чжоу встал и покорно последовал за ней.

Узнав об увлечении Чжоу дочерью первого министра, Пэй перестала говорить ему ласковые слова и только смотрела на него с укором. А сам Чжоу болезненно переживал разлуку с Фанцин, день и ночь думал о ней, худел, не вставал с постели. Однажды ему сообщили, что брат Фанцин, юный Гоин, заболел какой-то страшной болезнью и скоростижно ушел из жизни. Он тотчас поднялся и отправился к вдове, чтобы выразить ей свое соболезнование.

После того, как Чжоу покинул дом ее матери, Фанцин занемогла, заперлась в своем павильоне и не показывалась на глаза родным. В день погребения брата она с трудом поднялась с постели, надела белые траурные одежды и стала ждать любимого. Чжоу выразил вдове сочувствие по поводу кончины Гоина, бросил мимолетный, полный любви взгляд на Фанцин и ушел, удрученный. По дороге он все время оборачивался, надеясь, что Фанцин выбежит за ним, но ее не было нигде.

Пэй тяжело переживала измену Чжоу. Вскоре она тяжело заболела и слегла. Чувствуя, что ей уже не оправиться от болезни, она однажды встала перед Чжоу на колени, словно прощалась с ним навсегда, заплакала горько и проговорила:

— Благодарю вас, добрый мой господин, за то, что вы осчастливили своей любовью меня, ничтожную простолюдинку. Жаль только: недолгую любовь накуковала нам кукушка и предсказала долгую разлуку — не могу я с этим смириться. Но что поделать, кончились для меня дни и ночи сладких свиданий, ни к чему мне теперь красивые наряды, музыка и стихи!

Когда перестанет биться мое любящее сердце, возьмите себе в жены Фанцин и будьте с ней счастливы до гробовой доски. А мои останки заройте у дороги, по которой вы ко мне ходили, — и тогда мне, мертвой, будет казаться, что я еще жива!

Так сказала она — и потеряла сознание. Потом пришла в себя, открыла глаза и прошептала:

— Господин мой! Муж мой! Берегите себя, берегите...

Это были ее последние слова — уста ее умолкли навсегда.

Горю Чжоу не было предела, слезы душили его. Он похоронил Пэй возле дороги, как она и завещала. На похоронах он произнес прощальную речь — вот что он сказал:

— В такой-то день такой-то луны такого-то года Чжоу Гуй, он же поэт Мэйчуань, приносит в жертву душе Пэй Тао плоды банановой пальмы. О дорогая Пэй! Ты была прекрасна телом и чиста душой, у тебя был добрый нрав и скромные манеры, ты светила, как луна, и благоухала, как цветок. Когда ты танцевала под музыку к поэме «Улица под ивами», ты напоминала трепещущую на ветру шелковую ленту, вышитую красивыми узорами, ты казалась орхидеей, омытой росой в долине. Твой поэтический дар превзошел талант Су Жолань, твое обаяние затмило красоту Цзя Юньхуа. Ты принадлежала к сословию девушек из Зеленого терема, но осталась целомудренной и не запятнала честь предков — я же, недостойный, уподобился сережке ивы, носимой ветрами, или ряске, плывущей по течению. Помнишь: мы связали друг друга узами любви, поклялись не забывать друг друга? Ярко светит луна над твоей могилой, ночь тиха, весна благоухает в нашем саду — и я непрестанно думаю о тебе, твое лицо по-прежнему стоит передо мной, твой голос все еще звучит в моих ушах. Увы, уж не порадоваться нам с тобой прозрачному вину, не насладиться звуками флейты: все изменилось, все стало иным, бывшие радости сменились горем. Рассеялись, как облака, счастливые грезы, прошла любовь, как благотворный дождь. Я открываю глаза — и не вижу тебя перед собой, я вслушиваюсь — и не слышу твоего голоса. Шелка еще хранят аромат твоего тела, но уже пылится беззвучный комунго — некому играть на нем. Помутнело небо, потускнели горы и реки, в груди моей бесконечная тоска. Ты ушла навек — кому мне теперь довериться? Отныне я поплыву по жизни один-одинешенек, а море безбрежно, берег суров... Никогда больше я тебя не увижу! Снова приплывут белые облака к горе, снова река выплеснет на берег зеленые волны, но ничто уже не порадует меня, потому что больше никогда я тебя не увижу! Я приношу жертвы твоей душе — это вино и эти плоды, и я говорю, я умоляю: прими эти

приношения! Прими, прекрасная душа!

Чжоу повернулся к служанкам Пэй и продолжал:

— Оставляю на ваше попечение дом вашей госпожи — сохраните в нем все как есть, а я скоро вернусь и увезу вас отсюда.

Служанки плакали навзрыд и причитали:

— Барышня любила нас, как родных, и мы почитали ее и верно ей служили. Горе наше безутешно, негде нам теперь преклонить голову, негде найти утешение. Кто приютит нас, обездоленных? Только на вас мы и надеемся, добрый господин!

Слезы нескончаемым потоком лились по их щекам.

Чжоу утешил их, сел в лодку и взялся за весла. Тоска сжала ему сердце. Он бросил взгляд на берег — и понял, что никуда не сможет уехать отсюда.

Вечером он отправился к арочному мосту, чтобы хоть издали взглянуть на дом Фанцин. В доме зажглись светильники, засветились окна с бисерными занавесками. Он стоял и думал, что, наверно, уже не увидит Фанцин, что оборвалась их любовь, и в голове его сами собой стали складываться стихи о бесконечной тоске:

Ива тонкие ветви покрыла
Пеленою тумана.
Я подумал: весна наступила,
Не заметил обмана.

Шелк на окнах висел пеленою,
А за нею я видел
Ту, с которой связавшись судьбою, —
Обогрел ли? обидел?

Свет луны, одиноко горящий.
На окошке — лампада.
Может, в лодке за тучей летящей
Мне отправиться надо?

Всю ночь он провел в раздумьях. Уехать отсюда? Но это значит — навеки расстаться с Фанцин. Остаться? Но где преклонить голову — ведь Пэй Тао и Гоина уже нет в живых? Мысли мешались, сердце разрывалось от боли. Едва настало утро, он сел в лодку и решительно взмахнул веслами.

Вот проплыли мимо дом Фанцин, могила Пэй Тао, вот осталась позади гора у излучины реки, и вот все, что осталось позади, растаяло в утреннем тумане...

Среди родственников Чжоу по материнской линии самым богатым был Чжан из города Хучжоу — к нему и отправился он. Чжан тепло принял его, окружил заботой и вниманием, и Чжоу понемногу стал приходить в себя после всех потрясений, выпавших на его долю. Тем временем снова наступила весна, все чаще стали одолевать его воспоминания, все чаще тосковал он о Фанцин, и вот уже потерял сон, погрузился в мрачные думы, отрешился от всех мирских забот. Шел 1592 год, двадцатый год девиза Вань-ли.

Старый Чжан, видя, что гость не ест и не спит, день ото дня мрачнеет, спросил, что с ним, что его томит. Чжоу чистосердечно рассказал ему свою историю, рассказал о смерти Пэй и разлуке с Фанцин. Чжан положил ему руку на плечо и сказал:

— Чего же ты молчал, зачем таил все в себе? Ведь я могу помочь тебе: моя жена издавна дружит с вдовой первого министра!

В тот же день Чжан попросил жену написать вдове письмо и попросить ее согласия на брак Чжоу с ее дочерью. Письмо было написано и отправлено с нарочным.

После отъезда Чжоу бедная Фанцин потеряла покой, отказалась принимать пищу и видаться с кем бы то ни было и в конце концов призналась матери в любви к Чжоу. Вдова утешила дочь и сказала, что согласна на их брак, но ведь Чжоу уехал и не дает о себе знать — что же им делать? И в этот же день получают они письмо от жены Чжана, из которого узнают, что Чжоу жив и здоров и тоскует по Фанцин. Мать и дочь радуются безмерно, Фанцин приводит в порядок прическу, надевает лучшее свое платье и садится писать ответ: согласие на брак дано, свадьбу предлагается играть в девятую луну этого года.

Чжоу ежедневно ходит на берег и ждет возвращения нарочного. Тот возвращается через десять дней и привозит долгожданный ответ: в нем письмо вдовы с согласием на свадьбу Фанцин и Чжоу и письмо Фанцин для Чжоу. Дрожащими руками он вскрыл конверт — пахло ароматом пудры, на бумаге — следы слез.

«Несчастливая Фанцин кровью сердца пишет эту исповедь господину Чжоу. С детских лет жила я в затворничестве и томилась неизъяснимой тоской: мне казалось всегда, что время течет мимо меня, как вода, и я завешивала зеркало, чтобы не видеть в нем своего отражения, и страдала в

одинокости. Душа моя ждала любимого. Но я стеснялась бывать на людях, стеснялась смотреть на посторонних, стеснялась рассказать о своей мечте. И всякий раз, когда я любовалась зелеными ивами под горой, когда заслушивалась песнями соловья, я грезилась о любимом. И вот однажды красивый мотылек пробудил во мне любовь, и белый гусь указал мне мою стезю: ночью, при ясной луне, явился ко мне с восточной горы мой возлюбленный, и мы заключили с ним любовный союз на веки вечные. Но почему же все хорошее так быстро кончается, почему так кратки минуты блаженства?

Когда любимый уехал от меня, горю моему не было конца: ведь если сердце полюбило, оно уже не может разлюбить! Но снова пришла весна, заиграла в реке рыба, теплый ветерок промчался среди цветов — и я плотно затворяю дверь, сажусь одна в пустой комнате и начинаю думать и печалиться, а думаю я только о Вас.

Вот и сейчас — я сижу одна, ночь туманна, тускло мерцает светильник, луна светит в окно, цветы на моем столе роняют лепестки... Душа моя в смятении, силы иссякли — как долго Вы не возвращаетесь! Зачем Вы уехали? Ведь если я отдала Вам свое тело, то разве душа моя с тех пор не принадлежит Вам? Нет, она Ваша! Если бы знала я, как тягостна разлука, то, наверно, не захотела бы жить дальше!

Сегодня в нашем саду снова весна, и прежняя любовь снова пробудилась во мне: я кусаю ногти и жду встречи с Вами. Все это время я была одинока и извелась от страданий. Красота моя уже увяла, волосы потеряли былой блеск — Вы с трудом узнаете меня. Боюсь, когда Вы увидите меня, Вы уже не станете питать ко мне прежние чувства. Но больше всего боюсь я, что так и умру, не увидев Вас. Когда думаю об этом, я от ужаса теряю рассудок. Хочу лишь одного: увидеть Вас, рассказать, как тяжело быть в разлуке с Вами!

Мы сейчас далеко друг от друга, нас разделяют горы и облака, и мне трудно на бумаге передать все то, что переполняет душу. Я смотрю вдаль — там мой любимый! Он там, в Хучжоу! Это далеко отсюда, где-то в глуши, где водится нечистая сила. Прошу Вас: берегите себя, берегите себя!

Доверяю свою исповедь улетающему в Ваши края дикому гусю — пусть донесет он ее к любимому!

Ваша Фанцин.

Такой-то день такой-то луны».

Чжоу читал это письмо, как во сне или как во хмелю: его бросало то в

жар, то в озноб, он то ликовал, то мрачнел. Он уже не мог смириться с назначенным днем свадьбы, ему хотелось перенести ее на завтра, на сегодня! Он побежал к старику Чжану и попросил его послать слугу к вдове первого министра, после чего сразу сел за письмо к Фанцин:

«Любимая моя, неизменно любимая! Из далекого далека получил я весточку от тебя — и с души моей спал камень.

В памяти моей храню я воспоминания о том, как впервые оказался в твоём доме, как увидел тебя и сразу же полюбил на всю жизнь, как безлунной ночью в домике среди цветущего сада обрел твою любовь. Сердце мое всегда было преисполнено благодарности тебе за все те улады, которые ты доставляла мне, и я всегда мечтал быть вместе с тобой до конца дней своих. Однако судьба, желая испытать чувства влюбленных, разлучает их. Мог ли я знать, что разлука с тобой будет такой тяжелой, такой мучительной? Сердце мое разрывается, когда думаю о том, что за горами и реками, в чужом далеке томится моя возлюбленная. Гуси кричат в облаках, в горах кричат обезьяны, а я сижу один перед светильником и тоскую о тебе. Человек ведь не дерево и не камень, он не может не страдать от одиночества. Ты, наверно, тоже поняла, что нет на свете ничего горше разлуки с тем, кого любишь.

Древние говорили: «День в разлуке — три года вместе». Если этому поверить, то месяц в разлуке сулит девяносто лет неразлучного счастья. Я хочу этой же осенью здесь, на юге, справить нашу свадьбу. Я больше не могу жить без тебя! Сердце мое сжимается от тоски, рука не держит кисть».

Чжоу так и не успел отослать это письмо. В тот день по всей стране было обнародовано следующее сообщение:

«Сегодня дружественная нам Корея подверглась нападению иноземных захватчиков. Китай не может бросить в беде соседа, наши правители всегда считали своим долгом помогать другим странам в дни всенародных бедствий. Поэтому жители провинций к западу от Амнок призываются на военную службу и направляются в Корею».

Вернувшийся из Кореи буддийский наставник Би Фань доложил императору:

— Наши северные и южные границы хорошо защищены от вторжения врагов, поэтому следует послать на помощь корейцам добровольцев из

провинций Чжэцзян и Хунань.

Было решено назначить адмирала Ли Жусуна командующим армией добровольцев и немедленно ввести армию в бой.

Командир одного из отрядов, отправлявшихся к месту боев, хорошо знал Чжоу. Он пригласил Чжоу к себе и предложил ему должность летописца. Чжоу трижды отказывался, ссылаясь на отсутствие опыта, но в конце концов вынужден был согласиться. По прибытии в корейский город Анчжу он поднялся на Башню Счастливых Предзнаменований и сложил там стихотворение. Полный текст этого стихотворения утерян, сохранились лишь четыре заключительные двустишия:

Я думал о родине, полный страданий,
На Башне Счастливых Предзнаменований,

И с Башни открылись печальному взору —
Те выше, те ниже — зеленые горы.

Они, словно стражи, застывшие строго,
На родину мне преградили дорогу,

Но не преградить рубежу никакому
Дорогу душе, устремившейся к дому!

Весной следующего, 1593 года, китайская армия разгромила напавших на Корею иноземцев и вступила на территорию провинции Кёнсан. Чжоу не смог последовать за своим отрядом — он тяжело заболел, ему пришлось остаться в Сондо.

Я как раз прибыл по каким-то делам в Сондо, и мы встретились с ним на постоялом дворе. Так как он не умел говорить по-корейски, а я хорошо знал иероглифы, мы общались с ним не устно, а на бумаге. Я спросил, чем он болен, — он только усмехнулся горько, но ничего мне не ответил.

Вечером пошел дождь. Мы зажгли светильник и стали «беседовать». Чжоу дал мне прочитать свой новый стих, и вот что я прочитал:

Расстался я с милой, теперь одинок.
Кому я поведаю горе такое?
Измучилось сердце, и ум изнемог,
И нету душе ни минуты покоя.

Светильник коптит, еле-еле светя.
Сижу я один, окруженный молчаньем,
Печальным и мерным ударам дождя
Внимая со скорбью, тоской, содроганьем.

Я в храм небожителей путь не открыл,
Дорога к Инчжоу душе не знакома.
Коснусь ли я яшмовых тонких перил
Ее незабвенного дальнего дома?

Мне видится образ любимой везде.
Как встретить ее я мечтаю воочью!
О, стать бы мне ряской на тихой воде,
И к милой поплыл бы я этой же ночью!

Стихи меня поразили. Я спросил Чжоу, по какому поводу они написаны, и он рассказал мне свою печальную историю. Потом он достал из сумки тетрадь, на которой было написано: «Среди цветов», и вручил ее мне. Я перелистал тетрадь — в ней были стихи самого Чжоу, а также стихи Пэй Тао и Фанцин, всего более сотни. Чжоу попросил меня написать в тетрадь несколько строк на память, и я не смог ему отказать. Исполнив его просьбу, я сказал ему в утешение:

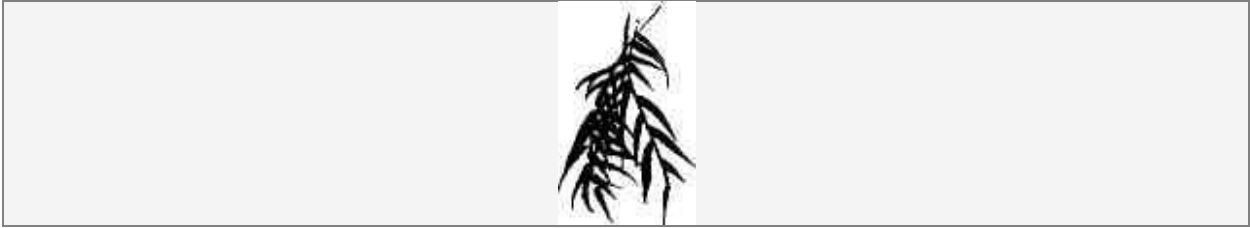
— Настоящий мужчина сокрушается лишь тогда, когда не может свершить великое деяние и добыть славы. А с чего сокрушаться вам? Ведь чужеземцы уже разбиты, армия ваша возвращается на родину — теперь будет праздник и на вашей улице. Что касается вашей возлюбленной, то, поверьте, она ждет вас, никуда она не денется. А если и денется, то не перевелись еще в Китае красавицы, и нечего поэтому вам печалиться!

На следующий день рано утром мы с ним расстались. В глазах его блеснули слезы. Он трижды поблагодарил меня за сочувствие к его судьбе и сказал на прощание:

— Не рассказывайте никому о том, что услышали от меня, — люди ведь только посмеются!

В то время Чжоу было двадцать семь лет. Его красивое лицо так и просилось на картину!

Я, Молчальник по имени Квон Ёчжан, записал эту историю в пятую луну года к ё с а.

ПАК ЧИВОН

ИЗ «КИТАЙСКОГО ДНЕВНИКА»

Переправа

От двадцать четвертого дня шестой луны до девятого дня седьмой луны. От реки Амнокган до Ляояна. Пятнадцать дней.

Почему у меня сказано: «после повторенного трижды года к ё н ч ж а{95} — металла и мыши»? Ведь описывая происходящие события, ненастье и погоду, всегда отмечаешь год, а потом луну и день. Так отчего же я говорю «после»? Я говорю так, потому что рассказываю о случившемся после годов правления под девизом Чун-чжэнь{96}. А почему «трижды повторенный год к ё н ч ж а»? Да потому, что после правления под девизом Чун-чжэнь год к ё н ч ж а совершил три круга! Тогда отчего же не сказать прямо: «годы правления под девизом Чун-чжэнь»? Потому что по ту сторону реки на этот девиз наложен запрет. Из-за чего же наложен запрет? Из-за того, что за рекой — маньчжуры! Вся Поднебесная теперь пользуется маньчжурским календарем, и я не смею упоминать «годы правления под девизом Чун-чжэнь». Зачем же я все-таки говорю об этих годах, зачем употребляю такие названия, как Минские императоры, Срединное государство? Испокон веков Китай был государством, которое наставляло нас, а на семнадцатом году правления под девизом Чун-чжэнь погиб император И-цзун и династия Мин пала. С тех пор прошло более ста тридцати лет, мы же до сих пор употребляем этот девиз правления — почему? А вот почему. После того как маньчжуры обосновались в Китае, вместо прежних китайских государей стали править варвары. Варвары заняли тысячи ли нашей восточной страны, только река отделяет нас от них, и теперь лишь в нашем государстве сохраняется система правления прежних Минских императоров. Поэтому Минский дом как бы продолжает существовать к востоку от реки Амнокган{97}. Конечно, у нас не хватит сил прогнать этих варваров, очистить Китай и восстановить старую систему правления прежних государей. Вот почему нам остается с благоговением придерживаться девиза правления Чун-чжэнь, тем самым как бы сохранять у себя частицу Китая.

Итак, пишу на сто пятьдесят шестом году правления под девизом Чун-чжэнь — «Счастья и процветания», в год к ё н ч ж а — металла и мыши.

Неофициальный историк Ёльсан. Иначе говоря, после повторения трижды года металла и мыши — к ё н ч ж а, на четвертом году правления нашего совершенномудрого государя{98} (на сорок пятом году правления цинского императора Цянь-луна).

Шестая луна, 24-й день (день металла и овцы). С утра на целый день зарядил мелкий дождик — то припускал сильнее, то затихал. После полудня переправились через реку Амнокган и проехали тридцать ли. Возле города Цзюляньчэн остановились на ночлег под открытым небом. Ночью ливень прекратился.

До этого мы десять дней просидели в Ёнмане (это возле Ыйчжу). Здесь нас снабдили местной провизией в таком изобилии, что когда настала пора отправиться в дорогу, эта снедь оказалась весьма обременительной. Полил дождь, река разлилась, и только на четвертый день прояснилось. Вода неслась с такой силой, что выворачивала деревья и камни, а огромные волны вздымались до неба. Это потому, что истоки реки Амнокган очень далеки. В «Истории династии Тан» говорится, что корёсская река Мачжасу стекает с горы Пэксан, которая находится в землях народа мальгаль, а поскольку ее вода цветом напоминает голову утки, то и назвали ее Рекой утиной синевы — Амнокган. Пэксан — это гора Чанпэксан, та самая, которая в «Книге гор и морей» зовется Пульхамсан, а у нас в стране — Пэктусан. Многие реки берут начало с горы Пэктусан, та, что течет на юго-запад, и есть Амнокган.

В «Обзоре императорских земель» сказано: «Под Небом есть три великие реки. Это — Хуанхэ, Янцзы и Амнокган». А в книге «Записанная беседа двух гор» сказано: «Все реки к северу от Хуайшуй зовутся «Северными ответвлениями». Они впадают в Хуанхэ и не называются «ган» (по-китайски — «цзян»){99}. Только та, что течет на севере Корё, зовется Амнокган».

Это — большая река под небесами. Засушливы, дождливы ли земли, по которым она протекает, я не знал, живя от нее на расстоянии тысячи ли. Теперь-то уж представляю, что это за места, видя такой разлив да бесконечный дождь в горах Пэктусан.

Здесь нет обычных переправ, и теперь при таких ливнях невозможно отыскать берег, куда можно было бы причалить. К тому же в среднем течении реки полно каменистых и песчаных отмелей. Заметить их трудно, и стоит лодочнику хоть немного зазеваться, никаких сил не хватит, чтоб суметь здесь сманеврировать. Вот потому мои спутники — толмачи — наперебой принялись рассказывать о разных случаях и настойчиво советовали подождать, когда спадет вода. Даже градоправитель Ыйчжу

послал чиновника задержать нас на несколько дней, но посол настаивал на переправе именно сегодня, поскольку сегодняшний день назначен в официальной бумаге.

Утром я поднялся и выглянул в окно. Все кругом плотно заволкло темными тучами, дождь закрывал горы. Я умылся, причесался и привел в порядок дорожные вещи, потом запечатал письма домой и в другие места, чтобы, выйдя, отдать их на почтовой станции. Похлебав немного жидкой рисовой каши, я побрел на подворье.

Там чиновники уже надели военные мундиры и шляпы. У каждого на голове будто горят новогодние фонарики, словно лунное сияние плывет в облаке. Шляпы украшены павлиньими перьями, на талиях — синие шелковые пояса, а к поясам подвязаны длинные мечи. Держа в руках короткие кнуты, они со смехом глядели друг на друга:

— Ну, как мы, хороши?

Чиновник Но Чхамбон в платье с широкими рукавами-крыльями выглядел так воинственно, что Чон встретил его шуткой:

— Нынче уж мы наверняка одолеем переправу!

— Конечно, переправимся, — отозвался Но, а я поддакнул им обоим:

— Да, да, конечно!

Почти десять дней толчемся мы на этом постоялом дворе и мечтаем с ним расстаться. Готовы хоть на крыльях перелететь. А ливень между тем до краев наполнил реку, и это зрелище наводило тоску, но срок переправы был назначен и надо было спешить. Так что хочешь не хочешь, а придется переправляться. А взглянешь, какой путь предстоит проделать, чувствуешь себя так, будто тебя собираются на пару сварить. Поневоле устремляешься думами к родным местам, а там лишь сумрачные горы, окутанные тучами. Натолкнешься взором на такую преграду — сразу затоскуешь и ощутишь себя несчастным и, как говорится, отправишься на прогулку по всей прошлой жизни, сам же неотступно думаешь: ну хоть бы разок заглянуть в будущее! Вот теперь все они твердят: «Сегодня переплывем через реку!» А ведь исполнения этих слов совсем не ждешь с радостью. Не знаю, что и делать.

Главный переводчик Ким Чинха был стар, он тяжело заболел, и мы, оставив его здесь, уехали. Прощались с ним торжественно, но без чувства сожаления.

После завтрака я один сел на коня и выехал со двора. Конь был гнедой с белым пятном на лбу, ноги тонкие с высокими копытами, а сам небольшой, с изящной головой и прямыми ушами. Поистине — конь, способный проскакать десять тысяч ли!

Впереди конюх Чхандэ вел коня за повод, а мой слуга Чанбок шел сзади. К седлу была привязана пара кошель. В левом — тушечница, в правом — зеркало, две кисти, тушь и четыре тетради, да еще я положил туда палочку, чтобы отмечать пройденный путь. Багаж я взял с собой нехитрый, так что можно не опасаться строгого осмотра.

Не успел я доехать до городских ворот, как неожиданно хлынул налетевший с востока дождь. Я погнал коня и, спешившись у самых ворот, в одиночестве поднялся на башню и глянул вниз. Там стоял Чхандэ, держа под уздцы коня, а Чанбока я не увидел. Немного погодя он появился, постоял, оглядываясь, возле маленьких ворот у края дороги и, прикрывшись от дождя шляпой, вихрем помчался к башне с маленьким чайником в руках. Тут я понял: эти двое пошарили у себя в карманах и нашли там двадцать шесть монеток. Ведь наши деньги нельзя перевозить через границу, просто выбросить на дорогу жалко, вот они и решили купить выпивку.

— Много у вас там вина? — спросил я.

— Да уж нечем и рот смочить, — ответили они.

— Ах вы негодники! Когда же это вы умудрились все выпить? — отругал я их, но тут же и успокоил: — Ведь в дальней дороге это единственное утешение!

Пришлось мне пить одному. Я взглянул на восток, в сторону Ёнмана и горы Чхольсан, но там все было покрыто плотным слоем облаков. Тогда я налил в чашку вина и, вылив его под один из опорных столбов{100} для крыши, помолился о благополучной переправе. Чашку вылил и под другой столб и помолился за Чанбока и Чхандэ. Я потряс чайник — там оставалось еще на несколько чашек — и велел Чхандэ выплеснуть вино на землю, чтобы совершить моление о благополучии моего коня. После, прислонившись к стене, стал смотреть на восток. Слои облаков неожиданно разошлись, и к западу от города Пэкмасан вдруг наполовину открылась вершина горы, сочного зеленого цвета. Она радует глаз, потому что напоминает мне сопку Пурильсан за нашим домом. Ее видно из моего кабинета, что зовется Ёнам — «Ласточкина скала».

Средь башен из туши, румян и белил
в разлуке Мо Чоу живет.
Войска под вой осенних ветрил
ушли в далекий поход.
Но замер звук нарисованных флейт,
и гонгов не слышен звон.

Тоскую по лучшей в мире земле,
что к югу от вод Чхончхон^[10].

Эти стихи сочинил Лю Хепхун, когда он входил в Шэньян. Я прочел их несколько раз подряд и громко рассмеялся:

— Вот и я собрался перейти границу и все твержу грустные стихи, но где же здесь взять свиток с нарисованной лодкой, флейтой и барабаном?

Некогда Цзин Кэ собрался переправиться через реку, но не решился, а наследный принц, заподозрив, что тот передумал, велел Цинь Уляну переправляться первым. Цзин Кэ разозлился и стал выговаривать наследнику:

— Я задержался, потому что ждал своего друга, хотел переправиться вместе с ним.

Мне кажется, что Цзин Кэ тогда просто-напросто соврал. Конечно, наследник не доверял ему, он ведь его хорошо не знал. А человек, которого якобы ожидал Цзин Кэ, вряд ли был реальным лицом. Если уж этот Цзин Кэ решился войти в могущественное княжество Цинь, имея при себе лишь кинжал, ему вполне хватало одного Цинь Уляна — какого еще друга он мог ждать? Ему лишь оставалось спеть свою знаменитую песню о холодном ветре. Теперь-то мы получаем от нее удовольствие, а тогда ее сочинитель, может быть, на самом деле кого-то ждал и думал: «Мой друг так далеко от меня, что не может прийти!» «Так далеко от меня!» — это очень хорошо сказано. А тот человек, должно быть, для него был самым близким на свете, и ожидание встречи было самым искренним во всей Поднебесной. Этот самый близкий друг ушел однажды и не вернулся к назначенному сроку. Вот уж смеркаться начало, а он все не идет. Наверное, потому что живет в дальних краях — где-нибудь в царстве Чу или в У, а то и в Трех Цзинь? Может быть, день их встречи и был назначен как раз, когда Цзин Кэ должен был отправиться в царство Цинь, и они, взявшись за руки, дали друг другу клятву? Но Цзин Кэ-то ведь неожиданно сказал, будто ждет какого-то друга, о котором знает только он сам. И вот пишущий эти строки хотел бы поговорить о человеке, известном лишь Цзин Кэ. Кто он такой? Никто не знает. Знаем только, что жил он далеко и Цзин Кэ его любил, а потому и тревожился, придет ли. Знаем теперь, что не пришел. Попробую его представить себе, как если бы он и на самом деле существовал под Небом. Роста огромного, с темными густыми бровями и иссиня-черной бородой. Щеки — толстые, лоб — высокий. Почему же он мне кажется именно таким? Да просто я прочел о нем в

стихах некоего Хепхуна (звали Хепхуна Тыккон, а его псевдоним — Ёнчже).

Посланник со своим передовым отрядом, очищавшим дорогу, вышел из города (знаменосцы и вооруженные дубинками шли впереди, их и называют передовым отрядом). Рядом со мной ехали Нэвон и младший чиновник Чу (Нэвон — мой четвероюродный младший брат, а Чу звали Мёнсином. Оба были младшими чиновниками). С кнутами на боку, в седле сидят прямо, расправив плечи и подняв голову, — чем не герои? Под сиденья у них положены мешки из толстой мягкой шерсти, а сзади к седлам привязаны соломенные сандалии. Нэвон наряжен в военный мундир из зеленого рами, его поношенные вещи выстираны, а густые волосы аккуратно подвязаны. Ничего не скажешь — вид необыкновенно подтянутый!

Я придержал поводья, чтобы подождать, пока посол выедет за город, а потом не спеша двинулся следом. Вскоре мы добрались до Курёнчжона — Беседки девяти драконов. Отсюда мы должны отплыть на лодках.

Правитель Ыйчжу уже распорядился натянуть тент, а сам вышел навстречу. Чиновник, сопровождавший посла, уехал еще на рассвете и принялся вместе с правителем за проверку людей и лошадей. Записывали, где живут, возраст, с бородой или нет, какие есть шрамы, рост, а лошадям отмечали масть. Три древки знамен как бы обозначили ворота и возле них проверяли, нет ли вещей, запрещенных к вывозу. К ним относились особо ценные — такие, как золото, жемчуг, жэньшэнь, собольи шкурки и потом серебро сверх положенной нормы в две тысячи лян. Вещи не ценные делились на старые и новые — не менее чем на десять родов, такую мелочь невозможно и перечислить. У слуг осматривали платье, прощупывали штаны, у толмачей проверяли дорожные вещи. Прямо на берегу реки потрошили узлы с одеялами и платьем. Повсюду на траве кучей валялись кожаные сундуки, бумажные коробки, а люди старались во всем этом навести порядок и бросали друг на друга злобные взгляды.

Если не досматривать, то уж вовсе нечем будет пресечь безобразия, а обыск всегда непристойен. Но уж таковы формальности, хотя купцы из Ыйчжу тайком переправляются через реку. Кто их удержит?

Если находили недозволенные предметы, то попавшихся у «первых ворот» наказывали палками, у «средних» — отправляли в ссылку, а тем, у кого находили самое ценное — у «третьих ворот», — отрубали головы и выставляли толпе. Конечно, эти законы слишком суровы. На этот раз не заполнили и половины тары, приготовленной для изъятых вещей, а было ли у кого серебро сверх положенного — попробуй разберись!

Официальное угощение для посла приготовили наспех, не успели принести столики, как тут же убрали. Так спешили начать переправу, что никто даже палочек не успел взять {101}.

Лодок стояло всего пять, но они были гораздо больше, чем те, на которых переплывали реку Ханган. Сперва начали грузить вещи и конюхов с лошадьми. В лодке посла везли верительные грамоты, туда же сели сопровождающие лица и главный толмач. В другой лодке разместились заместитель посла и чиновники. После того как все устроились, чиновники, слуги и кисэн, приписанные к управе Ыйчжу, вместе с чинами, сопровождавшими нас еще из Пхеньяна, выстроились перед лодками и начали по очереди прощаться, а мой сунанский слуга Сидэ орал, не переставая. Тут кормчий взял в руки весло — течение было сильным, гребцы дружно налегли на весла, и лодка понеслась стрелой, как молния устремилась вперед. Гребцы работали так яростно, будто хотели угнаться за рассветом. Замелькали перед глазами столбы, перила и решетки беседки Тхонгун, а люди, что пришли с нами проститься, все еще стояли на песчаной полосе и казались бобовыми зернышками.

— Вы хорошо знаете дорогу? — спросил я у главного толмача Хона.

— Да, конечно, о чем говорить! — почтительно сложив руки, ответил Хон.

— А дорога не очень тяжелая? Интересно, что нас ждет на том берегу? — не унимался я.

— Как говорится, сперва надо выйти на берег!

— Да я не о том. Вот эта река разделяет нас и чужих. Ведь рек без берегов не бывает! Так и люди со своими нравами и вообще вещами замкнуты, словно реки в берегах. Попробуй найти дорогу друг к другу. Здесь, по реке, как раз и проходит граница.

— Осмелюсь спросить, о чем это вы изволите толковать? — не понял Хон, а я продолжал:

— Человек в своем сердце только и думает об опасностях, а путь Вселенной — дао — таит в себе сокровенное. Люди на Западе пытались постичь это с помощью линий геометрического чертежа, но геометрией не проникнешь в глубину сокровенного. Тогда они заявили, будто есть граница между светом и не-светом. Будда же, увидев такое, сказал: «Не сблизившись, не разъединишься!» Вот потому-то хорошо понять, что это за граница, может только тот, кто постиг путь вселенной. Таким был, например, чжэнский Цзы Чань.

Между тем лодка причалила к берегу, сплошь заросшему камышом и тростником, даже земли не видно, будто ее плотной тканью накрыли.

Слуги один за другим стали прыгать на берег и ломать стебли. Потом собрали в лодке циновки, чтобы расстелить их на земле, но срубленные камыши торчали, как трезубцы, а черная земля была сплошной грязью. Посол в нерешительности остановился среди камышей и тростников.

— Где же люди и кони, которых отправили раньше? — спросил он.

— Не знаем, — ответили слуги.

— А наше имущество?

— Не знаем!

— Должно быть, большая часть наших людей и лошадей еще не переправилась, — проговорил он, показывая на песчаный берег, где виднелась беседка Курен. — Вон они, как муравьи копошатся.

Я посмотрел вдаль, в сторону Ёнмана. Там в одиночестве стояла крепость, словно кусок шелка повесили сушиться на солнце. Ворота казались маленькими, как игольное ушко, а окна блестели под солнечными лучами точечками предрассветных звезд.

Вниз по течению, по высокой воде, плыл большой плот.

— Эй, там! — крикнул Сидэ.

Так орет, а вдруг на нем находится какой-нибудь почтенный человек? На плоту кто-то поднялся и закричал в ответ:

— Что это вы в неположенное время отправились с данью в Великое государство? Да еще в жару умудрились завернуть на самую длинную дорогу! Ну и намучаетесь!

— Сами-то вы из каких мест? — спросил их Сидэ. — Откуда лес сплавляете?

— Мы из Фэнхуана, а лес сплавляем с горы Чанбэксан.

Только они успели это сказать, как плот унесло.

В этом месте река разделялась на два рукава одиноким островом посередине. Люди с конями, отплывшие раньше нас, по ошибке высадились на этот остров. Нас разделяло всего пять ли, но без лодки не переедешь. Тогда посол приказал двум лодочникам поскорее их перевезти.

— Придется плыть против течения, быстро не управимся, — ответил лодочник.

Посол рассвирепел и велел высечь военного чина, отвечающего за лодки, но не нашли чиновника, ведающего наказаниями военных. Оказывается, он тоже был в первой лодке и по ошибке высадился на том острове посреди реки. Ли Согви, приближенный чиновник посла, разозлился, наорал на главного конюха и сам схватил военного чина, хотел швырнуть его на землю — да некуда. Тогда ему оголили зад и Ли раз пять стегнул его плетью, взбодрил окриком и еще поддал, приказав быстро все

исполнить. А этот военный, одной рукой придерживая шляпу, другой — штаны, без конца повторял:

— Слушаюсь! Слушаюсь! Все будет сделано!

Он тут же приказал гребцам с двух лодок спуститься в воду и провести лодки против течения, но река неслась так стремительно, что стоило им чуточку продвинуться вперед, как их тут же оттаскивало еще дальше назад. Как им ни грозили, ничего не могли сделать. Немного погодя подлетела какая-то лодка, да так стремительно, будто она мчалась берегом реки. Это прибыл чиновник, ведающий наказаниями военных, и с ним трое повозок с лошадьми.

— Ну наконец-то ты приехал! Вот счастье-то! — радостно закричал Чанбок, увидев Чхандэ.

Этим двоим тут же велели караулить вещи, поскольку везти их было не на чем. Никто не знал, когда привезут других лошадей, на которых ехали толмачи и чиновники, поэтому сперва тронулся в путь сам посол. Впереди ехала пара верховых военных, которые дудели в рожки, указывая дорогу, пара других шла впереди всех, со свистом срезая камыши. Я, сидя верхом на коне, вытащил свой меч и тоже срезал один стебель. У него была жесткая кожа и плотное нутро — для стрелы не подходит, годится только на ручку для кисточки.

Неожиданно выскочил олень и перепрыгнул через камыши, словно птица взлетела над просяным полем. Мы все перепугались.

Проехав десять ли, мы оказались у реки Саньцзян, синей, как шелк. Эта река называется еще Айхэ, правда, не знаю, где она берет начало. Не отъехали мы и десяти ли от Амнокгана, а оказалось, что здешняя река не разлилась, — значит, у нее другие истоки.

Увидели две лодки. Похожи на наши для прогулок, но отличаются шириной и длиной, сделаны прочными и легкими. Лодочники были из Фэнчэна, они сказали, что ждут нас здесь уже три дня и совсем оголодали, потому что еда кончилась. Вообще-то по этой реке не принято запросто плавать туда-сюда, но поскольку должна была состояться дипломатическая встреча наших с китайцами, начальник фэнчэнского гарнизона разрешил поставить здесь лодки.

Место, где они причалили, было сплошным болотом.

— Эй, уважаемый! — позвал я одного из маньчжур. Это было единственным маньчжурским словом, которое я узнал от Сидэ. Тот бросил весло и подбежал ко мне. Я влез к нему на спину, и он, хохоча, перетащил меня в лодку.

— Да, если бы мамаша Черного Вихря была такой же тяжелой, разве

смог бы он поднять ее на гору Ифэнлин? — отдышавшись, проговорил он.

Чо расхохотался, а я сказал:

— Ах ты неуч! Ведь ты даже о Цзин Гэ не слыхал, откуда же тебе знать про Ли Куя?

— Смысл его речи совсем не так прост, — возразил Чо. — Он говорил о том, что, если бы мать Ли Куя была бы такой тяжелой, Ли Куй даже при всей своей необыкновенной силе не смог бы с нею на спине взобраться на гору. Но мамашу сожрали тигры, а это значит, что, может быть, и не плохо, если голодному тигру дали попробовать хорошего мяса.

Я рассмеялся:

— Надо же! Как этому малому удастся, едва раскрыв рот, вкладывать в свои речи столько разных идей?

— Невежество — естественное состояние таких парней, — ответил Чо. — У них всегда наготове всякие байки из разных сборничков рассказов, и они украшают ими свою болтовню.

Река Айхэ широкая, совсем как наша Иннюльган. Отсюда мы отправились прямо к Цзюлянчэну. Густые заросли образовали настоящий зеленый шатер, а в них повсюду были расставлены сети для тигров. Солдаты-копьеносцы из Ыйчжу принялись рубить деревья, стук сотрясал все вокруг.

Я в одиночестве поднялся на высокий холм и огляделся. Красивые горы, прозрачные реки — земля вокруг расстилается далеко-далеко. Деревья в лесу прямо касаются неба, а где-то в глубине, наверное, расположилось большое селение — мне показалось, будто оттуда доносятся крики петухов и лай собак. Земли здесь такие тучные, что можно бы и распахать. Наши места, расположенные между реками Пхэсу и Амнокган, не сравнить с этими, а ведь тут могли бы разместиться и Кочжин, и Унбу вместе, но люди отсюда ушли и теперь все опустело.

Говорят, будто здесь была столица Когурё, она называлась Куннэсон. При минских правителях тут стоял город Чжэньцзян, а когда маньчжуры покорили Ляодун, чжэньцзянские жители отказались брить головы [{102}](#) и одни присоединились к Мао Вэньлуну, а другие ушли в нашу страну. Все же потом те, кто уходил к нам, возвратились обратно и стали подданными маньчжур, а сподвижники Мао Вэньлуна погибли, когда Лю Хай поднял мятеж. Вот почему уже более ста лет эти земли пустуют, и теперь только и остается, что любоваться высокими горами да чистыми реками.

Оглядев места, раскинувшиеся под открытым небом, я возвратился. Чиновники ведомства иностранных переводов разместились в шатрах по три-пять человек, а посыльные и конюхи группами по пять или десять

человек расположились на берегу речки, смастерив шалаши. Там, где готовили еду, потянулись дымки костров. Голоса людей, ржание коней создавали впечатление, будто здесь целая деревня. Купцы из Ыйчжу стали на берегу реки целым поселением. Они мыли в воде несколько десятков кур, ловили сетями рыбу, варили похлебку и тушили овощи. Рис у них был таким жирным, что блестело каждое зернышко.

Вскоре подъехали помощник посла и сопровождающие чиновники. Начало смеркаться, в местах тридцати развели костры. Распилили и сложили кучей огромные деревья, они горели до самого рассвета. Каждый раз по сигналу караульного рожка все триста человек разом издавали боевой клич, чтобы отпугнуть тигров, — и так всю ночь до рассвета.

Наши караульные были отобраны в гарнизоне Ыйчжу из числа самых сильных солдат. Они могут работать без усталы, не то что другие слуги, но зато и съедят больше всех. А как разряжены — лопнешь от смеха. На волосах, завязанных узлом, на самой макушке, торчали войлочные шляпы, крытые синим муаром, точно луна в облаках наткнулась на высокий пик. Подвязаны шляпы темно-красными тесемками, а впереди приколот металлический иероглиф «храбрый». Военный халат из черного льняного полотна с красной подкладкой перехвачен поясом, сплетенным из синих шелковых шнуров. На плечах накидка из красного хлопка, а ноги обуты в сандалии из конопляных веревок. Взглянешь на них — настоящие богатыри! Они садились на лошадь, как говорится, навьюченную только вполовину, без седел и вьюков, — так на неоседланных и ездили. На спинах у этих стражников укреплены синие флажки с иероглифом «приказ», в одной руке он держит доску с военным указом, в другой — кисть с тушечницей, мухогонку и короткую плетку из рябинового дерева, чуть не с руку толщиной, да еще дует в рожок. Под сиденье косо воткнуты десяток красных деревянных палок для наказания.

Обычно случалось так. Если надо отдать приказание, зовут караульных, но они делают вид, будто не слышат, и только когда непрерывным потоком начинает сыпаться брань, эти караульные прикидываются, будто только сейчас услышали. Гаркнув «слушаемся», соскакивают с коней и мчатся, прямо как стадо свиней, сопя, как быки. Свои дудочки, доски с военными приказами, кисти, тушечницы — все скопом взваливают на плечи и исчезают, волоча за собой палки для наказания.

Не прошло и полночи, как налетел ливень. Шатер сверху протек, сено промокло, и некуда было спрятаться от сырости, но понемногу прояснилось, и на небе повисли звезды — прямо хоть руками трогай.

25-й день (день воды и обезьяны). С утра моросил мелкий дождик, но к полудню прояснилось, и слуги с толмачами прямо под открытым небом развесили на просушку платье и постели, промокшие ночью от дождя. Кто-то из конюхов раздобыл вина. Тэчжон (сончхонский раб, конюх лекаря Пён Пуду) купил целый кувшин, и все направились к реке, где устроили пирушку.

После того как переправились через реку Амнокган, мы и мечтать перестали о корейской водке, а тут вдруг удалось ее найти. Отменный вкус водки да речные струи перед глазами — что может быть большим удовольствием? Конюхи один за другим принялись удить рыбу, я тоже, подвыпив, взял леску, закинул ее и вытащил пару маленьких рыбешек. Наверное, потому что здесь никто не ловил.

Наши вещи все еще не подвезли, и мы опять заночевали возле Цзюляньчэна.

26-й день (день воды и птицы). Утром стоял густой туман, и прояснилось поздно. Мы покинули Цзюляньчэн и, пройдя тридцать ли, подошли к горе Цзиньшишань. Здесь пообедали и, проехав еще тридцать ли, снова заночевали под открытым небом среди зеленых зарослей.

Нынче утром мы отправились в путь, когда уже рассеялся туман. Тыннён, чиновник при нашем судье, вместе со слугами принялся рассказывать истории про Кан Шицзюэ. Показывая на скрытую в тумане гору Цзиньшишань, они говорили:

— Вон там прятался цзинчжоуский Кан Шицзюэ!

Это интересная история, и я решил ее послушать.

«Дед Шицзюэ пришел с китайскими войсками под командованием Ян Хао, чтобы помочь нашей стране в войне с японцами, и погиб у горы Пхёнсан. Его отец, Готай, занимал должность судьи в Цинчжоу. В год ч о н с а — огня и змеи — правления под девизом Вань-ли он был осужден и сослан в Ляоян. Шицзюэ, восемнадцатилетний юноша, отправился туда вместе с отцом. На следующий год маньчжуры захватили город Фушунь, а командующий войском Ли Юнфан сдался. Ян Хао, назначенный особым уполномоченным по военным и гражданским делам, распределил между военачальниками районы действий. Генерал Ду Сун должен был выйти к Кайюаню, командующий Ван Шанцян — к Фушуню, Ли Жубо — к реке Цинхэ, а военачальнику Лю Тину велел отправиться к горе Маолин. Готай с сыном пошли с Лю Тином. Маньчжуры, устроив засаду, неожиданно выскочили из ущелья, и минскую армию уже ничто не могло спасти. Сам Лю Тин погиб в сражении, а Готай упал, пронзенный стрелой. Когда зашло

солнце, Шицзюэ отыскал тело отца и похоронил его в долине, пометив могилу камнями.

В это время корейский полководец Кан Хонним и его помощник Ким Кёнсо разбили лагерь на вершине горы, а командиры левого и правого отрядов стали под горой. Шицзюэ добрался до лагеря главнокомандующего, но на следующий день маньчжурские войска атаковали левый лагерь корейцев. Никому не удалось спастись. Солдаты, что были на горе, увидев это, задрожали от страха, и тогда Хонним сдался без боя. Маньчжуры окружили войско Хоннима в несколько рядов и принялись выискивать прятавшихся в нем китайских солдат. Их связывали, а потом выводили и всем рубили головы. Шицзюэ, связанный, сидел под скалой, но маньчжурский начальник почему-то забыл про него и ушел. Шицзюэ, заметив корейского солдата, попросил развязать его, но солдат только искоса взглянул на него и не двинулся с места. Тогда Шицзюэ принялся тереться спиной об угол скалы, веревки разорвались, и он встал. Тут же снял платье с убитого корейца и, переодевшись, смешался с корейскими солдатами. Так ему удалось спастись. Он вернулся в Ляоян, и тут Сюн Тинби, охранявший Ляоян, призвал его отомстить врагам за отца.

В этом же году маньчжуры захватили Кайюань и Телин. Тинби арестовали, а вместо него поставили Сюэ Гоюна. Шицзюэ остался в армии Сюэ. Когда же пал Шэньян, ему приходилось днем прятаться, а идти только по ночам. Так он добрался до Фэнхуанчэна. Там они вместе с неким Лю Гуанханем из Гуаннина собрали разбежавшихся по Ляояну солдат, чтобы защитить город. Однако Гуанхань вскоре погиб в сражении, а самого Шицзюэ раз десять ранили пикой. Тогда он решил, что дорога домой закрыта, и задумал направиться на восток, в Корею. Чтобы не подчиняться варварским обычаям брить голову и запахивать халат налево, он бежал и спрятался на горе Цзиньшишань. Там он кормился тем, что жарил в костре свою баранью шубу, обернув ее листьями. Так он спасался от смерти несколько месяцев, а затем переправился через Амнокган и, пройдя вдоль всей северной границы, дошел наконец до Хверёна. Потом он женился на кореянке и родил двух сыновей. Шицзюэ умер, когда ему было уже больше восьмидесяти лет. Его потомки расплодились, теперь их почти сотня, но все они по-прежнему живут вместе».

Сам Тыннён родом из Касана, в Пекин стал ездить с четырнадцати лет, а теперь ему тридцать. Он прекрасно говорит по-китайски, и в дороге, во всех делах нам без него не обойтись. Тыннён прошел военную службу в Йончхоне и Чхольсане, дослужился до чина второй степени. Каждый раз, когда его отправляли в поездку, едва он покидал свой родной город, как

всю его семью брали под стражу. Это чтобы он не сбежал. Можно догадываться, насколько он был толковым человеком.

Когда Шицзюэ пришел в Корею, его приняли как гостя в семье Тыннёна, и он подружился с его дедом. Они научили друг друга корейскому и китайскому языкам, вот потому и Тыннён так хорошо говорит по-китайски — научился в своей семье.

Начало смеркаться, когда мы вошли в лес. Здесь совсем как в наших лесах — должно быть, поэтому я и стал думать о наших славных соотечественниках. Не хранит ли и этот лес следы славных дел?

27-й день (день дерева и собаки). Утром повсюду стелился туман. Прояснилось поздно, но мы отправились в путь на рассвете. На дороге встретили пять-шесть маньчжур верхом на маленьких осликах. Одеты они были в лохмотья и выглядели убого. Это латники из Фэнхуанчэна, жители пограничных районов у реки Айхэ. Говорят, будто все они наемники. Нашему государству до этого нет никакого дела, но, видимо, охрана границ в Китае сильно пришла в упадок. Наши верховые сопровождающие велели им сойти с ослов. Два маньчжура, ехавшие впереди, сошли и стали у дороги, а трое, что были позади, отказались. Наши конюхи заорали на них, но те злобно вытаращили глаза:

— А кто для нас ваши начальники?

Конюх выскочил вперед, схватил плетку и хлестнул одного из них по красным ногам.

— Да знаете ли вы, с чем едет наш господин и какую грамоту он должен поднести? На этом желтом знамени ясно написано: «Многие лета государю» и «Дары государю». Вы что, ослепли? Не видите, что мимо провозят вещи для самого государя?

Маньчжуры слезли с ослов и упали на землю с возгласами:

— Наши преступления достойны смерти!

Один из них поднялся, обнял за талию нашего конюха и приветливо заулыбался:

— Вы уж, господин, умерьте гнев! Мы, ничтожные, поистине заслуживаем смерти!

Конюхи расхохотались:

— А вы поклонитесь до земли и попросите, чтобы вас казнили!

Маньчжуры встали на колени прямо в грязь и склонили головы до самой земли, даже их лица сплошь перепачкались желтой глиной.

Все громко рассмеялись:

— Теперь убирайтесь!

Тут я вмешался:

— Я слышал, будто вы всякий раз, въезжая в Китай, затеваете свару. Теперь я сам вижу, что так оно и есть на самом деле. Конечно, случай, который произошел только что, пустяк, но впредь не вздумайте устраивать такое безобразие ради забавы!

— Все, конечно, так, — ответили они, — но в дальней дороге дни тянутся так нудно, даже развлечься нечем.

Вдалеке показалась гора Фэнхуаншань. Ее словно сотворили из сплошного камня, а потом взяли и поставили на землю — торчит, вроде пальца на ладони. Она стоит как полураспустившийся цветок лотоса, высится на краю неба, будто летние облака громоздятся обрывистыми кручами, образуя такие фигуры, что и не придумаешь им названия. Всему этому недостает только легкой блестящей воздушности.

Когда-то я считал, что горы Тобон и Самгак возле нашей столицы ничуть не хуже Кымгансана. Откуда я это взял? Ведь горы Кымгансан считаются обителью небожителей, их называют «двенадцать тысяч вершин», и среди них нет ни одной такой, чтоб не отличалась она причудливой крутизной или могучей высотой. Эта — будто зверь готовится напасть, а та — как летящая птица, здесь — парит в воздухе небожитель, там — возлежит будда. Все вокруг так таинственно, что кажется, будто оказался в каких-то волшебных чертогах. Это я когда-то вместе с Син Вонбалем поднялся на вершину горы Танбаллён и осмотрел Кымгансан. Небо уже было осенним, лазурной глубины. Косые лучи вечернего солнца не затрагивали прекрасных красок неба, а сияли сами по себе, и я, конечно, был потрясен Кымгансаном. А потом как-то мы плыли вверх по течению, и наши лодки вошли в устье реки Тумиган. На западе виднелась столица, а горы Самгаксан, будто полируя небо, высились в голубизне. Очертания этих гор, слегка проступающие в легком тумане, выглядели необыкновенно изящными. Однажды я сидел у южных ворот города Намхансан и смотрел на север, на столицу. Она была похожа на цветок в воде или на луну в зеркале. Кто-то сказал:

Свежий ветер веет в пустоте —

это не что иное, как благородные высоты духа!

Благородная высота духа свойственна государю. У нашей столицы затаенная мощь сидящего тигра или свернувшегося кольцом дракона, которому десять тысяч лет. Горам ее присуща светлая духовная сила, чем они и отличаются от других гор. Эта Фэнхуаншань поражает необычной

могущественностью, ее высокие крутые уступы, конечно, превосходят горы моей провинции, например гору Самгаксан, но она не обладает той значительностью «благородного духа, веющего в пустоте», что свойственна горам нашей столицы.

Поля здесь ровные, широкие, но не распаханы. Деревья были вырублены, и повсюду в беспорядке валялись корни и стволы. Вся трава вытоптана коровьими копытами и изъезжена колесами. Мы поняли, что застава уже близка, раз здесь ходят местные жители. Решив проверить, погнали коней, и действительно, через семь-восемь ли оказались у заставы. Холмы вокруг были просто покрыты овцами и свиньями, вились синеватые утренние дымки. Ограда была поставлена из стволов срубленных деревьев — так они обозначили границу. Вот уж поистине можно сказать: «Срубили иву, чтобы поставить забор!» Само здание заставы было крыто соломой, а ворота оказались запертыми.

Мы поставили шатер в нескольких десятках шагов от ограды, чтобы немного отдохнуть, и тут же возле ограды кучей свалили барахло. Маньчжуры, собравшись у забора толпой, принялись на нас глазеть. Все они дымят трубками, а бритые головы обмахивают веерами. Платья у одних сделаны из черного атласа либо из красивого пестрого шелка, у других — из полотна, рами или из шелка дикого шелкопряда. Из тех же тканей сшиты и штаны. К поясам подвешено множество всяких предметов: по три-четыре расшитых кошель, маленькие ножи, и у всех воткнуты костяные палочки для еды. Кисеты для табака у них напоминают кувшины, расшиты цветами, травами, зверями и птицами, а у некоторых даже строками стихов древних поэтов.

Наши толмачи с чиновниками столпились у ограды, они с маньчжурами пожимали друг другу руки, сердечно здоровались. Маньчжуры спрашивали:

— Когда выехали вы из столицы?

— Под дождь не попали?

— Дома как, все в порядке?

— Серебра много ли везете?

Вопросы задавали то все разом, то наперебой.

— Господин Хан приехал? А господин Ан?

Хан и Ан — купцы из Ыйчжу. Каждый год ездят торговать в Пекин, потому их хорошо знают, но они большие плуты. Их величают «господин» — так прозывают купцов из почтительности.

В прежние времена, когда отправлялись в путь, каждому переводчику давали по восемь связок. «Восемью связками» называлось количество

жэньшэня, которое в старину выдавала казна толмачам. Теперь такого правила нет, и каждый сам должен себя обеспечить серебром, но в ограниченном количестве. Так, чиновник высокого ранга может взять до трех тысяч лянов, низкие чины — до двух тысяч. Вот с этим и приезжали в Пекин, а там обычно его обменивали на разные вещи и получали прибыль. У бедного человека не было такого количества серебра, тогда он мог продать свое право на «связки», а вольные торговцы из разных мест — Сондо, Пхеньяна и Анчжу — покупали их права на серебро. Однако, по закону, эти торговцы не могли сами ездить в Пекин. Поэтому они в обмен на купленные права получали у купцов из Ыйчжу разные вещи. Такие купцы, как Хан или Ан, каждый год бывали в Пекине и чувствовали себя там как у себя дома. Объединившись с пекинскими торговцами, они то повышали, то понижали цены — все было в их руках. Китайские товары дорожают с каждым днем, и все из-за этой компании, государство же ничего не предпринимает. Все бранят толмачей, а толмачам, продавшим свои права купцам, только и остается, что приветствовать их, почтительно сложив руки. Вольные торговцы из других мест, конечно, знают, что купцы из Ыйчжу назначают цены по собственному усмотрению, но делают вид, будто не замечают этого. Они могут браниться, но не смеют сказать. Так происходит уже много лет. Иногда торговцы из Ыйчжу вдруг исчезают и не появляются на глаза, и это тоже уловка, чтобы поймать на крючок простаков.

Утром, позавтракав у заставы, я стал приводить в порядок вещи, как вдруг обнаружил, что пропал левый замок от одного из пары кошель. Принялись шарить в траве, но так и не нашли. Я стал выговаривать Чанбоку:

— Ты не караулишь нашу поклажу, вечно у тебя глаза неизвестно где. Только добрались до ворот заставы, а уже начали терять вещи. В пословице сказано: «Путь, который занимает три дня, не пройдешь за один!» А у нас впереди две тысячи ли. Боюсь, пока доберемся до Пекина, ты все свои пять внутренностей растеряешь. Слышал я, будто в Ляодуне и Дунъюэмяо есть места, где обманщики так и рыщут. Уж и не знаю, сколько ты порастеряешь, если будешь глазами хлопать.

Чанбок с огорченным видом почесал макушку:

— Да я и сам сразу понял. Как увидел эти места, так сразу обеими руками ухватился за глаза. Как же это их могли стянуть?

Но я уже потерял интерес к этому разговору и, не думая, поддакнул:

— Вот и прекрасно!

Этот Чанбок был еще молод и, впервые отправившись в путешествие,

растерялся. Компания слуг, с которыми он ехал, все время поддразнивала его, а Чанбок принимал на веру все, что ему говорили. Так приходится познавать любое дело. Как подумаешь, в дальней дороге частенько сталкиваешься и с жестокосердием.

Я снова подошел к ограде и заглянул внутрь. Там люди, взобравшись на стропила, крыли соломой крышу. Стреха на доме сделана высокой, ворота стояли прямо, а улица выровнена так искусно, будто по краям натянули веревку. Вся дорога была запружена повозками с людьми и телегами, груженными всякой всячиной. Тут и посуда, сложенная рядами, — все расписной фарфор. Я заметил, что она совсем не похожа на деревенскую утварь.

— Посуда хоть и крупная по размеру, но сделана очень искусно, — сказал я своему другу Хон Докпо.

«Эта деревня находится у восточного края Поднебесной, и если так выглядит окраина, то что же будет дальше?» — вдруг подумал я, и мне тут же захотелось повернуть обратно. Невольно меня бросило в жар, когда я сообразил: да ведь это же ревность!

Вообще-то я по характеру не требователен, никогда не испытываю ни ревности, ни зависти, а теперь, не успев сделать и шага по чужой стране, не увидел и одного из многих тысяч, и вот уже полон каких-то вздорных мыслей — и всего лишь из-за того, что увидел какую-то малость! А если бы я окинул мир светлым взором Будды, для меня все стали бы равными и не осталось бы места для ревности.

Я повернулся к Чанбоку:

— Хотел бы ты родиться в Китае?

— В Китае же варвары — маньчжуры! Нет, не хотел бы.

Тут мимо прошел слепой с мешком на плече, одной рукой наигрывая на кыме, и мне вдруг пришло в голову: а вот у него разве такие же глаза, как у других?

Через некоторое время ворота заставы распахнулись. Оказалось, только что прибыли начальник фэнчэнского гарнизона и ревизор заставы. Они расположились в комнате для приезжих. Маньчжуры, которые толпились в воротах, вышли и принялись осматривать наши вещи, прикидывая друг с другом их возможный вес, потому что именно здесь полагалось нанимать телеги для перевозки.

Некоторые пришли поглазеть на посла. Они курили трубки и, бросая искоса взгляды, показывали пальцами:

— Этот, наверное, и есть царский сын?

Обычно царскими сыновьями они называли родственников государя,

которых направляли в качестве официальных посланников.

Среди маньчжур нашелся знающий человек.

— Нет, царский зять вон тот, с проседью, — поправил он их. — Он и есть самый главный, еще в прошлом году приезжал. А бородатый в халате, расшитом парами журавлей, — второй после главного, — пояснял он, показывая на помощника посла. — Вон тот — третий после главного. Все они члены королевской академии и зовутся гражданскими чиновниками.

С берега реки донеслись веселые голоса, крики спорящих. Их язык напоминал щебет птиц, и я, не поняв ни одного слова, быстро пошел посмотреть, что там случилось. Оказалось, это наш Тыннён обсуждает с толпой маньжур, сколько им давать подарков.

Подарки преподносят по списку и всегда при этом справляются по прошлогоднему распределению. Хитрые маньчжуры из Фэнхуанчэна всегда норовят взять сверх положенного. Насколько удачно будет проведена операция, зависит от нашего чиновника, и если он в этом деле новичок да еще не искушен в китайском языке, он не сумеет с ними справиться и ему останется лишь уступить их вымогательствам. Стоит раз пойти у них на поводу, и уже в будущем году возьмут этот случай за основу. Вот потому-то совершенно необходимо каждый раз сражаться с ними до конца.

Посол не знал об этих нравах и поспешил на заставу, приказав толмачам поторопиться, а те, в свою очередь, принялись подгонять чиновников. Такие злоупотребления происходят издавна.

Сансам приготовил список подарков, а вокруг встала толпа маньжур в несколько сотен человек. И вдруг один из них принялся громко поносить Сансама. Тогда Тыннён, разгладив бороду, бросил на него свирепый взгляд и выскочил вперед, схватил за грудки и, замахнувшись кулаком — вот-вот ударит, — прокричал толпе маньжур:

— Этот бесстыжий нахал в прошлом году тоже хорохорился. Стянул у нашего господина шарф из мышиных шкурок, а в другом году заметил, что господин заснул, и украл нож, который носят у пояса, да еще срезал шнур, чем ножны привязывают. А у меня кошель снял с пояса. Но я его застукал и выгнал, как следует отдубасив — на морде у него расписал все правила поведения! Он тогда тысячи раз молил меня, величал папашей, родившим его второй раз! А теперь? Много ли времени прошло? Так он, пользуясь тем, что наш господин не запомнил его рожу, снова орет во всю глотку да еще, крысиное отродье, фэнчэнского военачальника сюда же тянет!

Толпа маньжур принялась уговаривать Тыннёна отпустить его, а какой-то старик с красивой бородой, аккуратно одетый, вышел вперед и,

приобняв Тыннёна за талию, проговорил:

— Прошу вас, братец, умерьте гнев!

Тыннён перестал сердиться и улыбнулся:

— Если бы я не увидел вас, мудрый братец, я бы так дал ему в переносицу, что одним ударом забросил бы за гору Фэнхуаншань.

Выглядел он довольно смешно. Тут ко мне подошел Чо Тальдон, и я рассказал ему о разыгравшейся только что сцене, пожалев, что видел ее один. Чо рассмеялся:

— Да, он у нас мастер хватать за грудки!

И Тыннёну:

— Посол нынче торопится пройти заставу, так что вы быстрее распределяйте подарки по списку!

— Слушаюсь! — певуче ответил тот и сделал вид, будто спешит изо всех сил.

Я долго стоял и смотрел, как распределяют вещи по списку. Не скажешь, что там одно барахло.

Охраняющие заставу, два человека, и латники, восемь человек, получали по десять пачек белой бумаги, по десять курительных трубок, по десятку огнив и пакетов с табаком. Двум фэнчэнским военачальникам, одному начальнику таможни, ревизору — 239 чинам и прочим, еще 180 лицам, полагалось 156 пачек больших листов бумаги, белой бумаги — 468 пачек, беличьих шкурок — 140 штук, маленьких табакерок — 580 штук, 800 пакетов табака, 74 маленьких курительных трубки, 74 курительных трубки с шейками, отделанными серебром, ножей, украшенных оловом, — 37, ножей с ножнами — 284, 288 вееров, трески — 74 рыбыны, кожаных чепраков — 7, длинных мечей — 7, ножей, украшенных серебром, — 7, серебряных курительных трубок — 7, 42 длинных оловянных курительных трубки, 40 кистей, 40 палочек туши, 262 огнива, 45 бамбуковых курительных трубок и по 2 пачки промасленной бумаги.

Группа маньчжур, забрав все это, удалилась с важным видом, не проронив ни звука.

— Тыннён действует, конечно, искусно, — заметил Чо. — В прошлом году из таких вещей, как зимние шапки, ножи, кошель, что-нибудь да пропадало. Но если затеять открытый шум и кого-нибудь одного как следует отругать, то остальные не посмеют. Будут смущенно переглядываться и в мрачном настроении расползутся по своим щелям. Не сделаешь так, и за три дня не справишься с этой заставой.

Тут примчался наш военный чин и доложил:

— Ревизор заставы и фэнчэнский военачальник изволили выйти из

таможни.

Посол и два его заместителя друг за другом вошли на заставу. Возвратился копьеносец из Ыйчжу, посланный давеча с донесением.

Войдешь в эти ворота, а за ними — китайская земля. Здесь кончаются вести с родины. Я постоял, поглядел с тоской на восток, а потом повернулся и сразу зашагал на заставу. Справа от дороги стояло здание управы, крытое соломой. Все, начиная от ревизора с военачальником и кончая местными переводчиками, сидели на стульях в соответствии со своими чинами, а наш главный переводчик и нижние чины стояли перед ними, почтительно сложив руки.

Когда посол прибыл сюда, конюх приказал слугам поставить повозку и дать отдохнуть лошадям, они повернулись и быстро отъехали. Заместитель посла и сопровождающий его чиновник тоже решили поторопиться. Они так старались помочь друг другу, что, глядя на них, мы хохотали до упаду. Младшие чиновники и толмачи сошли с коней и прошли мимо пешком, лишь один Пён Кехам проехал верхом. Тут один из маньчжур, сидевший на последнем месте, вдруг заорал по-корейски:

— Безобразие! Безобразие! Сколько именитых людей сидит здесь, а эти низкие чины из иностранцев позволяют себе поступать так бесцеремонно! Быстро доложите господину послу, пусть их высекут!

Хотя голос у него был уверенный и глотка луженая, но выглядел как заигрывающий ребенок или подвыпивший гость, который несет всякую чушь. Этого маньчжурского толмача звали Шуань Линь. Наш главный переводчик тут же ему ответил:

— Это наш главный лекарь. Он в первый раз отправился в такой путь, не знает здешних правил. Лекарь получил приказание оберегать господина посла — в этом его служба. А его высокородие, господин посол, тоже не могут поступать по своей воле. Ведь все наши высокие господа чиновники с почтением взирают наверх и стремятся постичь думы государя-императора, который полон любви к малым детям своим. Если не стараться проникнуть в это, разве сумеешь познать меру великодушия великого государя?

Все согласно закивали головами, про себя втихомолку ухмыляясь.

— Совершенно верно! Совершенно верно!

Лишь один Шуань Линь не угомонился, орал, выпучив глаза. Злость все не отпускала его. Главный переводчик подмигнул мне и отошел.

У дороги я встретил Пёна.

— Ну и отлаяли! — проговорил он.

— Еще чуть — и оплеуху бы схлопотали, — сказал я, и мы оба,

громко расхохотавшись, весело пошли рука об руку, оглядываясь по сторонам и восхищенно вздыхая.

Домов на заставе было не более двадцати-тридцати, все, как один, высокие, со многими покоем, и выглядели явно процветающими. В тени ив мы заметили зеленый флажок питейного заведения, развевавшийся на бамбуковом шесте. Мы вошли, держась за руки, а там все внутри заполонили корейцы. Босоногие, с растрепанными волосами, они расселись на стульях и громко галдели. Увидев меня, они тут же вскочили и выбежали вон. Хозяин разозлился:

— Эти тупоголовые чиновники вечно сбивают чужую торговлю, — проворчал он в сторону Пёна, но тут Тэчжон похлопал хозяина по спине.

— Э-хэ, не болтай-ка зря языком! Нашим двум господам надо бы выпить лана вина, а тогда уж и в дорогу можно отправиться. А эти черти... да как они смеют рассиживаться на стульях? Шляются тут взад-вперед, то уйдут, то придут. Выпил — заплати за вино, не успел еще — веселись и пей! А вы, господин, не беспокойтесь особенно, просто зачерпните для начала четыре лана вина.

Хозяин тут же надел на лицо улыбку:

— Почтенные путники уйдут — и никогда их больше не увидишь! А эти черти на шумят, все перевернут, наедятся задарма и исчезнут как дым. Как взять с них плату за вино?

— Вы, господин, не извольте беспокоиться, — снова заговорил Тэчжон. — Эти два господина как поедят, тут же встают и уходят, а я сразу возвращаю их обратно в винную лавку, чтоб расплатиться.

— Вот и ладно, — сказал хозяин харчевни. — Этим господам всего четыре лана вина или каждому по четыре?

— Пожалуйста, каждому поставьте по четыре, — сказал Тэчжон.

— По четыре лана! — возмутился Пён. — Кто же это способен столько выпить?

Тэчжон расхохотался:

— Не денег же четыре лана! А вина, разве это много?

На столе выставили в ряд полные кувшины разной величины — от одного лана до десяти. У каждого был свой прибор. Посуда сделана из латуни и бронзы, а цвет такой, будто она серебряная. Мы заказали по четыре лана и разлили все по большим чашкам, вмещающим ровно четыре лана. Для удобства покупателя не меряют количество вина. Этот сорт назывался «прозрачная роса», не очень-то приятное на вкус, да к тому же не успеешь захмелеть, как снова трезвый.

Я оглядел харчевню. Здесь все содержалось в полном порядке, не

было ни дешевых, ни починенных вещей, и каждая стояла на своем месте. Коровник и свинарник огорожены, даже груды дров и кучи навоза аккуратно прибраны — как на картинке. Увы! Только сейчас я могу сказать, что из всего надо извлекать выгоду и лишь после того, как ее получишь, можно и условия жизни улучшить. А когда условия жизни станут лучше, исправятся нравы. Редко удастся улучшить условия жизни, предварительно не получив для себя выгоду, а если же люди живут без недостатка, то какое может быть исправление нравов?

Посол уже устроился в доме для приезжих, который содержал некто по имени Ао. Хозяин высоченного роста, на вид дерзкий и наглый. Его матери было лет семьдесят, но волосы она украшала цветами, и брови с глазами все еще казались красивыми. Говорили, будто у нее полно детей и внуков.

Слегка перекусив, мы с Нэвоном и Чоном отправились полюбоваться окрестностями. Отсюда до горы Фэнхуаншань не было и шести-семи ли. Передо мною высились ее склоны — поистине удивительные кручи. Некогда на этой горе стояла древняя крепость Анси. Говорят, будто до сих пор сохранилась зубчатая стена. А может, это неправда? С трех сторон эта гора необычно высока и крута, взлететь наверх даже птице не под силу, и лишь с юга есть пологий склон. Не прошли мы вокруг нее и ста шагов, как тут же наткнулись на маленькую крепость. Пожалуй, здесь не могла бы долго стоять большая армия. Скорее она похожа на небольшое укрепление времен Курё.

Помогая друг другу, мы добрались до прохлады под большой ивой. Тут же был колодец, выложенный кирпичом, а крышкой ему служил камень от жернова. В двух местах в нем проделаны дырки, такие, что едва-едва просунешь бадью зачерпнуть воды. Это сделано для того, чтобы туда никто не упал, да и пыль не попадала. К тому же вода обладает природой темного начала и живет только будучи закрытой от солнца — светлого начала. На крышке колодца установлен ворот, вниз спускалась пара веревок, перекинутых через ивовую ветку. К веревкам привязаны бадьи, формой похожи на тыкву и глубокие. Одна — наверху, другая — внизу. Можно хоть весь день черпать воду, не прикладывая никаких усилий. Бадьи крепко стянуты железными обручами, прошитыми мелкими гвоздиками. Это гораздо лучше, чем обвязывать бамбуком. Ведь бамбук от времени истлевет и ломается, к тому же, если бадья высохнет на солнце, бамбуковые обручи становятся слишком широкими и спадают. Поэтому лучше брать железные. Зачерпнув воду, несут ее на плечах — на коромысле. Делают коромысло так: обстругивают ствол дерева длиной в

чан, толщиной с руку, а на концах подвешивают бадьи, которые висят в одном чхоке от земли. Вода в них плещется, но не выливается. Так носят воду только в Пхеньяне, в других же местах коромысло кладут не на плечи, а на спину, и это очень неудобно на узких тропинках и улицах. Носить на плечах гораздо лучше.

Помню, когда прочитал, как жена Бао Сюаня взяла кувшин, чтобы набрать воды, я удивился, почему она его несла в руках, а не поставила на голову. Теперь я понял — у всех женщин здесь высокие прически, кувшин поставить невозможно.

С юго-запада открываются широкие просторы. В дальних горах — чистые бурные речки, густые тени множества ив, а среди леса то и дело мелькают хижины с соломенными крышами, обнесенные редкими изгородями. На поросших зеленой травой плотинах пасутся коровы и овцы. По дальнему мосту идут люди — одни что-нибудь несут, другие кого-то ведут. Я стою, смотрю и вдруг забываю про усталость и дорожные передряги.

Двое моих спутников покинули меня, чтобы осмотреть новый буддийский храм. Неожиданно показались всадники, человек десять, которые неслись во весь опор, подстегивая коней плетками. У них прекрасные скакуны под расшитыми седлами. Заметив, что я стою один, они соскочили с коней и стали наперебой хватать меня за руки, выказывать приветливость и дружелюбие. Среди них был один красивый молодой человек, и я, чтобы заговорить с ним, принялся писать на земле иероглифы. Все склонились, внимательно разглядывая, но лишь закивали головами. Похоже, они неграмотные.

Я обнаружил две стелы, обе из зеленого камня. Одна поставлена ревизору — гуманному правителю, другая — сборщику налогов. Оба они маньчжуры, и знаков, которыми записаны их имена, хватило бы на четверых. Писал их, видимо, тоже маньчжур — и текст, и сами иероглифы не отличались изысканностью. Сами стелы были очень красивыми. На них затратили так много труда и денег, что они могли бы служить образцовыми сооружениями. Две грани у стел не отшлифованы, защищены с двух сторон выложенными из кирпича стенками, а сверху прикрыты черепичной крышей. Упрятав их внутрь, сберегли от ветров и дождей, но этот павильон заслонил сами стелы. Каменные черепахи у их оснований и баснословные звери по бокам текста вырезаны столь тщательно, что можно даже волоски пересчитать. Но все же делали эти стелы мастера из захолустья, и потому они не отличаются особо искусной работой и классическим изяществом.

Наступил вечер, жара спала. Я вошел в свою комнату и, высоко

подняв северное окно, разделся и лег. Северный дворик был ровным и широким. В нем — строгие квадраты грядок с луком и чесноком, уступами ниспадают, цепляясь за рейки и затеняя двор, плети огурцов и тыкв. Возле забора пышно цветут красные и белые штокрозы и функии, а у края стрехи посажено несколько гранатов, гортензии и две осенние яблони. Вышла жена Ао с корзинкой в руках и начала срывать цветы, должно быть, чтобы украсить себя вечером.

Чхандэ принес кувшин с вином и миску яичницы.

— Куда это вы изволили ходить? — поинтересовался он. — Я уж подумал, не убили ли?

Это он нарочно прикинулся дурачком, чтоб показать свою преданность. Мне стало смешно. А вот вино меня порадовало, да и яичницу я люблю.

В этот день мы прошли тридцать ли — пожалуй, от Амнокгана будет всего сто двадцать. Корейцы называют это место воротами в страну, местные — главными воротами, а китайцы — пограничной заставой.

28-й день (день дерева и свиньи). Из-за утреннего тумана рассвело поздно. Рано утром мы с Пёном первыми тронулись в путь. Тэчжон показал нам большое строение вдалеке:

— Это дом толмача Сюй Цунмэна. В столице у него тоже есть дом, и гораздо лучше, чем этот. Цунмэн вообще-то человек алчный, творит беззакония и немало корейской крови попил. Так он и стал богачом. Когда он уже состарился, палата церемоний раскрыла его делишки, и дом в столице конфисковали, теперь лишь этот остался. А вон там — дом Шуан Линя, — показал он на другое место. — На его воротах написано: «Дом толмача».

Тэчжон весьма красноречив, говорит, как по писаному. Родом он из Сончхона и уже раз шесть-семь побывал в Пекине.

До Фэнчэна осталось тридцать ли. Наше платье отсырело, а бороды моих спутников покрылись росой, будто жемчужинки нанизали на иголки. Плотный туман на западном краю неба вдруг поредел, и приоткрылся кусок голубизны. Из этого отверстия полился свет, словно сквозь маленькое стеклышко в темном окне. Мгновение — и туман исчез без следа, превратившись в легкие сияющие облака. Теперь все было залито светом. Я оглянулся на восток, а там уже на три бамбуковых шеста поднялся круг алого солнца.

Мы пообедали в доме Кан Юнтая. Юнтаю было двадцать три года, он называл себя китайцем, отличался белизной лица и красотой, даже умел играть на цине. Я спросил, может ли он читать.

— Уже прочел «Четверокнижие», но вот толковать еще не научился, — ответил он.

Его слова о чтении и толковании связаны с иным, чем в нашей стране, способом обучения. У нас одновременно постигают звучание и смысл, а китайцы сперва заучивают текст, а после того, как хорошо его запомнят, учитель начинает объяснять смысл, то есть «толкует». Человек до конца своих дней может не научиться толковать, но заученные фразы войдут в повседневный язык, которым пользуются чиновники. Среди многих языков мира китайский язык самый легкий и упорядоченный.

Дом Юнтая чисто прибран и пышно обставлен. Сразу же бросается в глаза множество всяких вещей. Теплая лежанка застелена коврами, сплошь затканными драконами и фениксами, даже на стульях и плетеной тахте разложены парчовые и шелковые подстилки. Посреди двора стоят специальные подставки, на которые вешают тонкие бамбуковые циновки, чтобы заслониться от солнца. Повсюду висят занавеси из желтого шелка. Впереди посажены в ряд пять-шесть гранатов, на которых распустились белые цветы, тут же растет какое-то странное дерево с листьями, похожими на зимний кипарис, а плоды вроде апельсинов. Я спросил, как оно называется.

— Бесцветочный плод, — ответил хозяин. — На одном черенке плоды сидят парами, и завязываются они без цветов, потому оно так и называется.

Пришел чиновник, сопровождающий посла (его зовут Чо Чончжин). Мы стали сравнивать наш возраст, и оказалось, что он старше меня на пять лет. Вскоре появился и помощник посла (его имя Чон Вонси). Долгий путь общих невзгод сдружил нас.

— Я не знал, что вы тоже едете, — сказал мне Ким Чаин, — ведь мы как расстались на границе, так до сих пор не можем друг друга навестить.

— Мы подружились в чужой стороне, — ответил я. — Можно сказать, друзья по чужбине.

Помощник посла и сопровождающий рассмеялись.

— Вот ведь и не знаешь, чем станет для тебя чужая земля!

Помощник посла старше меня на два года. Наши отцы были однокашниками, вместе учились писать сочинения, которые требовались на экзаменах. Списки тех, кто вместе учился, до сих пор сохранились. Мой отец стал столичным чиновником высокого ранга, а папаша помощника посла в это время был мелким чиновником. Он пришел однажды к нам в гости, вручив свою визитную карточку. Они с отцом говорили о прошлых днях совместной учебы. Тогда мне было лет восемь-девять, я сидел рядом и так узнал про их старую дружбу.

Сопровождающий, показав на гранатовое дерево, спросил:

— Вы когда-нибудь видели такое?

— Никогда не видел, — ответил я.

— Когда я был еще ребенком, в нашем доме рос такой гранат, — сказал он. — В нашей стране больше ни у кого такого дерева не было. Этот гранат только цветет, а плодов не дает.

Поговорив друг с другом, все они встали и ушли. В день переправы среди тех густых зарослей тростника мы только в лицо знали друг друга, было не до разговоров. На другой день, возле заставы, расставив в ряд палатки, заночевали под открытым небом и тоже не нашли случая повидаться. Вот потому нынче на чужбине мы так разговорились.

Сказали, что до ужина еще далеко, и я, не в силах так долго ждать, мучаясь от голода, пошел осмотреть окрестности. В этот дом я входил через маленькие ворота с правой стороны и не представлял, насколько он роскошен. Теперь же я вышел через главные ворота и увидел, что наружный двор велик, в несколько сотен канов. Если бы наш посол со всей своей свитой вошел в этот дом, невозможно было бы узнать, где они все разместились. Даже после того, как в нем свободно расселились мои спутники, еще осталось много места, а между тем сплошным потоком шли купцы и проезжие гости. Двор заполнили более двадцати повозок, и при каждой телеге было по пять-шесть лошадей и мулов. При этом не слышно никакого шума, все это где-то скрывалось от чужих взоров, потому что рассчитали, как их расположить, чтобы они не мешали друг другу.

Не буду распространяться о том, что я заметил снаружи. Я неторопливо вышел за ворота. Такая роскошь и богатство! Мне показалось, что даже императорской столице здесь нечего добавить. Вот уж не ожидал, что Китай так процветает! Справа и слева непрерывными рядами сияли лавки, а в них — изукрашенные окна, двери в узорных шелках, разрисованные балки и красные ограды. На стенах — бирюзового цвета свитки с парными изречениями, а над дверями укреплены золотые доски с надписями. Все вещи в них были редкостными изделиями. Вот ведь, даже в дальних пограничных землях люди обладают изысканным вкусом.

Я зашел в другой дом. Там было еще роскошнее, чем у Кана, хотя и устроены они в общем одинаково.

Обычно, когда строят дом, расчищают землю на несколько сотен шагов в длину и ширину, разравнивают, определив специальными приборами, где выше, а где ниже. После того, как по компасу определяют страны света, начинают строить основание с каменным фундаментом. На нем выкладывают из кирпича две или три ступени, облицовку делают из

шлифованного камня и уже на самой площадке возводят строения. Они поставлены в один ряд без запутанных пристроек. Сначала — внутренние покои, потом центральный зал, третьим — передние помещения, а затем — комнаты для приема гостей. Комнаты для гостей всегда смотрят на большую дорогу и часто используются под харчевню или лавку. У каждого помещения имеются левые и правые боковые комнаты. Это — для слуг. В общем, один дом включает до шести, восьми, десяти и даже двенадцати построек. Между постройками оставляют довольно широкое пространство, а в обычных домах нашей страны оно едва достигает двух канов.

Фасад дома закрывает ограда, сложенная из кирпича. С восточной и западной стороны в ограде проделано по круглому окну, а двери устроены с юга. Самая середина приспособлена под ворота, через которые ходят. Есть двери передние и задние, они всегда расположены друг против друга. В больших домах делают двери по шесть-восемь подряд. Распахнешь их настежь во внутренних покоях — и упрешься во внешние. Взгляд как стрела воткнется прямо в дверь. Говорят, распахнуть весь ряд этих дверей — все равно что проникнуть в самое сердце. В этом иносказании раскрывается истинная сущность устройства дома.

На дороге мне повстречался толмач Ли Тончжи.

— На что тут смотреть, в таком захолустье? — засмеялся он.

— В императорской столице вряд ли больше роскоши, — возразил я.

— Конечно, роскошнее, — ответил Ли. — Там есть дома большие и маленькие, побогаче и победнее, но стиль построек, пожалуй, один и тот же!

Китайцы строят дома из кирпича. Кирпичи длиной в один чхок и шириной в пять чхонов. Сложишь два, и получается квадрат толщиной в два чхона, вроде квадратной печати. Делать их — вечная морока. То углы отобьются, то край отломается, или сам весь перекосится. Если столько забот из-за одного только кирпича, каким же мастерством надо обладать, чтобы построить дом? В строительстве используют такие «квадратные печати», но для того, чтобы кладка получалась ровной, приходится брать плотничий угольник, стесывать и шлифовать. Если работают старательно, то кладка из множества кирпичей выглядит, будто из одного. При этом один кирпич кладут по долевой, другой — поперек, как бы образуя фигуру, наподобие шестой триграммы «кань», у которой в середине сплошная линия, а сверху и снизу по одной прерывистой, и третьей триграммы «ли», где наоборот — сверху и снизу сплошные линии, а в середине — прерывистая. Известь кладут тонким, как бумага, слоем, только чтоб схватилось, тогда и швы идут тонкими ниточками. Замешивая известь, в

нее не добавляют крупный песок и много глины, потому что из-за крупного песка кирпичи не будут схватываться, а слишком вязкая глина растрескается. Обычно берут мягкую черную глину, цветом похожую на только что обожженную черепицу. Такая не будет ни слишком липнуть, ни крошиться, ее можно сплести, как нить из волокна рами, и нарезать тонко, как волос.

В нашем государстве в раствор добавляют лошадиный навоз и глину. Это придает ему упругость и не позволяет трескаться, а для блеска и гладкости подмешивают древесное масло.

Теперь о черепице. Она должна быть ровной и круглой, как бамбук, расщепленный на четыре части, а сама черепица величиной с ладошку. Простой народ не кладет на стропила плетеное перекрытие, просто застилают камышовыми циновками в несколько слоев, и на них кладут черепицу. А поскольку на тонкую циновку глину не положить, то черепицы складывают одну внизу, другую сверху, как самец покрывает самку. Щели между ними промазывают раствором извести. Такая кладка — «чешуей» — не дает проникать в дом воробьям и мышам, а кроме того, верх не получается тяжелее низа.

В нашей стране покрывают черепицей совсем иначе. На крышу толстым слоем кладут глину, поэтому верх получается тяжелым. Если стены сделаны не из кирпича, то низ оказывается слабым. Сама черепица круглая и слишком изогнута, а значит, в крыше много дырок, которые нужно замазывать глиной. Ее получается так много, что от тяжести могут перекосяться балки. Кроме того, глина, высыхая, крошится и сползает вместе с черепицей, образуются щели, в которые беспрепятственно задувает ветер, заливает дождь и пролезают воробьи с мышами, да еще, чего доброго, змеи заползут, кошки начнут рыскать.

При постройке дома, пожалуй, больше всего труда уходит на кирпич. Он нужен не только для ограды, но и сами покои тоже требуют кирпича. А широкий двор разметить — все равно что нарисовать шахматную доску. Если стены дома построены из кирпича, то дом оказывается сверху легким, снизу крепким, а опорные столбы сливаются со стенами. Тогда уж внутрь не попадут ни ветер, ни дождь, можно не бояться пожара и не опасаться, что кто-нибудь проделает дыру и влезет в дом, а воробьи, мыши и кошки тем более не страшны.

Когда строили крепость Фэнхуанчэн, говорили:

— Эта крепость — настоящая Анси!

Что это значит? В языке Когурё большую птицу называли «анси». И нынче в диалектах наших провинций птицу феникс (по-китайски —

«фэнхуан») называют «хвансэ», а змею — «пэам». Поэтому во времена правления китайских династий Суй и Тан нынешний Фэнхуанчэн называли Ансисон, а Чичэн — Пэамсон. Похоже, что так оно и было на самом деле.

В древнем предании рассказывается, что некогда правитель крепости Ансисон Ян Манчхун выстрелил из лука прямо в глаз императору. Император стоял со своим войском вокруг крепости и послал Ян Манчхуну сто кусков шелка. За этот подарок он обещал императору охранять для него крепость.

Когда «Бездонный омут», князь Ким Чханхып, послал в Китай своего младшего брата Чханоба по прозвищу «Черствый хлеб», тот по дороге сочинил стихи:

Долгой вам жизни и вашему роду!
Вы, Ян Манчхун, несравненный стрелок:
Ваша стрела, о курчавобородый,
Метко врага поразила в зрачок!

А господин Ли Сэк — «Пастырь в уединении» — в своем стихотворении «Прямодушный» говорит так:

Был и впрямь не пустым мой кошелек,
Разным владел я добром.
Мог ли я думать, что черный цветок
Встретится с белым пером?

«Черный цветок» здесь значит «глаз», а «белое перо» — «стрела». Эти наши предки в стихах воспели историю, которую у нас рассказывают с давних пор. Танский Тай-цзун двинул все войска Поднебесной, но не смог овладеть малюсенькой крепостью размером с пулю и в спешке повернул своих солдат обратно. Конечно, все это весьма сомнительно. К сожалению, Ким Пусик в своей истории не упоминает имени Ян Манчхуна. А вообще-то надо сказать, что Ким Пусик, создавая «Исторические записи трех государств», за основу брал китайские исторические сочинения, переписывая их как достоверные источники. Он цитирует даже побасенки Лю Цюаня, иначе говоря, представляет факты истории с позиций императорского Китая. О наших героях не говорится ни в «Истории династии Тан», ни во «Всеобщем зеркале» Сыма Гуана. Уж не потому ли,

что об этом в Китае стараются не упоминать? В нашей стране рассказы о них передают из уст в уста, и я не смею выбросить ни фразы, а достойны ли они доверия или сомнительны — об этом не берусь судить. Могу лишь сказать, что танский Тай-цзун потерял глаз у крепости Анси. Проверить, было ли это на самом деле, теперь невозможно. Говорят, правда, будто это произошло не в Анси.

Согласно «Истории династии Тан», от города Анси до Пхеньяна было пятьсот ли, а город Понхвансон (по-китайски — Фэнхуанчэн) называли по-другому — Вангом. В «Трактате по географии» написано, что Понхвансон — это Пхеньян. Не знаю, о каком месте здесь идет речь. А еще в том же трактате говорится, будто древний Анси находится в семидесяти ли к северо-востоку от Гайпина. Известно, что от Гайпина на восток, до реки Сюаньхэ будет триста ли, а еще через двести ли — город Фэнхуанчэн. Если он и есть древний Пхеньян, то пятьсот ли, указанные в «Истории династии Тан», совпадают с этим расстоянием. Вот мои соображения.

Наши ученые мужи знают только нынешний Пхеньян и потому верят, будто Цзицзы некогда обосновался именно в этом Пхеньяне, полагают, что в Пхеньяне были так называемые «колодезные поля» и именно здесь должна находиться усыпальница Цзицзы. А вот когда говорят: Фэнчэн и есть Пхеньян — все начинают удивляться. Если вы скажете, что в Ляодуне некогда был еще один Пхеньян, все изумляются. Они не знают, что на Ляодуне были древние корейские земли царства Чосон и владения так называемых «восточных инородцев» — суксинов, е и мэк — были подчинены Чосону, которым управлял Ви Ман, а эти княжества: Ораль, Ёнготхап и Хучхун — бывшие земли Когурё. Увы! Потомки не представляют древних границ своей страны и, опрометчиво полагая, будто все это было владением китайского дома Хань, ограничивают свои земли пределами реки Амнокган.

Собрав все эти сведения и пытаясь в них разобраться, я опять натолкнулся на реку Пхэсу. Какую бы реку так ни называли, Амнокган ли, Чхончхонган или же Тэдонган, все равно это были древние земли Чосон, а мы сами лишаем себя их, как говорится, сдаем без боя. Отчего же это происходит? Да оттого, что определили место для Пхеньяна и тут же южнее расположили реку Пхэсу — и так с тех пор и твердят. Но я-то знаю, в давние времена в число четырех владений китайского дома Хань Ляодун не входил, он принадлежал чжурчжэням. Откуда мне это известно? Да в «Истории династии Хань» в разделе «Трактаты по географии» упоминаются земли Сюаньту и Лэян, но ни Чжэньфаня, ни Линьтуня (по-корейски они называются Чинпон и Лимдун) что-то не видно.

На пятом году правления ханьского императора Чжао-ди под девизом Ши-юань {103} из четырех уездов сделали два округа, а в первом году правления под девизом Юань-фэн эти два округа снова разделили на четыре уезда. Среди трех уездов владений Сюаньту было и Когурё, а одной из двадцати пяти провинций Ляна была провинция Чосон. В число восемнадцати провинций Ляодуна включалась Анси. Итак, Чинбон находился от Чанани за семь тысяч ли, Лимдун — за шесть тысяч сто.

Корейский ученый Ким Юн пишет:

«В пределах нашей страны теперь таких земель нет. Они все находятся во владении Нингута (по-корейски это называлось Ёнготхап)».

Пожалуй, так оно и есть. Очевидно, Чинпон и Лимдун в конце правления китайской династии Хань входили в состав корейских владений Пуё, Ынну и Окчо. Пуё и Окчо по несколько раз меняли названия. Китайцы называли их то землями народа мохэ, то бохайцев, то чжурчжэней. Бохайский государь Дайуи в ответном письме японскому царю Сёму писал: «Возвращая себе древние земли государства Когурё, мы следуем установлениям царства Пуё».

Итак, получается, что четыре китайских уезда времен правления династии Хань частично находились в Ляодуне, а частично — у чжурчжэней. Совершенно ясно, что они занимали наши исконные территории.

Где находилась река Пхэсу, о которой пишут китайцы, неизвестно. Наши ученые, пытаясь отыскать эту реку, основываются на местоположении современного Пхеньяна, а мне кажется, что китайцы так называли реку, которая находилась в восточной части Ляодуна, и вслед за ними все стали называть ее Пхэсу. Наверное, поэтому и расстояния не совпадают, и все факты противоречат друг другу. Вот почему я хочу выяснить, где были древние границы наших государств Когурё и Чосона. Для этого сперва включим чжурчжэней в наши границы, а потом отыщем в Ляодуне реку Пхэсу. После того как уясним, где была Пхэсу, определятся наши границы, а когда определим границы, сопоставим древние и нынешние записи фактов.

Зададим себе такой вопрос: что же нынешний Фэнчэн — действительно бывший Пхеньян? Ответить можно так: если это и есть город, который основал Цзицзы, а потом в нем правили Ви Ман и Тонмён, то это и есть Пхеньян.

В «Истории династии Тан» в биографии Пэй Цзюя записано: «Гаоли (по-корейски — Корё) — это царство Гучжуго (по-корейски — Кочжуккук). Дом Чжоу пожаловал эти земли Цзицзы, а дом Хань разделил

их на четыре уезда». Получается, что древнее царство Гучжуго — это нынешний уезд Юнпин, а кроме того, в современном Гуаннине некогда находилась усыпальница Цзицзы, на которой была установлена глиняная статуя человека в шляпе, что носили при династии Инь. В годы правления династии Мин под девизом Цзя-цзин она была уничтожена во время войны. Жители Гуаннина и сейчас называют это место Пхеньяном.

В «Истории династии Цзинь» и «Обзоре литературных сочинений», составленном монголом Ма Дуаньлинем, сказано: «Гуаннин и Цзяньпин — владения, пожалованные Цзицзы». Таким образом, получается, что Пхеньян находился где-то между Юнпином и Гуаннином.

В «Истории династии Ляо» написано: «Бохайский округ Сяньдэ — это бывшая земля Чаосянь (по-корейски — Чосон). Крепость Пинсян (по-корейски — Пхеньян) была дана во владение Цзицзы. Ляо, разгромив царство Бохай, переименовали этот город в Дунцзин, а теперь здесь Ляоян». По этой записи выходит, что Ляоян и есть Пхеньян.

Мне кажется, что Цзицзы сперва поселился где-то между нынешними Юнпином и Гуаннином. После этого, теснимый военачальником Цинь Гаем, теряя две тысячи ли земель, постепенно уходил на восток. Так же как и государи династий Цзинь и Сун переносили на юг свои столицы [{104}](#), и Цзицзы, очевидно, называл Пхеньяном все места, в которых он селился. Наверное, и нынешний Пхеньян на реке Тэдонган — один из них.

С рекой Пхэсу, думаю, произошло то же самое. Границы Когурё время от времени то раздвигались, то сужались, и название Пхэсу кочевало вместе с ними от одной реки к другой. И в Китае в правление Южных и Северных династий переносили с места на место названия округов и уездов. Вот потому-то теперь одни отождествляют нынешний Пхеньян с древним, а Тэдонган считают рекой Пхэсу, гору же, что высится между провинциями Пхеньян и Хамгён, называют горой Кэма. Другие полагают, что Ляоян был некогда Пхеньяном, а прежнюю Пхэсу соотносят с рекой Сюаньюйло и про горы в уезде Гайпин говорят, что это и есть Кэма. Теперь, конечно, не установить истину, но все же те, кто Тэдонган называют рекой Пхэсу, приуменьшают наши земли.

На втором году правления Танской династии под девизом И-фэн [{105}](#) государь Корё Почжан-ван был назначен правителем Ляодуна и пожалован титулом государя Чосон. Прибыв в Ляодун, он сделал столицей прежний город Аньдун и стал в ней править. Отсюда следует, что пограничные земли Когурё находились в Ляодуне, и хотя китайцы завоевали их, удержать не смогли и возвратили Когурё. В те времена Пхеньян был в Ляодуне, а потом это название вместе с рекой Пхэсу перекочевало на юг.

При династии Хань уезд Лэян находился на территории Ляодуна, но там был не нынешний Пхеньян, а ляодунский. В те времена, когда там располагалось царство Когурё, часть Ляодуна и Бохая стала граничить с киданями, поэтому границы по хребтам Цыбэйлин и Телин тщательно охраняли, а район горы Сянчунь и реки Амнок бросили на произвол судьбы.

Под властью династии Корё были объединены три корейских царства, но по размерам земель и военной мощи государству Корё далеко до могущества Когурё.

Не дальнего ума ученые мужи последующих поколений, бессмысленно сокрушаясь по поводу древнего Пхеньяна, рабски принимали на веру все, что записано в китайских исторических сочинениях. Записи о древних землях, через край переполняющие истории династий Суй и Тан, безапелляционно уверяют: «Это — река Пхэсу, а это — Пхеньян». Но разобраться в несоответствиях или выяснить, какой город имеется в виду — Анси или Фэнхуан, они были не в состоянии.

Вокруг города сооружена кирпичная стена в несколько десятков рядов и длиной в три ли. Она поражает величием. Ее четыре угла высятся так ровно, словно это квадратные мерки для зерна. Теперь, правда, сооружения наполовину разрушились, но и сейчас трудно измерить их величину. Над воротами — там, где строят башню, — сделана лестница, которая служила чем-то вроде грузоподъемника. Труда здесь положено много, но при этом использовались удобные инструменты и машины на колесах для перевозки кирпича и погрузки глины. С их помощью поднимали наверх воду, они легко двигались: стоит толкнуть — и покатались. Применение таких разных способов и есть искусство делать большую работу при малой затрате сил.

Я торопился в дорогу и не мог все обойти, но думаю, даже за целый день было бы невозможно осмотреть все. А жаль!

После еды мы с Пён Кехамом и Чоном первыми тронулись в путь. Кан Юнтай, выйдя за ворота, радушно проводил нас. Он выразил приличное случаю чувство печали по поводу разлуки и попросил нас купить и привезти ему календарь, поскольку возвращаться мы будем уже зимой. Я подарил ему пилюли, успокаивающие сердце.

По дороге нам попалась лавка. На одной стороне висела табличка с написанными золотом иероглифами: «Закладная лавка», а сбоку приписано пять иероглифов: «Оружие в залог не берем». Это была ссудная лавка. Заметив нас, тут же выскочили трое молодых красавцев и, преградив нам путь, пригласили немного насладиться прохладой. Мы сошли с коней и

вошли вслед за ними. Обстановка в доме была гораздо богаче, чем у Кана. Посреди двора стояли две большие чаши, а в них росли три-пять лотосов и плавали разноцветные рыбки. Молодой человек принес шелковый сачок величиной с ладошку и, достав из маленького кувшинчика несколько красных червячков, пустил их в чашу. Червячки были мелкие, с муравьиное яйцо, и все извивались. А молодой человек звонко постучал веером по краю чаши, подманивая рыбок. Рыбки всплыли наверх и принялись втягивать воду, пуская пузырьки.

Наступил полдень. Солнце палило так, что нечем было дышать, но больше оставаться было нельзя, и мы отправились в дорогу. Я то обгонял Чона, то ехал позади.

— Как тебе понравилась кладка в крепости? — спросил я.

— Кирпич не идет ни в какое сравнение с камнем, — ответил он.

— Ты не понимаешь, — возразил я. — В нашей стране крепости строили не из кирпича, а из камня, и это неправильно. Ведь из одной и той же формы что один, что десять тысяч кирпичей выходят одинаковыми. Клади ровно, и не надо расходовать силы на шлифовку. Из одной гончарной печи можно получить множество кирпичей, поэтому не надо набирать людей для работ по доставке. Все кирпичи ровные, квадратные, значит, экономятся силы и результаты труда удваиваются: и возить удобно, и класть легко. Более удобного материала, чем кирпич, не найти. Теперь возьмем камень. Сколько нужно каменщиков, чтобы заступами рубить гору, а сколько понадобится рабочих для перевозки! А когда перевезут, ведь потребуется еще и каменщики для шлифовки, и на эту работу нужно тратить и средства, и много времени. Потом его предстоит еще уложить. Сколько рабочих рук используется на установку одного лишь камня! Итак, камень вырубает из горы, одежда для камня — глина. Конечно, внешне камень прекрасен, но ведь он неровный. А если он не ровный и не гладкий, то его надо постоянно подправлять мелкими камешками снизу и промежутки между камнями заполнять щебнем, смешанным с глиной. Зарядят дожди — и пустоты внутри заполняются водой, а стоит выпасть хоть одному камню, как тут же обрушиваются десятки тысяч. Ущерб явный. Известь хорошо схватывается с кирпичом, но не держится на камне. Помню, когда я обсуждал с господином Чхасу устройство крепостей, кто-то сказал: «Если кирпич такой уж крепкий, зачем же использовать камень?» А Чхасу заорал: «Кирпич лучше камня! Один камешек и ни в какое сравнение не идет с кирпичом!» Можно сказать, рассуждение железное. Так вот, известь не держится на камне, и когда ее все же употребляют, она растрескивается. Нарушая природу камня, его всегда

стараятся во что-то завернуть, а он должен быть сам по себе, только скрепленный с глиной, он становится прочнее. Если же его покрывать известью, как кирпич, то это все равно что мазать дерево рыбьим жиром. Когда десятки тысяч кирпичей скрепляются вместе, образуется прочная стена, потому-то один камень крепче, чем одна кирпичина, ну а множество кирпичей гораздо прочнее камня. Вот так, сравнивая камень и кирпич, легко распознать, что полезно, а что нет, что удобно, а что неудобно.

Чон, сидя на коне, так согнулся от почтительности, что вот-вот свалится. Похоже, он уже давно спит. Я ткнул его веером в бок и крикнул:

— Старший по чину тут перед тобой распинается, а ты дрыхнешь и не слушаешь!

Чон рассмеялся:

— Да я все прекрасно слышу. Кирпич не похож на камень, а работать с камнем гораздо хуже, чем поспать.

Надо бы рассердиться и поддать ему, но вместо этого я громко расхохотался вместе с ним.

Мы подъехали к берегу реки и очутились в тени ив. До самой реки Удучэ через каждые пять ли стояла вышка. Их называют первая, вторая, третья. Это вышки для сигнальных огней. Кирпичными стенами они напоминают крепости, высотой в пять-шесть чанов и круглые, как пеналы для кистей, а наверху — укрепление. Они разрушались, но почему-то их никто не чинил.

Возле дороги торчал какой-то гроб. Когда-то его завалили камнями, но прошли годы и угол обнажился, дерево сгнило — того и гляди увидишь сухие кости. Хоть бы сожгли его!

У дороги видно множество могил. Насыпи высокие, остроконечные, но травой они не поросли, только вокруг насажены серебристые тополя, которые выстроились в строгом порядке, будто по веревочке.

Прохожих было мало, а те, что попадались навстречу, непременно несли на плечах постельные принадлежности. Без постелей не пускали ночевать на постоянные дворы — боялись грабителей. Путницы с зеркальцами на груди ласкали глаз. Все, кто ехал верхом, носили черные шелковые туфли, а пешеходы — в синих холщовых сандалиях с подошвами, подшитыми холстом в несколько слоев. Ни на ком я не заметил сандалий, сплетенных из конопли или соломы.

На ночь остановились на постоялом дворе среди сосен. Его называют «Подворье в снегу» или «Подворье у смоковницы». В этот день мы проехали семьдесят ли. Кто-то сказал, будто здесь некогда стояла древняя крепость Чиндон.

29-й день (день огня и мыши). Погода стоит солнечная, и мы на лодке переправились через реку Саньцзяхэ. Лодка напоминает конские ясли, она выдолблена из цельного ствола и без весел. По обоим берегам стоят столбы с рогатинами, а поперек реки натянут толстый канат. Лодка двигалась по этому канату, а наши лошади переплыли сами.

Опять переправились в лодке через реку Люцзяхэ. В Хуанхэчжуане отобедали. В полдень стало нестерпимо жарко, и мы прямо на лошадях переплыли через реку Цзиньцзяхэ. Это так называемая Река восьми переправ. Каждые пять-десять ли попадались деревни: Линьцзятай, Фаньцзятай — как большие и маленькие квадраты, смотрели друг на друга, а вокруг пышно разрослись шелковицы и конопля. Как раз была пора, когда начинает желтеть и поспевать раннее просо, а кукуруза выбрасывает метелки. Листья с нее уже срезаны, они пошли на корм лошадям и мулам, стебли же повышают жизненную силу земли.

Часто попадаются кумирни Гуань Юю. Несколько стоящих рядом домов непременно имеют одну общую гончарную печь для обжига кирпича. Кирпичи закладывают в формы, а потом сушат на солнце. Повсюду громоздятся горы старого и свежееобожженного кирпича, ведь это предмет, важный для повседневного употребления.

Остановились немного отдохнуть. Хозяин ссудной лавки провел нас в главный зал и подал чашки с горячим чаем. Здесь было множество необычных безделушек, вдоль стен установлены полки, которые высились до самых потолочных балок, а на них в полном порядке разложены вещи. Это все была одежда. К каждому свертку прикреплена бумажная бирка, на которой записано имя хозяина вещи, его прозвание и приметы внешности, а также место, где проживает. Кроме того, еще приписано: «В такой-то год, луну и день такую-то вещь собственноручно сдал в такую-то закладную лавку». Такой способ наживы дает прибыль не больше двадцати процентов. Через месяц вещь разрешается продавать.

Над дверями лавки золотыми иероглифами сделана парная надпись:

*В девяти разделах «Великого плана» первый посвящен богатству
В десяти главах «Великого учения» половина посвящена
имуществу*

Из стеблей кукурузы было искусно сооружено нечто вроде беседочки, а в ней стрекотал кузнечик. Под стрехой висела клетка с какой-то диковинной птицей.

Пройдя в этот день пятьдесят ли, мы остановились ночевать в городке Тунъюань. Это — бывшая крепость Чини.

Седьмая луна, 1-й день (день огня и быка). С утра полил дождь, и мы не смогли отправиться в путь. Чон, чиновники низкого ранга Чу и Чо, ведающие провиантом, и Пён с Нэвоном сели играть в карты. Чтобы разогнать скуку, играли на вино. Мне играть не хотелось, и я уселся в стороне, потягивая вино. Как сказано в пословице, «и посмотрел, и хлеба поел». Мне было скучно одному, но делать нечего, пришлось сидеть и следить за игрой, кто выиграл, кто проиграл, да и вино я выпил. Вот незадача!

Вдруг слышу за стеной нежный женский голос, такой мелодичный, очаровательный, словно трель иволги или ласточки. Я подумал: должно быть, хозяйка дома редкостная красавица. Чтобы хоть как-то развлечься, я прошел в помещение, которое выходило во двор. А там лицом к двери сидела, опершись о столик, женщина лет пятидесяти со злым, безобразным лицом.

— Много счастья вам, господин! — проговорила она.

— И хозяйке дома желаю бесконечного счастья!

Я принялся рассматривать ее наряд и украшения. Голова вся утыкана цветами, золотые браслеты, драгоценные жемчужные серьги, грубо наложены румяна и белила. Одета она была в длинное черное платье с частыми серебряными пуговицами, а на ногах — пара сапожек, расшитых цветами, травами и бабочками. Похоже, что маньчжурка, потому что ноги ее были не в треугольных туфельках — значит, не забинтованы.

Тут раздвинулась занавеска и вышла девушка лет двадцати. Волосы ее, расчесанные на две половины, уложены наверх узлом — этим и отличалась она как девушка, лицо же необыкновенно злое, но кожа белая и чистая. Она принесла металлический кувшин для подогревания вина, наклонила зеленую глиняную миску и доверху наполнила пиалу кукурузной кашей, налила в кувшин воды и, усевшись у западной стены, принялась палочками есть кашу, а для приправы взяла несколько головок лука с длинными перьями, скрутила перья в пучок и обмакнула в сою. На шее у нее был зоб величиной с куриное яйцо. Поев каши, она выпила чаю, и при этом ни чуточки не стеснялась. Наверное, потому, что каждый год видела корейцев и относилась к ним как к старым знакомым.

Двор в доме был широкий, в несколько канов. От долгого дождя весь тонул в грязи. Чтобы спастись от этой грязи, с берега реки наносили мелких камешков. Обкатанные водой, размеров с куриное яйцо, эти камешки ведь никому не нужны, но здесь их подобрали по форме и цвету и

выложили у ворот в виде многоцветного летящего феникса. Видимо, у них нет бросовых вещей.

У кур здесь выщипывают пух и перья — просто мясо куриное повсюду бегают. Смотреть на них противно. Однако выщипывание — это предупредительная мера против вшей. Летом у кур заводятся черные вши. Они появляются в хвосте или в крыльях, и тогда куры заболевают — их начинает рвать желтой водой, в горле клокочет. Болезнь эта заразная, и, выщипывая у них перья, кур оберегают.

2-й день (день земли и тигра). С утра лил дождь, но на закате прояснилось. Речка, которая лежала на нашем пути, сильно разлилась, и мы не смогли переправиться. Посол велел Нэвону и Чу отправиться вперед и осмотреть реку, а я пошел с ними. Не прошли мы и несколько ли, как перед нами открылся разлив, да такой широкий, что берега не видно. Те, кто хорошо плавал, вошли в реку, чтобы измерить ее глубину. Не успели они сделать и несколько шагов, как плечи у них покрыло водой. Возвратившись, доложили об уровне воды. Посол обеспокоился и призвал всех толмачей и чиновников предложить свои планы переправы через реку. Помощник посла и близкие его особе чиновники тоже приняли участие.

— А что, если взять напрокат створки дверей и повозки, сделать плоты и на них переправиться? — предложил помощник посла.

— Хороший план, — одобрил Чу.

Но главный толмач возразил:

— Невозможно раздобыть столько створок дверей и телег. Здесь, конечно, найдется с десятков бревен, которые остались после постройки домов. Можно бы их взять, но боюсь, что не раздобыть веревок.

Все они высказывали свои соображения, и я тоже вставил свое слово:

— Где уж нам связать плот! Вот у меня есть пара лодочек с веслами, одной лишь вещички не хватает.

— Чего же это у вас не хватает? — спросил Чо.

— Да вот гребца нет! — ответил я.

Все громко расхохотались.

Хозяин наш был глупым и грубым, не знал ни одного иероглифа, а на столе, между тем, держал книги минских сочинителей Ян Шэня и Сюй Вэя. В синей фарфоровой вазе высотой около чхока стоял железный посох Чжао Наньсина, тут же стояла маленькая курильница для благовоний, изготовленная юньцзянским Ху Вэньмином. Столики, стулья, ширма — все было необыкновенно изящным, без всякого налета захолустной провинции.

— Должно быть, уважаемый хозяин очень богатый человек? —

спросил я у него.

— Мы весь год трудимся не покладая рук, — ответил он, — а не можем подчас избавиться от холода и голода. Если бы не поездки вашего достопочтенного посла, совсем бы пропали.

— А сколько у вас сыновей и дочерей?

— Да всего лишь один разбойник, только вот зятем никак не обзаведусь!

— Почему вы говорите один разбойник? Что это значит?

— Не зря ведь говорят, что даже разбойник не позарится на дом, в котором пять дочерей. Разве дочки не вредители в семье?

После полудня я вышел за ворота прогуляться и развеять скуку. Вдруг в кукурузном поле раздался выстрел из дробовика. Тут же за ворота выскочил наш хозяин и стал всматриваться в поле. Из кукурузы выбежал какой-то китаец с ружьем в одной руке, а другой он тащил за задние ноги свинью. Заметив хозяина, он злобно заорал:

— Ты зачем пускаешь в поле скотину?

Хозяин смутился и принялся извиняться, а китаец ушел, утащив с собой свинью, истекающую кровью. Хозяин, раздосадованный, огорченно вздохнул.

— Чью это свинью забрал китаец? — спросил я.

— Мою!

— Она, конечно, забежала в чужое поле, но ведь не успела еще повредить ни одного стебля, так почему же он ни за что ни про что убил домашнее животное? Почему вы не потребовали у нег стоимость этой свиньи?

— Разве я смею потребовать с него плату? Ведь я сам виноват, что плохо охранял хлев!

Император Канси придавал большое значение сельскому хозяйству, и если случалось быкам или лошадям потравить посевы, то хозяину поля надлежало возместить убытки вдвойне, а тот, кто выпускал скот нарочно, получал шестьдесят ударов палками. Если в поле заходили свиньи или овцы, хозяин поля мог тут же забрать их себе. Тот же, кто нарочно пускал их туда попастьись, не смел и признаться. Единственно, что не имеет права делать хозяин поля, так это закрывать дорогу для повозок. Когда все покрывается непролазной грязью, телегам приходится заезжать прямо на поле, поэтому хозяин старается держать дорогу в порядке и тем самым свое поле оберегает.

Возле деревни были две гончарные печи. Когда в печи гасят огонь, устье топки обмазывают глиной, а на сам купол выливают несколько

десятков бадей воды. На куполе печи устраивают впадину, так что вода не выливается. Если печь раскалится, то в эту впадину наливают воду, вода испаряется, и печь не перегревается.

Одну печь остудили и сейчас как раз из нее вынимали кирпичи. Здешние печи устройством отличаются от наших. Вот я сперва и расскажу о недостатках наших печей, а уж потом поговорим о возможностях их улучшения.

Наша печь не настоящая, это одна лишь топка. Поскольку не хватает кирпича, то, складывая печь, сперва ставят деревянные столбики и обмазывают их глиной. Потом рубят на дрова большую сосну и печь обжигают, пока глина не затвердеет. Труда на этот обжиг тратится очень много. Печь делают длинной, но невысокой, поэтому пламя не поднимается вверх и сила огня невелика. Из-за того, что сила огня невелика, нужно сжигать много сосны — только тогда получишь мощное пламя. Из-за того, что сосну жгут ради мощного пламени, огонь горит неровно. Из-за того, что огонь горит неровно, черепица, которая лежит ближе к пламени, оказывается никуда не годной, а та, что далеко от огня, остается необожженной. У нас такими печами пользуются для обжига фарфора, глины и вообще всякой керамической посуды.

Вернемся теперь к сжиганию сосен. От сосновых поленьев жар, конечно, сильнее, чем от других дров, но сосну раз срубил — снова не вырастет, и потому, чтобы изготовить посуду для дома, надо оголить все горы в округе. Сосна растет сто лет, чтобы быть уничтоженной за одно утро. Исчезнет лес, улетят птицы в поисках сосен — и все это из-за нерационального использования леса в нашей стране. Его с каждым днем становится меньше, но и с домашней утварью все труднее.

Здешние печи складывают из кирпича и обмазывают его известью, поэтому с самого начала не нужно топливо, чтобы эту печь прокалить. Высоту и ширину устанавливают по усмотрению, а по форме она напоминает опрокинутый колокол. В верхней части делают впадину, своего рода пруд, в которую наливают несколько мер воды. С боков устраивают пять-шесть отверстий для дыма, и пламя может подниматься вверх. Кирпичи для обжига ставят внутри так, чтобы они друг друга подпирали и оставляли дорогу для огня. В общем, придумано хитро. Пожалуй, я бы теперь смастерил такую печь своими руками, а вот описать ее устройство довольно трудно.

Однажды посол спросил меня:

— Этот способ кладки похож на иероглиф «товар», когда один квадрат наверху, а два под ним?

— Похож, да не совсем, — ответил я.

— При этом способе, наверное, кирпичи кладут друг на друга, как коробки с книгами? — спросил письмоводитель Пён.

— Похоже, но не совсем так, — снова ответил я.

Черепицу не кладут, а ставят боком, в десять рядов. Получается нечто вроде дымохода под полом. Сверху кладут второй ряд и устанавливают его наклонно. И так ряд за рядом, до самого потолка. Между черепицами образуются сквозные дырки, формой напоминающие ромбовидный глаз кабарги. Огонь на своем пути кверху проходит по ним, как сквозь горло. Таким горлом пламя словно вдыхается, будто заглатывается множеством глоток. Огонь при этом всегда сильный, поэтому наломай хоть стеблей гаоляна или проса, все будет хорошо гореть и давать жар. К тому же не надо опасаться, что черепица скрючится или растрескается.

Гончары нашей страны не знают такого способа обжига, и не будь у нас больших сосновых лесов, мы не смогли бы строить печи, а ведь гончарное дело не запретишь. Но сосны-то когда-нибудь тоже кончатся, а потому самое выгодное для нас — переделать систему печей.

Ли Ханбок и Но Качже оба рассуждали о выгодности черепицы, но ни слова не сказали о системе печей, и это весьма прискорбно.

Говорят, что, истопив печь тремьями пучками гаоляна, получишь триста кирпичей. Длина стебля гаоляна полчана, а толщиной он с палец. В один пучок едва войдет четыре-пять штук, и если гаолян использовать в качестве топлива, то для получения примерно десяти тысяч кирпичей понадобится не более тысячи стеблей.

Этот день тянулся долго, как год. Наступил вечер, но все еще было жарко. Меня совсем разморило. Услышав, как в соседней комнате подняли шум и заспорили игроки в карты, я выскочил к ним и плюхнулся на циновку. Выиграв пять раз подряд, получил более ста монет, купил вина и напился. Хоть отыгрался за тот раз.

— Ну что, все еще не сдаетесь? — спросил я.

— Да это у нас случайно, — засмеялись Чо и Пён.

Пён и Нэвон озлились и потребовали, чтобы я поставил снова, но я отказался:

— Нельзя дважды испытывать землю, где обрел удачу. Будешь знать меру — не попадешь в беду!

3-й день (день земли и зайца). С утра пошел сильный дождь. Днем прояснилось, а ночью — снова ливень; не переставая, он лил до рассвета. Пришлось нам опять остаться.

Утром проснулся, открыл окно. Затяжной дождь вскоре прекратился,

подул благодатный ветер, и засияло солнце. Пожалуй, к полудню станет жарко. Лепестки гранатовых цветов усеяли всю землю и прикрыли красную грязь. Намокли от воды гортензии, а функии стоят будто наполненные снегом.

Вдруг перед воротами раздались звуки рожков, колокольчиков и гонгов. Я быстро вышел посмотреть. Оказалось — церемония встречи невесты. Несли шесть пар раскрашенных свитков с картинами, вышитые фонарики, по паре зеленых и красных зонтов. Играют две дудки, пара флейт и два рожка, а в середине процессии четверо несут одноместные носилки с зеленым верхом. В них с четырех сторон вставлены стекла и сделаны окошки, а по углам висят кисти из пестрых нитей. С боков к середине носилок приделаны рукояти, обмотанные толстым зеленым шнуром, а спереди и сзади прикреплено еще по паре рукоятей покороче, и тоже обмотанные. Их несли на обоих плечах четыре человека. Восемь ног враз переступали мелкими шажками, чтобы носилки не тряслись, а двигались, как бы паря в воздухе. Этот способ переноски носилок требует большого мастерства. Следом за носилками едут две повозки, крытые черным полотном и запряженные ослиами. В одной сидят две старухи. Лица их старые и злые, но нарумяненные и набеленные. Волосы на макушках повылезли и виднелась кожа, красная, как тыква, а сзади торчал маленький пучок волос, сплошь утыканный цветами. В ушах висели жемчужные серьги, а одеты они были в черные кофты и желтые юбки. В другой повозке сидят три молодые женщины в красных и изумрудных шароварах, без юбок. Среди них одна лицом — истинная красавица. Накрашенные старухи были кормилицами, а молодые — служанками.

Тридцать с лишним верховых окружали одного здоровенного мужлана. Вокруг рта и по краям щек у него росли черные усы и борода. Одетый в платье маньчжурского чиновника — парадный халат, расшитый драконами с девятью когтями, — он восседает на белом коне в седле, украшенном золотом, а его ноги уверенно вдеты в серебряные стремяна. Лицо его сияет улыбкой, а за ним едут три пары повозок, доверху наполненные сундуками с платьем.

— Нет ли в вашей деревне человека, сдавшего экзамен на чин или же учителя? — спросил я у хозяина.

— Деревенька наша маленькая, захолустная, откуда здесь быть школьному учителю? Правда, в прошлом году осенью сюда случайно попал один чиновник, сопровождавший таможенника, ехавшего из столицы. По дороге этот чиновник заразился дизентерией и здесь слег. Пока он болел, все здешние жители изо всех сил старались вылечить его.

Прошла зима, и весной он, к радости, поправился. Он очень образованный человек, знаток китайской классики, да еще и по-маньчжурски умеет писать. Он решил остаться здесь на время и открыть на пару лет школу, чтобы учить здешних ребятишек и этим отблагодарить за великую милость излечения. Теперь он живет в школе при кумирне Гуаньди.

— Не можете ли вы взять на себя труд проводить меня к нему? — спросил я.

— У вас нет никакой нужды в провожатых, — сказал хозяин, — я покажу вам дорогу.

Он поднял руку и принялся объяснять.

— Вон тот высокий дом и есть школа при кумирне.

— А как звать учителя?

— Мы все здесь величаем его учителем Фу.

— Сколько же лет этому учителю Фу?

— Вот вы познакомьтесь с ним, сами и спросите, — ответил хозяин.

Он вошел в дом и вынес с десяток листков красной бумаги и показал мне:

— Это господин учитель Фу сами изволили написать.

На красной бумаге с левой стороны сверху вниз было тонко выведено: «В дом, расположенный в таком-то месте. В такой-то год, луну и день с благоговением прошу вас удостоить посещением мое презренное угощение».

— Это мой младший брат приглашал, когда прошлой весной женился. Красные листки и есть приглашение на пир.

Можно сказать, текст написан превосходно. Иероглифы, выведенные на нескольких десятках листков, были не слишком крупными, но и не мелкими — будто жемчуг, нанизанный на нитку, словно их отпечатали с одной доски. Я даже подумал, уж не потомок ли Фу Чжэна этот чиновник?

Я позвал Сидэ пойти вместе к кумирне Гуаньди. Когда мы подошли к ней, здесь стояла тишина, не было слышно голосов. Оглядевшись, заметили справа флигель, а оттуда доносился детский голос, читающий нараспев. Какой-то мальчишка открыл дверь и высунул голову, но потом вдруг умчался, даже не оглянувшись. Я бросился вслед за ним.

— Где твой учитель?

— Что вы спросили? — откликнулся мальчик.

— Где учитель Фу?

Мальчишка даже вида не показал, что услышал, что-то пробормотал и, взмахнув рукавом, убежал.

— Наверняка учитель внутри, — сказал я Сидэ. Мы с ним подошли к

правому флигелю и открыли дверь. Там стояли четыре-пять пустых стульев, но никого не было. Я прикрыл дверь и уже собрался было уйти, но тут заметил мальчишку и старика. Я сообразил, что это и есть учитель Фу. Оказывается, он ходил к соседям, а мальчик побежал за ним, чтобы сообщить о госте. Вот он и вернулся. На первый взгляд учитель не был похож на образованного человека. Я стоял перед ним, почтительно сложив руки, а старик вдруг обнял меня за талию, сильно толкнул, а потом схватил мою руку и принялся ее трясти. По его щекам расплылась улыбка. Я сперва даже испугался, но вскоре развеселился и спросил:

— Вы господин Фу?

Старик обрадовался:

— Откуда уважаемому господину известно мое презренное имя?

— Я давно наслышан о великом имени учителя. Оно подобно грому ворвалось в мои уши.

— Мне хотелось бы услышать и ваше уважаемое имя, — сказал Фу.

Я написал и показал ему. Фу написал свое. Его звали Фу Тусаньгэ, псевдоним Сунчжай, второе имя Дэчжай.

— А что значит саньгэ? — спросил я.

— Это мое имя, — ответил он.

— Где вы проживаете и откуда изволите быть родом?

— Я принадлежу к маньчжурскому центральному корпусу знаменных войск. А вы прибыли сюда, должно быть, для того, чтобы встать лицом к высочайшему выезду?

— Что значит встать лицом к высочайшему выезду? — не понял я.

— Очевидно, наш батюшка император, многие ему лета, призвал вас на аудиенцию?

— Если император призовет меня на аудиенцию, я непременно порекомендую вас, чтобы вы получили хоть маленькую должность.

— Если бы это произошло, то за вашу огромную милость, господин Пак, мне трудно было бы отблагодарить вас даже после смерти.

— Вот уже несколько дней мы сидим здесь из-за наводнения, — сказал я. — Так нудно тянутся эти долгие дни. Может быть, у вас найдутся какие-нибудь книги почитать. Не одолжите ли вы мне их на несколько дней?

— У меня нет ничего особенного, — ответил Фу. — Вот разве что... Когда я был в столице, мой родственник, господин Си, открыл мастерскую, где резали доски для ксилографической печати. Называлась она «Зал, полный птичьего пения». Я взял с собой один перечень книг. Если хотите развеять скуку, я дам вам посмотреть. Но у меня к вам есть просьба. Когда

вы придете к себе на постоянный двор, может быть, найдутся у вас очищающие пилюли или искусно сделанные корейские веера? Пошлите их в подарок вашему случайному знакомому. Поистине, это будет знаком вашего искреннего расположения. А книгу взять ведь никогда не поздно.

Тут я понял, что его внешность и манера речи были весьма вульгарными. Говорить мне с ним было не о чем, да и сидеть больше не хотелось. Простившись, я встал, а Фу, стоя у двери, провожал меня, почтительно сложив руки.

— Может, вы торгуете тонким корейским шелком? — спросил он напоследок.

Я ничего не ответил и ушел.

— Ну как, удалось что-нибудь посмотреть? — встретил меня вопросом посол. — Я беспокоился, не получили ли вы тепловой удар.

— Встретил тут одного старого учителя, — ответил я. — Маньчжур, да еще вульгарен, и разговор повел недостойный.

— Раз уж у нас есть то, что он просит, стоит ли жалеть одну пилюлю или веер? Зато вы посмотрите, что это за список книг, — посоветовал мне посол.

Тогда я послал к учителю Сидэ с пилюлями для очищения духа и веером в форме рыбьей головы. Сидэ тотчас возвратился, держа в руках маленькую книжку в одну страничку, величиной с ладошку. В ней сплошь была пустая бумага, а перечень книг состоял всего из семидесяти названий небольших сочинений маньчжурских авторов. Все это уместилось на нескольких листочках, и за это потребовать такую непомерную цену! Как не стыдно! Но я попросил это, чтобы хоть чем-то занять глаза.

Мы переписали эту книжицу вместе с Чоном, чтобы потом в книжной лавке выяснить, насколько ценны эти книги. Посылая Сидэ вернуть книгу, я наказал ему:

— Передай ему, господин, мол, сказал, что все эти сочинения у нас есть и он даже смотреть не стал.

Сидэ, возвратившись, сказал:

— Фу услышал то, что вы велели передать, и лицо у него стало растерянным. Он подарил вам платок.

Платок был длиной в два с лишним чхока, новый, из тонкого черного шелка.

4-й день (день металла и дракона). Всю ночь до рассвета лил дождь, и мы не поехали. Я то читал сочинения Ян Шэня, то играл в шашки — пытался разогнать скуку. Помощник посла и его сопровождающий собрались в комнате хозяина и, позвав других спутников, принялись

обсуждать, как переправиться через реку. Прошло много времени, пока они не разошлись, но ничего хорошего так и не придумали.

5-й день (*день металла и змеи*). Рассвело. Не поехали из-за наводнений. Наш хозяин открыл дымоход под полом, взял лопатку на длинной ручке и стал выгребать золу. Я тут же начал рассматривать устройство дымохода. Для теплого пола сначала сооружают фундамент высотой в чок, разравнивают, а потом в шахматном порядке расставляют куски кирпича — делают опоры и затем сверху мостят тоже кирпичом. Поскольку по толщине все кирпичи одинаковы, то, разбивая их для опор, не нарушают ровную поверхность пола. Дымоход очень низкий, едва просунешь руку, если понадобится добраться до опор и передвинуть их, чтобы изменить ходы для огня. Огонь, попадая в дымоход, проходит по всем его изгибам так, будто его кто-то протаскивает. Поэтому пламя гонит золу по всем ходам, которые как бы глотают огонь попеременно и выплевывают в трубу все, что захватывают по пути. А в трубе сделано углубление в один чан с небольшим. У нас в Корее его называют «собачьей лежанкой». Зола, гонимая огнем, падает в это углубление, постепенно его наполняя, поэтому раз в три года его открывают, чтобы выгрести оттуда золу.

Топка открывается сверху, и дрова вставляют туда вертикально, а возле очага землю выкапывают наподобие большого чана. Сверху его закрывают каменной крышкой и заравнивают землей. Так в середине образуется пустота, которая дает тягу. Она и гонит огонь по дымоходам, и дым не просачивается в помещение. Дымовую трубу устраивают так. Сначала выкапывают яму по форме чана, потом из кирпичей складывают своего рода ступу, высотой до крыши. Дым прямо втягивается в эту трубу. Это устройство весьма хитроумно, но если в трубе есть трещина, то даже тоненькая струйка ветра может загасить огонь в очаге. Вот почему в нашей стране, используя систему теплых полов, всегда беспокоятся, что огонь выплеснется наружу, и не допускают, чтобы нагревался весь пол. Все неприятности случаются из-за трубы. У нас деревянные решетки пола обклеивают бумагой, а чан обшивают досками и обмазывают глиной. Потом глина начинает трескаться, бумага рвется и отваливается, а доски рассыхаются, и тогда дым свободно просачивается в помещение. Стоит подуть ветру, как деревянная труба становится бесполезным устройством.

Я подумал, что наши семьи бедные, но книги читать у нас любят. И вот у многих тысяч моих братьев шесть лун подряд на кончике носа прозрачной жемчужинкой висит капля. А если бы они потрудились перенять китайское устройство, то избавились бы от зимних страданий.

— Система отапливаемых лежанок из кирпича и глины очень хитроумна, но гораздо хуже наших дымоходов под полами, — не согласился со мной Пён Кехам.

— Чем же она хуже? — спросил я.

— У нас аккуратно расстилают толстую промасленную бумагу в четыре слоя, она теплого цвета и блестит, словно полита водой.

— Да, китайский кирпичный пол совсем не то, что наш корейский, покрытый бумагой, но если перенять устройство китайского пола из кирпича, кто запретит нам застлать его бумагой? Вообще-то, у наших теплых полов есть шесть недостатков, но никто об этом не знает. Я сейчас вам о них расскажу, а вы слушайте и не шумите. Пол делают, сначала накладывая глину, а потом на нее ставят камни. Камни разной величины, и пол может получиться неровным. Поэтому под опоры по четырем углам подкладывают мелкие камешки, стараются, чтобы не было перекаса. Но камни обгорают, а глина пересыхает, из-за этого постоянно тревожатся, как бы все не обрушилось. Это первый недостаток. Если камень неровный, выбоины замазывают глиной, значит, нагреваться он будет неравномерно. Это второй недостаток. Сделаешь дымоход под полом слишком высоким — пламя получится слабым. Это третий недостаток. Стенки получатся грубыми, появятся трещины, в них станет задувать ветер, загасит пламя, и дым просочится в комнату. Это четвертый недостаток. Если дымоход под полом сделать слишком низким, огню будет трудно пройти через дымоход и он начнет закручиваться вокруг дров. Это пятый недостаток. Чтобы дом хорошо прогрелся, надо потратить сотню вязанок дров, но тогда дней десять из-за жары не войдешь в помещение. Это шестой недостаток. Давайте-ка прямо сейчас все вместе попробуем уложить с десятков кирпичей! Так, с болтовней и смехом, сделаем теплый пол и уляжемся на него спать!

Вечером мы все вместе выпили несколько чашек вина. Спать я пришел захмелевший, глубокой ночью, уже после того, как отбили стражу. Мы с послом спали на одном кане, нас разделяла только занавеска. Посол уже спал. Я раскурил трубку и, полусонный, прилег с краю. Вдруг послышались шаги.

— Кто это? — испуганно спросил я.

— Это я, Тоинóm!

Голос был мне не знаком, и я снова окликнул:

— Ты кто такой?

— Да я Тоинóm! — громко ответил он.

Сидэ и слуги испуганно вскочили. Раздались оплеухи, и его вытолкали

за дверь. Оказалось, это был солдат, который каждую ночь проверял помещения, где спали приезжие, пересчитывал людей и уходил. Я ночью всегда спал и ничего об этом не знал. Смешно, что этот солдат называл себя Тоином — Балбес-чужеземец с острова. Дело в том, что в нашем языке северных и западных инородцев называют «твеном». Это корейское слово записывают похожими по звучанию иероглифами «остров» — *то*, «чужеземец» — *и* и «балбес» — *ном*. Солдат многие годы встречает и провожает наших людей, он запомнил некоторые слова и знает, как их записать иероглифами. Он привык, что его зовут «твеном», и сам старается произнести это слово на свой лад.

Из-за этой кутерьмы я не смог заснуть, да и блохи донимали. Посол тоже не спал. Мы зажгли свечу и дождались рассвета.

6-й день (день воды и лошади). Вода в реке немного спала, и мы тронулись в путь. Я сел в носилки посла, чтобы переправиться вместе с ним, а человек тридцать слуг, раздевшись догола, помогали нести. На середине реки, где течение особенно быстрое, носилки вдруг накренились влево. Еще немного, и мы бы свалились. Беда! Беда! Мы с послом ухватились друг за друга, чуть не утонули. Добравшись до берега, я стал смотреть, как переправляются остальные. Одни сидели на закорках, других несли, поддерживая справа и слева, иные, соорудив плот, уселись на него, а четверо слуг на плечах его перенесли. Те, кто переправлялся верхом на лошадях, молили небо, задрав кверху головы либо зажмурив от страха глаза, другие же натянуто улыбались. Слуги несли на плечах снятые седла, чтоб не промочить. Переправившись, они снова входили в реку, взвалив на плечи коромысла. Я с удивлением спросил, зачем они это делают.

— Если войдешь в реку с пустыми руками, будешь легким, и тогда может унести течением, — ответили мне. — Вот потому и берут на плечи тяжесть.

Тех, кто перешел реку несколько раз, колотила дрожь. Ведь вода в горных реках очень холодная.

Пообедали прямо на траве возле устья реки. Это место называют Долиной заливных полей.

Перевалив через горы Фэньшуйлин, Гоцзялин и Люцзялин, остановились на ночлег в Ляньшаньгуане. В этот день прошли шестьдесят ли. Вечером мы выпили немного вина и улеглись спать. И тут я внезапно перенесся в город Шэньян. Вокруг — великолепные дворцы и городские пруды, ворота и улицы.

— Я и не чаял увидеть здесь такое великолепие! — воскликнул я. — Дома непременно похвастаюсь.

И тут я поднялся ввысь и полетел. Внизу проносились десятки тысяч гор и тысячи рек — я мчался стремительно, как сокол, и в одно мгновение очутился в нашем старом доме в квартале Ягок. Сажу на женской половине возле южного окна, а мой старший брат спрашивает:

— Ну, как тебе понравился Шэньян?

— Я много слышал о нем, но то, что увидел, превзошло все ожидания, — почтительно отвечаю я и принимаюсь расхваливать его красоты. Потом выглядываю в южное окно и вижу — у соседнего дома темнеет софора, а над ней — переливается большая звезда.

— Ты знаешь, что это за звезда? — спрашиваю у брата, а он:

— Нет, не знаю!

— Это Звезда стариков, — и с этими словами встаю и кланяюсь брату. — Я вернулся домой так неожиданно лишь для того, чтобы рассказать тебе о Шэньяне, а теперь я должен спешить.

С этими словами выхожу, миновав зал, открываю дверь мужской половины и оглядываюсь. На севере четко вырисовывается верх крыши, а дальше узнаю вершину Анхён. И тут вдруг мне приходит в голову: как же далеко я забрался! Сумею ли я один пройти через пограничную заставу? Да ведь отсюда до заставы больше тысячи ли! Кто же станет ждать меня? От ужаса я громко закричал. Пытаюсь открыть дверь и выйти наружу, но ее заело, пробую позвать Чанбока, но слова застряли в горле. Тут я с яростью начинаю трясти дверь и вдруг просыпаюсь.

— Ёнам! — зовет меня посол, но я все еще ничего не понимаю.

— Где это я?

— Вы долго бродили во сне, — сказал мне посол.

Я поднялся и сел. Чтобы призвать обратно свою душу^{106}, я лязгнул зубами и щелкнул себя по лбу. Только тут я окончательно проснулся и все понял, вздохнул печально и порадовался, что это всего лишь сон. Все же успокоиться мне было трудно, и я так и не смог заснуть — все ворочался и думал, пока не рассвело.

Ляньшаньгуань еще называют Ягуань.

7-й день (день воды и овцы). Проехав два ли, верхом на лошадях переправились через реку. Река была неширокой, но быстрой и еще более бурной, чем прежняя. Я уселся в седле, поджав колени и подобрав обе ноги, Чхандэ прижимался к лошадиной голове, а Чанбок ухватился за мой зад. Так, держась друг за друга, мы думали только об одном — чтоб поскорее пронесло. Лошадей понукали криками «О-хо!». Едва мы добрались до середины реки, как я вдруг начал сползать влево. Оказалось, вода уже покрыла брюхо коня и он, оторвавшись ногами от дна, поплыл, а

я стал съезжать и едва не свалился в воду. Но тут хвост передней лошади поднялся над водой, я быстро за него ухватился, сумел выровняться и снова уселся в седле. «Вот как мне удалось изловчиться», — невольно подумал я.

Чхандэ тоже оказался в опасности — его лягнула лошадь. Вскоре мой конь поднял голову и встал на ноги. Значит, уже мелко.

Мы переправились через гору Моюньлин и отобедали в Цяньшуйчжуане. После полудня стало жарко, а мы снова перевалили через гору Циншилин. На вершине горы стояла кумирня Гуань-ди. Говорили, будто она чудотворная. Наши посыльные и конюхи, затеявшие было перебранку, все вместе подошли к возвышению и склонили головы. Некоторые даже купили дыни, чтобы принести их в дар, а переводчики — одни воскурили ароматы, другие принялись тянуть листочки, чтобы погадать, счастье или несчастье ожидает их в жизни. Тут же какой-то монах с чашей в руках выпрашивал подаяние. Он был не острижен, а волосы завязаны узлом, как у наших монахов-расстриг. На голове у него надета тростниковая шляпа, а на самом — плащ из шелка дикого шелкопряда, похожий на наряд наших ученых-конфуцианцев, но с широким черным воротником. Другой монах продавал дыни и куриные яйца. Дыни очень сладкие и сочные, а яйца пересолены.

Ночевать остановились у горы Ланцзышань. В этот день мы перевалили через две большие горы и прошли восемьдесят ли. А гору Моюньлин называют еще Хуйнинлин, она высокая и крутая, не меньше нашей Мачхоннён, что в провинции Хамгён.

8-й день (день дерева и обезьяны). Рассвело. Я сел в носилки посла и в них переправился через три речки. Позавтракали в Лэнцзине. Через десять с лишним ли подошли к горному перевалу. Тхэбок, вдруг почтительно поклонившись, прошел вперед, простерся на земле и громко завопил:

— Белая ступа, явись!

Тхэбок был конюхом Чона.

До сих пор Белую ступу заслонял горный перевал, и она не была видна. Мы подхлестнули коней и мигом поднялись на вершину. Внезапно прямо перед глазами возникли черные купола, разбросанные тут и там без всякого видимого порядка. И тут я внезапно осознал, что человеку не на что опереться в жизни, ему только и остается, что топтать землю да задирать голову к небу. Я придержал коня и огляделся.

— О, на земле, полной страданий, можно и поплакать! — невольно хлопнул я себя по лбу.

— Что это вы? Перед вами открылся такой вид, а вы думаете о

рыданиях? — удивился Чон.

— Это, конечно, так, — ответил я, — но герои древности тоже любили поплакать, и красавицы проливали слезы, но их рыдания — не более чем потоки слез. Просто вода из глаз лилась на воротники, а вопля не слышно — такого, что заполнил бы небо и землю, прозвучал бы, словно исторгнутый металлом и камнем. Обычно люди, которые понимают, что такое семь чувств, плачут, когда им грустно. Те же, кому не ведомы эти семь чувств, способны расплакаться в любое время: радуются — плачут, гnevаются — тоже плачут, готовы заплакать во время веселья, от любви и даже от злости; они начинают проливать слезы, даже когда захотят чего-нибудь. А ведь и в радости, и в горе нет ничего лучше, чем излить свое настроение в крике. Горестный крик, оглашающий все пространство между небом и землей, можно сравнить с раскатами грома. Однако если даже самые искренние чувства проявлять разумно, то чем такое проявление будет отличаться от улыбки? Обычно чувства человека не переходят определенных границ, и потому их сумели искусно распределить по семи категориям. В печали, например, всегда плачут, а траур по смерти начинают с тоскливого крика «О-о!». Ведь только искренний голос может растревожить чувства. Если сдерживать и подавлять свои душевные порывы, они скапливаются и не находят себе выхода. Вот почему такой человек, как Цзя Шэн, не получив достойного места, не сдержался и вдруг разразился рыданиями перед наложницей. Как тут не поразиться?

— И здесь у нас найдется довольно много мест, где можно порыдать в голос, — заметил Чон, — я бы поголосил вместе с вами, только вот не знаю, которое из семи чувств тут подойдет?

— Спросите у новорожденного, — продолжал я. — Что тревожит чувства только родившегося ребенка? Он видит сперва солнце и луну, потом отца и мать, родню, и это, конечно, его радует. Сумеет человек сохранить такие ощущения до старости — не будет у него причин для печали и гнева, на все он отзовется только смехом и радостью. У других же реакция иная — лишь невыносимые страдания и яростный гнев. В таких случаях говорят, будто люди делятся на святых и заурядных. Но ведь в конце концов и те и другие умирают, а пока живут, всем достается много страданий. Ребенок сожалеет о своем рождении, поэтому он сразу начинает плакать. Это проявление его естественных чувств. Во чреве матери младенец заперт в тесноте и мраке! И вот однажды утром он вырывается на простор, вытягивает ручки, распрямляет ножки — и на душе у него раздолье. Как же ему не закричать от всего сердца? Вот потому-то новорожденный плачет искренне. У нас же говорят: закричишь от

восторга, когда взойдешь на вершину горы Поробон и откроется перед тобой Восточное море или же если случится тебе пройти по золотому песку Чаньёна. Нынче мы прошли тысячу двести ли, увидели природу Ляодуна, добрались до Шаньхайгуаня, где небо словно приклеено, будто пришито к краю земли и, как в стародавние времена, синеют дождевые тучи. Вот где можно заорать от всей души!

К полудню стало очень жарко. Верхом на конях мы быстро миновали Гаолицунь и Амичжуан, и тут наши пути разделились. Мы вместе с Чо Тальдоном, Пён Гуном, Нэвоном, Чоном и слугой Ли Ханнёном вошли в древний Ляоян. Он был во много раз роскошнее и богаче Фэнчэна, поэтому я написал о нем отдельно в очерке «Древний Ляоян».

Выйдя через Западные ворота, я увидел Белую ступу. Искусность и величественность всего сооружения так гармонировала с природой Ляодуна, что я написал о ней отдельный очерк «Белая ступа».

9-й день (день дерева и птицы). С самого утра стоит невыносимая жара. Я воспользовался рассветной прохладой и выехал раньше других. Проехав Чжанцзятай и Саньдаоба, я отобедал в Ланьнибао.

С тех пор, как мы ступили на Ляодунскую землю, деревни шли одна за другой. Дорога была широкая, в несколько сотен шагов, а по обеим ее сторонам росли плакучие ивы. Дома в деревнях стояли так близко друг к другу, что лужи у ворот не успевали просохнуть, и вот повсюду сами собой образовались целые пруды, а в них плавало множество уток и гусей, которых держали в домах. Деревенские домики на берегу казались глядящими в воду башнями и павильонами, опоясанными красными перилами и лазоревыми оградами. Эта картина невольно напомнила мне воспетые в поэзии реки и озера.

Наш военный караул всегда шел на несколько ли впереди. Я в дороге пользовался свободой и уходил вместе с лучниками на рассвете, когда было еще прохладно. Не успеет ли пройти десяток ли, как встречаемся с нашим передовым отрядом. Едем бок о бок, перекидываясь шутками. Так было каждый день. Всякий раз, как подъедем к деревне, приказываем караульным играть на дудочках. Все четверо враз начинают дудеть, и тут же из всех домов выскакивают женщины, становятся у ворот и глазят. Старые и молодые — все нарядные, украшенные цветами, с серьгами, напудренные и нарумяненные. Во рту у них трубки, а в руках держат подметки для сапог, которые они тут же простегивают иглками с длинными нитками. Женщины стоят целой толпой, показывают на нас пальцами и кокетливо смеются. Я впервые увидел китайнок. У них были бинтованные ноги в треугольных башмачках, но на вид они не так красивы,

как маньчжурки. Маньчжурки — те все красавицы, как говорится, лицо — цветок, облик — луна.

Миновали Ваньбаоцзяо, Яньтайхэ и Шаньяопу, а на ночь остановились в Шилихэ. В этот день прошли пятьдесят ли.

Чиновники и толмачи, сидя верхом на конях, отмечали для себя каждую встречную женщину, будь то маньчжурка или китаянка, но если женщина была с мужчиной, обсуждать ее не решались. Законы здесь строгие. Эта игра называлась «с женщиной на языке».

В дальних переходах коротали время, загадывая загадки, то бранясь, то перекидываясь шутками.

На следующий день мы вошли в город Шэньян.

Перевод А. Троцевич.

Отповедь тигра

Тигр — великолепен! Он талантлив и остроумен, он всесторонне образован и великодушен, он мудр, он почитителен к родителям, он быстр и ловок, он силен и отважен. Кажется, нет в Поднебесной ему соперника. Правда, говорят, что чудовища фэйвэй, чжунью, бо, цзыбай и пятицветный лев, который живет в расщелине скалы Цзюйму, убивают и пожирают тигра. Хуаньяо выгрызает у тигра и леопарда сердце, а бескостный хуа — едва они проглотят его — изгрызает им печенку. Цюэр разрывает тигра на куски и пожирает его, а когда тигр попадается мэньюну, он закрывает глаза от страха и не осмеливается даже посмотреть на него. Человек же не боится мэньюна, а тигра — боится. Как страшен тигр!

Если тигр съедает собаку, то он пьянеет, а съест человека — обретает необычайные способности. Дух первого съеденного тигром человека называется «цюйгэ» и постоянно пребывает у тигра под мышками. Проведет цюйгэ тигра на кухню человеческого жилья и полижет ушко котла. Тотчас хозяин начинает чувствовать острый голод и посылает жену готовить ужин. А тигру — только того и надо! Дух второго съеденного тигром человека зовется «иу». Он поселяется в пасти тигра. Поднимется иу на высокое место и смотрит, нет ли впереди какой-нибудь ловушки или капкана. А заметит что-нибудь подобное — идет вперед и убирает все с дороги тигра. Духа третьего съеденного тигром человека называют «юйхунем». Место его — под нижней челюстью тигра, и он обычно сообщает тигру имена своих друзей-приятелей...

— Солнце уже садится, — строго сказал однажды тигр этим духам, — надо бы поужинать!

— Я кое-что заметил, — ответил цюйгэ. — У зверя этого нет ни рогов, ни шерсти. Голова у него черная, походка нелепая: на снегу он оставляет редкие следы. И хвост у него находится не сзади, а на затылке!

— У Восточных ворот есть чем полакомиться, — вслед за цюйгэ сказал иу. — Это блюдо называется «лекарь». Лекарь постоянно пробует разные травы, и поэтому мясо его ароматно. Есть подходящая еда и у Западных ворот. Она называется «шаманкой». Шаманка, чтобы задобрить разных духов, каждый день совершает омовения и воздерживается от мясной пищи. Может быть, соизволите откусать одно из этих блюд?

— Лекарь вряд ли съедобен, — сердито прорычал тигр, встопорщив усы. — Своими сомнительными снадобьями он каждый год губит тысячи человеческих жизней. А шаманка — одна морока. При помощи духов она задушивает головы тысячам людей и приносит им огромный вред. Ненависть людская вошла в самые кости обоих этих негодяев и превратилась в смертельную отраву «цзиньцань». Разве можно есть таких ядовитых гадов?

— В недалекой роще водится чудесное животное, — вступил тогда в разговор юйхунь. — Печенка у него добрая, желчный пузырь — не беспокойный. Оно крепко держит в руках верноподданность и наштиговано твердыми убеждениями. В голове его одна элегантность, а в ногах его — одни церемонии. Из рта его льются заученные писания, и в сердце его нет неведомых законов. Называется это животное — «высоконравственный и многоученый конфуцианец». Спина у него покатая, тело пухлое и содержит в себе все вкусы — сладкий, кислый, горький, соленый и вяжущий. Вот, право, отличный ужин!

Как только тигр услышал это, у него задрожали брови и обильно потекли слюнки. Он поднял голову и со смехом сказал:

— Я уже слышал об этой дичине. Да только верно ли, что она хороша на вкус?

Тут духи наперебой принялись расхваливать животное: только истый конфуцианец точно знает, как ян и инь в совокупности образуют дао; только он постиг, как порождают друг друга пять первоэлементов и как взаимодействуют шесть начал природы. Да разве есть в мире деликатес более изысканный?! Но тигр вдруг помрачнел и неодобрительно сказал:

— Силы ян и инь едины по своей природе, они то растут, то убывают. Конфуцианец же противопоставляет их друг другу. А раз так — мясо этого субъекта должно иметь дурной привкус. Нельзя, конечно, утверждать и то,

что пять первоэлементов, которые существуют сами по себе, порождают друг друга, что они находятся в материнско-дочерних отношениях и имеют либо соленый, либо кислый вкус. Такое утверждение, безусловно, портит мясо конфуцианца. Шесть начал природы находятся в естественном круговращении, и никто не может сказать, что он управляет ими. А конфуцианец, помимо всего прочего, хвастается и этим, когда придется. Оттого наверняка мясо у него жилистое, жесткое и вряд ли хорошо переваривается!

...Жил в столице царства Чжэн один ученый человек, презиравший мирскую славу. Звали его — господин Бэйго. К сорока годам он собственноручно исправил чуть ли не десять тысяч цзюаней чужих сочинений и сам написал чуть ли не пятнадцать тысяч, в которых толковал старинные книги. Сын Неба поражался чувству долга господина Бэйго, удельные правители с почтением произносили его имя. А в восточной части столицы жила красивая молодая вдова, которую звали Дунли. Сын Неба поражался ее целомудрию, удельные правители почитали ее за добродетели. Поэтому вдове Дунли была пожалована вся округа в несколько ли, где она жила. Дунли строго блюла верность покойному мужу, однако у нее было пятеро сыновей, носивших разные фамилии.

Однажды собрались все пятеро ее отроков и так говорили между собой:

— В деревне на том берегу реки петухи бьют крыльями. Над деревней, что под горой, уж поблескивают утренние звезды. А в женской половине нашего дома раздаются голоса. И один из них очень уж похож на голос господина Бэйго! — И пять братьев поочередно заглянули в дверную щель. (И действительно, там оказался не кто иной, как Бэйго.)

— С давних пор, — просительно говорила Дунли, обращаясь к Бэйго, — я почитаю господина за добродетели. А нынче ночью хотела бы послушать его стихи. Пожалуйста, очень прошу вас!

Господин Бэйго поправил ворот одежды, сел, скрестив ноги, и произнес:

Ночь глубокая пала,
горят светлячки во мраке.
На ширме селезень с уткой —
это мы с тобою в браке!

А вот стоят перед нами
винный кувшин и чара.

Кто же они такие,
что же это за пара?

— По правилам этикета, — зашептались братья, — посторонний мужчина ни в коем случае не должен входить даже в ворота вдовьего дома. А ведь господин Бэйго — человек в высшей степени почтенный!

— Я слышал, — сказал один из братьев, — что в развалинах городских ворот есть лисья нора. Говорят, что если лиса проживет тысячу лет, то она обретает магические свойства и может превращаться в человека. Разве это не лиса приняла облик господина Бэйго?

— Рассказывают, — продолжали шептаться братья, — что если достанешь шляпу лисы, то сделаешься большим богачом. Заполучишь ее обувь — будешь ходить средь бела дня и люди тебя не увидят. А уж если раздобудешь хвост лисы, то сможешь легко околдовывать людей. Давайте схватим лису и поделим все эти чудесные вещи между собой. Вот будет здорово!

И тут пятеро сыновей — все скопом — неожиданно ворвались в покои Дунли. Господин Бэйго смертельно перепугался. Он хотел было просто сбежать, но, боясь, что люди узнают его, затопал ногами, закружился в безумной пляске и принялся бесовски хохотать! С трудом вырвавшись за ворота, он со всех ног бросился наутек, но вдруг провалился в выгребную яму, что была вырыта в поле. А когда он еле-еле выбрался из этой ямы, до краев наполненной жидким навозом, увидел — дорогу ему загородил тигр! Морда у тигра перекосилась, и его стошнило. Зажав нос лапой и отворачивая морду, он с отвращением прорычал:

— Ух, ученый, как от тебя воняет!

Господин Бэйго от ужаса втянул голову в плечи. Стоя на коленях, он трижды поклонился тигру и, только тогда подняв голову, поспешно затараторил:

— Господин тигр! Ваша добродетель столь велика, что словами о ней и не скажешь. Великие люди подражают вашим многообразным талантам, императоры учатся у вас поступи, дети следуют вашему примеру в почтительности к родителям, а полководцы, ведущие войны, хотят быть грозными, как вы. Ваше имя равно имени священного дракона: один из вас ведает ветром, другой — облаками. И я, ничтожный человечек, осмеливаюсь просить вас: позвольте мне служить вашему величеству!

— Не подходи ко мне! — с бранью прорычал тигр. — Я еще раньше слышал, что так называемые ученые — все подлецы. Выходит, что это

правда. Обычно ты поносишь меня самыми отборными ругательствами. А сейчас, когда ты попал в опасное положение, раболепствуешь от страха. Но кто поверит твоим словам? В мире существует только одна правда. Если у тигра плохой характер, то и у человека плохой. Если же у человека добрый характер, то у тигра — тем более. То, о чем ты всегда так многословно бубнишь, не выходит за пределы пяти устоев и трех нравственных начал. И хотя ты призываешь людей следовать им, в многолюдном городе полно негодяев, нарушивших эти устои, — с изуродованными ступнями ног, с клеймами на лицах. Изо дня в день тушь и орудия пыток не выходят из употребления, и не похоже, что наступит время, когда этот изуверский человеческий обычай будет отменен.

У тигров никогда таких казней не было. Разве тигры не добрее людей? Тигры не едят травы, плодов и листьев, не едят насекомых и рыбу, не любят дурманящего хмельного зелья, не трогают стельных животных. В горах они охотятся на косуль и оленей, а спускаясь в долины — на коров и лошадей. Для своего пропитания тигры не зарятся на чужое добро и не таскаются по судам. Разве тигры не более нравственны, чем люди? Пока тигр охотится на косуль и оленей, вы, негодяи, и звука не пророните. Но стоит нам только один раз задрать лошадь или корову, как вы сразу же объявляете нас разбойниками. Почему? Да потому, что вы не ждете выгоды от косуль и оленей, а коровы и лошади на каждом шагу приносят вам пользу. Изо всех сил они работают на вас так, что кости трещат. И как искренне привязаны они к своему хозяину! А вы этого даже не замечаете. Вы безжалостно загоняете их на бойню, убиваете и разделываете так, что от них не остается ни рогов, ни гривы!

Но вам и этого мало. Вы протягиваете свои жадные руки к оленям и косулям, которые служат единственной пищей нам, тиграм. И мы, не имея возможности наполнить желудок в горах, вынуждены в поисках пищи спускаться в долины. Если бы попросить Небо рассудить нас по справедливости, то разве не повелело бы оно тиграм поедать людей? Разве, скажешь, нет? Тот, кто берет чужую вещь, — вор, а тот, кто губит чужую жизнь, — кровавый разбойник. Днем и ночью вы лихорадочно мечетесь по земле, размахивая руками и свирепо выпучив глазища. Вы хватаете все, что попадает под руку, и тащите к себе в дом без зазрения совести. Да ведь только самые отпетые негодяи способны величать деньги своим «старшим братом Кунфаном»! А один из вас, чтобы стать полководцем, убил даже свою собственную жену! [{107}](#) С такими мерзавцами о пяти устоях и трех началах и говорить-то нечего!

Но вам и этого еще мало. Вы тащите прямо из-под носа пищу у

кузнечиков, отбираете одежду у шелковичных червей, сгоняете пчелиный рой и воруете его мед. А самые отвратительные из вас кладут муравьиные яйца в яства и, поминая своих отцов и дедов, пожирают муравьиных детей. Разве есть в мире существа более злобные и жестокие, чем вы? Не считаясь с разумными законами мира, вы возвеличили человека и, чуть что, ссылаетесь на Небо. А для Неба, если говорить по справедливости, что тигр, что человек — равны. Все живые существа неба и земли — и тигры, и кузнечики, и шелковичные черви, и пчелы, и муравьи, и люди — должны жить дружно и не нападать друг на друга. Если различать добро и зло, то негодяй, разрушающий средь бела дня жилища пчел и муравьев, не есть разве самый настоящий разбойник? А мерзавец, бессовестно грабящий кузнечика и шелковичного червя, не есть разве бандит, лишенный чувства справедливости?!

Тигр не убивает леопарда, потому что невозможно трогать своих сородичей. Да и козлов и оленей, лошадей и коров, и даже людей тигры убивают не так много, как сами люди. В прошлом году в провинции Шаньси во время сильной засухи люди убили и съели десятки тысяч себе подобных. Несколько лет тому назад в провинции Шаньдун во время наводнения также было съедено несколько десятков тысяч людей. Но если уж говорить о том, что люди убивают друг друга, то разве может что-нибудь сравниться с эпохой «Весен и Осеней»? Тогда люди вели семнадцать войн «за правду» и тридцать — «для отмщения врагу». Текли реки крови длиной в тысячи ли и громоздились горы из сотен тысяч трупов! А для тигров не существует ни наводнений, ни засухи, поэтому они не поклоняются Небу. Они не помнят ни врагов, ни благодетелей, в мире нет никого, кто был бы им ненавистен. Они живут так, как постановило Небо, согласно своей природе. Они довольны своей судьбой, у них нет даже повода стать жертвами шаманов или врачей, и они не могут заразиться алчностью, царящей в мире людей.

Ведь недаром говорят, что тигры отважны и справедливы. Если даже взять только один кусочек полосатой шкуры тигра, то разве нельзя гордиться ее красивейшим в мире узором? Тигры не пользуются никаким оружием, кроме своих клыков и когтей, но они широко прославились воинским умением. В старину тигры изображались на самой различной посуде: так люди ценили их почтительность к родителям. Тигры никогда не съедают свою добычу одни, они всегда делятся ее остатками с воронами, ястребами и муравьями. Не пересказать словами всей душевной доброты тигров. Они щадят невинно оклеветанных, не трогают больных и калек, не нападают на тех, кто одет в траур.

А люди — поистине жестоки! Вы, негодяи, убиваете и с жадностью пожираете тигров и других животных. Мало вам силков и волчьих ям, так вы еще изобрели тенета для птиц, сети для косуль, всевозможные другие сети — и с большими ячейками, и с малыми, разные бредни и невода. Каким мерзавцем был тот, кто первым связал сеть! А разве нет у вас, кроме того, мечей, кинжалов, длинных и коротких копий, больших и малых топоров, железных молотов, железных дубинок и палок? А уж если раз бабахнет так называемая пушка, то от ее грохота обрушиваются горы, и сноп огня, вырывающийся из ее жерла, — пострашнее молнии! Но вам и этого всего мало. Вы изготовили еще одно страшное оружие — тоненькую палочку с приклеенным клочком мягкой шерсти, напоминающим финиковое зернышко, длиной не более одного чхи. Когда вы обмакиваете ее в тушь и начинаете махать ею вдоль и поперек — на бумаге возникают отвратительные фигуры, похожие то на кривые копья с крючками, то на острые ножи и мечи, то на трезубцы, то на прямые стрелы, то на изогнутые луки. От одного взмаха этого ужасного оружия даже сонмы духов начинают выть по ночам от страха. Ну скажи, есть ли на свете существа, которые пожирали бы друг друга с такой беспощадностью, как твои мерзкие собратья?!

Господин Бэйго пошевелился, совсем уткнулся носом в землю и медлил с ответом. Потом он дважды поклонился и, втянув голову в плечи, сказал:

— В старинных книгах написано, что если человек — даже самый дурной! — совершает омовения и соблюдает пост, то Небо его не оставит. Осмеливаюсь просить позволить мне, ничтожному человечку, почтительно служить вашему величеству!

Затаив дыхание, Бэйго прислушался, но никакого приказа не последовало. Трепеща от страха, он сцепил руки, еще глубже втянул голову в плечи и наконец поднял глаза. Видит — небо на востоке уже посветлело, а тигр исчез.

Какой-то крестьянин, вышедший рано утром на работу в поле, увидя господина Бэйго, спросил:

— Господин! Почему это вы в такую рань кланяетесь в поле?

— Слышал я, — ответил господин Бэйго, — говорят так: как бы ни было высоко небо, ходить под ним нужно пригнувшись; как бы ни была тверда земля, ступать по ней нужно на цыпочках!

Перевод Д. Елисеева.

Истории, рассказанные вечером в Юйся

Возвратившись в Юйся, я и мои спутники расположились на постоялом дворе. Вечером мы собрались все вместе, уселись в кружок и начали по очереди рассказывать всякие удивительные истории.

Вот история первая.

«Некогда жители Пекина были простодушны и доверчивы: какому-нибудь мелкому корейскому чиновнику Палаты переводов могли по первому его слову дать в долг крупную сумму денег. Потом кое-кто стал употреблять во зло их доверчивость — и в этом немалая вина наших соотечественников.

Лет тридцать назад приехал в Пекин один такой чиновник. Никакой поклажи, никаких денег у него с собой не было. Через несколько дней он появился на постоялом дворе весь в слезах. Хозяин участливо осведомился, что с ним стряслось. Чиновник заголосил:

— Мне было поручено перевезти через границу казенное серебро — сегодня я обнаружил, что его украли. Пропали и мои собственные сбережения. Теперь я нищий. Жить мне больше невозможно, лучше здесь и умереть!

Он выхватил нож и хотел лишить себя жизни. Хозяин в испуге бросился к нему, отобрал нож.

— Сколько же у вас украли?

— Три тысячи лянов.

Хозяин проникся к нему жалостью.

— А вы подумали, что станет с вашей женой и детьми, когда вас предадут земле? Деньги пропали — невелика беда, глава семьи пропадет — вот это настоящая беда! Я дам вам денег. На пять лет вам хватит, а за это время вы приумножите их и вернете мне долг.

Чиновник взял у него деньги, закупил разных товаров и уехал на родину. Никто об этих деньгах не знал, все решили, что он просто получил вознаграждение за службу.

Прошло пять лет. Чиновник оставил Палату переводов, занялся торговлей, нажил большое состояние. В Пекин он больше не ездил.

Однажды приятель новоявленного богатея собрался по каким-то делам в китайскую столицу. Провожая его, богатея сказал:

— Если на постоялом дворе хозяин спросит тебя обо мне, ответь: помер, мол, от заразной болезни — и сам, и вся его семья.

Приятель опешил, даже в лице переменился. Богатей продолжал:

— Если исполнишь мою просьбу, я дам тебе сто лянов.

Приятель уехал в Пекин и поселился на том же самом постоялом дворе. Хозяин спросил его о чиновнике, и приятель ответил так, как его научили. Услышав ответ, хозяин закрыл лицо руками, заплакал и воскликнул:

— О Небо! За что ты покарало хорошего человека?

Повздыхав, он протянул приятелю богатея сто лянов.

— Все, как один, погибли — некому и помянуть их. Вот вам сто лянов. На пятьдесят купите и вышлите мне корейских товаров, а остальные пятьдесят истратьте на жертвоприношения в память вашего друга: да упокоится душа его в мире ином!

Приятелю пришлось взять деньги: солгав однажды, он вынужден был лгать и дальше.

На родине его ожидала ошеломляющая новость: бывший чиновник, его жена и дети заразились оспой и скончались в мучениях. Он был потрясен. На все те деньги, которые дал ему хозяин постоялого двора, он купил товаров и отправил их в Пекин. Сам он до конца жизни туда уже не ездил: ему не вынести было бы новой встречи с сердобольным пекинцем...»

— Помнится мне, — сказал один из слушателей, — действительно, служил в Палате переводов некий Ли, и был он на хорошем счету, сорок лет подряд ездил с поручениями в Пекин. Но только ни в каких махинациях с серебром он замешан не был и в долг ни у кого не брал. Все знали его как честного человека.

Мы стали слушать вторую историю.

«В эпоху Мин, в годы девиза Вань-ли, служил в Палате переводов высокий чиновник Хон Сунъон, родом из уезда Тансон. Однажды, когда приехал он в Пекин, родилось у него желание провести ночь в Веселом доме. А надо сказать, что цены там были не каждому по карману, и чем смазливее девица, тем дороже она стоила. Он велел привести самую красивую — за тысячу золотых. И вот вышла к нему девушка лет шестнадцати, необыкновенная красавица. Села она напротив Хона и заплакала. И сквозь слезы рассказала о себе:

— Мне казалось, никто из мужчин не даст за меня тысячу золотых и я останусь чистой — потому и назначила за себя такую плату. Сначала думала я пробыть здесь дня два-три, обмануть хозяйку и сбежать. Потом

мечтала: вот явится какой-нибудь благородный человек, полюбит меня и выкупит из этого заведения. Но прошло пять дней — никто за мной не пришел, никто не предложил мне тысячу золотых. Сегодня наконец судьба улыбнулась мне: пришли вы. Но вы чужеземец, вам не разрешат увезти меня с собой: имя мое запятнано, его никакими водами не отмыть.

Хон проникся жалостью к девушке и спросил, как она оказалась в Веселом доме. Утерев слезы, девушка ответила:

— Отец мой служил в Нанкине помощником начальника Податной палаты. Его обвинили в краже и бросили в тюрьму. И тогда я продала себя в это заведение, чтобы заплатить за него и спасти его от смерти.

Признание девушки потрясло Хона.

— Никогда в жизни не слышал ничего подобного! Я непременно вызволю тебя отсюда. Сколько нужно денег?

— Две тысячи лянов.

Хон тут же отсчитал ей деньги и стал прощаться. Девушка долго кланялась ему, называла вторым отцом. В тот же день Хон уехал на родину. Вскоре он и думать о ней забыл.

Когда он снова приехал в Китай, его поразило обилие людей на улицах, кричащих: «К нам едет Хон Суньон!» В Пекине на главной улице, на правой ее стороне, увидел он великолепный павильон — из него выходит человек и со словами: «Господин Хон, начальник Военной палаты почтенный Ши ждет вас» — приглашает его войти. На ступенях павильона его встречает сам вельможа Ши, кланяется и говорит:

— Добро пожаловать. Ваша дочь давно ждет вас.

Он берет Хона за руку и ведет его во внутренние покои, на женскую половину. Там его встречает низким поклоном женщина в роскошном одеянии — супруга начальника Военной палаты. Хон растерялся, ничего не понимает. Вельможа Ши улыбается.

— Вы уже забыли свою названую дочь?

И только в эту минуту Хон осознал: перед ним — та самая девушка из Веселого дома! Обретя свободу благодаря ему, она, как оказалось, вскоре стала женой вельможи Ши, который сразу оценил ее высокие достоинства. Теперь она — важная дама, однако по-прежнему сама ткет шелк и вышивает на нем иероглифы «дар» и «благодарность». При прощании она подарила Хону на память шелк с такой вышивкой, а также других шелков и золота без счета.

Несколько лет спустя в Корее началась Имчжинская война. Вельможа Ши усиленно добивался отправить в Корею китайские войска: он очень уважал жителей этой страны».

Мы стали слушать третью историю.

«Жил в Пекине торговец Чжэн Шитай. Он слыл первым в городе богачом и водил дружбу с корейскими купцами. Когда он умер, дом его остался бесхозным: был у Чжэна внук, писанный красавчик, но он еще отроком подался в актеры. Вскоре после смерти Чжэна в Пекин приехал из Кореи Лим Ка — когда-то Лим был у него управляющим, а теперь сам стал известным купцом. В театре Лим Ка увидел красивого юношу и проникся к нему жалостью. Когда же он узнал, что это внук Чжэн Шитая, он обнял его, и они оба прослезились. За тысячу золотых Лим выкупил юношу из театра^[108], привез его в дом деда и сказал людям:

— Примите его как хозяина и не корите актерским прошлым!

Когда юноша повзрослел, Лим выделил ему половину своего состояния. Через несколько лет он превратился в холеного, пышнотелого красавца. Он ничего не делал, только пускал воздушных змеев и гулял по городу».

Здесьние торговцы рассказывали мне, что в прежние времена, получая из Пекина заказанные товары, они никогда не вскрывали упаковку, а лишь сверяли бумаги, после чего сразу везли товар в лавку — и все обходилось без недоразумений. Однажды некто заказал партию белых меховых шапок. Получил свой заказ, привез домой, распаковал — а там траурные белые шляпы! Видимо, отправитель что-то напутал — и теперь он должен нести убытки! Как он ругал себя за легковёрность! Однако беда его неожиданно обернулась удачей: в тот год Быка дважды объявлялся государственный траур, и он с лихвой вернул истраченные деньги. С тех пор торговцы дотошно проверяют заказы, прежде чем выкупить их.

Мы стали слушать очередную историю.

«Пён Сынъоп давал ремесленникам и торговцам деньги в рост и получал изрядный прибыль. Однажды он занемог и решил на всякий случай проверить свои счетные книги, чтобы узнать, сколько у него наличных денег. Оказалось — пятьсот тысяч лянов серебром. Сын говорит ему:

— Если это серебро пустить в дело, его трудно будет вернуть: должники, прослышав о вашей болезни, станут тянуть время — и деньги пропадут. Лучше оставить их у себя.

Пён не на шутку рассердился.

— Деньги — животворная сила. Отказать в деньгах тысячам жителей

Сеула — все равно что перерезать им жилы!

И он велел тотчас раздать серебро всем просителям.

Когда Пён состарился, он созвал детей своих и внуков и сказал им:

— Многих деловых людей знавал я. Были среди них и такие, кто думал не столько о державе, сколько о себе: складывал деньги в сундук, вместо того чтобы пускать их в оборот. Все они в конце концов разорились. Наш род всегда почитался властями благонадежным, ибо своим богатством мы приумножали богатство державы. Завещаю вам: не копите деньги, раздавайте их людям — иначе жизнь в стране зачахнет!

Потомки Пён Сынъопа процветают и поныне — и лишь потому, что еще при жизни он роздал все свое состояние».

Я тоже рассказал одну историю. В свое время мне поведал ее Юн Ён, она проливает свет на происхождение богатства Пён Сынъопа. Оказывается, дед Сынъопа имел довольно скромное состояние — каких-нибудь два-три десятка тысяч лян. Но однажды он получил от книгочая Хо сто тысяч лян серебра и сразу стал первым в стране богачом. Сынъопу досталась в наследство лишь небольшая часть этих денег. Похоже, дед Сынъопа знал какой-то секрет — точно так же, как и сам книгочей Хо. Об этом Хо почти никто ничего не слышал — он не любил распространяться о себе. Вот эта история, записанная мной со слов Юн Ёна.

«Книгочей Хо жил в Тихой долине у подножия Южной горы — его лачуга под соломенной крышей, пронизываемая всеми ветрами и дождями, ютилась напротив старой шелковицы возле колодца. Сам он день и ночь читал книги, жена шила на чужих людей — ее скудным заработком они и кормились. Однажды, когда в доме не нашлось уже ни зернышка риса, жена залилась горькими слезами и проговорила в отчаянии:

— Хоть бы раз попытались вы сдать экзамен на должность и выйти в люди — для чего читаете свои книжки?

— Я еще не все науки одолел, — виновато улыбнулся Хо.

— Занялись бы каким-нибудь ремеслом!

— Не могу: я ведь не обучен ремеслу.

— Откройте торговлю!

— Не могу: у меня нет денег, чтобы купить товары.

И тогда жена не выдержала.

— Всю жизнь корпел над книгами, а выучился одному «не могу»! Ну, коли ни ремесло, ни торговля вам не под силу, придется идти воровать —

иначе оба мы ноги протянем!

Что оставалось книгочею? Он закрыл книгу, встал и сказал со вздохом:

— Жаль, не доучился я. Мечтал посвятить наукам десять лет, а прошло только семь.

Он вышел из дома и отправился в Сеул. Знакомых у него в городе не было, поэтому, потоптавшись на Колокольной улице, решил он обратиться к тамошним торговцам.

— Послушайте, почтенные, кто у нас в столице первый богач?

Ему назвали имя Пёна. Он разыскал этого Пёна — а это и был дед Пён Сыньопа, — вежливо поклонился ему и заявил без обиняков:

— Я беден, но хочу заняться каким-либо делом. Дайте мне в долг десять тысяч лян.

— Извольте, — ответил Пён и тут же отсчитал ему все десять тысяч.

Хо взял деньги и, не обронив ни слова благодарности, повернулся и вышел. Домочадцы и гости богача поначалу приняли его за нищего. И немудрено: на голове у него мятая шляпа, на ногах — туфли со стоптанными задниками, халат испачкан сажей, пояс с оборванными кистями, из носа течет. Когда он ушел, они окружили Пёна.

— Вы знаете этого человека?

— Никогда не встречал раньше, — пожал плечами богач.

— Как же вы доверили первому встречному, не спросив у него имени и чина, целое состояние?

— Вам этого не понять, — ответил Пён. — Обычно, когда человек просит чего-либо, он из кожи вон лезет, стараясь внушить к себе доверие, и оттого робеет и конфузится, сбивается с пятого на десятое или бубнит одно и то же. А этот хоть и ходит в обносках, изъясняется кратко, глаза не прячет, денег просит без тени смущения. Сразу видно: деньги он презирает, у него на уме совсем другое. Сдается мне, задумал он грандиозное дело. Вот я и войду в долю. Конечно, можно было бы и не давать ему денег, но раз уж я решил дать, то не к чему спрашивать, как его зовут.

Обзаведясь деньгами, Хо не стал заезжать домой, а направился на юг, в город Ансон, что на стыке провинций Кёнги и Чхунчхон, на перепутье дорог, соединяющих провинции Чхунчхон, Чолла и Кёнсан. Он поселился в этом городе и за короткое время скупил по двойной цене все финики, каштаны, хурму, груши, гранаты и апельсины. Жители всполошились: ни тебе пир устроить, ни тебе поминки справить. И вот уже те самые торговцы, что содрали с Хо двойную цену за фрукты, умоляют его продать

им их же товар в десять раз дороже! Распродав все свои запасы, Хо усмехнулся невесело:

— Ну и страна у нас: один человек с десятью тысячами в мошне может разладить все хозяйство!

Прежде всего он накопил самых ходовых товаров: ножей, мотыг, холстов, шелков, ваты. Затем переправился на остров Чечжу и скупил там у шляпников весь запас конского волоса.

— Скоро людям нечем будет прикрыть голову — и они раскошелятся!

И действительно: цена на шляпы подскочила почти в десять раз. Хо нажил не одну тысячу лянов.

Как-то вышел Хо на берег моря и повстречал там бывшего моряка.

— Не знаешь ли ты, старина, какого-нибудь необитаемого острова в океане, где могли бы поселиться люди?

Моряк задумался ненадолго.

— Есть такой остров. Помню, налетел с запада шторм и трое суток гнал мою посудину по волнам, пока не прибил к безлюдной земле где-то между островами Шамынь и Нагасаки. Там горы покрыты цветами, на деревьях тьма-тьмуца всяких плодов, по лугам бегает стада диких оленей, а в ручьях играет непуганая рыба.

Хо потер руки.

— Это то, что мне нужно! Если ты, старина, отвезешь меня туда, я тебя внакладе не оставлю.

Моряк согласился. Они дождались попутного ветра и поплыли на юго-восток. Прибыв на остров, Хо взобрался на самую высокую гору и оглядел все окрест.

— Невелика земля — и тысячи ли не будет в округности. Но почва здесь тучная, вода сладкая — можно строить усадьбы и заводить хозяйство!

— Да ведь остров-то безлюдный — с кем вы собираетесь вести хозяйство? — недоумевает старый моряк.

— Была бы добрая мысль — а люди найдутся, — спокойно ответил Хо.

В те годы в глухих горах Пёнсан скрывалась шайка разбойников. Окружные и уездные власти не раз посылали войско, дабы переловить их всех, но затеи эти успеха не имели. И все же разбойникам приходилось несладко: спуститься с гор они не решались, добычи не было, оставалось щелкать зубами да ждать смертного часа. Хо сумел проникнуть в пещеру к вожаку шайки и завязал с ним такой разговор:

— Если бы вы добыли, скажем, тысячу лянов — по сколько пришлось

бы на брата?

— Да, пожалуй, по одному, не больше.

— Жены у вас есть?

— Нет.

— А зерно вы сеете?

Вожак и его собратья расхохотались.

— Да имей мы жен и землю, разве стали бы промышлять разбоем?

Хо озадаченно почесал затылок.

— Значит, каждому из вас надо жениться, отстроить дом, купить вола и пахать землю — и заживете вы счастливой семейной жизнью, и никто не станет пугать вами детей. Пейте и ешьте тогда вволю, ступайте, куда хотите, — ни один солдат вас не сцапает. Плохо вам будет?

Вожак вздохнул сокрушенно.

— Кто ж говорит, что плохо? Только на какие шиши дом строить, вола заводить, зерно закупать?

— Выходит, разбоем вы богатства себе не добыли, — усмехнулся Хо. — Ладно, я дам вам денег. Приходите завтра к морю — там увидите корабли под алыми флагами. Все они гружены деньгами. Берите каждый, сколько душа пожелает.

Так сказал Хо жожаку — и удалился. Долго смеялись разбойники, приняв его за помешанного. Однако на следующий день, снедаемые любопытством, спустились-таки к берегу моря. Хо уже поджидал их. Он указал им на причаленные корабли и объявил: в трюмах кораблей — триста тысяч лянов. Разбойники остолбенели. Придя в себя, они разом

пали перед ним ниц.

— Отныне все мы — ваши слуги. Повелевайте нами, великодушный наш избавитель!

Хо повелевает:

— Пусть каждый возьмет столько денег, сколько может унести!

Разбойники ринулись к кораблям, разбежались по трюмам, принялись набивать деньгами мешки. Однако более ста лянов никто из них поднять на плечи не смог. И тогда Хо сказал им:

— Теперь вы видите сами: сил у вас — всего на сто лянов. Так стоит ли ради ста лянов рисковать головой? Знаю, вы хотели бы вернуться к мирной жизни. Но податься вам некуда: власти занесли ваши имена в списки злоумышленников, нигде не дадут вам приюта. Поэтому возьмите каждый свои сто лянов, подыщите себе невест, справьте свадьбы, купите волов и возвращайтесь сюда — я буду вас ждать.

Разбойники поклонились — и разошлись кто куда. В назначенный час они вернулись, исполнив все до одного наказа своего благодетеля. За это время Хо успел закупить съестных и прочих припасов с таким расчетом, чтобы их хватило на две тысячи человек в течение года. Он погрузил разбойников с их женами и пожитками, а также купленные для них припасы на корабли и велел плыть к необитаемому острову. В этот день жители страны впервые за много лет избавились от страха за свою жизнь и свое добро.

На острове бывшие разбойники сразу же взялись валить деревья и строить дома, плести ветви и сооружать ограды, разбивать участки и сеять зерно. Земли здесь были злчные, один стебель давал десять колосьев — урожай собрали на славу. Хо распорядился заложить трехлетний запас зерна в хранилища, а оставшееся зерно погрузить на корабли и везти на продажу в Нагасаки — большой японский город в триста десять тысяч дворов, пострадавший в тот год от неурожая. Выручив за зерно миллион лянов серебра, Хо вздохнул с облегчением.

— Ну, вот я и обрел то, к чему стремился!

Вернувшись на остров, он созвал всех его жителей, мужчин и женщин, и сказал им:

— Когда мы с вами впервые вступили на эту землю, я возмечтал обеспечить вам достаток, обучить всех вас грамоте и ремеслам. Но оказалось, что сил моих на это не хватит — и я решил покинуть вас. А вы оставайтесь здесь. Когда у вас родятся дети, учите их держать ложку правой рукой. И всегда уступайте первый кусок тем, кто старше вас хоть на один день. Вот и весь вам мой наказ.

Затем он сжег все, кроме одного, корабли.

— Пусть никто не уедет отсюда, пусть никто не приедет сюда!

После этого он отделил от своих денег пятьсот тысяч лянов и выбросил их в море.

— Кто-нибудь подберет их, когда высохнет море. В нашей стране миллион истратить не на что, а здесь, на острове, деньги не нужны!

Покидая остров, Хо увез с собой всех, кто умел читать и писать, дабы, как сказал он, искоренить рассадник благоглупостей на этом клочке земли. Вернувшись на родину, он объехал многие города и селения — и всюду, где он бывал, щедрой рукой раздавал деньги обездоленным и горемычным, сирым и убогим. И когда осталось у него сто тысяч лянов, он сказал себе:

— А теперь пришла пора вернуть долг ростовщику Пёну!

Он явился к Пёну и спросил его:

— Вы меня помните?

Пён поднял на него глаза — и обомлел.

— Это вы? Отчего же вы остались таким же тощим, ничуть не раздобрели? Выходит, плакали мои денежки?

Хо расхохотался.

— Добывать деньги, чтобы растить брюхо, — это ваш удел. Десять тысяч, конечно, немалые деньги, но только добродетели они мне действительно не прибавили!

Он покачал головой и продолжал:

— Когда-то я не вынес мук голода, бросил учение и пришел к вам, чтобы взять у вас в долг десять тысяч лянов. Возвращаю их вам с прибытком и прошу простить меня за задержку.

И с этими словами он вручил Пёну сто тысяч лянов. Ошеломленный ростовщик встал, отвесил ему низкий поклон и стал отказываться от денег, говоря, что он удовольствуется и меньшим барышом. Это разозлило Хо.

— Да вы никак принимаете меня за лавочника?!

Он повернулся круто и вышел на улицу. Пён незаметно последовал за ним и в конце концов пришел в Тихую долину, к убогой лачуге под Южной горой. Возле колодца старая женщина стирала белье. Он стал расспрашивать ее, кто живет в лачуге, и женщина рассказала ему:

— Жил здесь когда-то бедный ученый по фамилии Хо, день и ночь книжки свои читал. Лет пять назад ушел он из дома и больше не вернулся. Жена решила, что он помер, и теперь каждый год справляет по нем поминки.

Узнав фамилию своего должника, Пён вздохнул облегченно и отправился домой. На следующий день он пришел к Хо и стал упрашивать

его взять обратно сто тысяч лянгов. Хо отказался наотрез:

— Если бы я хотел разбогатеть, разве отдал бы свой миллион, чтобы остаться всего лишь со ста тысячами? Так и быть, соглашусь вот на что: деньги эти вы берете себе, а меня и мою семью кормите и одеваете до конца жизни. Больше мне от вас ничего не нужно, лишнее барахло только мешает жить.

Богач всячески пытался уломать Хо, но тот стоял на своем. И Пён сдался. С этого дня он принял на себя заботы о семье Хо, самолично доставлял ему пищу и одежду. Хо принимал все без единого слова. Иногда Пён приносил еды больше, чем было нужно, — это сердило Хо.

— Не вводите меня в искушение!

Зато когда Пён приносил вино, он непритворно радовался. Они усаживались за столик и подливали друг другу в чаши, пока хмель не начинал кружить им головы. Так продолжалось несколько лет. С каждым днем их дружба крепла. И однажды Пён как бы ненароком спросил:

— А как же вам удалось за короткий срок нажить целый миллион?

Хо ответил ему без утайки:

— Это очень просто. Наши корабли в чужеземные страны не ходят, наши волы тянут повозки только от одного села до другого. Поэтому все то, что выделывают или добывают в Корее, продают тоже в Корее. Скажем, есть у вас тысяча лянгов. Деньги невелики, много на них не купишь. Разделите эту тысячу на десять частей по сто лянгов и закупите десять разных товаров. Если хоть один из этих товаров вы сможете перевезти туда, где его нет совсем или где его мало, и там продать, то вы не только покроете убытки от остальных девяти, но еще и получите прибыль. Это самый легкий способ заработать деньги, им пользуются мелкие барышники. А вот на десять тысяч лянгов можно уже скупить весь какой-нибудь товар подчистую: закупайте его большими партиями по всем округам. Ну, например, что-либо из ремесленных поделок, или какую-нибудь рыбу, или какое-то лекарство. И когда весь такой товар окажется в ваших руках, вы можете назначать на него любую цену — торговцам некуда будет деваться, и они выложат вам свои денежки. Одно плохо: останется внакладе весь простой люд. Так что если какой-нибудь властитель воспользуется этим моим способом, народ в его стране будет обездолен.

И еще спросил Пён:

— А почему вы обратились за деньгами ко мне — с чего вы взяли, что я решусь ссудить вам десять тысяч лянгов?

— А вот это уже чистая случайность, — ответил Хо. — Эти деньги

дал бы мне любой толстосум. Я был уверен в себе, уверен в том, что сумею превратить эти десять тысяч в миллион, если, конечно, Небо ниспошлет мне удачу — ибо судьба человека в его воле. Я рассуждал так: если человек богат, значит, ему повезло когда-то, если такой человек поделится со мной своим богатством — значит, повезет и мне. Так и случилось. Вы дали мне десять тысяч — и ваше везение перешло ко мне. Если бы я пустил в дело собственные деньги, удачи могло и не быть.

Иногда их беседы касались и государственных дел. Однажды Пён завел такой разговор:

— Высшие сановники нашей страны ломают сейчас головы над тем, как избавить народ от нового маньчжурского нашествия{109}. По-моему, это должно тревожить и всех ученых. Почему же вы, человек одаренный недюжинным умом, сидите сложа руки в своей Тихой долине?

Хо ответил ему и на это:

— Таких, как я, всегда было немало. Например, Чо Сонги мог принять должность посланника и разъезжать в богатом халате по заморским краям, а он отказался от лестного предложения и до глубокой старости ходил в холщовых штанах. Или, скажем, Лю Хёнвон: мог бы заняться снаряжением нашей армии, а он уединился в Хэгоке и писал свои книги. Вот так умные люди относятся к государственной службе. Что же касается меня, то я всего лишь торговец, я делаю деньги. На свой миллион я мог бы купить с потрохами девятерых владык. Но я выбросил деньги в море, потому что понял: вся эта болтовня насчет всемогущества денег — чушь несусветная!

Богачу нечего было сказать на это — он лишь вздохнул тяжело.

Долгие годы Пён дружил с генералом Ли Ваном, начальником дворцовой стражи, ставшим впоследствии Первым министром. Во время одной из дружеских встреч Ли Ван спросил Пёна:

— Нет ли у вас на примете умного человека, способного на большие дела во славу отечества?

Пён тут же подумал о Хо и рассказал Ли Вану его историю. Ли Ван был поражен.

— Непостижимо! Неужели все это правда? А как его зовут?

— Вы, наверно, не поверите: вот уже три года мы с ним встречаемся, а он так и не открыл мне свое полное имя!

— Удивительный человек! Давайте-ка навестим его сегодня же!

Под вечер, отпустив свиту, Ли Ван вместе с Пёном отправился к Хо. Пён попросил генерала подождать у дверей, вошел в дом и известил Хо, что пришел к нему не один. Хо пропустил его слова мимо ушей и воскликнул:

— Я вижу, вы принесли вино — ставьте его на стол!

Они наполнили чарки и начали пировать. Пён чувствовал себя неловко из-за того, что Ли Вану приходится ждать за дверью, он несколько раз пытался напомнить о нем хозяину дома, но Хо делал вид, что не слышит. И лишь когда наступила ночь, он сказал:

— Может, позовем гостя?

Ли Ван вошел. Хо даже не приподнялся, чтобы поздороваться с ним. Гость потоптался у порога и принялся сбивчиво объяснять, зачем он пожаловал. Хо жестом прервал его.

— Ночь коротка, а речь твоя длинна — слушать ее мне недосуг. Скажи лучше, кем ты служишь.

— У меня чин генерала, — отвечал Ли Ван.

— Значит, ты близок ко двору. Допустим, я найду человека высоких достоинств, вроде Чжугэ Ляна. Сумеешь ли ты уговорить государя трижды прийти к нему в хижину, чтобы пригласить на службу?

Опустив голову, Ли Ван задумался надолго и наконец ответил:

— Нет, за это я не возьмусь. Предложите что-нибудь другое.

— А другого я не знаю, — буркнул Хо.

Ли Ван стал настойчиво его упрашивать, и Хо сказал:

— Ну ладно. Ты, конечно, знаешь, что в Корею вынуждены были бежать потомки китайских полководцев, оказавших нашей стране неоценимые услуги во времена династии Мин. Но ты, наверно, не знаешь, каково им здесь приходится: у них нет ни пристанища, ни семьи. Сумеешь ли ты упросить государя и его приближенных выдать за них замуж девушек знатных фамилий и жаловать им поместья, отобранные у таких предателей, как Ким Ю и Чан Ю?

Ли Ван снова опустил голову, долго думал и ответил:

— Нет, и это мне не под силу.

— За это ты не возьмешься, а это тебе не под силу — выходит, только языком трепать можешь! — вспыхнул Хо. — Даю тебе последний шанс, дело предлагаю легче легкого.

— Слушаю вас охотно, — прошептал Ли Ван.

— Кто задумал грандиозное начинание, тот должен прежде всего заручиться поддержкой единомышленников; кто решил завоевать другую страну, должен прежде всего выслать туда лазутчиков. Недавно маньчжуры свергли в Китае династию Мин и утвердили свою — династию Цин. Естественно, они считают китайцев своими врагами. Корея была вассалом Китая во времена династии Мин, поэтому маньчжуры считают корейцев врагами китайцев и своими друзьями. И вот что мы должны

сделать. Мы должны просить правителей Цин разрешить нашим юношам ездить к ним учиться и служить им, а нашим торговцам — возить через границу корейские товары, как это делалось при династиях Тан и Юань. Маньчжуры подумают, что мы желаем водить дружбу с ними, и охотно дадут такое разрешение. И тогда самые способные наши юноши остригут волосы, наденут маньчжурские халаты и поступят в маньчжурские школы, наши ученые станут держать экзамены на должности в маньчжурских управах, наши торговцы повезут товары к югу от Янцзы. Оказавшись в Китае, они смогут выведать тайные замыслы цинской империи, завязать связи с китайскими патриотами и тем самым помочь нам спасти Китай от национального позора. И если нам не удастся снова посадить на престол императора Чжу{110}, мы сплотим всех удельных князей и найдем среди них достойного правителя. И когда он займет престол, мы станем его опекуном. Но если даже этот план и не осуществится, мы будем первыми среди малых народов!

Выслушав удивительный замысел Хо, Ли Ван с сомнением покачал головой.

— Наши вельможи строго блюдут старинные устои — кто же осмелится ослушаться их: остричь волосы и надеть маньчжурский халат?

И тут Хо взорвался.

— А кто они такие, эти твои вельможи? Недавние дикари из инородцев, нагло пролезшие к власти! И что за устои они хранят? Носить траурные одежды — белые рубахи и белые штаны? Связывать волосы в пучок на темени по примеру южных варваров? Когда-то Фань Уци не пожалел собственной головы, чтобы отомстить врагу, а Улин-ван не постыдился натянуть на себя чужеземный наряд, лишь бы не дать свой народ в обиду! А ты и тебе подобные ради спасения великого Китая жалеете свои прически и не хотите расстаться с широкими рукавами, которые все равно мешают вам скакать верхом, рубить саблей, колоть копьем, стрелять из лука и метать камни. Вот и все ваши «устои»! Я впервые в жизни ввязался в государственные дела, я предложил тебе три плана — но ты от всех отказался. И после всего этого ты еще считаешь себя верным вассалом государя? Да разве верные вассалы такие? Тебя обезглавить мало!

Хо стал шарить под рукой, ища нож, чтобы заколоть негодяя. Ли Ван страшно перепугался, выскочил в окно и дал дёру.

На следующее утро он все-таки снова пришел к Хо — но того уже и след простыл».

Я кончил свой рассказ. Кто-то из присутствующих сказал:

— Сдается мне, этот Хо вовсе не кореец. После падения династии Мин многие китайские патриоты стали искать убежища в Корее — видимо, и Хо был из их числа, так что настоящая фамилия у него скорее всего другая. В народе об этих беглецах ходят разные истории — вот одна из них.

«Начальник управы Чо Кевон получил повышение и стал инспектором провинции Кёнсан. Однажды отправился он проверить чиновничьи службы в город Чхонсон и наткнулся на двух монахов, спавших посреди дороги. Слуги инспектора закричали, чтобы они освободили путь, — монахи не двинулись с места. Слуги стали стегать их кнутами — монахи даже не пошевелились. Слуги попытались оттащить их на обочину — но и это им не удалось. Тогда Чо отозвал слуг и крикнул монахам:

— Кто вы такие, где ваша обитель?

Тут только монахи очнулись от сна, уселись, долго вглядывались недобрыми глазами в Чо и неожиданно выпалили:

— Ты добился должности инспектора пустой болтовней!

У одного из них лицо было круглое и красное, у другого — длинное и черное. Чо сошел с паланкина, желая узнать, как смеют они так непочтительно разговаривать с высоким чином, и вдруг услышал:

— Отпусти слуг и следуй за нами!

Словно одурманенный, Чо велел слугам возвращаться обратно и поплелся вслед за монахами. Уже через час он начал задыхаться, пот лил с него ручьями, он взмолился об отдыхе. Монахи пришли в ярость.

— Всю свою жизнь ты драл глотку да помышлял людьми, ты надевал кольчугу, брал в руки копье, окружал себя охраной и кричал, что готов отомстить за поруганную честь великой Минской династии. Куда тебе! Ты прошел с нами несколько ли, но на каждом шагу стонал, через каждые пять шагов останавливался. Да разве дойдешь ты до Ляодуна?

Наконец остановились они у какой-то скалы, под которойросло дерево. К этому дереву монахи пристроили шалаш, набросали на землю веток и стали устраиваться на отдых. Изнемогая от жажды, Чо попросил воды. Монахи рассмеялись:

— Тьфу, беда с этими неженками. Может, скажешь еще, что и брюхо подвело?

Один из монахов тем не менее растер на камне в муку сосновые иглы, развел муку водой из ручья и предложил Чо. Тот поморщился и отказался. Монах криво усмехнулся.

— А вот в Ляодунской пустыне вода — большая редкость. Когда в глотке пересохнет, то и лошадиной моче рад будешь! — И он смачно выругался.

Забравшись в шалаш, монахи обнялись, заплакали и заголосили:

— Сунь-лаоé, Сунь-лаоé!

Потом один из них спросил у Чо:

— А знаешь ли ты, что У Саньгуй поднял войско в Юньнани и потому смятение пошло по провинциям Цзянсу и Чжэцзян?

— Впервые слышу, — признался Чо.

Монахи вздохнули тяжело.

— Ты получил большой чин, ты кричишь на людей, а не знаешь, что в Поднебесной произошло такое событие!

— Кто же вы, почтенные? — не выдержал Чо.

— Не надо нас ни о чем спрашивать. Никто не должен о нас знать. Ты оставайся здесь и жди — мы вернемся и кое-что тебе расскажем.

Монахи встали и удалились в горы. Долго ждал их Чо: уже закатилось солнце, надвигалась ночь, а их все не было. Засвистел в ветвях, зашуршал в траве ветер, издалека донесся рык тигра. Чо весь дрожал от страха. Внезапно он увидел огонь — показались какие-то люди с факелами в руках, они что-то искали. Он вскочил на ноги и бросился бежать куда глаза глядят. С тех пор прошло уже много лет, но он все еще не может избавиться от ужаса, который пережил в тот день.

Когда он рассказал свою историю мудрому У Амсону, тот сказал:

— Похоже, это были вовсе не монахи, а бежавшие в Корею военачальники минской армии.

— Тогда почему же они так обращались со мной и говорили мне «ты»?

— Видимо, этим они давали вам понять, что никакие они не корейские монахи — уж те бы вели себя с вами почтительно! И еще: они улеглись в шалаше на ветви — точь-в-точь как это сделал Юэ-ван, узнав о падении царства У!

— А что они такое говорили: «Сунь-лаоé, Сунь-лаоé»?

— Я думаю, они призывали Сунь Чэнцзуна, или почтенного Суня, по-китайски Сунь-лаоé, который в те времена командовал войсками в Шаньхайгуане. Наверно, они были из его армии».

Когда мне исполнилось двадцать лет, я засел за книги в библиотеке монастыря Понвонса. Вместе со мной там занимался еще один человек: дни и ночи напролет, забывая о пище, он усердно одолевал наставления по даосской магии, а ровно в полдень садился, прислонившись спиной к

стене, и начинал делать упражнение «схватка дракона с тигром». Он был уже немолод, и я относился к нему с почтением. Иногда он рассказывал мне разные истории, и это занимало у нас многие вечера. Он рассказал мне историю о книгочее Хо, о Ём Сидо, о Пэ Сихване, о жене Ванхын-гуна — одну другой удивительнее и интереснее, я слушал его с упоением. Он представился мне как Юн Ён. Это было зимой года п ё н ч ж а. Через несколько лет, весной года к е с а я отправился на запад — к нему в гости. Переплыв в лодке реку Пирюган, я добрался до Двенадцати пиков, где у него была хижина, которую он делил с одним монахом. Увидя меня, он одновременно и удивился, и обрадовался, мы дружески поздоровались. Прошло восемнадцать лет после нашей первой встречи, но он ничуть не постарел: хотя ему было уже за восемьдесят, на ногах он стоял весьма твердо. Между прочим я сказал ему:

— Помните, вы рассказывали мне историю книгочея Хо? Я там не понял вот чего...

Он ответил на все мои вопросы и в свою очередь спросил:

— А ты собирался написать жизнеописание Хо — написал уже?

Я покаянно признался, что нет, еще не успел. При этом я назвал его «почтенный Юн». Он взглянул на меня недоуменно.

— Фамилия моя Син, а зовут меня Сэк. Ты, наверно, ошибся?

Я опешил.

— Раньше вы говорили, что вас зовут Юн Ён, теперь вы называете себя Син Сэком — я ничего не понимаю!

Старец рассердился.

— Это ты все путаешь, навязываешь мне чужое имя!

Я попытался было разобраться во всем этом, но он осерчал еще больше и все сверкал на меня зелеными глазами. И наконец я сообразил, что имею дело с весьма искусным даосом. Видимо, он был потомок какого-то опального царедворца, либо приверженцем какой-нибудь запрещенной веры, либо обыкновенным отшельником — бежал от людей в горы и затаился. Когда я прощался с ним, он сказал:

— Забыл поведать тебе о жене книгочея Хо. Она была очень красивая женщина. Наверно, голодает, как и прежде. — И он с сожалением прищелкнул языком.

В монастыре Синилса города Кванчжу обитал старец по прозвищу Ли — Соломенная Шляпа. Было ему более девяноста лет, но он мог еще голыми руками задушить тигра, прекрасно играл в шашки и шахматы, знал множество всяких историй и с блеском их рассказывал. Никто не знал его настоящего имени, но, судя по описаниям видевших его, он был очень

похож на Юн Ёна. Я пытался разыскать его, но мне это не удалось. Увы, немало в мире людей, которые предпочли царство Природы царству Человека. Кто знает, может и книгочей Хо — один из них!

Я отпил глоток воды из речушки Пхёнге, берега которой украшали хризантемы, взял в руки кисть и записал все, что взволновало мой ум. Ёнам.

Перевод Г. Рачкова.

ИЗ СОБРАНИЯ «НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ ИЗ ХРАНИЛИЩА БЛИСТАЮЩИХ ЯШМ»

Беседа трех нищих

Когда барышник, торгующий лошадьми или недвижимостью, облапошивает доверчивого простака, он жмет ему руки, заглядывает в глаза, заговаривает зубы байками о героях древности и клянется в бескорыстной дружбе. Впрочем, каждый проявляет свою суть по-своему, сообразно своему положению. Узнав о предстоящей, хотя бы и кратковременной, разлуке, наложница срывает украшения и швыряет их на пол, рвет на куски платок, гасит светильник, садится лицом к стене и рыдает взахлеб, тогда как истинный друг лишь заламывает руки в невыносимой тоске. Жуликоватый перекупщик делает вид, что обмахивается веером, а сам стреляет глазами направо и налево — ищет поживу. Бойкий мошенник шуточками да прибауточками кому угодно задурит голову, ловко выведает потаенные мысли, сильному пригрозит, слабого уломает, друзей рассорит, недругов стравит — всех вокруг пальца обведет.

Однажды некто, занедужив, велел жене готовить каждый день целебный отвар. Жена приносила то чересчур много, то совсем мало. Раздосадованный, он обратился к наложнице. У той все получалось в самый раз. Любопытства ради он решил подсмотреть, как ей это удастся. И увидел: когда отвара получалось много, она выливали излишки на землю, а когда мало — разбавляла его водой. Вот и разберись, кто к тебе всем сердцем, а кто сбоку припека. Если кто-то шепчет тебе на ухо задушевные слова — это еще не значит, что он действительно души в тебе не чает. Если кто-то доверил тебе тайну и умоляет не разглашать ее — это еще не значит, что он и в самом деле тебе доверяет. Если кто-то с пеной у рта доказывает, что уважает тебя больше, чем ты его, — это еще не значит, что он тебя и впрямь уважает.

Сошлись как-то у Широкого моста в Сеуле трое нищих — Сон Ук, Чо Тхаптха и Чан Токхон, и зашел у них разговор о том, что нет еще в мире лада и согласия между людьми. Начал его Тхаптха:

— В поисках подаяния забрел я сегодня утром на рынок — в ряды, где

торгуют тканями. Смотрю: стоит покупатель, глазами по полкам шарит. Наконец выбрал он себе холст, на зуб его попробовал, на свет разглядел. Но цену не говорит, хотя она явно на языке у него вертится. Спрашивает торговца, за сколько тот уступит товар. Торговец тоже себе на уме — просит покупателя первым назвать цену. Долго они кружили вокруг да около, и ни один не уступал другому. И вдруг вижу я: они уже забыли про холст и занялись каждый своим. Торговец засмотрелся на дальнюю сопку: уж больно красивое облачко над ней плывет. А покупатель заложил руки за спину и уставился в картину, висящую на стене.

Сон Ук усмехнулся.

— Ты видел, что́ люди делали, но ты не понял, что́ ими двигало!

— Это как в кукольном театре, — заметил сидевший в стороне Токхон. — Видишь, как двигаются куклы, но не видишь тех, кто дергает их за нитки.

Сон Ук покачал головой.

— Ты тоже не уловил самого главного. Те двое просто не умеют располагать людей к себе. А ведь деловой человек должен знать три повода и пять приемов завязывать знакомство, водить дружбу. Сам-то я не усвоил ни одного приема, потому и дожил до сорока лет в одиночестве. Но загадку отношений между людьми я, кажется, разгадал. Состоит она в том, что рука у человека сгибается только внутрь, только к себе, а не от себя — иначе и чарку ко рту не поднесешь!

Токхон пожал плечами.

— Это всем известно. Еще в «Книге песен» сказано:

Смотри: если птица подругу зовет,
Подруга с подругой ведет разговор,
То как человеку друзей не искать?^[11]

Сон Ук кивнул одобрительно.

— Вижу, с тобой можно говорить: ты все на лету схватываешь, я тебе только намекнул — а ты сразу все уразумел! Во всем мире люди стремятся к власти над другими людьми, водятся друг с другом ради выгоды и славы. Пойми главное: хоть рука со ртом и не договаривались, но рука-то сгибается только к себе! Так и люди: один другому дает, один у другого берет — и каждый думает, как бы не остаться внакладе; один другому сулит хорошую должность, другой этой должности добивается — и каждый при этом жаждет извлечь для себя выгоду. Людей, которые

добиваются власти, много — вот она и дробится. Тех, кто гоняется за славой и выгодой, тоже немало — потому и не исчезают в мире власть, слава и выгода. Но деловой человек издавна знает им цену и потому живет по другим правилам. Когда дружишь с кем-то, не расточай ему похвалы, особенно за прошлые его заслуги — в этом никакого смысла нет. Не уговаривай его браться за дело, о котором он еще и не думал — иначе он, взявшись за него, сразу потеряет к нему интерес. Не превозноси его в присутствии других, не говори, что он лучше всех: если нет его лучше, никто не посмеет сравнить себя с ним. В дружбе надо знать секреты! Хочешь похвалить друга — лучше побрани. Хочешь выразить ему приязнь — лучше рассердись. Хочешь обласкать — лучше взгляни на него сумрачно и отвернись с досадой. Хочешь завоевать его доверие — лучше посеешь в нем сомнения и жди, пока они рассеются. И помни: ученый огорчается чаще, чем неуч, а красавица плачет чаще, чем дурнушка, но когда кумир льет слезы, он многих может растрогать. Вот и все пять способов водить дружбу. Это маленькие секреты деловых людей, но это большие дороги в мир!

Тхаптва поворачивается к Токхону.

— Почтенный Сон Ук говорит загадками, его трудно понять.

Токхон ему на это отвечает:

— А ты вникни в то, что он говорит. Почему лучше обругать человека, чем похвалить его? Почему, например, в семье время от времени вспыхивают ссоры? Да потому, что где любовь, там и упреки, а где упреки — там нет равнодушия! Так что чем ближе тебе человек, тем чаще с ним ссоришься, чем больше ему веришь, тем чаще в нем сомневаешься. Представь себе такую картину. За полночь. Кончилась пирушка. Все давно спят. И только двое сидят лицом к лицу и молча смотрят друг на друга. Хмель еще бродит в их головах, у них щемит в груди, они расчувствовались — и вот начинают изливать друг другу душу, размазывая по щекам слезы. Они верят: главное в дружбе — понимать друг друга, делить с ним все печали. И потому когда друг плачет, человек обычно забывает свои обиды. Я и сам хотел бы подружиться с кем-либо, да вот беда — слез у меня нет. Потому и живу на свете уже тридцать один год, но так ни с кем и не сошелся.

Тхаптва спрашивает с недоумением:

— Ну, а разве нельзя относиться к людям с открытым сердцем, искренно, на равных?

Токхон плюнул ему в лицо и закричал:

— Бестолочь! Недоумок! Чего болтаешь? Ты меня слушай! Бедному

человеку хочется многого, вот он и старается ладить со всеми. Бедный, даже глядя на небо, надеется, что оттуда посыпется рисовый дождь. А люди богатые не боятся прослыть скупыми, ибо знают: у скряги никто ничего кланчить не станет. Бедному-то терять нечего, он за любое трудное дело без раздумий берется. Почему? Да потому, что переходить реку вброд, не сняв обуви, станет лишь тот, кто носит опорки. А тот, кто ходит в туфлях, даже сидя в повозке, беспокоится, как бы не запачкать туфли дорожной грязью. Если он так бережет свои туфли, то как же он бережет самого себя! Нет, чистосердечность и искренность богатым да знатым деловым людям ни к чему, они — для бедных и худородных!

Тхаптха вскочил на ноги.

— Уж лучше проживу я в этом мире без друга, но с этими деловыми людьми дружить не стану!

Он скомкал шляпу, разорвал ворот одежды, опоясался веревкой и, грязный, с растрепанными волосами, побежал по улице, распевая песню.

По этому поводу один писатель высказался так: «Чтобы склеить два деревянных бруска, достаточно обыкновенного животного клея. Чтобы спаять два куска железа, нужно воспользоваться кислотой. Чтобы скрепить оленьи или конские шкуры, лучше всего употребить рисовый клей. Но нет такого средства, которым можно было бы склеить, спаять, скрепить двух людей, стереть границу между ними. Речь идет не о границе, пролегающей, скажем, между Севером и Югом, царством Янь и царством Юэ, не о пространстве с горами и реками. Речь идет о той невидимой границе, которая часто разделяет людей даже тогда, когда они сидят рядом, касаясь друг друга коленями или плечами».

Однажды вэйский Ян битый час рассказывал циньскому Сяо-гуну о каких-то пустяках, изрядно ему наскучил — и Сяо-гун задремал. Иной на его месте прервал бы рассказчика — и обидел бы верного слугу. А вот еще случай. Однажды к циньскому владыке Фань Сую явился некий Цай Цзе{111} и дерзко потребовал, чтобы Фань Суй уступил ему власть — он-де лучше справится с делами государства. Фань Суй терпеливо выслушал его, подумал — и согласился. Иной на его месте осыпал бы Цай Цзе бранью и вытолкал взащей — и лишился бы мудрого соратника. Вспомним также историю Чэнь Юя и Чжан Эра: издавна меж ними царили мир и согласие, потом начались раздоры, кончилось же все непримиримой враждой. Ясно, как день: сама по себе граница, разделяющая людей, не благо, но и не беда; добрые отношения ее стирают, дурные — расширяют. Деловой человек, знающий, как надо ладить с людьми, использует ее к

своей выгоде, глупый же ею пренебрегает. Конечно, прямая дорога — самый короткий путь к цели. Но если она терниста и тебе не по силам, если не желаешь ты идти обходным путем, если не умеешь одним-единственным словом уничтожить границу меж собой и ближним, то не уверяй, что тебе кто-то мешает. Ты сам себе помеха. Недаром говорят: «Нет такого дерева, которое невозможно было бы срубить с десяти попыток». И недаром еще говорят: «Если хочешь быть желанным в комнатах, сумей сначала быть желанным на кухне». Научись скромничать: веди себя смиренно, лицо носи покорное, рот раскрывай лишь для того, чтобы вздохнуть о суете мирской, к славе и богатству выказывай равнодушие, в друзья никому не набивайся — и какой-нибудь сильный мира сего заметит тебя и пригреет. Научись угодничать: открыто предложи себя со всеми потрохами влиятельному покровителю, будь ему предан, как пес, — и ты обрешь все, чего хочешь. Научись раболепствовать: вейся вокруг нужного человека व्यюном, пока подошвы не сотрешь, заглядывай ему в глаза, лови выражение его лица, восторгайся каждым его словом, превозноси каждый его шаг. Поначалу ему это будет нравиться, потом он начнет морщиться, а под конец засомневается, не издеваешься ли ты над ним.

Некогда Гуань Чжун привлек на свою сторону девять могущественных правителей, Су Цинь сплотил союз шести царств — у них есть чему поучиться: они умели приобретать друзей! Почему же одиноки Сон Ук и Токхон, почему они собирают милостыню на улицах столицы? Почему одинок Тхаптха, почему он бегаёт по дорогам и распевает песни, словно умалишенный? Они не хотят той дружбы, которую предлагают «деловые люди»! А что скажут нам ученые мудрецы, прочитавшие не один десяток книг?

Перевод Г. Рачкова.

Воспоминания о насмешнике Мин Юсине

Мин Юсин родился в Намъяне. Во время Мусинской смуты он вступил в армию, дрался с мятежниками, жалован был за заслуги должностью коменданта крепости. Отбыв в армии положенный срок, вернулся домой и больше уже не помышлял о государственной службе.

С детских лет обладал Мин великолепной памятью и способностями к наукам. Он прочитал множество книг, восхищался стойкостью и

подвигами героев древности и нередко проливал слезы восторга, читая их жизнеописания. Для того чтобы иметь всегда перед глазами достойный подражания пример, каждый год, в день своего рождения, он писал на стене какую-нибудь фразу, которая напоминала бы ему о том, что свершил в его возрасте любимый им герой. Например, когда исполнилось ему семь лет, он написал: «Сян То начал воспитывать Конфуция». Когда исполнилось двенадцать: «Гань Ло произведен в генералы». Когда исполнилось тринадцать: «Вэй Хуан уехал посланником в чужеземные страны». В восемнадцать лет: «Хо Цюйбин повел армию в Цилян». В двадцать четыре года: «Сян Юй переправился на западный берег». В сорок лет, так и не обрета ни славы, ни богатства, он написал: «Мэн-цзы укрепился в своих убеждениях». На стене уже почти не осталось свободного места — вся она была исписана черными иероглифами, издали похожими на черных воронов.

В день его семидесятилетия жена, смеясь, спросила у него:

— Что это вы, муженек, не рисуете сегодня на стене своих птиц?

Мин подхватил шутку жены:

— Да как же я мог забыть о них? Скорее разводи тушь!

Он обмакнул кисть и крупно вывел такую надпись: «Фань Цзэн обдумывал грандиозные замыслы». Жена прочитала — и не сдержала раздражения.

— Замышлять вы горады — а когда за дело возьметесь? Не забывайте, сегодня вам стукнуло семьдесят!

Ей хотелось уязвить неудачника мужа, но Мин ничуть не обиделся и ответил с улыбкой:

— Напрасно ты так думаешь! Цзян Тайгуну было уже восемьдесят, когда он возглавил армию княжества Чу, соколом налетел на врага и одолел его. А ведь я годился бы ему в младшие братья — я на десять лет моложе!

Жена махнула рукой и рассмеялась.

В годы к е ю и к а п с у л ь , когда мне было семнадцать-восемнадцать лет, я тяжело болел, исстрадался и стал искать утешения в музыке и песнопениях, увлекся живописью и каллиграфией, начал собирать старинные мечи, посуду, предметы искусства, зазывал к себе сказителей, знающих много преданий и небылиц. Но все это мало меня утешало. Один из приятелей порекомендовал мне пригласить Мин Юсина: он-де интересный собеседник, неплохой музыкант, прекрасный рассказчик, ярый спорщик, шутник и остролов, характер у него живой и веселый. Я

заинтересовался и попросил привести его ко мне. И вот однажды приятель вошел с Мин Юсином. В тот день меня развлекали музыканты. Войдя в комнату, Мин не обратил на меня никакого внимания, даже не поздоровался. Он сразу же уставился на дудочника, потом вдруг подскочил к нему, закатил ему оплеуху и закричал:

— Ты чего злишься, когда хозяин веселится?

Ошарашенный его неожиданной выходкой, я приподнялся.

— Позвольте, в чем дело?

Он указал мне на дудочника и возмущенно сказал:

— Нет, вы только взгляните на него: глаза выпучил, щеки надул, лицо его налилось кровью — он же злится на вас!

Едва он это произнес — я схватился за живот и расхохотался.

А Мин с серьезным видом продолжал:

— Да разве один он такой? Вы посмотрите на остальных! Флейтист отвернул рожу в сторону и глазами хлопает — вот-вот слезу уронит. Барабанщик хмурится, словно обиды свои считает. Гости молчат — от страха, что ли? Слуги не улыбнутся, ни звука, ни слова не вымолвят — застыли, как каменные... Нет, музыка только тоску на человека наводит, так я считаю!

Я понял, что имею дело с большим шутником, который готов смеяться над всем миром, лишь бы мир стал от этого лучше. Я отпустил музыкантов, предложил Мин Юсину место возле себя. Он был мал ростом, худ, седые брови нависали ему на веки, ему шел семьдесят четвертый год.

Узнав, что я болен, он спросил:

— Что у вас болит? Голова?

— Нет, — ответил я.

— Живот?

— Нет.

— Значит, вы здоровы! — возгласил он и распахнул окна и двери. В комнату ворвался свежий воздух, я глотнул его — и, честное слово, сразу же почувствовал себя гораздо лучше.

Когда я пожаловался ему, что почти ничего не ем и не сплю ночами, он встал и поздравил меня с удачей. Меня это обидело, и я попросил его объясниться. Он весело проговорил:

— Вы, как я понял, человек небогатый и притом страдаете отсутствием аппетита — значит, сэкономите немало денег! Вы не спите по ночам, то есть живете и днем и ночью, ибо сон — все равно что временная смерть. Значит, вы проживете вдвое дольше других. Иметь сбережения и жить долго — это ли не удача?

Не успели мы выкурить по трубке, как мне принесли столик с ужином. Ворча и морщась, без всякого желания я брал палочками то один кусок, то другой, обнюхивал и клал обратно. Мин недовольно посмотрел на меня, встал и направился к двери.

— Почтеннейший, почему вы уходите? — спросил я растерянно.

— Вы пригласили меня к себе, сами едите, а мне ничего не предлагаете — разве так принимают гостей?

Я попросил у него прощения и тут же велел слугам приготовить достойное его угощение. Когда внесли еще один столик, он тотчас уселся за него, засучил рукава и, не говоря ни слова, заработал палочками — да с таким завидным аппетитом, что у меня невольно потекли слюнки, рот сам собой раскрылся, и я незаметно для себя съел все подчистую.

Наступил вечер. Мин сидел тихо, закрыв глаза. Я попытался заговорить с ним, но он не отвечал, крепко сжал губы и зажмурил глаза. Я заскучал. Через некоторое время он встал, снял нагар со свечи.

— Когда я был молод, — сказал он, — я мог запомнить целую книгу, прочитав ее один только раз. Теперь я уже не тот... Но готов побиться с вами об заклад. Давайте возьмем каждый по книге, прочтем ее раза два-три и попробуем потом пересказать слово в слово. Кто ошибется хотя бы в одном знаке, тот заплатит штраф.

Изнывая от скуки, я подумал, что это может позабавить меня, и согласился. К тому же я ничуть не сомневался в своих способностях, а Мина заподозрил в заурядном хвастовстве. Я снял с полки два тома «Установления Чжоу». Мне достались «Органы власти», Мину — «Управление работами». Едва я одолел начало, как он воскликнул:

— Я уже выучил, давайте проверим друг друга!

— Почтеннейший, погодите немного! — взмолился я и снова впился в текст. Но он возвысил голос:

— Такой молодой — и не может запомнить десяток строк! Стыд и позор! А еще умные книги в доме держит!

Он долго укорял меня, мешая мне сосредоточиться. Я напряг всю свою волю, чтобы запомнить текст, но это мне не удавалось, и я скоро утомился. Глаза мои слипались, меня стало клонить ко сну. Я признал свое поражение и рухнул на подушку. И проспал глубоким сном до рассвета. Утром я сказал Мину:

— Послушайте, почтеннейший, как вам удалось до старости сохранить такую прекрасную память? Вы и сейчас можете пересказать то, что прочитали вчера вечером?

Мин посмотрел на меня, как на ребенка.

— Ха-ха! Да я не только не запомнил текст, я даже не читал его! А вот вы сдались без боя — и должны платить штраф!

Мне ничего не оставалось, как рассмеяться.

Однажды Мин весь вечер веселил гостей, шутил, острил, все были от него в восторге. Кто-то спросил его:

— Почтеннейший! Все-то вы на свете знаете, все-то вы видели. Может, вы и беса видели?

Вопрос был коварный, но Мин ничуть не смутился.

— Конечно, видел.

— И где же он?

Один из гостей сидел в тени. Мин указал на него пальцем.

— Да вот он — самый настоящий бес, уж поверьте мне.

Гость покраснел от возмущения.

— Как вы смеете живого человека обзывать бесом?!

Мин отвечает ему спокойно:

— Ну чего вы кипятитесь? Вспомните поговорку: «Человек на свету — бес в темноту». Вы укрылись в тени, лицо свое прячете, а сами всех видите — значит, вы и есть бес!

Все схватились за бока и разразились хохотом.

Другой гость спрашивает:

— Наверно, вы и святых видели?

— Да, видел.

— Где же?

— Да всюду. Все бедняки — святые. Ведь богачам на этом свете хорошо, а беднякам плохо. А ведь известно, что только святые не могут жить на этом свете!

— Выходит, вы и бессмертных видели?

— Конечно. Сегодня утром я был в лесу. Там Заяц с Лягушонком спорили, кто из них летами старше. Заяц говорит: «Я ровесник Пэн-цзу, так что ты — как бы мой потомок». Лягушонок понурил голову и заплакал. «Чего ты так убиваешься?» — удивился Заяц. Лягушонок отвечает: «А я ровесник тому мальчику, что живет близ восточной опушки. Ему всего лишь пять лет, однако он уже умеет читать. Он прочитал все исторические хроники. Начал с Тянь-хуана, перешел к Пяти императорам и Трем князьям, одолел эпоху «Весен и Осеней» и полосу Сражающихся царств, потом взялся за период Цинь и Хань, пору Шести династий. Сегодня на рассвете он открыл страницы, повествующие о временах династий Суй и Тан, вечером окажется во временах династий Сун и Мин. Он пережил все события и повороты истории, познал рождение и смерть племен, подъем и

упадок царств, проявления добра и зла, прожил вместе с книгами тысячи лет. И тем не менее он всего лишь ребенок: глаза его хорошо видят, уши хорошо слышат, зубы и волосы растут нормально. И нет на свете такого долгожителя, который сравнился бы с этим мальчиком своим опытом. Твой ровесник Пэн-цзу прожил восемьсот лет, но так и не испытал в жизни ничего подобного. Мне жаль его, вот почему я и плачу». Выслушав Лягушонка, Заяц дважды поклонился ему низко, как младший старшему, и удалился. Вот и получается, что бессмертные — те, кто много знает. В нашей округе я встречаю таких на каждом шагу.

— Почтеннейший Мин, вы прожили много лет, немало яств перепробовали. Что, по-вашему, вкуснее всего на свете?

— Самое вкусное на свете я ем каждый день. Это вот что. Когда после полнолуния начинается отлив, надо взять немного морской воды и вскипятить ее. На дне останутся мелкие круглые камушки, похожие на серебро или жемчуг. Без них-то никакая пища в глотку не полезет, без них у пищи и вкуса не будет. Потому что самое вкусное на свете — это соль!

Ответы Мина были стремительны, как потоки в горах, все гости были в восторге от них. Один из гостей говорит:

— Получается, что все-то вы знаете, все-то вы видели. Но уверен я: не пробовали вы «корня жизни»!

Гость решил, что уже загнал Мина в тупик. Но не тут-то было!

— «Корень жизни»? Да я потребляю его каждый день, и утром и вечером — мне ли не знать о нем! Вот послушайте, что я вам расскажу. В глубоких горных ущельях растут старые сосны. На корнях этих сосен застывает роса, соки растений, и через тысячу лет там вырастает животворный гриб «пахима» — это один из «корней жизни». Второй — это жэньшэнь. Лучший в мире жэньшэнь водится в местечке Начжу провинции Чолла: у него совершенная форма, красноватый цвет, его «руки» и «ноги» длиной четыре чи, на «голове» маленькие рожки — такой жэньшэнь называют «малышом». А есть еще «корень жизни», называемый «дерезником», он похож на собаку. Говорят, если хранить его тысячу лет, он начинает лаять на человека. Все эти корни я в молодости ел сто дней подряд, начисто отказавшись от всякой иной пищи. И что же? Мне стало не лучше, а только хуже, едва я ноги не протянул. Увидела меня старушка соседка, испугалась и говорит: «Ты, милый, занедужил не от болезни, а от голода. В древности Шэньнун перепробовал все злаки и признал лучшими пять из них: рис, просо, пшеницу, кукурузу и бобы. И он научил людей растить эти злаки. Поэтому с тех пор болезни лечат лекарствами, а голод — пятью злаками». Она принесла мне миску вареного риса, я поел —

и вернулся к жизни. Так что нет «корня жизни», кроме риса! Я ем его по полной миске утром и вечером — и вот прожил семьдесят лет!

Все слушали Мина, разинув рты: какая образная речь, какие глубокие мысли! А один из гостей — тот самый, который донимал Мина каверзными вопросами — все не унимался: очень уж ему хотелось осадить разговорчивого старика.

— Послушайте, почтенный! Вы, наверно, никого и ничего не боитесь, вообще не ведаете страха?

Но Мин и тут не оплошал.

— Больше всех на этом свете я боюсь самого себя. Взгляните на меня внимательно: мой правый глаз — дракон, левый — тигр, под языком у меня секира, моя согнутая рука — стрелковый лук, мысли в голове — как у неразумного младенца или дикаря. Если я перестану держать себя в узде, я начну пожирать свою плоть, грызть и рубить ее, калечить в себе человека. Правильно говорят мудрецы: одолей себя, пресеки зло в себе, научись обуздывать себя — тогда только сможешь ты жить в мире людей.

Ответ был не в бровь, а в глаз! Были еще вопросы, Мин отвечал на все столь же блестяще. Гости восхищались его словами, гости смеялись, гости одобрительно шумели — он же оставался невозмутим, словно их мнение его не интересовало.

Кто-то заговорил о том, что в провинции Хванхэ появилась саранча и власти призывают народ уничтожать ее.

— А зачем ее уничтожать? — недоумевает Мин.

— Саранча — это такое насекомое, — объясняют ему, — чуть меньше тутового шелкопряда, пятнистое и волосатое. Когда летит — обыкновенная стрекоза, не больше, зато когда садится — губит посевы. Потому и называют саранчу вредителем злаков, потому и ловят ее и зарывают в землю.

— Ну и ну! — воскликнул Мин. — Да ведь саранча — всего лишь крохотная букашка! Чего ее опасаться? А вот я, честное слово, видел на Колокольной улице стаю гигантской саранчи. Ростом каждая семь чи, голова черная, глаза сверкают, рот огромный — целый кулак входит. Снуют по улице, трутся задами, пятки друг другу давят. А уж сколько вреда от них — и сказать страшно. Хотел бы я всех их переловить, да нет такого сачка!

Он сказал это без тени улыбки, и слушатели поверили, будто и в самом деле у Колокольной башни появилась гигантская саранча. Но Мин имел в виду не насекомых. Он намекал на барышников, скупающих у крестьян за гроши тот урожай, который они вырастили потом и кровью...

Как-то Мин зашел навестить меня. Я поздоровался и тут же загадал ему загадку:

— Что это означает: «Весенняя весть — старый пес скулит»?

Мин рассмеялся.

— «Весенняя весть» — это надпись, которую вешают на ворота с наступлением весны. Знаки «ворота» и «весть» составляют иероглиф Мин, которым пишется моя фамилия. «Старый пес» — это вы про меня: будто я стар, зубы у меня выпали, говорю я неразборчиво и слушать меня противно. Но отнимите от иероглифа «старый пес» знак «собака» — и останется знак «великий»! Отнимите от иероглифа «скулить» знак «говорить» — и останется знак «император», то есть «миротворец». И получится у вас в итоге: «Мин — великий миротворец». И будет это уже не хула, а похвала мне!

Так разгадал он мою загадку и доказал, что он не только прекрасный грамотей, но и замечательный остролов.

Умер Мин Юсин семидесяти четырех лет от роду. Он вел безалаберную жизнь, слыл балагуром и насмешником, однако оставил по себе добрую память. Он прекрасно знал Ицзин, преклонялся перед Лао-цзы, почитал Дао. Не было ни одной стоящей книги, которую он не прочитал. Оба его сына успешно сдали экзамены на военный чин, хотя служить не стали.

Нынче осенью я снова заболел. Увы, Мина со мной уже не было. Поэтому я решил написать о нем, вспомнив все те шутки, остроты и изречения, которые слышал от него.

Я искренно сожалею о кончине незабвенного Мин Юсина:

— Бедный Мин! Он был человеком редкого ума и недюжинных способностей, он умел радоваться и гневаться, любить и ненавидеть. Он мечтал о подвигах, но так и не добился славы при жизни, нарисованные им на стене вороны — увы — не превратились в соколов. Я написал о нем воспоминания — и он снова со мной. Осень года ч о н ч х у к.

Перевод Г. Рачкова.

Рассказ о добродетельном золотаре

Философ Сонгюль знал старика Ома уже много лет. Жил этот Ом к востоку от Башни Предков и зарабатывал тем, что выгребал из деревенских нужников навоз и разносил его по полям. Односельчане называли золотаря

просто «дядька Ом», а философ величал, отнюдь не в шутку, титулом «господин Добродей-в-дерьме».

Как-то пришел к философу один из его учеников и заявил:

— Недавно я спросил у вас, что такое друг, и вы ответили: «Друг — это жена, только не та, что спит с тобой; это брат, но не по крови». Надо понимать, вы советуете не дружить с кем попало. Но что же я вижу на деле? Почтенные люди из знатных семей, высоко ценя вашу ученость, ищут дружбы с вами — вы же воротите от них нос, не удостоиваете их ни взглядом, ни добрым словом. А вот дядьку Ома привечаете, словно благородного, превозносите до небес его добродетели, набиваетесь ему в друзья, хотя он всего лишь грязный золотарь, последний человек в деревне, и каждый считает зазорным водиться с ним. Мне стыдно за вас. Не желаю я больше у вас учиться!

Сонгюль улыбнулся и ответил юноше так:

— Сядь и послушай, что я тебе скажу. «Лекарь сам себя не лечит, шаман сам себе не ворожит» — знаешь такую пословицу? Бывает, человек возомнит себя совершенством, на всех свысока глядит — только люди ничего в нем завидного не находят, никто его безупречным не признаёт. Другой пристанет: скажи да скажи ему о его недостатках. Такого сколько ни хвали, он только отмахнется. А открой ему его изъяны — он тут же губы надует: ты, мол, на него наговариваешь. Поэтому ты назови ему те недостатки, которых у него и в помине нет — даже если ты переусердствуешь, он на тебя зла держать не станет, еще и посмеется над тобой. А потом похвали его за те достоинства, которыми он сам гордится, — он и расчувствуется, словно нашел то, что давно искал, словно почесали ему то самое место, которое давно чесалось. Кстати, чесать зудящее место тоже надо уметь, тут есть правила: когда чешешь спину, не касайся подмышек, а когда чешешь грудь, не трогай шею. Научись хвалить человека за его достоинства и не ругать за недостатки — тогда он раскроет тебе объятия и скажет, что только ты один его понимаешь!

Ученик закрыл руками уши и сказал:

— Вы проповедуете, учитель, ухватки торгашей и повадки лицемеров! Философ покачал головой.

— Все не так просто, как тебе кажется. В самом деле, у торгашей дружба строится на выгоде, а у чиновников, которых заботят лишь титулы да звания, — на лицемерии. В их кругу так заведено: если ты у него трижды попросишь что-либо — ты уже не друг, а враг; если же ты сам трижды одарил его чем-либо — то ты ему вовсе и не враг, а друг сердечный! Но только дружба по расчету и дружба на лицемерии

недолговечны. Хочешь дружить с человеком всерьез — не смотри на чины и звания, хочешь дружить крепко — не рассчитывай на выгоду. Друга выбирай близкого по духу, по нраву, преданного добру и долгу, — такой друг и за тысячу лет — незаменим, такой друг и за тысячу ли — всегда рядом.

Вот, например, дядька Ом. Я им не нахваляюсь, хотя другом моим он никогда не был. Чем же он хорош? За столом чавкает, во сне храпит, ходит вразвалку, на людях молчит, как пень, или гогочет так, что хочется уши заткнуть. Соорудил он себе из глины хижину, соломой покрыл, для входа и выхода дыру оставил — согнется, как креветка, вползет в дыру и уляжется по-собачьи. Утром спозаранку встанет бодрый, вскинет на спину корзину и ходит по деревне, собирает навоз, ежась от инея в сентябре и скользя по льду в октябре. Бережно, словно золото, вычерпывает дерьмо из нужников, выгребает конские яблоки из конюшни, коровьи лепешки из хлева, куриный помет из птичника, не брезгует собачьим, гусиным, утиным, воробьиным дерьмом — все подбирает. Когда он, поплевав на ладони, берется за лопату и работает, сгибая и разгибая спину, он сам похож на большую птицу, клюющую зерно. И ведь никто не посмеет сказать, что он занимается ненужным делом, что работает только на себя — без навоза ни у одного крестьянина земля не родит! Его не восхищают произведения искусства, не умиляет изящная музыка. Все домогаются богатства и чинов, но не всем они достаются — поэтому он и не гоняется за ними. Похвалят его — он никогда не зазнается, обругают — ничуть не обидится.

За год он дает прибýtка на шестьсот лянов, так как носит навоз даже на самые дальние поля — и вот вырастает редька в Вансим, репа в Салькоччи, баклажаны, огурцы, дыни и тыквы в Соккё, перец, чеснок и лук в Ёнхвегун, петрушка в Чхонпха, земляные яйца в Литхэин. Сам же он довольствуется миской риса утром, перед работой, и еще одной — вечером, после работы. Когда его угощают мясом, он отказывается и говорит, что мясо и овощи насыщают брюхо одинаково, вкус же — дело десятое; когда ему предлагают нарядную одежду, он отвечает, что широкие рукава и длинные полы мешают таскать навоз. И только в первый день Нового года он позволяет себе надеть новую шляпу, новые туфли и новый халат с поясом, чтобы рано утром обойти всех соседей и поздравить их с праздником. А потом снова переодевается в тряпье, вскидывает на спину корзинку и отправляется чистить нужники. В общем, можно сказать так: дядька Ом и ему подобные выполняют грязную работу, но они делают при этом благое дело!

В древних книгах сказано: «Богатые и знатные живут, как богатые и

знатные, а бедные и худородные — как бедные и худородные». Это значит: живи так, как тебе на роду написано. В «Шицзине» я прочитал: «Люди трудятся день и ночь, а доля у каждого своя». Это значит: судьба человека predetermined заранее, и он должен следовать ей. Иначе сегодня он попробует креветок — завтра ему захочется яиц, сегодня наденет холсты — завтра позавидует тем, кто носит тонкое полотно. Отсюда и рождается в мире смута, бунтует простой люд, пустеют и приходят в упадок пашни. Вспомни: У Гуан и Сян Цзи мирно копали грядки и пололи сорняки, пока не соблазнились мыслью завоевать богатства страны Цинь. Недаром говорится в «Ицзине»: «Кто копит состояние, тот поощряет воровство». Выходит, и на роскошном халате вельможи отыщутся грязные пятна, ибо если богатство нажито не собственным трудом, оно — грязное. Не потому ли, когда толстосум расстается с жизнью и переселяется в мир иной, ему в рот кладут нефритовую бусинку как символ очищения? Дядька Ом собирает навоз и продает его крестьянам — этим и кормится. Можно сказать, что он занимается грязным ремеслом, что живет он в дерьме, что от него несет воню. Но невозможно отрицать его добродетели. Точно так же невозможно порицать вельможу за его богатства, если он тратит их на благотворительность. Значит, и в чистом найдется грязное, и в грязном найдется чистое.

Обычно, когда человеку плохо, он с завистью смотрит на тех, кому хорошо. Но дядька Ом терпит всё, он даже не помышляет позавидовать кому-либо или украсть что-либо. Собственно говоря, он и есть самый настоящий «совершенный муж»!

Бедный ученый стыдится своей бедности, а когда разбогатеет, не стыдится вкусно есть да сладко пить. Дядька Ом совсем не такой, он всегда остается самим собой. Я хотел бы назвать его своим другом, но даже подумать об этом не смею. Из почтения я никогда не обращаюсь к нему по имени, он для меня — господин Добродей-в-дерьме.

Перевод Г. Рачкова.

История с дворянином

Нет звания более высокого и более почетного, чем звание дворянина!

Жил в уезде Чонсон один дворянин — кладезь премудрости, страстный книгочей. Всякий крупный чиновник, назначаемый служить в уезд, считал для себя честью познакомиться с ним и побывать в его доме.

Дворянин этот не имел никакого состояния и вынужден был каждый месяц брать из королевского хранилища рис на пропитание семьи. Долг постепенно рос и достиг тысячи мешков.

Именно в это время объявился в уезде королевский ревизор и принялся дотошно выверять в управе счетные ведомости. Обнаружив, что какой-то местный житель задолжал казне тысячу мешков риса, он пришел в великий гнев и приказал бросить должника в узилище. Правитель уезда искренно жалел несчастного дворянина и готов был за него заступиться, однако недостача в хранилище оставалась непокрытой, приказ ревизора строг, и он не знал, как ему быть.

Дворянин день и ночь лил слезы, сетуя на судьбу, уготовившую ему невыносимый позор. А тут еще жена зудила злобно:

— Всю жизнь мусолил бесполезные книжки да морил голодом семью, и вот — угодил в арестанты! А еще дворянин! Грош цена такому дворянину!

По соседству с дворянином жил богач из худородных. Когда докатился до него слух о ревизии в управе и предписании королевского ревизора, он стал прикидывать, какую выгоду можно из этого извлечь. В голове у него созрел дерзкий план. Он созвал всех своих родственников и объявил им:

— Дворянин, даже самый бедный, с ног до головы осыпан почестями и привилегиями, а наш брат простолюдин, владеет он хоть сундуком серебра, с рождения обречен на всяческие унижения: ездить верхом — права не имеет, при встрече с дворянином обязан пасть перед ним ниц, в дом к нему войти не смеет — должен встать на колени и ползти по двору, роя носом землю! Прослышал я, что сосед мой по бедности залез в долги и не может из них вылезти; положение у него аховое: его вполне могут лишить всех титулов и прав. Вот и решил я: дам-ка я ему денег и куплю у него его дворянское звание!

Родня горячо одобрила его решение. Богач отправился к дворянину и предложил ему продать дворянское звание за тысячу мешков риса. Дворянин, который уже отчаялся найти выход из бедственного своего состояния, чуть не подпрыгнул от радости и сразу согласился. В тот же день богач внес в казну весь его долг.

Правитель уезда чувствовал себя прескверно: заключить дворянина в темницу у него рука не поднималась, а ослушаться повеления королевского ревизора не позволял страх потерять должность. Узнав, что долг казне погашен, он несказанно обрадовался и поехал к дворянину — расспросить, каким образом удалось тому избежать позора. Встретил он

дворянина на дороге возле дома: вместо шляпы с зубцами у него на голове крестьянский колпак, на плечах вместо шелкового халата — холщовая рубаха. Завидя правителя, он упал на колени, опустил голову и приветствовал его смиренно. Изумленный, правитель сошел с паланкина, поднял его и спросил:

— Досточтимый ученый муж, зачем вы себя так унижаете?

Дворянин изобразил на лице благоговейный трепет, отбил лбом по земле поклон и проговорил кротко:

— Осмелюсь почтительнейше напомнить: каждый должен вести себя соответственно званию. Сегодня я вынужден был продать свой дворянский титул богачу соседу, дабы уплатить долг. И отныне он — дворянин, а я — простолюдин, так что не смею я теперь держать себя так, как раньше.

Правитель только руками развел. Помолчав, он сказал:

— Этот толстосум — голова! Ему не откажешь в смекалке! Что ж, он богат, но не скуп — значит, великодушен; он воспринял чужую беду, как свою, — значит, добросердечен; он презирает подлое сословие и преклоняется перед благородным — значит, умен. Да, он настоящий дворянин! Но только ваш уговор следует должным образом оформить в управе, иначе он не будет иметь силы и суд его не признает.

Правитель вернулся в управу и велел пригласить в свидетели дворян, торговцев, крестьян и ремесленников. Он усадил богача справа от писцов, а дворянина поставил возле стражников и стал составлять грамоту о купле-продаже дворянского звания:

«В такой-то день девятой луны десятого года под девизом «Всеобщее Процветание» Имярек купил звание дворянина, заплатив тысячу мешков зерна. Занятий у дворян множество. Одни изучают науки — их называют учеными. Другие состоят на государственной службе — их называют чиновниками. Третьи ищут истину и совершенствуют себя — их называют философами. Есть военные дворяне — восточный клан, и есть гражданские дворяне — западный клан. Покупатель может выбрать себе любое из этих занятий. Однако звание дворянина обязывает его строго соблюдать следующие правила:

— служить благородным целям, не совершать низких поступков, во всем следовать примеру древних;

— вставать на рассвете, зажигать светильник, садиться ягодицами на пятки и, сведя глаза на кончик носа, декламировать «Рассуждения» Дун Лая — да так, чтобы слова катились гладко, словно тыквы по льду;

— терпеть голод и холод, не жаловаться на бедность;

— не клацать зубами, не чесать в затылке, не харкать, не распускать

слюни;

— по утрам протирать рукавом шляпу, дабы уберечь от пыли узоры на ней;

— умываясь, не тереть шумно ладони, рот полоскать беззвучно;

— ходить степенно, волоча туфли, в жару не снимать носки, служанку призывать протяжно;

— ежедневно переписывать «Избранные сочинения мудрецов» и «Танские стихи» мелким почерком — по сто иероглифов в строке, каждый иероглиф не больше кунжутного семени;

— не брать в руки денег, рис покупать, не торгуясь, не забивать скотину собственноручно;

— не суетиться при виде яств, не есть сырого лука, не стучать палочками для еды, словно пестом в ступе, не греть руки над жаровней;

— не обсасывать усы, выпив вина; не втягивать щеки, куря трубку;

— не колотить жену в гневе, не бить посуду в раздражении;

— не бранить слуг площадными словами; не оскорблять хозяина, если виновата его скотина;

— не звать шаманку ворожить больному, не приглашать монаха совершать жертвоприношения;

— не играть на деньги в азартные игры, не брызгать слюной при разговоре.

Если будет нарушено хоть одно из этих правил, надлежит явиться к правителю уезда, дабы тот выслушал покаяние и назначил наказание».

Когда грамота была составлена, правитель скрепил ее своей подписью, советник управы и его помощник расписались в качестве свидетелей, после чего служака вынул из шкатулки большую печать и шлепнул ею по бумаге, будто ударил в барабан. Правитель зачитал грамоту богачу. Богач сидел молча, на лице его было разочарование. Наконец он разомкнул губы:

— И это все? Одни только обязанности — и никаких прав? А я-то думал, дворяне живут, что твои небожители! Оказывается, быть дворянином и тягостно, и скучно — кто же на такое согласится? Нет, вы уж составьте грамоту так, чтобы мне захотелось стать дворянином!

Пришлось исправлять написанное: упрек был справедлив. Теперь грамота выглядела так:

«Небо поделило всех людей на четыре сословия: дворян, крестьян, ремесленников и торговцев. Самые знатные из них — дворяне. Привилегии их обширны: они не пахут, не сеют, не торгуют, а только читают книги да пишут иероглифы, а потом сдают государственные экзамены на должность. Кто хорошо сдал экзамены, тот занимает хорошую должность,

а кто плохо — возвращается домой и ждет назначения. Отличившимся вручают «красный листок»: бумажка невелика, но она — источник всяческих благ, потому и называют ее «кульком изобилия». Ну а тот, кто провалился, к тридцати годам получает первую чиновную должность — если будет хорошо служить, то может дослужиться до чина магистра и даже до высокого чина советника.

Уши у дворянина белые — они всегда закрыты шляпой от солнца и ветра, а живот круглый и пухлый — ведь любые изысканные яства доставляют ему по первому звону колокольчика. В отдельных палатах живут у него наложницы, по саду гуляют поющие журавли. Даже самый захудалый дворянин имеет право заставить соседей-крестьян вспахать на их быках свое поле или прополоть на нем сорняки. И никто не посмеет отказаться! А если таковой и найдется, то ему насыплют в нос горячего пепла, оттакают за волосы и надают оплеух. И попробуй он только пожаловаться!..»

Дослушав до этого места, богач вскочил.

— Стойте! Стойте! Довольно! Я хотел стать дворянином, а вы делаете меня разбойником с большой дороги!

И, мотая головой, он пустился наутек. И после этого до самой смерти не заикался он больше никогда о том, чтобы стать дворянином.

Перевод Г. Рачкова.

КОММЕНТАРИЙ

Комментарий состоит из двух частей. Первая часть включает имена, географические названия и термины, расположенные в алфавитном порядке. Во второй части содержится постраничный комментарий.

Авалокитешвара (кит. Г у а н ь и н ь, кор. К в а н ы м) — один из самых популярных бодхисаттв, спасающий людей от бед и тем приводящий их на путь истины. Может являться в самых различных обликах. В Китае и Корее обычно предстает в женском облике как милосердная матушка и родовспомогательница.

Ай-гун — князь удела Лу, в правление которого Конфуций закончил «Весны и осени», на троне 495—465 до н. э.

Амитабха — будда, возглавляющий Землю Чистоты (Сукхавати).

Амнок (Амнокган, кит. Я л у ц з я н) — река, по которой Корея граничит с Китаем.

Ань Лушань (ум. 757) — командующий пограничными округами при императоре Сюань-цзуне. Был в большом фаворе у императора и его любимой наложницы Ян-гуйфэй. В 755 г. поднял мятеж, едва не погубивший династию Тан. В 757 г. был убит собственным сыном.

Арки почтительным сыновьям и добродетельным женщинам. — В Китае и Корее высоко почиталась сыновняя почтительность (вплоть до жертвования собой ради родителей) и женская добродетель (вплоть до самоубийства жены после смерти мужа). В особо выдающихся случаях в память этих поступков по велению властей сооружались почетные арки.

«Байчжу» (букв. «белая ткань из рами») — песенно-танцевальная мелодия, популярная в древнем китайском княжестве У (220—280).

Бао Сюань (ум. 3 н. э.) — вельможа времен Хань, которого заставил покончить самоубийством узурпатор Ван Ман, не переносивший верных династии чиновников. Его жена в китайской поэзии — одна из образцовых любящих жен.

Башня Кёнхвену — павильон на территории дворца Кёнбокгун, в котором устраивались государевы пиры; в 1412 г. был перестроен для приема иностранных послов.

Безмолвие Сливы Ли — слова основателя даосизма Лао-цзы (VI в. до н. э.): «Тот, кто говорит, ничего не знает; тот, кто знает, ничего не

говорит», вошедшие в пословицу. Ли, фамилия Лао-цзы, означает «садовая слива».

Бо Цзюйи (772—846) — великий китайский поэт. В числе его сочинений есть «Песня о попугае».

Бодхисаттва — буддийский святой, достигший высшего прозрения и могущий стать буддой, но временно отказавшийся от вхождения в нирвану (состояние, в котором пребывают будды) и являющийся людям в человеческом облике, чтобы помочь им в поисках истинного пути.

Бодхисаттва Милосердия (кит. Цы - ши, кор. Ч а с с и) — один из титулов Майтрейи.

Бо-и и Шу-ци — братья-сановники, верные слуги династии Инь-Шан. После того как чжоуский У-ван сверг их государя, они не стали служить новой династии, удалились в горы и там умерли с голоду.

Боцзэ — мифическое чудовище, внешне его изображения напоминают льва.

Бритоголовый. — Имеется в виду буддийский монах.

Бумажное окно. — В старину, когда не было еще стекла, окна обтягивали шелком или промасленной бумагой.

Бумажные деньги. — Имеются в виду самодельные бумажные деньги, которые в числе прочих жертвоприношений душам умерших оставлялись на могилах; иногда были раскрашены золотой краской и сжигались.

Ван Аньши (1021—1086) — писатель, государственный деятель. Возглавил движение за реформы экономической и политической системы Китая периода Сун.

Ван Вэй (Ван Цзюю, 701—761) — великий китайский поэт и художник, автор лирических и пейзажных стихов («в его стихах картины, в его картинах — стихи»). В его стихотворении, посвященном пограничному западному городу Вэйчэну, говорится: «Иссиня-синим стал дом для гостей, свежими — листья на ивах».

Ван Ифу (Ван Янь, 256—311) — последователь даосизма в древнем Китае; славился своим бескорыстием и даже не произносил слово «деньги»; однажды, когда он спал, его жена приказала служанке разложить деньги вокруг его ложа; проснувшись, Ван Ифу воскликнул: «Уберите прочь эту дрянь!»

Ван Сичжи (321—379) — знаменитый поэт и каллиграф, основатель скорописного стиля в китайской каллиграфии.

Ван Фу (1079—1126) — государственный деятель Китая. В описываемое время жил в кумирне Юшэньгуань, готовясь к сдаче

государственных экзаменов.

Ванму (Сиванму — «Мать-повелительница Запада») — в китайском фольклоре, повелительница фей. Обладает эликсиром бессмертия.

Ван Сян — китайский ученый и поэт, был в составе посольства в Корею в 20-е гг. XII в.

Вань-ли — под этим девизом китайский император Шэнь-цзун правил в 1573—1620 гг.

Великая Печальница — один из титулов бодхисаттвы Кваным (см. *Авалокитешвара*).

Великое государство. — Имеется в виду Китай, куда из Кореи направлялись ежегодные посольства с данью. Поскольку вассалитет Кореи был лишь номинальным, «дань» обычно являлась обменом более или менее равноценными подарками.

«Весна в Яшмовом павильоне» — мелодия, получившая название по строке стихотворения китайского поэта Гу Сюаня (X в.).

«Веснянка» — название старинного танца.

Ви Ман (правил 194—? до н. э.) — выходец из Китая периода династии Хань; обосновался в древнем корейском государстве Чосон, в 194 г. захватил его столицу Вангомсон и объявил себя правителем.

Видо́ — остров, на который был сослан Ли Кюбо в 1231 г. за нарушение, допущенное при совершении государственного жертвоприношения.

Вишвабхадра (Пусянь) — бодхисаттва, имя которого связывается с созданием двух популярных произведений — Лotosовой сутры и Хуаяньцзина.

Вонгван (?—630) — известный деятель корейского буддизма.

Вонсон — ван государства Объединенное Силла, правил в 785—798 гг.

Вонхё (617—686) — монашеское имя Соль Содана, известного деятеля корейского буддизма периода Объединенное Силла.

Ворота Юймэнь — застава на крайнем западе Китая (ныне в западной части провинции Ганьсу), за которой начинались земли других народов. В китайской поэзии — символ прощания с родиной.

Восточное царство. — Имеется в виду Корея.

Вторая стража. — Ночное время (с семи часов вечера до пяти часов утра) в Китае и в Корее делилось на пять страж; каждая стража состояла из одного часа (равного двум европейским), смена страж обозначалась ударами колокола; вторая стража — время с 9 до 11 часов вечера.

Вэй Янь (IX в.), *Юй Кэ* (XI в.) — прославленные китайские художники-пейзажисты и каллиграфы.

Вэйский Ян — выдающийся древнекитайский политический деятель Шан Ян (или Гунсунь Ян, 390—338 до н. э.). Родом из владения Вэй, он перешел в 356 г. на службу к правителю Цинь князю Сяо-гуну (на троне 361—338 до н. э.). Сяо-гун его внимательно выслушал и положил его идеи в основу циньской политики.

Вэйшуй — приток р. Хуанхэ в провинции Шэньси. На этой реке расположены древние столицы Китая — Сяньян (столица Чжоу) и Чанъань (столица Тан).

Вэнь Тяньсян (1236—1283) — китайский политик и поэт, служивший династии Сун. Пытался сопротивляться вторжению монгольских армий Хубилая, попал в плен и умер в темнице, не покоровшись завоевателям. В тюрьме написал прославленную «Песнь моему прямому духу».

Вэнь-цзун — император династии Тан (правил 827—840).

Вэнь Юйкэ (Вэнь Тун, 1018—1079) — поэт, каллиграф, художник. Рисовал бамбук, выработав свою особую манеру, имел много последователей.

Гао-цзу (Лю Бан, 256—195, на троне 202—195 до н. э.) — основатель династии Хань в Китае (206 до н. э. — 220 н. э.). Символ грозного и могучего правителя.

Гочжун (Ян Гочжун, ум. 756) — брат фаворитки танского императора Сюань-цзуна Ян-гуйфэй. Ее родственники, и особенно Ян Гочжун, пользовались при императоре неограниченной властью и допускали много злоупотреблений. Когда вспыхнул мятеж Ань Лушаня (755 г.), император по требованию войска казнил Ян Гочжуна, а Ян-гуйфэй повесилась.

Гуан (Ян Гуан, Ян-ди, на троне 605—618) — последний император династии Суй (581—618), отличавшийся крайней жестокостью и сластолюбием.

Гуан-дэ (кор. к а п ч ж и н) — второй год правления под этим девизом соответствует 764 г.

Гуань Юй (ум. 219) — полководец периода Троецарствия в Китае. Впоследствии был обожествлен как бог войны, и по Китаю во множестве встречаются его кумирни.

Гуань-ди («император Гуань») — титул обожествленного Гуань Юя.

Гуань Чжун (ум. 645 до н. э.) — советник при Хуань-гуне (685—643 до н. э.), государе владения Ци (в современном Шаньдуне). Своими реформами способствовал тому, что Ци стало первым среди других владений.

Гуаньчэнский удел. — В «Жизнеописании Кончика Кисти» Хань Юя

говорится, что «предки Кончика Кисти происходят из удела Гуаньчэн», древнего удела начала I тыс. до н. э., где водились зайцы, из шерсти которых выделялись кисти.

Гуй (Ди-гуй, Цзе, XVI в. до н. э.) — последний правитель династии Ся, жестокий и несправедливый, развешивал по деревьям вяленое мясо казненных им людей.

Гуйцзи — современный город Шаосин в провинции Чжэцзян. Один из городов Китая, славящихся своими древностями и красивыми пейзажами.

Гун Юй (124—44 до н. э.) — советник государя и начальник цензората. При Юань-ди неоднократно подавал доклады, осуждавшие роскошь двора и недостойные дела сановников, предлагал средства к устранению смут и снижению налогов.

Гэйши — должность чиновника 8-го ранга.

Даос из Шаньиня. — Некий даос подарил гуся знаменитому поэту и каллиграфу Ван Сичжи, который изобрел плавный скорописный почерк, где за образец были взяты линии изгиба шеи гуся. Ван Сичжи в благодарность переписал для даоса книгу Лао-цзы «Дао дэ цзин» («Книга о Пути и Добродетели»).

Девять истоков — в китайской мифологии, подземное обиталище мертвых.

День холодной пищи — 105-й день после зимнего солнцестояния, приходящийся на 5-й или 6-й день 4-го лунного месяца. Обычай связан с преданием о гибели в огне Цзе Цзытуя (VII в. до н. э.), обиженного на Чжун-эра, сына правителя княжества Цзинь Сянь-гуна. Люди из уважения к Цзе Цзытую отказываются разжигать огонь и едят только холодную пищу.

Детское имя. — В старину корейцы имели по несколько имен: детское имя, которое давалось сразу после рождения; официальное — при наступлении совершеннолетия; обиходное — при обращении к равным или младшим; почетное — за заслуги перед государством; посмертное имя давалось государям и заслуженным деятелям.

Дракон, феникс — священные мифические существа, являющиеся олицетворением могущества, таланта, красоты, верности.

Друг Святых Мужей. — В китайских легендах олени нередко выступают как спутники святых отшельников, ушедших от суеты мира.

Ду Жухуй (585—630) — крупный сановник, один из главных политических деятелей в начале династии Тан. Фамилия Ду означает «имбирь».

Ду Му (803—? 852) — выдающийся китайский поэт, творчество которого высоко ценилось в Корее и Японии.

Ду Юаньмэй (Ду Фу, 712—770) — великий китайский поэт, на старости лет оставивший службу и живший отшельником в соломенной хижине.

Дхарани — буддийские заклинания, которым придается магический смысл. Многократное произнесение дхарани считается одним из средств приближения к прозрению и состоянию будды.

Ечжон — государь династии Ли, правил в 1469 г.

Ёльсан — один из псевдонимов Пак Чивона.

Ём Хынбан (?—1388), *Лим Кёнми* (?—1388) — крупные корейские землевладельцы, занявшие высокие посты в государстве и выступившие против власти государя Конмина, который был убит в результате дворцового переворота в 1374 г.; оба казнены в 1388 г.

Ёнам — псевдоним Пак Чивона.

Ёнгу («парадные фразы») — стихотворный жанр, спецификой которого является параллелизм каждых двух фраз (строк) — смысловой и грамматический.

Ёнхве — известный буддийский проповедник Объединенного Силла (VII—X вв.), был наставником государя Вонсона.

Ёчжан — второе имя Квон Пхия.

Желтые истоки. — См. *Девять истоков*.

Жемчужина, исполняющая желания (Мани) — волшебная жемчужина буддийских легенд, доставляющая владельцу все, что он пожелает.

Жуань Сюаньцзы (Жуань Сю, 270—311) — знаток «Книги перемен» и Лао-цзы, приверженец учения «чистых бесед». Намеренно отстранялся от встреч с людьми, которых считал грубыми. Убит разбойниками.

«*Записи*». — Вероятно, имеются в виду «Исторические записи трех государств» Ким Пусика (1075—1151).

Звезда стариков (Южная звезда). — Имеется в виду звезда Канопус. По китайским поверьям, тот, кто увидит эту звезду, доживет до глубокой старости.

Зеленые терема — так назывались в Китае и Корее жилища певичек-гетер.

Золотой бессмертный — один из титулов Будды.

Икчжэ (Ли Чехён, 1287—1367) — выдающийся корейский писатель, ученый и государственный деятель.

Императорская столица. — Имеется в виду столица Китая — Пекин (Бэйцзин).

Имчжун — девятый день месяца по лунному календарю.

Имчжунская война — отечественная война корейского народа против японских завоевателей в 1592—1596 гг.; названа по названию 29-го года цикла — «и м ч ж и н»; по европейскому летосчислению здесь соответствует 1592 г. — году начала войны.

Имя в списке. — После проведения государственного экзамена на право занятия должности или получения ученой степени вывешивался официальный список лиц, выдержавших экзамен; из списка было видно также и место, занятое экзаменовавшимся.

Инчжоу — один из островов, где китайские легенды поселяют бессмертных.

Инь и ян — понятия древней китайской космогонии и натурфилософии; инь — темное начало, ян — светлое, в результате их взаимодействия возникает все сущее в мире. В плане человеческих отношений под инь понималось женское начало, под ян — мужское. Поддержание должного равновесия между инь и ян — функция правителя, нарушение гармонии — свидетельство непорядка в управлении.

Иньский Тан (Чэн Тан, XVI в. до н. э.) — основатель династии Инь-Шан (XVI—XI вв. до н. э.), свергнул последнего государя предыдущей династии Ся (XXI—XVI вв. до н. э.) Цзе, которого традиция представляет как злодея.

«Истинный облик». — По буддийскому преданию, после смерти Вонхё его сын Соль Чхон раздробил его кости, смешал их с глиной и вылепил изображение, которое назвал «истинным обликом» (чиньён).

«История династии Тан» — династийная история. В династийных историях был специальный географический раздел, где давались сведения по физической и политической географии.

Ицзин. — См. «Книга перемен».

И-цзун — император Китая, правил под девизом Чун-чжэнь 17 лет и погиб в 1644 г.

К а б и н — 51-й год 60-летних циклов, здесь соответствует 1194 г.

Кабинет «Ёнам — Ласточкина скала». — Ёнам, псевдоним Пак Чивона, переводится как «ласточкина скала» (или «скала ласточек»).

Кай-юань, Тянь-бао — девизы годов правления императора Сюань-

цзуна, соответственно 713—741 и 741—756; эти годы считаются периодом наивысшего расцвета династии Тан в Китае.

Кан — мера длины, равная ок. 2 м.

Кан Камчхан (948—1031) — известный корейский военачальник, прославившийся в войне с киданями (государство Ляо, 916—1201); с его именем связаны легенды, существует анонимная «Повесть о Кан Камчхане».

Кан Хонним (1560—1627) — корейский военачальник, принял участие в боях с маньчжурскими войсками (государство Поздняя Цзинь) вместе с войсками китайской династии Мин, однако был разбит и попал в плен, где находился десять лет.

Кан Шицзюэ и др. — Здесь, видимо, пересказывается сюжет какого-то романа, т. к. имен действующих лиц в справочниках обнаружить не удалось.

Кан-си — маньчжурский (цинский) император, правивший Китаем в 1662—1722 гг.

Капсиль — 11-й год цикла, здесь соответствует 1454 г.

Каягым — корейский струнный музыкальный инструмент.

Квадратная Дырка, Связка. — Старые медные китайские монеты имели в середине квадратное отверстие. Нанизанная на бечеву тысяча монет составляла денежную единицу — «связку».

Кванвон, Кванчхон — названия уездов в Корее; автор далее так именует студентов, которые впоследствии станут правителями этих уездов.

Кваным. — См. *Авалокитешвара*.

Квидаль (Хон Квидаль, 1438—1505) — известный корейский поэт и государственный деятель.

Квиэ (Ким Суон, 1409—1481) — корейский государственный деятель, ученый и литератор.

Квонмун — надпись, призывающая оказывать денежную помощь в каком-либо предприятии; у буддистов — на строительство или ремонт храма и т. п.

Кеса — 30-й год цикла, здесь соответствует 1593 г.

Кёль — единица измерения земельной площади при начислении налогов; по некоторым данным — площадь, урожай с которой могут унести сто носильщиков за один прием.

Кён — мера площади, равная около 6 га.

Кёнбокгун — государев дворец в Сеуле, построенный по приказу Тхэчжо (Ли Сонгэ).

Кёндок-ван — правитель Объединенного Силла (на троне 743—764).

Кёнмён — правитель Объединенного Силла (на троне 917—923).

К ё н с и н — здесь 1200 г.

К ё н ъ и н — здесь 1470 г.

Кидане — племена тунгусского происхождения, обитавшие в древности в восточной части современной Внутренней Монголии. В X в. было основано государство киданей — Ляо, которое владело частью территорий Монголии, Маньчжурии, Китая.

Киль — слово означает «[человеческий] рост», используется как мера длины.

Ким Анно (Ёнчхон, 1481—1553) — корейский писатель и государственный деятель.

Ким Кёнсо (?—1619) — корейский военачальник, принял участие в Имчжинской войне (1592—1596) с японскими завоевателями (победа в битве при Пхеньяне), в войне с маньчжурами (государство Поздняя Цзинь) был помощником Кан Хоннима.

Ким Пусик (1075—1151) — известный корейский государственный деятель и историк, автор самого раннего из дошедших до наших дней труда «Исторические записи трех государств» (1145).

Ким Сисын (1435—1493) — один из крупнейших писателей Кореи, расширивший возможности традиционных жанров; наиболее известен как автор сборника «Новые рассказы из Кымо».

Ким Чханхын — корейский литератор времени правления государя Сукчжона (1675—1720).

Ким Ю (1571—1648) — корейский государственный деятель, имел титул «заслуженного сановника». Во время маньчжурского нашествия в 1637 г. настаивал на мирных переговорах, убедил государя Инчжо покориться китайскому (маньчжурскому) императору Тай-цзуну, за что и был впоследствии лишен всех чинов и званий.

Ким Юн — ученый и литератор периода правления Сечжо (1456—1468).

Кисá — шестой день месяца по лунному календарю.

Кисэн — обученные в специальных школах танцовщицы, певицы; наряду с актерами-музыкантами состояли при Ведомстве ритуала.

Кичжа (кит. Ц з и ц з ы) — китайский вельможа, родственник правителя Чжоу (правил в конце XII в. до н. э.). Согласно китайским историческим книгам, когда династия пала, ушел в Корею и создал там свое государство Чосон — первое государственное образование в Коре; якобы научил корейцев многим искусствам и ремеслам.

«*Книга гор и морей*» (Шаньхайцзин) — древнейшее географическое

описание Китая и сопредельных земель.

«*Книга о сыновней почтительности*» (Сяоцзин) — сочинение конфуцианского канона, содержащее суждения Конфуция о сыновней почтительности — одной из основных конфуцианских добродетелей.

«*Книга перемен*» (Ицзин) — древнекитайская гадательная книга, положения которой легли в основу древней китайской философии. Входит в конфуцианский канон.

Когурё (I в. до н. э. — VII в. н. э.) — одно из государств на Корейском полуострове. Его древняя столица Куннэсон находилась на территории Маньчжурии, в V в. переведена на место нынешнего Пхеньяна.

Колодезная система землепользования — легендарная древняя система распределения полей: в середине поля находился общий участок с колодцем и алтарями, а по периметру располагались восемь полей в частном использовании.

Колокольная улица — главная улица Сеула.

Комментарий Гуляна к «Веснам и осени». — Хроника царства Лу — «Весны и осени» (Чуньцю), составленная Конфуцием, представляет собой краткий перечень событий. Еще в древности появились три комментария, подробно рассказывавших о событиях, перечисленных Конфуцием. «Комментарий Гуляна» один из них. Все три комментария входят в конфуцианский канон.

Корё — название корейского государства и правящей династии в 918—1391 гг. От слова «Корё» происходит современное название — Корея.

Кóса (букв. отшельник) — часть псевдонима Ли Кюбо — Пэгун-коса.

Кочжон — Со Кочжон.

Красноголовые — участники повстанческих отрядов в Китае, боровшиеся за свержение Юаньской (монгольской) династии (1280—1367) и носившие красные головные повязки; терпя поражение в войне с правительственными войсками, часть повстанцев превратилась в разбойничьи банды, неоднократно (с 1359 по 1361 г.) совершавшие грабительские набеги на Корею.

Красный рог. — Имеется в виду навершие посоха в виде изогнутого рога, покрытого красным лаком.

Кун-цзы (Учитель Кун) — почетное наименование Кун Цю (551—479 до н. э.), известного в Европе как Конфуций, основателя ведущего этико-политического учения древнего Китая — конфуцианства. По преданию, дошедшие до нас тексты древних книг, вошедших в конфуцианский канон, были отредактированы им.

Курё — сокращенное название государства Когурё.

Кишитигарбха (Дицзан) — бодхисаттва хранитель земных недр, предстающий в буддийских легендах как верховный судья грешников в преисподней.

Кымбу — сыскное ведомство по особо важным делам и тюрьмам в старом Сеуле.

Кымгансан — горы на севере провинции Канвондо, одно из красивейших мест в Корее.

Кын — мера веса, равная 600 г, а также денежная единица, равная 16 льянам.

Лев-шицзы — по буддийским понятиям, одно из существ, охраняющих неприкосновенность храмов и учения Будды. В Китае и Корее изображения львов ставились как перед входом в храмы, так и перед воротами дворцов государей.

«Летающий полководец». — Имеется в виду китайский генерал Ли Гуан (II в. до н. э.), прозванный так гуннами, с которыми он воевал. Фамилия Ли значит «слива».

Ли — мера длины, равная около 0,5 км.

Ли Бо (701—762) — великий китайский поэт.

Ли Ван (1602—1674) — корейский военачальник, занимал ряд высоких постов в государстве, разрабатывал новые образцы вооружений.

Ли Е (1419—1480) — корейский ученый и государственный деятель, воспитатель великого князя Яннёна, член «Палаты собрания мудрых», участник составления большого «Собрания рецептов излечения болезней».

Ли И и Хо Сяюй. — История любви поэта Ли И (748—827) и певицы Хо Сяюй описана в новелле IX в. «История Хо Сяюй» Цзян Фана.

Ли Кэ (1417—1456) — корейский государственный деятель и литератор, казнен по приказу Сечжо.

Ли Пансиль (?—1362) — известный корейский полководец.

Ли Согви. — Вероятно, имеется в виду Ли Согу (1754—1825), ученый, государственный деятель, литератор; один из «четверки», возглавлявшейся Пак Чивоном. (См. *Лю Хепхун*.)

Ли Сукбон (1373—?) — корейский государственный деятель, руководил подавлением мятежа Пак Пхо в 1400 г.

Ли Сы (?—208 до н. э.) — первый советник императора Цинь Шихуана (241—209 до н. э.), главный инициатор репрессий и сожжения книг. После смерти его покровителя казнен.

Ли Сэк (1328—1396) — корейский ученый и литератор, видный представитель конфуцианской натурфилософии (одной из школ сунского

неоконфуцианства), последователь философии Чжу Си.

Ли Тайбо — Ли Бо, у которого есть стихотворение «Ночной крик вороны».

Ли Ханбок (1556—1618) — известный корейский государственный деятель и литератор; будучи начальником военного ведомства, сыграл большую положительную роль в Имчжинской войне 1592—1596 гг.

Ли Чэн — китайский государственный деятель периода правления императора Дэ-цзуна (780—805).

Лицзи («Книга ритуала»). — Составление книги приписывается Конфуцию, в ней есть упоминание о мышах. Входит в конфуцианский канон. В составе Шицзина («Книги песен») есть песня, обращенная к мышам.

Линь Бу (967—1028) — китайский поэт-отшельник, воспевавший в стихах своего любимого журавля и цветение посаженных своими руками слив.

Линьфу по фамилии Ли — Слива. — Ли Линьфу (ум. 752) — всесильный министр при танском императоре Сюань-цзуне (на троне 713—765), про которого говорили, что у него «на устах мед, а в мыслях меч». Упадок государственных дел в конце правления Сюань-цзуна история относит на его счет.

Ло Инь (?—909) — китайский поэт. Много раз не мог сдать государственный экзамен, потом получил должность, но вскоре оставил службу и жил отшельником в деревне.

Ло Кыкчхон — корейский ученый периода правления Мёнчжона (1171—1197); славился своим бескорыстием, случай с продажей дома, описанный в рассказе, действительно имел место в 1185 г.

Лотосовая сутра (Саддхарма-пундарика-сутра) — одна из самых популярных сутр буддийского канона, рассказывающая о различных способах, с помощью которых человек может быть подведен к истинному прозрению.

Лоянцы и Иньчуаньцы — придворные партии сторонников и противников реформ в XI в. (начало династии Сун). Сторонников возглавлял поэт и политический деятель Ван Аньши (1021—1086), связанный по службе с г. Иньчуань, а противников — философ Чэн И (1033—1107) родом из Лояна.

Лу Бао (конец III — начало IV вв.) — отшельник даосского толка, написавший «Рассуждение о жадности к деньгам», где осуждал накопление богатств и призывал к простой и непритязательной жизни.

«Луна-над-морем» (правильнее — Хэволь-коса — «Отшельник

Хэволь») — один из псевдонимов Лим Че (1549—1587).

Лунный старик — дух-покровитель луны, связывающий красной нитью новобрачных.

«*Луный*» — суждения и беседы Конфуция, записанные его учениками. Книга входит в конфуцианский канон.

Лэйцзюй — название древнего меча, рукоять которого была отделана яшмой.

Лю Гунцюань (778—865) — известный китайский ученый и каллиграф периода Тан.

Лю Сонвон (?—1456) — корейский государственный деятель и литератор, покончил с собой после неудавшейся попытки лишить трона узурпатора Сечжо.

Лю Хёнвон (1622—1673) — известный корейский ученый и литератор, сторонник прогрессивного движения «За реальные науки».

Лю Хепхун (Лю Тыкгон, 1749—?) — гражданский чиновник и литератор, один из группы четырех представителей течения «За реальные науки», возглавлявшейся Пак Чивоном; другие члены группы — Ли Токму, Пак Чега, Ли Согу.

Лю Цзыцзи — персонаж «Персикового источника» Тао Цяня (? 365—427).

Лю Цзянь — китайский государственный деятель и литератор в годы правления императоров династии Мин Чэн-цзу (1403—1424) и Жэнь-цзуна (1425); отличился во время смуты 1425 г.

Лю Янь (715—780) — экономист, специалист по финансам и налогообложению, много сделавший для ликвидации последствий мятежа Ань Лушаня (755—759), автор «Трактата о пище и деньгах».

Люй (Люй-хоу, 241—180 до н. э.) — правительница Китая (187—180 до н. э.). Ее личное имя Чжи («фазан») было при ее вступлении на трон подвергнуто табу, и фазаны назывались в то время «дикими петухами».

Люй Хуйцин (1031—1110) — один из ведущих деятелей движения за реформы Ван Аньши, автор ряда комментариев на произведения даосского и конфуцианского канонов. После поражения реформаторов окончил жизнь в ссылке.

Лян — весовая и денежная единица, равная 37,5 г серебра.

Ляньчжэнсин — одна из девяти звезд китайской астрологии — «Звезда честности и бескорыстия». Расположение звезд сопоставлялось с гексаграммами Ицзина («Книги перемен») и производилось гадание. Китайский посол говорит, что над Кореей возшла звезда Ляньчжэнсин, и это свидетельствует о появлении в Корее выдающегося человека.

Ма Дуаньлинь (ок. 1254—1323) — создатель в Китае исторической энциклопедии «Сводное исследование письменных источников» (Вэнь сянь тун као). «История династии Цзинь» принадлежит не ему.

Ма Юань (14 до н. э. — 49 н. э.) — государственный деятель и полководец. Поддерживал Лю Сю, будущего императора Хань, в его борьбе против узурпатора Ван Мана.

Майтрейя («Грядущий будда») — считается, что он будет следующим сошедшим в этот мир буддой после Шакьямуни. В настоящее время пребывает на небе Тушита — низшем из буддийских небес.

Майя (Майядева) — мать будды Шакьямуни. По легенде, она родила Будду из левой подмышки.

Маль — мера объема, равная ок. 18 л; слово может употребляться и просто в значении «мера», «мерка»; здесь, вероятно, употреблено во втором значении.

Мальгаль — корейское название маньчжурских племен в период китайской династии Тан (618—907).

Мангон — в Корее головная повязка, надевавшаяся на лоб для предохранения прически.

Манту — маленькие пирожки из пшеничной или гречневой муки с начинкой из мяса, овощей, орехов и т. п.; приготавливались на пару́.

Маньджушири — один из наиболее почитаемых бодхисаттв, воитель и защитник закона Будды. Легенда приписывает ему авторство Лотосовой сутры.

Мао Вэньлун (1576—1629) — китайский военачальник, долгое время успешно сопротивлялся экспансии маньчжуров после возникновения их государства на территории Маньчжурии. Впоследствии потерпел поражение и был убит.

Медвежья ладонь и зародыш барса — в древности считались деликатесами; сюда же относили олений окорок, утиные языки, икру ската, обезьяньи губы.

«*Мёнчжон силлок*» («Истинные записи о Мёнчжоне») — хроника правления государя династии Корё Мёнчжона (1171—1197).

Ми Хэн (173—198) — рано погибший поэт, из произведений которого наиболее известна «Ода попугаю».

Мин-хуан (Просветленный Государь) — почетный титул императора Сюань-цзуна.

Мирык (санскр. М а й т р е й я, кит. М и л э) — грядущий будда, изображаемый в виде веселого толстяка.

Мокчхим — небольшой четырехугольный брусок, служивший изголовьем; иногда изготавливался с углублением для головы.

Му — мера площади, равная ок. 100 кв. м.

Му-ван (947—928 до н. э.) — правитель династии Чжоу. Согласно легенде, ездил в обитель бессмертных правительницы запада Сиванму на восьми отборных скакунах.

Мудрейший Король Востока — посмертный титул Тонмён-вана (37—19 до н. э.), основателя корейского государства Когурё.

Мудрецы из Бамбуковой рощи — литературное объединение второй половины III в. в Китае, в которое входили семь поэтов, из которых наиболее известны были Цзи Кан (223—262), Жуань Цзи (210—263), Шань Тао (205—283), Ван Жун (234—306).

Музыкальная палата — учреждение, ведавшее обучением музыкантов, изготовлением музыкальных инструментов, обеспечением различных государственных ритуалов; было создано в период Корё (X—XIV вв.), подчинялось ведомству ритуала.

Мунму (661—680) — государь Объединенного Силла.

Мусинская смута — мятеж одной из феодальных групп, поднятый в борьбе за власть в 1728 г. под предводительством Ли Инчжва (в год м у с и н). Отряды мятежников заняли ряд городов, но были разбиты правительственными войсками.

Мэй Шэньюй (Мэй Яочэнь, 1002—1060) — известный китайский поэт, автор «Оды священной вороне».

Мэн Сасон (1360—1438) — корейский государственный деятель и литератор, известен его поэтический сборник «Песни времен года среди рек и озер».

Мэн Хаожань (689—740) — китайский поэт-отшельник, любовь которого к весенним цветущим сливам вошла в пословицу.

Мэхон (Ли Квану, 1363—1419) — ученый-конфуцианец, служил в секретариате государя, обучал конфуцианству и истории будущего государя Сечжона.

Нам Хёон (1454—1492) — корейский государственный деятель и литератор. С детства зная о шести верных сановниках, принявших смерть, и отстаивая право на престол законного наследника, вначале отказался от служебной карьеры, однако впоследствии занял пост начальника ведомства чинов.

Нам Чи — государственный деятель времени правления государя Сечжона.

Наставник из Ляньси — литературный псевдоним Чжоу Дуньши (1017—1073), знаменитого китайского философа периода Сун.

Нин Ци (VII в. до н. э.) — легендарный музыкант и певец, которого князь за песни сделал своим ближайшим советником.

Но Качже (правильно — Локачже) — псевдоним Ким Чханопы (1658—1721), корейского поэта и живописца; к государственной службе не стремился, предпочитал сельскую жизнь («Локачже» переводится как «Старик-сеятель» или «Старик-землепашец»); в 1712 г. сопровождал своего старшего брата Ким Чханчжипа, который был направлен послом в Китай; по возвращении опубликовал «Путевые записки Локачже».

Ню и Ли — придворные партии, в течение сорока лет боровшиеся за власть в Китае начала IX в. и возглавлявшиеся Ню Сэнжу (779—847) и Ли Цифу (758—814).

Нюй-ва — сестра и помощница мифического императора Фу-си. По некоторым легендам, имела тело змеи.

О Сегём (псевдоним Сочхон, 1430—1500) — государственный деятель и литератор; вместе с Сон Хёном и Лю Чагваном отредактировал ряд корейских национальных песен периода Корё.

О Токчжон (О Сечже, XIII в.) — известный литератор периода Корё, организатор содружества поэтов «Семеро мудрых из страны, что слева от моря».

О Чагён (1414—1478) — прославленный корейский военачальник, жизнь окончил в изгнании.

«*Обзор императорских земель*». — Каждая династия в Китае составляла сводное описание земель (И тун чжи). Неясно, о каком описании говорит Пак Чивон: минском, составленном до маньчжурского завоевания, или цинском 1864 г.

Область Сян — район реки Сян, южного притока Янцзы. По берегам реки растет пятнистый бамбук. Легенда гласит, что пятна эти — следы слез жен императора Шуня, оплакивавших его после смерти.

Огвансан — гора, расположенная близ столицы Корё Сондо; о ней поется в «Песне о горе Огвансан», по преданию сочиненной Мунчхуном, почтительным сыном, самоотверженно ухаживавшим за своей престарелой матушкой; тем, что супруги в новелле похоронили своих родителей именно на Огвансан, вероятно, подчеркивается их почтительность к родителям.

«*Огненная Сун*» — название китайской династии Северная Сун; эпитет «огненная» получила по названию одного из пяти первоэлементов древней натурфилософии (земля, вода, дерево, огонь, металл) — «огонь»,

под знаком которого правил первый император этой династии Тай-цзу (960—976).

Одэсан — гора в провинции Канвондо, на которой расположен главный буддийский храм Вольчжонса.

Оружейная палата — учреждение, ведавшее изготовлением оружия (создано в Силла, VII—X вв.), и арсенал.

Особый экзамен — экзамен на право занятия государственной должности, проводившийся раз в три года.

Отшельник, живший у Пяти из — псевдоним китайского поэта Тао Цяня (Тао Юаньмина, ? 365—427).

Оудон — персонаж рассказа «Порочная Оудон»; не исключено, что это реальная историческая личность.

Падук — игра типа шашек на многоклеточной доске.

Палата живописи — государственное управление по делам живописи, которое было создано в период Силла; в XIV в. с воцарением династии Ли, была переименована в Академию живописи; Академия направляла и регламентировала деятельность художников, главной задачей которых было написание портретов государей и членов их семей, а также выдающихся государственных деятелей и ученых.

Паль — мера длины, равная расстоянию между концами вытянутых в стороны рук.

Пак Ансин (1369—1447) — корейский ученый и государственный деятель, ездил послом в Японию.

Пак Ичхан (?—1451) — гражданский сановник; его посольская миссия в Китай и самоубийство, о чем говорится в рассказе, — реальные исторические факты.

Пак Пхэннён (?—1456) — корейский ученый, член «Палаты собрания мудрых»; один из шестерых вассалов, казненных узурпатором Сечжо.

Пангван (Хакгун, Сонгюнган) — ведомство конфуцианского просвещения и конфуцианская коллегия; ведет начало от Кукхак (Государственной школы), учрежденной в период Силла (VII—X вв.); университет Сонгюнган в Сеуле существует и поныне.

Панъон — второе имя Ли Юка (1438—1498, псевдоним — Чхонпха), прославленного корейского сановника и литератора. Известен как переводчик китайских классических книг, а также как автор «Собрания сочинений Чхонпха» и «Веселых рассказов Чхонпха».

Пань-ху. — По китайскому преданию, у жены императора заболело ухо, из которого вынули какое-то насекомое; императрица положила его в

горшок из тыквы (ху), накрыла блюдом (пань), и насекомое тут же превратилось в пса с пестрой шкурой, которого и назвали Пань-ху; впоследствии Пань-ху превратился в человека и женился на принцессе.

Паталака (Путо) — место на Малабарском побережье Индостана, где якобы являлся бодхисаттва Авалокитешвара (Кваным).

Персиковые ветки. — Считалось, что они отгоняют нечистую силу.

«*Персиковый источник*» — произведение Тао Цяня, рассказывающее о том, как некий рыбак случайно попал в страну, где люди жили простой радостной жизнью, не зная притеснений властей.

Петушиный лес (Керим) — одно из древних названий Кореи.

Пещера единорогов. — По преданию, Тонмён-ван — основатель корейского государства Когурё (правил 37—19 до н. э.) — разводил в пещере у павильона Пубённу (окрестности нынешнего Пхеньяна) единорогов — мифических благодетельных животных, явление которых предвещало мудрое правление и благоденствие.

Пёнса — военный начальник уезда.

П ё н ч ж а — соответствует 1456 г. и 1773 г.

Пи — удельный правитель древнего владения У в Китае, самовольно повелел отливать медные деньги; в 154 г. до н. э. поднял восстание против династии Хань.

Пинсо — место в доме или отдельное строение, где до похорон устанавливался гроб с телом умершего.

Пипха — четырехструнный музыкальный щипковый инструмент типа лютни.

Платье с широкими рукавами — такое платье носили ученые в старом Китае.

Подок (VII в.) — известный буддийский деятель государства Когурё.

Почжан-ван — государь Когурё, правил в 642 г.

Поян (X в.) — известный буддийский проповедник в государстве Силла.

Правитель Шао. — Имеется в виду Ши, который правил древней областью Шао в Китае; был помощником У-вана в войне за свержение династии Инь-Шан, считался образцовым правителем своего владения.

Пречистая гробница — саркофаг Синдок (?—1396), второй жены основателя династии Ли — Тхэчжо.

Приказ строительных работ и промыслов (Ведомство казенных работ) — одно из шести основных ведомств в старой Корее — чинов, податей, ритуала, военное, судейское, казенных работ; в провинциях имелись их отделения.

«Провинциальные записки». — Существует целый ряд китайских средневековых сборников, названия которых переводятся таким образом (дословно «Записки о реках и озерах» как противопоставление столичным городам); вероятно, автор имеет в виду один из них.

Пувонгун — почетный титул, присваивавшийся тестю государя и особо отличившимся министрам.

Пуса — градоначальник города 2-го разряда.

Пханчжунху — чиновник 1-го ранга при Тайном совете государя.

Пхоын, князь Чон Мунчхун. — Имеется в виду Чон Мончжу (1337—1392), корейский государственный деятель и философ, разрабатывавший в Корее конфуцианскую натурфилософию (неоконфуцианство); Пхоын — его псевдоним, Мунчхун — посмертное имя.

Пэ Сихван (XVII в.) — корейский военачальник, в 1658 г. участвовал в пограничной стычке с русскими казаками.

Пэй Цзюй — китайский государственный деятель и литератор периодов правления династий Суй (589—619) и Тан (618—907); ведал дипломатическими и торговыми отношениями с различными племенами, окружавшими страну.

Пэнлай — один из десяти легендарных островов в Восточном море, на которых обитали бессмертные.

Пять внутренностей — сердце, печень, почки, селезенка, легкие.

Пять отношений (устоев). — Имеются в виду отношения между людьми, создающие основу государственных, общественных и семейных норм поведения: между государем и подданными, родителями и детьми, мужьями и женами, старшими и младшими братьями и сестрами, друзьями.

Пять первоэлементов. — По понятиям древнекитайской философии, все сущее составлено из пяти первоэлементов: воды, огня, металла, дерева, земли.

Равнина персиковых деревьев. — См. «Персиковый источник».

Сае — должность чиновника 7-го ранга в ведомстве конфуцианского просвещения в Корее.

Санбу — конфуцианское ведомство инспекции нравов.

Санса — ученое звание.

Саныйвон — учреждение в Корее, ведавшее одеянием государей.

Сасон — должность чиновника 6-го ранга в ведомстве конфуцианского просвещения.

Сахонбу. — См. Санбу.

Секретарь Хан. — Имеется в виду Хань Шоу, который в конце III в. служил секретарем у Цзя Чуна, сановника государства Цзинь; легенда повествует о том, что Хань Шоу влюбился в дочь сановника, и молодые люди встречались тайно. В доме Цзя Чуна хранились пожалованные императором благовонные курения для вручения будущему мужу дочери. Дочь сановника Цзя У похитила курения, передала их Хань Шоу, и Цзя Чуну пришлось выдать за него дочь.

Семизвездье — Большая Медведица.

Семь чувств (семь состояний души) — радость, печаль, раздумье, любовь, удивление, страх, злость.

Сечжо — государь корейской династии Ли (правил 1456—1468).

Сечжон — государь корейской династии Ли (правил 1419—1450).

Сёму — император Японии (правил 724—749).

Сиденье в форме лотоса — возвышение, на котором восседают будды и бодхисаттвы.

Силла — одно из трех древних государств на Корейском полуострове, два другие — Когурё и Пэкчже (I в. до н. э. — VII в. н. э.); постоянно вели междоусобные войны. В результате длительной борьбы Силла удалось победить Когурё и Пэкчже, образовать единое государство, известное в истории под названием Объединенное Силла (VII—X вв.).

Синмун-ван — правитель государства Объединенное Силла в 681—691 гг.

С и н ч х у к — 1361 г.

Синъу. — Принято считать, что он был сыном Синдона, духовника (впоследствии первого министра) государя Конмина (1352—1374), усыновленным Конмином; вследствие дворцового переворота Конмин был убит (1374), на престол возвели десятилетнего Синъу, который затем был отправлен в ссылку и там умерщвлен.

С и н ъ ю — 1201 г.

Сиран — помощник начальника ведомства.

Сичжун — самая высокая должность в государстве в период Корё в Корею; в период Ли — председатель или член Государственного совета, состоявшего из трех человек.

Снежные горы — Гималаи, где, по преданиям древних китайцев, обитали львы.

Со Тальсон (Со Кочжон, 1420—1488) — выдающийся корейский ученый, писатель и государственный деятель.

Соён — учебная комната наследного принца во дворце.

Сок — мера объема, равная ок. 103 л.; здесь слово, конечно,

употреблено в значении «мера», «мерка»: подразумевается весьма скромный «доход» монаха.

Сок Тархэ (Тхархэ-ван) — государь Силла (правил 57—79); здесь речь идет о легенде, связанной с его происхождением.

Сом — мера объема, равная ок. 180 л.

Сон о Нанькэ. — Выражение происходит из новеллы китайского писателя IX в. Ли Гунцзо «Жизнеописание правителя Нанькэ», в которой рассказывается, как некто Чуньюй Фэнь увидел во сне, что стал зятем государя страны Май (Муравейник) и правителем области Нанькэ (Южная Ветка); проснувшись, он увидел муравейник, в середине которого был виден муравьиный царь, и муравьиную дорожку, тянувшуюся по стволу дерева к его южной ветке; выражение «сон о Нанькэ» означает бренную, быстропроходящую, иллюзорную жизнь.

Сон Саммун (1418—1456) — известный корейский ученый, литератор, государственный деятель; состоял в «Палате собрания мудрых», принял участие в создании корейской национальной письменности; казнен узурпатором Сечжо.

Сонби — ученый конфуцианского толка; слово может обозначать также ученого, не состоящего на государственной службе.

Сондо — столица Кореи при династии Корё (X—XIV вв.).

Сондок-ван — государь Силла (правил 702—736).

Сонмё — посмертное имя государя Сончжона (1470—1494).

Сонсэн — ученый человек, учитель; обращение к образованному человеку.

Сончжон — государь династии Ли (правил 1470—1494).

Срединная империя — Китай.

Старший брат Кунфан (Квадратная дырка) — старинное простонародное название денег; тигр иронизирует над почтительным отношением к деньгам — «старший брат!»

Ступа — буддийское культовое сооружение, пагода, построенная для хранения в ней мощей будд или других святых буддийского пантеона.

Су Жолань — китайская поэтесса IV в.

Су Цзычжань (Су Ши, 1036—1101) — писатель, философ и государственный деятель, один из главных оппонентов реформаторов, возглавлявшихся Ван Аньши; за бескомпромиссные суждения был сослан; он был также каллиграфом и художником, причем высшим достижением его живописи считается силуэтное изображение бамбука.

Су Цинь (ум. 317 до н. э.) и *Чжан И* (ум. 309 до н. э.) — выдающиеся китайские дипломаты, в своих увещеваниях государям преследовавшие

противоположные цели; Су Цинь прославился как оратор, имя его стало нарицательным в Китае и Корее.

Сукхавати («Земля Чистоты») — по буддийским представлениям, верхний ярус земного мироздания (выше идут ярусы небес), возглавляется буддой Амитабхой; в Сукхавати буддийская мифология помещает людей, достигших прозрения и ожидающих вхождения на небеса.

Сунские историки. — Имеются в виду историки периода Сун (960—1279) Оуян Сю (1007—1072) и Сун Ци (998—1061), составившие «Новую историю династии Тан», в которой помещена биография Ду Му.

Сунское государство — название Китая в 960—1279 гг.

Сунсюэ — знаменитый китайский каллиграф Чжао Сунсюэ (Чжао Мэнфу, 1254—1322).

Сунь Чэнцзун (1563—1638) — китайский полководец, пытавшийся остановить продвигавшиеся с севера на юг войска маньчжуров и построивший цепь пограничных крепостей; осажденный в крепости, покончил с собой, чтобы не сдаваться врагам.

Су-э (Хэн-э) — по китайским преданиям, фея луны.

«Схватка дракона с тигром» — в даосизме — один из способов физических и дыхательных упражнений, называется также «соединение воды с огнем».

Счастливей день. — По поверьям, дни могли быть либо благоприятными, либо неблагоприятными для любого дела, особенно — для свадьбы; определялись гадалщиками-астрологами.

Сыма Гуан (1019—1086) — автор сводной истории Китая «Зерцало всеобщее, правлению помогающее»; государственный деятель, один из главных противников Ван Аньши, добивавшийся отмены реформ.

Сын Неба — титул китайского императора.

Сынчжи — чиновники в канцелярии корейского государя.

Сюнну — племена северных кочевников, с древнейших времен совершавшие набеги на Китай.

Сянжу (Сыма Сянжу, 179—117 до н. э.) — древнекитайский поэт, жил долгое время в разлуке со своей возлюбленной Чжо Вэньцзюнь; по преданию, встреча их произошла на мосту Ланьцяо.

Тай-сы — одна из жен отца основателя династии Чжоу (1122—247 до н. э.) Вэнь-вана; легенда наделяет ее высокими добродетелями и трудолюбием: она трудилась от рассвета до заката, не покладая рук.

Тай-цзун — второй император династии Тан, правивший в 627—647 гг.; в начале своего правления совершил поход в Корею.

Тан (618—907) и *Юань* (1279—1368) — китайские династии, при которых Корея входила в состав китайской империи.

Тангун — мифический основатель древнего корейского государства Чосон. По преданию, правил тысячу лет, после чего стал духом.

Тань Юньхуа. — Вероятно, имеется в виду китайская поэтесса периода Юань.

Тао-исток. — См. «Персиковый источник».

Токгок (Сон Соннин, 1338—1442) — корейский государственный деятель и литератор.

Тонмён — основатель корейского государства Когурё, правил в 37—20 до н. э. По мнению китайского посла, был китайцем.

Торговцы миньской земли. — Область Минь (ныне провинция Фуцзянь) славилась своими мореходами, ведшими заморскую торговлю.

Тоса — должность чиновника 10-го ранга.

Траурные белые шляпы. — В Китае и Корее цвет траура — белый.

«*Три блага*» и «*четыре блага*» — три и четыре способа продвижения в прозрении истины у буддистов. Так, «три блага» означает продвижение к неведомым счастливым состояниям путем созерцания их противоположностей в этом мире.

Три государства. — См. *Силла*.

Три дня. — По традиции, выдержавшие государственные экзамены лица наносили визиты начальникам, родным и знакомым в течение трех дней. Здесь Чхве Севон мечтает о том, чтобы этот триумф Кан Чинсана был сорван.

Три князя («Самгон»). — Имеются в виду три члена Государственного совета при государе.

Три норы. — В древних китайских сочинениях о зайце говорится как о хитром животном, имеющем три входа в нору и так избегающем гибели.

Три нравственных начала — три качества совершенного человека: прямота, твердость в делах и уступчивость людям.

Три перерождения. — По буддийскому вероучению, человек живет три жизни: прошедшую (в прежнем перерождении), нынешнюю (после рождения) и будущую (после смерти и перерождения).

Триграмма «кань», *триграмма «ли»* — знаки из древней гадательной книги Ицзин («Книги перемен»), составленные в сочетании по три из сплошных и прерывистых черт.

Ту — мера объема, равная ок. 18 л.; здесь, вероятно, употреблено в значении «мерка» — небольшое количество.

Тугон — мужская головная повязка из конопляного холста; обычно ее

носили старики или люди, соблюдавшие траур.

Туфани — тибетские племена, создавшие сильное государство и совершавшие набеги на танский Китай.

Тхэчже — псевдоним корейского писателя Ким Анно (1481—1553).

Тхэчжо (Ван Кон) — основатель корейского государства и династии Корё (правил в 918—943).

Тхэчжо (Ли Сонгэ) — основатель корейской династии Ли, (правил 1393—1398).

Тэин (букв. «большой человек») — вежливое именование высоких должностных лиц, а также людей, достойных уважения.

Тэсан. — Этим термином обозначались крупные чиновники, министры; здесь, вероятно, имеется в виду начальник ведомства.

Тэсонса — высшее духовное звание, присваивавшееся буддийским монахам (секты созерцателей) за строгое соблюдение взятых на себя обетов.

Тянь-бао, год ы л ь м и — 755 г.

У — владение в древнем Китае, находилось южнее р. Янцзы.

У Гуан и Сян Цзи — участники восстания Чэнь Шэна против династии Цинь в 208 г. до н. э.

У Саньгуй (1612—1678) — военачальник династии Мин, открывший в 1644 г. ворота в Китай для маньчжуров. Однако уже в 1673 г. он поднял восстание против династии маньчжуров на юге страны и объявил себя императором новой династии Чжоу, уничтоженной маньчжурами в 1681 г.

У-ван (на троне ок. 1122 — ок. 1115 до н. э.) — основатель династии Чжоу (1122—247 до н. э.). Выступил против жестокого Чжоу-синя, последнего правителя династии Шан-Инь, сверг его с престола и основал новую династию. Как и другие, упомянутые здесь государи, считается идеальным правителем.

У-ди — император династии Хань (правил 140—87 до н. э.).

У-ди (Сяо Янь, 464—549) — император династии Лян (502—556), поэт и прозаик, прославившийся своей приверженностью буддизму.

Улинский Персик. — Улин — это местность в китайской провинции Хунань, с которой связана утопия Тао Цяня. См. «Персиковый источник».

«*Уложение Чжоу*» (Чжоу ли) — наиболее ранний китайский законодательный памятник (не позднее VII в. до н. э.), включенный в конфуцианский канон.

Утка с селезнем — древний символ супружеской любви и верности.

Ушань-гора — гора в местности Янтай древнего царства Чу. По

легенде, государь этого царства Сян-ван встречался здесь с небесной феей, которая вечером приходила на любовные свидания, нисходя в виде дождя, а утром взмывала в виде облака. Встречи на Янтай стали поэтическим обозначением любовного свидания.

Фань Уци (ум. 246 до н. э.) — полководец, бежавший от циньского деспота в соседнее владение. Когда было задумано убийство деспота, Фань Уци пожертвовал собою, чтобы Цзин Кэ, на которого была возложена эта задача, мог заслужить доверие деспота, принеся голову его злейшего врага.

Фаньчуань — река к югу от древней столицы Китая Чанъань (ныне Сиань).

Фу Чжэн — китайский государственный деятель времени правления императора Жэнь-цзуна (1023—1064).

Фу-си — мифический правитель Китая, якобы научивший китайцев многим искусствам и ремеслам. В числе других нововведений ему приписывается изобретение письменности, а также рыболовных сетей. По некоторым легендам, имел голову быка.

Фэйвэй, чжунъю... — фантастические животные, упоминаемые в древних географических описаниях Китая «Книге гор и морей», «Книге вод» и в старинных фантастических новеллах.

Ха Вичжи (1387—1456) — известный корейский ученый и государственный деятель, один из шести сановников, казненных узурпатором Сечжо. Узнав о казни Ха Вичжи, его сын покончил с собой.

Хакгун. — См. *Пангван*.

Халлим — высшее ученое звание; здесь — секретариат государя.

Хам Учхи (1408—1479) — корейский государственный деятель.

Хан Кёнги (1472—1529) — государственный деятель, был близок ко двору, постоянно пользовался синекурами.

Хан Чонъю (1287—1354) — корейский государственный деятель и литератор (псевдоним Покчже), был наставником наследника престола. Известно его «Собрание сочинений Покчже»; сложенная им песня «Тополевый цвет», о которой сказано в рассказе, упоминается в «Истории династии Корё» (составлена в XV в.).

Ханган — река в Корее, на которой расположен город Сеул.

Хань — династия, правившая в Китае (209 до н. э. — 220 н. э.).

Хань Туйчжи (Хань Юй, 768—824) — великий китайский поэт, публицист, философ, у которого есть произведение «Что значит „поймали цилиня“».

Хо Сон (1382—1442) — корейский ученый и государственный деятель.

Хон Юнсон (1425—1475) — корейский военный и государственный деятель.

Хорён — великий князь, старший брат Сечжона.

Храм Совершенномудрого при Школе. — При государственных школах в Китае и Корее обязательно был храм Конфуция (Совершенномудрого), где стояла его статуя и совершались жертвоприношения.

Ху — племена на северо-востоке древних китайских земель.

Хуан-ди — легендарный император, якобы правивший Китаем в III тыс. до н. э. Считается основателем наук и ремесел.

Хуаяньцзин (Буддха-аватамсака-сутра) — одно из основных произведений буддийского канона. Содержанием сутры является рассказ о множественности миров и обитающих в них будд, составляющих как бы цветочную гирлянду, украшающую вселенную.

Хэ Сунь (ум. ок. 517) — китайский лирический поэт, особенно знаменитый стихами, воспевающими цветение сливы.

Хэдон (Страна к востоку от моря) — одно из названий Кореи.

Цай Лунь (?—121) — глава императорских мастерских, в 105 г. предложил состав бумажной массы и впервые изготовил бумагу, успешно заменившую как материал для письма дорогой шелк и громоздкие бамбуковые планки.

Цзе (Цзе-гуй) — последний император династии Ся (2033—1562 до н. э.), один из известных тиранов китайской древности.

Цзи — жанр китайской литературы, памятная запись о каком-либо событии или деянии.

Цзи Кан. — См. *Мудрецы из бамбуковой рощи.*

Цзин Гэ (I в. н. э.) — во время смуты как почтительный сын нес на спине свою старую мать, пытаясь убежать от разбойников. Когда разбойники настигли их, он умолял отпустить его, чтобы он мог заботиться о матери. Впоследствии, после ее смерти, поступил на службу и достиг высоких чинов.

Цзин Кэ (ум. 227 до н. э.) — сановник в царстве Вэй. Когда Вэй было уничтожено царством Цинь, он пытался убить циньского правителя (будущего Цинь Шихуана). При переправе через реку его сопровождал Цинь Улян — он должен был встречать Цзин Кэ, услышав мотив условленной песни. Покушение не удалось, и Цзин Кэ был убит.

Цзинь — династия, правившая в Китае (265—420).

Цзицзы. — См. *Кичжа*.

Цзы-лу (Чжун Ю, 572—480 до н. э.) — ученик Конфуция. Конфуций давал ему советы, как вести себя с людьми, он выступал также против ловли птиц силками, рыбы — сетями, считая это безнравственным.

Цзы-чань (Гуньсунь Цяо, ум. 522 до н. э.) — сановник царства Чжэн, своим умелым управлением приведший Чжэн к расцвету.

Цзюань — единица подсчета объема книги (глава, тетрадь), первоначально — свиток.

Цзюньцзы — совершенный муж, во всем следующий конфуцианской этике.

Цзян-тайгун (Великий астролог Цзян) — легендарный помощник Вэнь-вана и У-вана (XII—XI вв. до н. э.), основателей династии Чжоу. По преданию, был рыбаком на р. Вэйшуй. Вэнь-ван при встрече оценил его государственный ум, и Цзян стал ближайшим советником У-вана и его сына Чэн-вана.

Цзя-шэн (Цзя И, 200—168 до н. э.) — известный ученый и политический деятель, выдвинувшийся еще в студенческие годы. Его кисти принадлежит ряд сочинений по конфуцианской этике, натурфилософии, политике. В частности, им был преподнесен императору Вэнь-ди трактат «Политика общественного спокойствия».

Ци — древнее китайское владение на территории современной провинции Шаньдун.

Цин — маньчжурская династия, правившая в Китае (1644—1911).

Цинь — китайская семиструнная цитра.

Циньские бедствия. — При династии Цинь (241—207 до н. э.) были сожжены все книги, сочтенные бесполезными, и подверглись гонениям и казням их авторы и распространители.

Цюаньчжоу — округ в Китае танского времени (нынешняя провинция Фуцзянь).

Цюй Юань (ок. 340—278 до н. э.) — великий китайский поэт; оклеветанный придворными, был сослан, написал поэму «Лисао» («Скорбь изгнанника»), после чего покончил с собой, бросившись в реку «с камнем в объятиях».

Цянь-лун — император династии Цин (правил 1736—1795).

Цяньтан — старинное название современного города Ханчжоу.

Цянь-фэн — девиз, под которым правил в 666—668 гг. танский император Гао-цзун; второй год правления — 667 г.; этому же году соответствует год ы л ь м и (в корейском чтении).

Ча — мера длины, равная 32 см.

Чан — мера длины, равная 3,2 м.

Чан Ю (1587—1638) — корейский государственный деятель, ученый, литератор, каллиграф; был тестем государя Хечжона (1650—1659). Во время маньчжурского нашествия (1637) настаивал на покорении маньчжурам, впоследствии добровольно отказался от службы.

Чанша — место самоубийства великого китайского поэта Цюй Юаня, об «одинокой душе» которого говорится далее в стихотворении.

Чао Фу — отшельник, отказавшийся принять трон от легендарного императора Яо (III тыс. до н. э.) и удалившийся в горы.

Чеан — великий князь, сын корейского государя Ечжона, правившего в 1469 г.

Человеческое дао. — В китайских философских учениях важное место занимает понятие дао — истинного Пути, которому должны следовать люди в своих делах. В данном случае имеется в виду половая связь, как предначертанная самим Небом.

«*Черный вихрь*» — прозвище Ли Куя, одного из главных героев китайского классического романа «Речные заводи»; человек необыкновенной силы.

Черный Дракон. — По преданию, при династии Цзинь (365—420) некто Чжан Жань имел пса по кличке Черный Дракон (У-лун). Жена Чжан Жаня вступила в связь с рабом в доме, и они решили убить хозяина. Пес по знаку хозяина бросился на раба и спас Чжан Жаня. Раб и женщина были казнены.

Чесок (Индра) — верховное буддийское божество, творец и властелин мира.

«*Четверокнижие*» — четыре книги конфуцианского канона, составлявшие основы старого образования: «Великое учение» (Да сюэ), «Неизменная середина» (Чжун-юн), «Суждения и беседы» (Луньей) и «Мэн-цзы».

Чечжу — самый крупный из корейских островов у южной оконечности Корейского полуострова.

Чжан — мера длины, равная ок. 3,2 м.

Чжан Сюй (V в.) — чиновник, прославившийся душевной чистотой, честностью и бескорыстием. Император посадил перед дворцом иву, с красотой которой сравнивал душевный облик Чжан Сюя. В тексте двусмысленность: по-китайски «разврат» и «облик» — разные значения одного слова.

Чжан Тан (ум. 115 до н. э.) — выдающийся законодатель, один из авторов свода законов периода Хань.

Чжан Юньгу — китайский государственный деятель и литератор, советник императора Тай-цзуна (627—649). Тай-цзун очень ценил Чжан Юньгу, однако последний позволил себе критиковать действия императора, за что и был казнен. Здесь Яннён шутит: корейский государь Сечжо не мог убить китайца Чжан Юньгу, тем более что тот жил чуть ли не на тысячу лет раньше.

Чжаньчацзин — буддийское сочинение (сутра), включающее в себя перечисление различных видов воздаяния и наказания за содеянное и рекомендации, как избежать наказания и добиться благого воздаяния.

Чжао (Чжао Чжоу, 778—897) — знаменитый буддийский проповедник, последователь учения секты Чань (созерцателей).

Чжао Наньсин — начальник ведомства чинов при императоре Си-цзуне (1621—1628), умер в изгнании. Здесь — безделушка в виде железного посоха.

Чжоу — династия, правившая в Китае (1122—247 до н. э.).

Чжоуские песни. — Имеется в виду древнейшее собрание китайской лирической поэзии «Книга песен» (Шицзин). Сборник составлен в первой половине I тысячелетия до н. э. при династии Чжоу и отредактирован Конфуцием. Входит в конфуцианский канон.

Чжуан-цзы (Чжуан Чжоу, 369—286 до н. э.) — философ и писатель древнего Китая, в книге которого есть знаменитая притча о «бабочке во сне», изложенная в данном рассказе.

Чжугэ Лян (181—234) — знаменитый китайский полководец, хитрость которого вошла в поговорку. Лю Бэй, правитель царства Шу, желая пригласить его на службу, трижды приходил в его отшельническую хижину и лишь после этого получил согласие.

Чжун — древнекитайская мера сыпучих тел, равная ок. 40 л.

Чжэн — древнее китайское владение на территории нынешней провинции Хэнань.

Чжэн-дэ (1506—1521) — девиз годов правления императора У-цзуна династии Мин. В Корее, которая номинально находилась в вассальной зависимости от Китая, обычай датировать события годами правления китайских императоров был заимствован в VII в.

Чжэн-хэ (1111—1117) — девиз годов правления императора Хуй-цзуна (1101—1125).

Чиге — приспособление для переноса тяжестей на спине.

Чинпхё (VIII в.) — выдающийся деятель корейского буддизма.

Чинпхён — государь Силла (правил 579—631).

Чинса — ученое звание.

Чинхан — одно из трех (другие два — Махан и Пёнхан) племенных объединений в древней Корее.

Чистые земли. — См. *Сукхавати*.

Чо Пан (1341—1401) — корейский государственный деятель, имевший заслуги в становлении династии Ли. В возрасте двенадцати лет отправился с отцом в Китай; знаток китайского и монгольского языков.

Чо Сонгви (1638—1689) — корейский ученый и литератор, разрабатывал конфуцианскую натурфилософию, знаток экономической науки. Предположительно является автором романа «Записки о добрых деяниях и благородных сердцах». (См. одноименное издание в русском переводе, Л., 1985.)

Чо Унхыль (1331—1404) — государственный деятель и литератор. Под смутой здесь подразумевается мятеж военачальника Ли Сонгэ против династии Корё. Борьба Ли Сонгэ закончилась его победой, и он стал основателем новой династии — Ли, правившей в Корее более шести столетий.

Чокжа — картины и каллиграфические надписи на полосках шелка или бумаги; вывешивались вертикально на стенах.

Чон Мончжу. — См. *Пхоын*, князь *Мунчхун*.

Чон Чисан (?—1135) — выдающийся корейский поэт, по его рекомендации монах-геомант Мёчхон был назначен советником государя Инчжона (1123—1146). В 1135 г. Мёчхон возглавил антиправительственный мятеж, и Чон Чисан, обвиненный в причастности к мятежу, был казнен первым министром Ким Пусиком, который, по преданию, завидовал его поэтическому таланту.

Ч о н м ё — 667 г.

Чоннан — должность чиновников 9-го и 11-го рангов.

Ч о н с а — 1617 г.

Чонъан — великий князь, сын государя Тхэчжо, правил под именем Тхэчжоя (1401—1418).

Ч о н ъ ю — 757 г. и 937 г.

Чунмё — посмертное имя государя Чунчжона (1506—1544).

Чуский узурпатор. — Имеется в виду Сян Юй (232—202 до н. э.), правитель области Чу (в нижнем течении р. Янцзы). Китайские исторические легенды считают его узурпатором, пытавшимся захватить власть во всей стране.

Чхампхан — помощник начальника ведомства; эту должность обычно

занимал чиновник 4-го ранга.

Чхве Ён (1316—1388) — корейский военачальник и литератор.

Чхве Хан (1409—1474) — корейский ученый, писатель, государственный деятель; состоял в «Палате собрания мудрых», принял участие в создании корейской национальной письменности.

Чхве Чхивон (857—?) — государственный деятель и первый крупный писатель Кореи; учился, держал экзамены и служил сначала в Китае, затем в Корее.

Чхи (чхок, чхон) — мера длины, равная 3,2 см.

Чхунсон — государь династии Корё (правил 1309—1313).

Чхунхэ — государь династии Корё (правил 1331—1344).

Чэнь Чжунцзы (IV в. до н. э.) — чиновник, отказавшийся от предложенной ему должности в уделе Чу и живший с женой вдали от людей, питаясь природными дарами.

Чэнь Чжунцзюй (Чэнь Фань, ?—168) — сановник периода Поздняя Хань (23—220). Легенда гласит, что еще ребенком он однажды не прибрал дом, когда его отец ожидал в гости важную особу. Вельможа спросил, почему помещение не подметено. Тот ответил, что его дело — не уборка дома, а служение всей Поднебесной.

Чэнь Юй (ум. 204 до н. э.), *Чжан Эр* (ум. 202 до н. э.) — полководцы династии Цинь, в конце ее правления подавили восстание Чэнь Шэна. Впоследствии Чжан Эр перешел на сторону основателя династии Хань Лю Бана и участвовал в разгроме Чэнь Юя.

Шакьямуни — монашеское имя Будды.

Шаньхайгуань — пограничная крепость у восточного конца Великой стены на берегу моря. Через эту заставу в 1644 г. маньчжуры вошли в Китай.

Шао Бо и Сюаньцзы. — По преданию, Шао Бо, министр княжества Чжоу (1122—247 до н. э.), инспектируя южные земли, жил однажды под рябиновым деревом. Местные жители очень полюбили его, относились с почтением к дереву и сложили песню; здесь — слова этой песни. По преданию, Хань Сюаньцзы, посол княжества Цзинь (265—420), отправился в княжество Лу. Однажды он похвалил деревья в саду Цзи Уцзы, на что последний сказал, что будет хорошо ухаживать за этими деревьями, раз они понравились Хань Сюаньцзы, чтобы еще больше укрепить дружбу между двумя государствами.

Шестнадцать арханов. — Архан (или архат) — буддийский святой, достигший высшего совершенства и готовый к тому, чтобы стать буддой.

Шестнадцать арханов — наиболее достойные ученики Будды, временно оставленные им в мире людей для сохранения чистоты веры. В различных буддийских монастырях в иконостасах бывают разные наборы арханов — числом до пятисот.

Шесть начал природы — ветер, жар, сырость, огонь, сушь, холод.

Шицзин — древнейшая китайская книга песен. (См. *Чжоуские песни*.)

Шицзян — должность чиновника 7-го ранга в личном кабинете государя; исполнял обязанности лектора.

Школа. — Вероятно, имеется в виду Центральная конфуцианская школа в Сеуле — одна из четырех таких школ в столице (три другие — Восточная, Южная и Западная). Эти школы (Сахак — «Четыре школы») были учреждены в 1411 г.

Школа Кукхак. — См. *Пангван*.

Школа Ньютоу — ответвление буддийской школы Чань, основанное Фа-жуном (594—657) в середине VII в. Получила свое название по горе Ньютоушань в провинции Аньхуй, южнее Нанкина, где Фа-жун жил отшельником.

Шоуян — название древнего уезда в провинции Аньхуй. Шоуянская царица — титул дочери сунского императора У-ди (420—422). По преданию, лепестки сливы упали ей на лоб, прилипли и образовали цветок из пяти лепестков. В подражание этому женщины стали делать украшения из цветов сливы.

Шу и Ба — древние области, располагавшиеся на территории нынешней китайской провинции Сычуань.

Шуцзин — древнейшая книга исторических записей, вошедшая в конфуцианский канон.

Шунь. — См. *Яо и Шунь*.

Шэньнун — легендарный правитель Китая в древнейшие времена, культурный герой, которому приписывается изобретение земледелия и ремесел.

Шэнь-цзун — император династии Сун в Китае (правил 1068—1085), в его правление проводились знаменитые реформы Ван Аньши.

Ыйсан (625—702) — выдающийся деятель буддизма, основатель секты Хваом (кит. Х у а я н ь) в Корее.

Экзамены. — Экзамены на право занятия государственной должности или получения ученого звания были введены в Корее в 958 г. Проводились в столице и провинциях, на них проверялись знания конфуцианского

канона, истории, литературы.

Эпоха «Весен и осеней» (722—481 до н. э.) — период, описанный Конфуцием в его сочинении «Весны и осени» (Чуньцю). В значительной части сочинения говорится об усобицах, преступлениях, мести и т. п.

Ю Ынбу (?—1456) — известный корейский военачальник и литератор, один из шестерых, казненных узурпатором Сечжо.

Юань — монгольская династия, правившая в Китае (1279—1368), а также название китайского государства в этот период.

Юань Жан (конец VII в.) — китайский сановник, тяготившийся службой при наследнике престола и при первой возможности ушедший со службы и перебравшийся в деревню.

Юань Сюань — один из учеников Конфуция, по преданию, был очень беден.

Юань-ди — китайский император (правил 48—33 до н. э.).

Южные и Северные династии (420—581) — период разделения Китая на север и юг, причем китайская власть была на юге, а на севере правили иноземные «варварские» императоры.

Юй (конец III тыс. до н. э.) — легендарный правитель Китая, основатель династии Ся (XXI—XIX вв. до н. э.). Легенды считают его время идеальным периодом, когда звуки свирелей были слышны от деревни к деревне.

Юн. — Может быть, имеется в виду *Юн Хве* (1380—1436) — известный корейский ученый, писатель и государственный деятель. За чрезмерное пристрастие к вину Юн Хве был прозван Винолюбом. Государь Сечжо запретил ему выпивать более трех чарок на банкетах, так он, говорят, выпивал по три больших посуды.

Юшэньгуань — даосская кумирня на центральной улице тогдашней столицы Китая Бяньляна (ныне Кайфэн).

Ян Манчхун (VII в.) — корейский военачальник государства Когурё; обороняя крепость Аннисон, разбил войско танского императора Тайцзуна.

Ян Чэнчжай (Ян Ваньли, 1127—1206) — один из крупнейших поэтов нашего тысячелетия. Воспевал природу и радости сельской жизни.

Ян Шэнь (1488—1559) и *Сюй Вэй* (1521—1593) — литераторы периода Мин. Первый из них известен как сочинитель стихов и песен в народном стиле, второй — известный драматург.

Янбан — представитель высшего сословия в старой Корее.

Яннён — великий князь, старший сын государя Тхэчжона (1401—1418), старший брат государя Сечжона (1419—1450). За предосудительное поведение был лишен права наследования престола и отправлен в изгнание. Увлекался музыкой, был хорошим поэтом и каллиграфом.

Янчжоу — некогда процветавший город в нижнем течении р. Янцзы в Китае (нынешняя провинция Цзянсу). Выражение «отправиться в Янчжоу» означает — добиться большого успеха (выдержать экзамен, получить должность и т. д.). По преданиям, на журавлях летали небожители.

Янь и *Юэ* — древнекитайские царства, располагавшиеся одно на севере (Янь, в районе нынешнего Пекина), другое на юге (Юэ, в районе современного Гуанчжоу).

Яо и *Шунь* — китайские легендарные идеальные государи, правление которых традиция относит к концу III тысячелетия до н. э. Согласно легенде, оба отказались от передачи трона прямым наследникам, выбрав для этого наиболее способных из своих помощников (Яо — Шуня, а Шунь — Юя). При легендарном Яо жил не менее легендарный разбойник (Дао) Чжэ, пес которого лаял даже на добродетельного Яо.

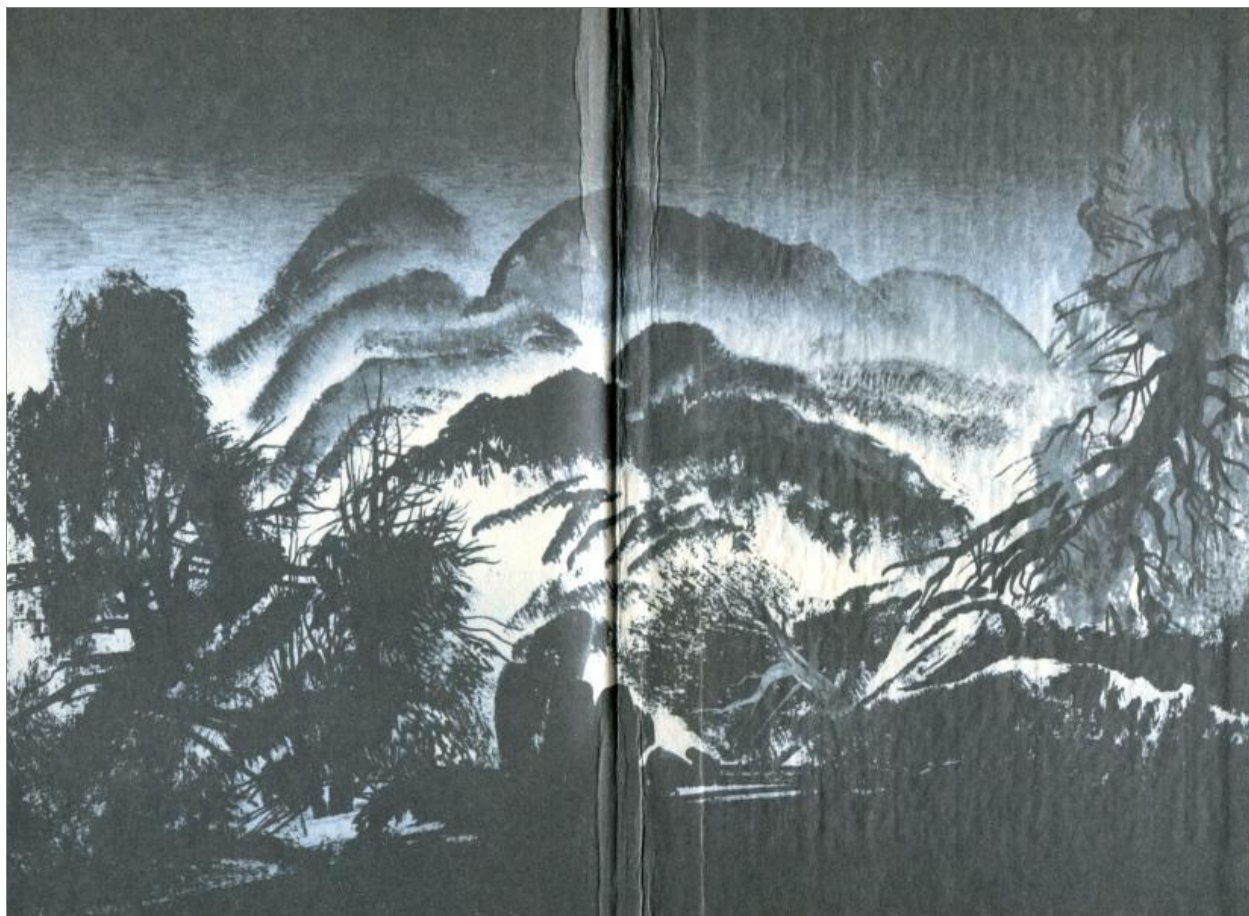
Яотай (Яшмовая терраса) — одна из обителей бессмертных в китайских легендах.

Яшма «бирюзовая, словно вода» — образное название горного хрусталя. По древним «Записям о ритуале» (Ли цзи), подвески из «бирюзовой воды» носили на поясе придворные сановники в ранге дайфу.

Яшмовый зал — центральное строение в буддийском храме, где помещается изображение Будды и совершаются богослужения.

Яшмовый пруд. — По китайским преданиям, на берегу этого пруда у горы Куньлунь, расположенной на западе, стоит Яшмовый дворец — жилище богини Запада — Сиванму.

Д. Елисеев, Л. Меньшиков

notes

Примечания

Перевод А. Кабанова, кроме стихов, отмеченных *.

Перевод Н. Голя.

Перевод Ю. Кроля.

Перевод Г. Ярославцева.

Перевод Н. Голя.

Перевод стихов Н. Голя.

Перевод А. Штукина.

Перевод А. Штукина.

Перевод стихов Н. Голя.

Перевод стихов Н. Голя.

11

Перевод А. Штукина.

comments

Комментарии

...свет от белого волоска... между бровей Будды... — В буддизме одним из признаков Будды является белый волос, излучающий свет (урнакеша) и помогающий людям прийти к высшему прозрению.

...окончательно ушли от мира... — Среди последователей буддизма есть две категории верующих: миряне, не порвавшие с миром, семейной жизнью, но соблюдающие первые пять заветов (не есть мяса, не убивать живого, не лгать и т. д.) из общего числа десять; и монахи, порвавшие с миром и семьей и соблюдающие все десять (в том числе есть только пресную пищу, питаться подаянием и т. п.).

...года к и ю, на третьем году эры Цзин-лун. — В старом китайском календаре существует два способа обозначения годов: по знакам 60-летнего цикла (год к и ю 47-й в цикле) и по девизам годов правления («эрам») императоров. Под девизом Цзин-лун в 707—708 гг. правил танский император Чжун-цзун (на троне 705—708). Год к и ю, третий год девиза, соответствует 709 г.

...на втором году царствования под девизом «Вечная чистота» — 683 г. Под девизом «Вечная чистота» (Юн-чунь) правил в 682—683 гг. танский государь Гао-цзун (650—683).

...назначил *ведать музыкой*. — См. *Музыкальная палата*. «Ведать музыкой» здесь, вероятно, означает — быть начальником Музыкальной палаты.

...вместе с кожей ведал писаниями... — Изобретение китайской письменности приписывается мифическому правителю Фу-си, а изобретение бумаги — Цай Луню. До изобретения бумаги писали на бронзе, костяных пластинках, бамбуковых дощечках, шелке. Здесь под кожей, вероятно, подразумеваются кожаные шнуры, которыми связывались в «книги» бамбуковые пластинки (ни в Китае, ни в Корее на коже или пергаменте не писали).

...подражая бессмертным, отправился на гору Гучэншань... — Гучэншань — гора на северо-востоке Китая, в провинции Шаньдун. По преданию, некий бессмертный явился к соратнику первого ханьского императора Гао-цзу Чжан Ляну и вручил ему книгу, ставшую знаменем возвышения династии Хань, а сам превратился в Желтый камень под горой Гучэншань.

...даже глиняный идол надо мной смеялся. — Намек на жизнеописание Мэнчань-цзюня (III в. до н. э.) в «Исторических записях» Сыма Цяня (145—68 до н. э.). Мудрец Мэнчань-цзюнь собрался ехать к циньскому правителю Чжао-вану, все его отговаривали, но он никого не хотел слушать. Тогда один из его друзей сказал: «Ныне на рассвете вышел я из дома и увидел беседовавших между собой деревянного и глиняного идолов. Деревянный и говорит: «Идет дождь, он вас разрушит». На это ему отвечает глиняный: «Я возник из земли. И если разрушусь, то снова вернусь в землю. Если вас теперь унесет небесный дождь, то вы не знаете, где найдете пристанище». Цинь — это земля тигров и волков. И вы хотите туда отправиться! Коль случится так, что вы не сможете вернуться, не будете ли вы достойны насмешки глиняного болвана?...»

...в этот день запрещалось упоминать имя нашего первого государя... — Возможно, имеется в виду день кончины основателя династии Корё Тхэчжо (правил в 918—943).

...опирается на духа Большой Медведицы... — В китайской астрологии звезды и созвездия олицетворялись. Обычно они изображались в виде божеств, духов. Божество Большой Медведицы называли также Семизвездным князем.

...*Кто косточки от сливы... проглотил?* — По преданию, Ван Жун (см. *Мудрецы из Бамбуковой рощи*) отличался непомерной скупостью и, чтобы соседи не могли вырастить такую же прекрасную сливу, как у него, якобы проглатывал косточки либо разбивал их.

...попал на самую окраину провинции Пхёнандо. — То есть в самый северный район Кореи.

В начале правящей ныне династии... — Имеется в виду династия Ли (1392—1910).

...побывал я в стране *Западных Небес*... — Здесь подразумевается Индия — родина Будды.

...открыто поглощал и мясо, и рыбу. — По буддийскому вероучению, запрещается убивать животных, монахи не должны есть животную пищу.

...мой *тесть* *кон* *Ан*... — *Кон* — высший титул дальневосточного «дворянства», князь; титул присваивался также особо заслуженным государственным деятелям. Автор рассказа, Сон Хён, действительно был женат на женщине из семьи *Ан*, однако участие его тестя (который был и правителем уезда *Лимчхон*, и занимал более высокие посты в государстве) в этом фантастическом событии является не более как специфическим приемом литературы — стремлением так или иначе «документировать» событие, создать иллюзию его достоверности.

...велел доложить о заговоре. — Имеется в виду начальный период правления династии Ли, отмеченный борьбой за власть между сыновьями основателя династии Тхэчжо, в результате которой великий князь Чонъан становится государем.

Мерно часы капли роняют... — Подразумеваются древние часы, основанные на принципе истечения воды по каплям из специально изготовленного сосуда; в Корее появились в VIII в.

...ваша страна отличается высокой нравственностью! — С древнейших времен в Китае очень большая роль отводилась музыке: ею сопровождались различные ритуалы, обряды. Музыка была тесно связана со всей этической системой Конфуция, который полагал, что она служит воспитанию человека. Поэтому Сон Хён и приказал тайком от китайских послов играть на музыкальных инструментах, чтобы послы сами убедились, что и Корея — «страна высокой нравственности».

В одиннадцатый год своего правления... — В 1466 г.

...свалил на каменные ступени храма битых зайцев и фазанов... — То есть совершил кощунство против буддийской веры, запрещавшей убивать все живое.

...наполняли... чаши испражнениями... и вливали в рот болящим! —
Разведенный в воде человеческий кал («золотой суп») считался в народе лекарственным средством при желудочных заболеваниях.

...играли на флейте под луной?! — Намек на древнюю китайскую легенду о флейтисте Сяо Ши и его возлюбленной Лун-юй — дочери правителя удела Цинь Му-гуна (1001—947 до н. э.). Сяо Ши обучил игре на флейте Лун-юй, и однажды фениксы, привлеченные дивной игрой влюбленных, унесли их в неведомые дали.

...прислуживать вам с метлой и совком. — Иносказательное выражение, означающее «быть вашей женой».

Я, наложница... — выражение, употребляемое женщинами в разговоре с мужчинами.

У дочки Хуана в саду... — строка из стихотворения Ду Юаньмэя (Ду Фу).

Крышу, где селезень с уткой в ладу... — Вероятно, имеется в виду крыша, на которой цветной черепицей выложено изображение утки с селезнем.

...ломаешь там ветки сандала... — образное выражение, означающее недозволенное любовное свидание.

...прошлась по росе и подол замочила... — То есть потеряла добрую репутацию, вступив в любовную связь.

...стану обиженным духом. — По поверьям, человек, умерший насильственной смертью и не похороненный, или же умерший с обидой в сердце, становится обиженным, злым духом, который старается причинить зло людям.

...держал в руках каноны и разные книги. — Имеются в виду конфуцианские канонические книги — «Книга песен», «Книга преданий», «Книга перемен», «Беседы и суждения» и др., а также труды китайских историков.

Мост навели сороки... — По легенде, раз в году сороки из своих хвостов составляют мост через Небесную (Серебряную) Реку (Млечный Путь), чтобы влюбленные небесные Пастух и Ткачиха могли встретиться.

...как *Гуан относилась к Хуну*... — Мэн Гуан очень любила своего мужа Лян Хуна (I в. н. э.) и в знак почтения и любви, прежде чем выпить вино, поднимала свою чашу до бровей.

...остановит коня чужеземного недруга... — Намек на сыновей китайского князя Гучжу-цзюня (XIII в. до н. э.) Бо-и и Шу-ци. Умирая, князь назначил своим преемником Шу-ци, но тот отказался от княжения в пользу брата. Бо-и, чтя волю отца, также не принял власти. Братья покинули свою родину, княжество Инь, и поступили на службу к государю княжества Чжоу, У-вану. У-ван вскоре начал войну против Инь, братья всячески старались помешать ему, — «остановить коня чужеземного недруга», — однако У-ван покорил Инь. Братья, не желая служить врагу своей родины, удалились в горы и там умерли от голода.

...кто бросится в море, но не покорится завоевателю. — По преданию, полководец княжества Ци в период «Борющихся царств» (V—III вв. до н. э.) отправился в княжество Чжоу, на которое как раз напало княжество Цинь. «Я скорее утоплюсь в море, — воскликнул полководец, — чем покорюсь циньцам!» И войска Цинь были отброшены.

...отец и сын жизнь отдали ему. — См. Ха Вичжи.

Плачет жалобно кукушка. — Намек на китайское предание, согласно которому правителя древнего княжества Шу Ван-ди посетил однажды Кай-мин, житель княжества Цзинь. Потрясенный высокой нравственностью Кай-мина, Ван-ди уступил ему трон, удалился в Западные горы, где, на чужбине, и скончался. Это было во второй луне, когда кукуют кукушки. По преданию, тоскующая по родине душа Ван-ди вселилась в кукушку, кукование которой — «бу жу гуй» — звучит так же как «лучше вернуться».

При нем царила стихия дерева... — По традиционным представлениям, каждая династия правила под знаком одного из пяти первоэлементов, «стихий», и духовная сила государя связывалась с одним из них.

Он хлестнул красным бичом... — Мифический китайский правитель Шэньнун (III тыс. до н. э.), якобы научивший людей земледелию («Божественный земледелец»), составил также первую книгу о лекарственных травах. По преданию, он определял целебные и ядовитые травы, ударяя по ним волшебным красным бичом.

...в танских стихах об этом сказано... — Имеются в виду стихи китайских поэтов эпохи расцвета литературы при династии Тан (618—907).

...шанский Тан помощь имел от И Иня... — И Инь был, согласно легенде, верным помощником Чэн Тана, основателя династии Инь — Шан (см. *Иньский Тан*).

...циский Хуань — от Гуань Чжуна... — Правитель области Ци (в современной провинции Шаньдун) Хуань-гун (685—643 до н. э.) опирался в своем правлении на реформы философа-экономиста Гуань Чжуна (ум. 645 до н. э.), эти реформы вывели Ци на первое место среди других владений.

...ханьский Гао — от Сяо Хэ... — Основатель династии Хань Гао-цзу (на троне 206—195 до н. э.) в своей политике объединения страны и консолидации ее сил опирался на своего первого министра Сяо Хэ (ум. 193 до н. э.).

...Чжаоле — от Чжугэ Ляна... — У основателя царства Шу в период Троецарствия (220—264) Чжаоле-ди (Лю Бэй, 161—223, на троне 221—223) наиболее знаменитым среди его помощников был выдающийся стратег Чжугэ Лян (181—234), не знавший поражений.

...от первого императора Цинь... — То есть от циньского Шихуана (на троне 246—209 до н. э.), объединителя Китая под эгидой основанной им династии.

...начиная с императора Яо... — Государство легендарного правителя Яо носило то же название, что и империя Тан.

...случается нам иной раз обернуться Человеком... — В китайских легендах лисы выступают как оборотни, помогающие или — чаще — вредящие человеку.

...родина моя в горах Чжуншань, дом — в Дунго. — Местность и владения в древности, бывшие охотничьими угодьями правителей области Ци (в современной провинции Шаньдун). Слова из произведения Хань Юя (768—824) «Жизнеописание Кончика Кисти».

...история с лекарством бессмертия. — Намек на легенду о Хэн-э (Чан-э, Су-э), супруги легендарного стрелка Хоу И, сбившего стрелой девять из десяти показавшихся на небе солнц и за это удостоившегося пилюли бессмертия. Жена его украла пилюлю, бежала на луну, став богиней этого светила. Китайские легенды видят в тенях на луне коричное дерево, из которого изготавливают снадобье бессмертия, и зайца, толкущего это снадобье в ступе.

...в заповедниках чжоуского правителя... — В одной из песен Шицзина («Книги песен»), записанной в начале династии Чжоу (не позднее VIII в. до н. э.), упоминается об оленях, пасущихся на лугах в императорских парках.

...дровосек гадал... — В древней философской книге «Ле-цзы» (автор — Ле-цзы или Ле Юйкоу, V—IV вв. до н. э.) рассказывается, как некий дровосек не мог понять, виден ему олень, лежащий под банановыми листьями, или это сон.

...терзала печень поэта... — Намек на строку одного из стихотворений Ду Юаньмэя: «От унылых криков обезьяны слезы текут, смачивают полы халата».

...поэта, искавшего зимою Цветы Сливы... — Имеется в виду Мэн Хаожань.

...худо мне тогда пришлось. — У поэта Лю Цзунъюаня (773—819) есть притча о том, как в горах Цяньшань появился осел, ранее в этих местах не виданный зверь. Обитавший там тигр сначала перепугался, а потом освоился, загрыз и съел осла.

...чудо в котомке святого Чжана. — Имеется в виду Чжан Голао, один из восьми бессмертных в народных легендах. В своей котомке он носит сложенного бумажного осла, которого при надобности вынимает, превращает в живого и едет на нем.

...пронесся огонь из крепости Цзимо... — Легенда о победе княжества Ци над окружившими город войсками княжества Янь. Осажденные выгнали из крепости стадо волов с подожженными хвостами, и волы в ярости разогнали войско Янь.

...подобен я тому мертвому Коню... — намек на притчу о том, как князь Чжао-ван (311—279 до н. э.), правитель удела Янь, хотел приобрести коня. Его приближенные посоветовали ему купить отменного скакуна за тысячу цзиней (золотых монет), но пока накопили деньги, конь уже издох. Здесь Конь уподобляет себя этому легендарному скакуну.

...Единорога, который еще не родился... — Единорог (цилин) — мифическое благовестное животное. Здесь Мышь ставит перед Духом, как ей кажется, невыполнимую задачу: единорог еще не родился, а львы водятся в далекой Индии.

...Конфуций... бросил писать «Весны и Осени»... — Последнее зафиксированное событие в «Веснах и осенях» («Чуньцю») — появление единорога, что, по мысли автора, знаменует приход мудрого правителя.

...называют себя ваном... — Титул «ван» (царь, князь) в китайской литературе часто применяется к тиграм и драконам.

...народ государства Цинь... бежал... в страну Персикового источника. — См. «Персиковый источник».

Ивовая аллея... погубила царство Суй... — Император династии Суй Ян-ди (правил 605—617) приказал посадить ивы вдоль канала неподалеку от дворца, после чего потерпел поражение в войне с корейским государством Когурё.

...Ивовая столица... превратила древних корейцев... — Ивовая столица (Югён) — древнее название Пхеньяна. Как гласит предание, мифический основатель корейского государства Кичжа назвал так столицу, чтобы смягчить нравы жителей города.

...пес Дао Чжэ лаял и на него! — См. Яо и Шунь.

...ради Тянь Вэня... выкрал оттуда лисью шубу... — Советник в уделе Ци Тянь Вэнь, в конце IV в. до н. э. направленный в удел Цинь, был насильно оставлен на службе правителем Цинь. Подкормленный Тянь Вэнем пес украл где-то лисью шубу, шубу подарили любимой наложнице правителя Цинь и тот, по ее уговору, отпустил Тянь Вэня обратно в Ци.

Хитростью заставил Заяц Черепаху... — В китайских сказках заяц выступает как персонаж, умеющий перехитрить всех, с кем сталкивается.

...монахи издают «львиный рык»... — По легенде, Будда при своем рождении произнес голосом, подобным львиному рыку и потрясшим небо и землю: «Я единый владетель всего». Повторение монахами в молитвах этих слов также именуется «львиным рыком».

..ласточки умеют читать «Суждения и речи», а лягушки — «Мэн-цзы». — Первая книга («Луньюй») является записью бесед Конфуция и его учеников, вторая — крупнейшего последователя Конфуция Мэн-цзы (Мэн Кэ, IV—III вв. до н. э.). Обе книги входят в конфуцианский канон.

...в насмешку над жилищами дикарей. — Образ заимствован из стихов поэта Ли Шанъиня (818—858).

...отблагодарили мы Сун Ци за Бамбуковый мост... — Сун Ци (998—1061) — китайский писатель и историк, один из авторов «Истории Тан». Служил одно время по ведомству общественных работ, в числе других построек им был сооружен Бамбуковый мост через ущелье.

...Чуньюю *показали*... — Имеется в виду Чуньюй Фэнь, герой новеллы «Жизнеописание правителя Нанькэ» (см. *Сон о Нанькэ*).

На заставе Ханьгу спас я от погони Тянь Вэнь... — Когда Тянь Вэнь (см. коммент. 65) возвращался в удел Ци, на заставе Ханьгу (расположенной на границе Цинь и Ци) его разбудил крик петуха, и он смог вовремя уйти от погони.

...заставил Цзу Ти плясать от радости. — Известный государственный деятель Цзу Ти (226—321), когда еще служил на скромной должности секретаря, услышал пение петуха фазана, которое считал предзнаменованием славной карьеры (слова «пение петуха» звучат по-китайски так же, как и «славное имя»), и пустился в пляс.

«*Лучше вернуться!*» — Крик кукушки по-китайски передается словами «бу жу гуй», что звучит так же, как «лучше вернуться».

...в доме почтенного Яна... звал меня Мин-хуан... — намек на легенду о танском императоре Мин-хуане или Сюань-цзуне (713—755) и его возлюбленной из дома Ян (Ян-гуйфэй). Легенда гласит, что попугай во дворце громко кричал, чтобы предупредить императора о встрече Ян-гуйфэй с любовником.

...являлись во сне *Таньюаньцу*... — Таньюанец — прозвище китайского философа Чжуан-цзы по местности, в которой он жил.

«Чжи чжи вэй чжи чжи...» — «То, что знаешь, считай знанием, то, что не знаешь, считай незнанием, — это и есть знание» — слова Конфуция.

«Ду лэ юэ, юй чжун лэ юэ, шу лэ». — «Одному ли наслаждаться музыкой, с людьми ли наслаждаться музыкой, — что даст настоящую радость?» — цитата из книги «Мэн-цзы», вопрос философа, обращенный к князю.

Мы, Лягушки, ... живем, не вылезая из колодца. — Намек на китайскую пословицу: «Колодезные лягушки не могут рассуждать о небе» (которое кажется им маленьким и квадратным).

В старину глупец гадал... — Китайская легенда рассказывает о невежественном правителе Хуй-ди (290—307), который, услышав кваканье лягушек, спросил придворных: «Для кого они поют?»

Я наследница Золотой Птицы — — В китайской мифологии солнце едет по небу на спине трехногого ворона. Яшмовый заяц — лунный заяц (см. коммент. 49 «история с лекарством бессмертия»).

...для Пастуха и Ткачихи мост через Серебряную Реку... — См.
коммент. 32.

...императрица Люй переименовала меня... — См. Люй.

...вспомните стихи Ду Фу. — У Ду Фу (см. Ду Юаньмэй) есть «Песни о беркутах, черном и белом».

Отшельника, поселившегося в горах... — Имеется в виду поэт Линь Бу.

...у крепостных ворот Ляодуна... — История о журавле, певшем песню о бренности этого мира, есть в сочинении IV в. «Продолжение записей о духах».

Имя мое напоминает людям о мудреце... — В китайское название павлина «кунхоу» входит иероглиф «кун», фамильный знак Конфуция (Кун-цзы).

...обучалась она у Чжуан Чжоу... — Фантастическая птица пэн, как и кит (цзин), впервые встречается в сочинении «Чжуан-цзы» древнекитайского философа Чжуан Чжоу (см. *Чжуан-цзы*).

«Истинный человек Южного Китая» (Нань Хуа чжэньжэнь)... —
псевдоним философа Чжуан-цзы.

...великий Ли Бо взобрался на небеса! — Легенда гласит, что поэт Ли Бо был бессмертным, изгнанным с неба, и что он не умер, а возвратился на небеса.

...Фу-си издал закон... — Некоторыми легендами Фу-си в числе других нововведений приписывается изобретение рыболовных сетей.

...Чжуан-цзы оговорил меня... — В сочинении «Чжуан-цзы» есть глава, посвященная Богомолу и рисующая его глупцом.

Родословную веду я от Святой Девы... — Среди животных, которыми китайская мифология населила луну, есть и жаба-врачеватель. Святая Дева — фея луны Хэн-э (см. Су-э).

...у берега Юэяна, возле Терема горного солнца... — Имеется в виду башня Юэянлоу над западными воротами города Юэяна в Китае (современная провинция Хунань).

...после повторенного трижды года к ё н ч ж а... — По китайскому лунному календарю циклическое обозначение года повторяется через каждые шестьдесят лет. Год к ё н ч ж а, таким образом, после падения Мин был трижды: в 1660, 1720 и 1780 гг. К ё н ч ж а — 37-й год цикла и соответствует здесь 1780 г.

...правления под девизом Чун-чжэнь... — Годы правления последнего императора династии Мин (1628—1644), после чего Китай завоевали маньчжуры, основавшие династию Цин, просуществовавшую до 1911 г. Время после годов Чун-чжэнь — правление династии Цин.

...к востоку от реки Амнокган. — То есть в Корее.

...на четвертом году правления нашего... государя... — Имеется ввиду государь Чончжо (правил 1777—1800). Четвертый год его правления соответствует 1780 г.

...не называется «ган» (по-китайски — «цзян»). — Северные реки Китая (от Хуайхэ и севернее) имеют родовое название «хэ» (Хуайхэ, Хуанхэ и др.), южные же (включая Янцзы) именуются «цзян».

...вылив его под один из опорных столбов. — Вероятно, это действие относится к обряду жертвоприношения.

...никто даже палочек не успел взять. — Имеются в виду палочки для еды.

...отказались брить головы... — С 1644 г. в Китае воцарилась маньчжурская династия Цин, которую в Корее не признавали, в том числе отказывались перенимать «варварские» обычаи — брить головы, запахивать халат налево и т. д.

...правления ханьского... Чжао-ди под девизом Ши-юань... —
Император Чжао-ди (86—74 до н. э.) правил под девизом Ши-юань в 86—80 гг. до н. э., а под девизом Юань-фэн — в 80—74 гг. до н. э.

...государи... переносили на юг свои столицы... — Перенесение столиц на юг происходило под давлением вторгавшихся в Китай иноземцев. При династии Цзинь (264—420) это произошло в 317 г., при династии Сун (960—1279) — в 1127 г.

...под девизом *И-фэн*... — Под этим девизом в 676—679 гг. правил танский император Гао-цзун (650—684); второй год под этим девизом — 677 г.

...призвать обратно свою душу... — Согласно поверьям, душа человека на время сна покидает тело.

...один из вас... убил собственную жену! — Намек на выдающегося полководца древнего Китая У Ци (У-цзы, ум. 381 до н. э.), убившего свою жену ради военной карьеры.

...выкупил юношу из театра... — В Китае и Корее не существовало крепостного права, но был целый ряд категорий лично несвободных людей (в учреждениях или у частных лиц), которые могли быть выкуплены.

...избавить народ от нового маньчжурского нашествия. — Намек на маньчжурские нашествия в Корею в 1627 и в 1637 гг.

...посадить на престол императора Чжу. — Фамилия императоров Мин была Чжу.

...к циньскому владыке Фань Сую явился некий Цай Цзе... — Советник циньского князя Чжао-вана (295—251 до н. э.) Фань Суй, видя таланты Цай Цзе, беглеца из владения Вэй, в 266 г. до н. э. уступил ему место советника, а сам ушел на покой.